

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХOVСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО 2033

ИГОРЬ ВАРДУНАС
ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

FUTURE CORP.

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2035

СКОРО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ИГОРЬ ВАРДУНАС

МЕТРО 2033:
ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
B18

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Оформление обложки — *Илья Яцкевич*

Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Вардунас, Игорь Владимирович.

B18 Метро 2033: Последний поход : [фантастический роман] / Игорь Вардунас. – Москва : АСТ, 2015. – 352 с. – (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-088818-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй на конец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Группа отчаянных смельчаков, в поисках новой панацеи для человечества прошедшая полмира на, быть может, последней на Земле действующей атомной подводной лодке, угодила в ледяной антарктический плен. Кажется, спасения нет, и все же надежда жива, покуда жив человек. И когда над разрушенным ядерным апокалипсисом миром нависает очередная угроза, «Иван Грозный» и его команда снова выходят в море — в надежде победить, со стремлением возвратиться домой. Выходят, быть может, в свой последний поход.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д.А. Глуховский, 2015
© И.В. Вардунас, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088818-4

Das Boot, или Туда и обратно

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

На днях по служебной надобности я посетил интернет-страничку уважаемого мною журнала «Мир фантастики». И там, в архивных материалах, обнаружил статью о нашей «Вселенной». Совсем старую, датированную аж 2010-м годом. На момент ее написания серия «Вселенная Метро 2033» могла похвастаться только первыми тремя книгами и поистине наполеоновскими планами. Что ж, тем отраднее осознавать сейчас, что мы не обманулись сами и не обманули всех поклонников мира, придуманного Дмитрием Глуховским. Но речь я веду не об этом.

В упомянутой статье можно было прочитать, в частности, вот что:

«Московская подземка – лишь один из многих очагов сохранившейся человеческой цивилизации: люди продолжают жить в других крупных городах, скрываясь под толщей земли. Известны некоторые из сохранившихся наземных поселений: городок Полярные Зори на севере, питаемый энергией Кольской АЭС; деревня на Дальнем Востоке, затерянная среди дремучих лесов; поселение, возникшее возле вкопанного в землю танка; целый город, организованный моряками-подводниками. Всего не перечислить!»¹

---

¹ Шишкин В. Мир. Метро 2033 // Мир фантастики. № 80. 2010. Апрель.

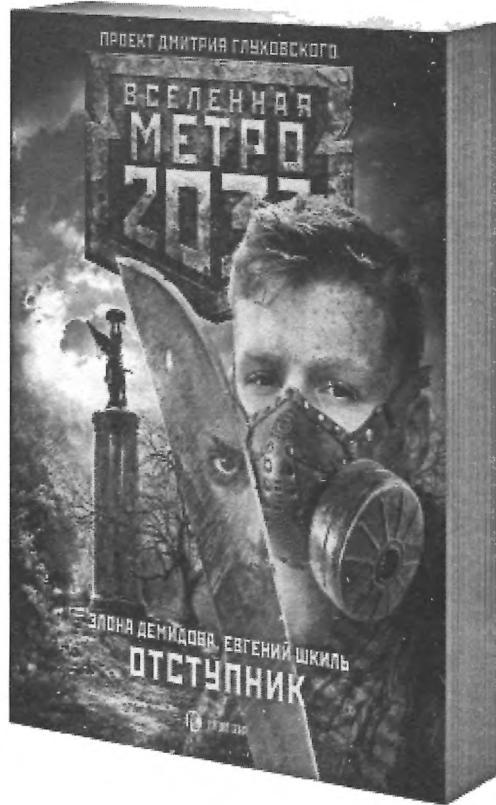
В свою очередь создатель «Вселенной» в «Объяснительной записке» к дебютному роману Игоря Вардунаса «Ледяной плен» признавался, что сам неоднократно намеревался написать что-нибудь об экипаже последней уцелевшей подводной лодки планеты. «...нет никакой необходимости в очередной раз загонять своих героев – и читателей – в метро, для того чтобы написать роман в серию “Вселенная Метро 2033”, – писал тогда Дмитрий Глуховский. – Лично мне все интереснее следить за судьбой тех, кто в 2033 году оказался на морских просторах, в степях и пустынях, в мутировавших джунглях и на тропических островах»¹.

Что ж, на сей момент Игорь не забрасывал своих героев разве что в пустыню. С другой стороны, Дмитрий не уточнял, что пустыня должна быть именно *песчаной*, поэтому нарисованные Вардунасом безбрежные ледяные просторы Арктики вполне могут сойти за таковую. А уж приключений – таинственных, жутких и даже забавных – на долю экипажа «Ивана Грозного» выпало немало, и выпадет еще. Ведь «Последний поход» начат, но далеко не закончен – перед вами только вторая книга трилогии. А значит, полюбившейся читателям с первых страниц «Ледяного плена» непоседе Лерке Степановой и ее друзьям предстоит еще множество потерь и обретений на их долгом пути по просторам мира после Великой Катастрофы. Самом важном пути, со времен античного скитальца Одиссея входящем в четыре классических сюжета мировой литературы.

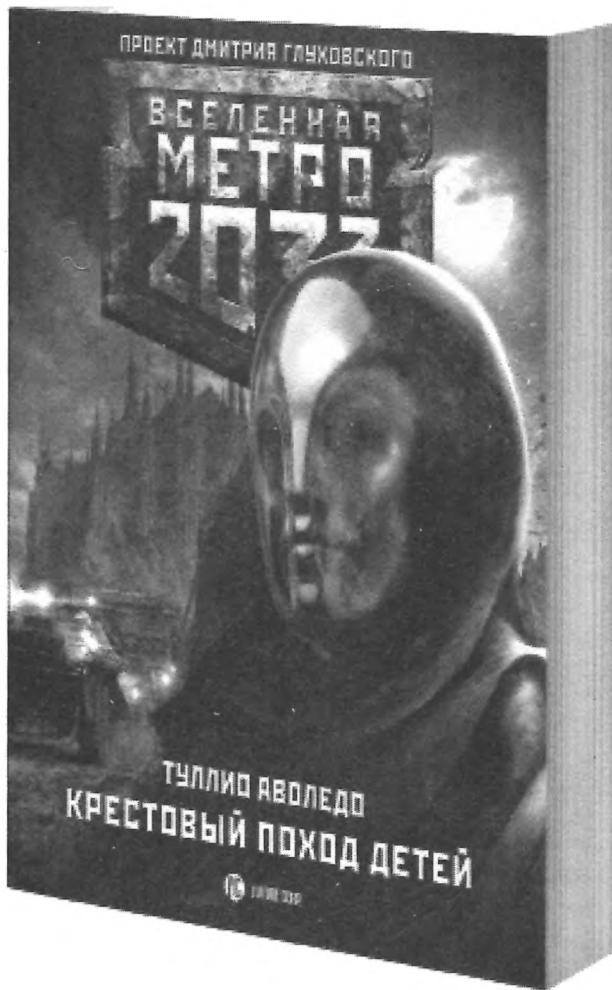
Пути домой.

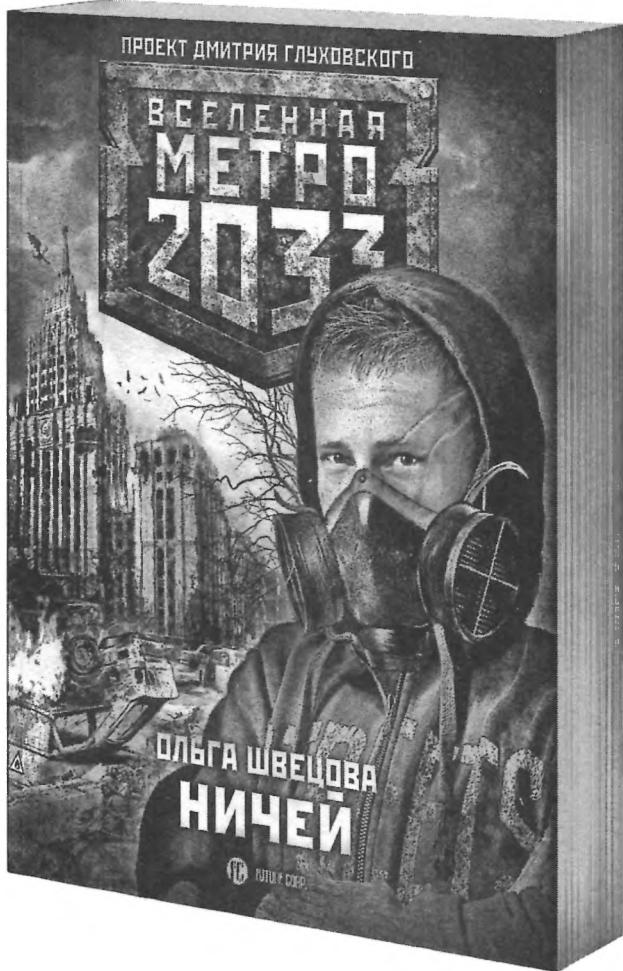
¹ Глуховский Д. Про лодки и не только (Объяснительная записка) // Вардунас И. Метро 2033: Ледяной плен. М., 2011.

Когда огонь Последней Войны опалил землю, умерло многое: прежний мир и прежние ценности, прежние боги и прежние люди. А немногие выжившие, как это часто бывает, с радостью отринули старое во имя нового. Но история человечества — змея, кусающая себя за хвост. Слишком уж часто новое — это хорошо забытое старое, и ничуть не реже это старое действительно стоило забыть. И вот уже на берегах Азовского моря возрождаются традиции древней Спарты, а в городе, чуть было не ставшем столицей Российской империи вместо Санкт-Петербурга, встает заря нового человечества. Только вот нового ли?..

История движется по спирали — и Милану грозит новый атомный апокалипсис, а дети опять собираются в безнадежный крестовый поход. Есть ли у них шанс, или, как прежде, религиозные фанатики ведут их на бессмысленную бойню? Кто истинные монстры — мутанты, захватившие разрушенный Милан, или люди, укрывшиеся под ним? Есть ли место богу там, где вера сгорела в ядерном пламени, и на чьей он стороне?

Бывает так, что пуля, которой предназначено оборвать твою жизнь, уходит в небо. Но для всех на свете — и даже для себя самого — ты мертвец. Тебя вычеркнули из всех ведомостей, планов и схем, тебя никто не берет в расчет. Ты — ничей: ни имущества, ни дома, ни имени, ни любви, ни ненависти, ни цели. Да и страха тоже давно уже нет. Ведь ты знаешь: смерть вовсе не передумала. Она просто взяла отсрочку...

Бывает так, что пуля, которой предназначено оборвать твою жизнь, уходит в небо. Но для всех на свете — и даже для себя самого — ты мертвец. Тебя вычеркнули из всех ведомостей, планов и схем, тебя никто не берет в расчет. Ты — ничей: ни имущества, ни дома, ни имени, ни любви, ни ненависти, ни цели. Да и страха тоже давно уже нет. Ведь ты знаешь: смерть вовсе не передумала. Она просто взяла отсрочку...

Маше, Никите, Еноту, а также моей маме
и всем друзьям, которые своими любовью
и вниманием поддержали меня
в непростые времена.

ПРОЛОГ

Что бы я рассказала человеку, жившему в прошлом, которого я никогда не видела?

О моей собственной жизни.

В мире, которого больше нет...

Во сне я чувствую мамины руки. Прикосновение, дыхание. Тепло. Колыбельные, которые она пела. Помню. Не знаю как. Неважно. Меня же не вспомнит никто. Одиночество и пустота. Вот наследство, которое всем нам досталось.

...Хррр-шиши-ззззз...

За что?

Если кто-то принимает сигнал, знайте – мы всеми силами пытаемся отправиться в поход, чтобы вернуться назад. Может, удастся еще кому-то помочь в этом аду. На борту хватит места... Хотя куда возвращаться, если теперь все мы сироты.

Ничего не осталось. Все уничтожили.

Зачем.

Но надежда сейчас – единственное, что делает нас людьми.

Иначе для чего жить...

Ведь правда, слышите?

Мы еще здесь. И я помню. Помню все, что случилось.

Плохое. Хорошее.

Тех, кого уже с нами нет.

Валерия Степанова. Одна из уцелевших членов команды атомохода «Иван Грозный».

Антарктический материк. Земля королевы Мод. Бывшая полярная исследовательская станция «Новолазаревская».

...з-звиу-у...

...-ое ноября. Две тысячи ...идцать ...ретьего... года...

...ш-ш-ш...

Конец св..зи...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЗМОЛВНАЯ ЗАПАДНЯ

Когда наши потомки увидят пустыню,
в которую мы превратили Землю,
какое оправдание они найдут для нас?
Айзек Азимов

Глава 1

ПЕПЕЛ

Изредка налетающие порывы промозглого колючего ветра поднимали в воздух причудливо кружасиеся россыпи искр, слизывая их с тлеющих останков зданий. Совсем недавно здесь теплился небольшой очаг жизни. Но все, к чему когда-либо прикасается человек, рано или поздно неизменно превращается в прах.

Не Бог создал ад для людей, но они в своих алчности и безумии сотворили его сами для себя. Рукотворное Чистилище, не имеющее конца и края. Безжалостно оскверненный мир, словно Эдем, навеки изгнавший из своих благоухающих кущ ослушавшихся людей, и теперь застывший, будто в обесцвеченном сюрреалистическом стоп-кадре.

Словно крохотные горстки выживших застяли в каком-то параллельном отрезке времени – антипode того мира, который теперь неохотно возвращался только в призрачных снах. Мир, по которому бродили совершенно другие хозяева да еще неугомонный ветер, своими легкими, но упорными прикосновениями стачивающий мегаполисы и дороги, заново сеющий и возвращающий, год за годом выметая с поверхности последние следы нерадивого рода человеческого.

Ветер шуршанием ворошил останки научно-исследовательской станции «Новолазаревская», поднимая мириады искр, которые, кружась, стремительно уносились все выше и выше, словно невесомые души погибших, стремящиеся на небеса.

Все знали, что через это придется пройти. Разбросанные на подтаявшем алом снегу изуродованные тела нападавших и оборонявших разрушенную с такой хладнокровной жестокостью полярную станцию должны были быть преданы земле. Или льду.

Верные хаски и обезумевшие от крови австралийские волкодавы. Бездыханная человеческая плоть друзей и врагов. Людей.

Кирки, лопаты и ледорубы размеренно вгрызались в снежный хрустальный наст, углубляя пространство под одинаковые неглубокие могилы. Убитых было много, искалеченных топорами и собачьими челюстями – еще больше.

Тела австралийских головорезов, не сговариваясь, погребли в одной большой яме, в то время как завернутых в парусину членов команды лодки и обитателей исследовательской станции решили хоронить по отдельности.

Работали молча, избегая смотреть друг другу в глаза. На «Грозном», ставшим теперь единственным пристанищем горстке выживших, оставались только Тарас, Паштет и придавленная горем многочисленных утрат Лера, которая после того, как Батон через пару дней, наконец, встал на ноги, только и делала, что сидела у себя в каюте и плакала.

В эти мгновения, вслушиваясь в приглушенные рыдания за дверью, старый охотник чувствовал, как у него разрывается сердце. Он всегда не выносил женских слез. Но поделать ничего не мог.

Мертвые не возвращаются, сколько ни зови. Только во снах или кошмарах, – но и от этого со временем можно сойти с ума.

Доверчивая, наивная девчонка этого не заслужила, но в новом изуродованном мире от понятия «счастье» остался лишь призрачный фантом, медленно испаряющийся под гнетом неумолимо напирающих друг на друга безрадостных лет.

* * *

Она снова была в море одна. Захлебываясь жгучей соленой водой и отчаянно молотя руками, Лера беспомощной пушинкой кружилась на поверхности по воле разбушевавшейся стихии. Чудовищные черные волны сб зловещим рокотом медленно накатывались одна за другой, то подбрасывая девушку вверх, то, казалось,

низвергая на самое дно внезапно расступающейся пучины. Волны поистине громадные. Словно исполинские стены, острыми верхушками царапающие низкие, подсвеченные тусклым алым заревом облака, которые сыпали неиссякаемыми потоками хлещущей по лицу колючей снежной крошки. Кромешный, беспрозрачный хаос. А кто сказал, что в аду должно быть тепло?

Утлое суденышко, на котором находились родители, то появлялось, то снова заслонялось могучей спиной очередной волны, с макушки которой свистящий ветер срывал невесомые клочья пены.

Лера точно знала, что это они. Вот машет цветастым платком опирающаяся на борт мама. Сложив ладони рупором, что-то кричит отец, но его нельзя расслышать за рокотом бушующей стихии. Лера отчаянно гребла, то увлекаемая вперед, то заново отбрасываемая назад однообразным монотонным движением водной массы. Ей нужно было успеть. Добраться до родителей, чтобы предотвратить непоправимое. Стискивая зубы, девушка сильнее работала руками, не обращая внимания на усталость и нечеловеческий холод. Вот уже близко. Совсем чуть-чуть...

Но она не успела. Судьба отвернулась, не подав руки, позволив остаться лишь беспомощной наблюдательницей.

На корму судна, где ютились родители, вскарабкался возникший прямо из пучины чудовищный австралиец-бородач, во время битвы на «Новолазаревской» пытавшийся задушить дядю Мишу. Его пылающие алым глаза безумно вращались, в развевающуюся бороду вплелись водоросли и ракушки, занесенная волосатая ручища сжимала огромный зазубренный тесак.

— Мамочка! Папа-а! — отчаянно завопила Лера, нацеливав на злодея невесть откуда взявшийся «Бизон»¹. Оружие с предательским щелчком дало осечку, и бородач, сатанински хохоча, с размаху вонзил тесак в брызнувшую кровью грудь отца. Девушка пронзительно закричала, мгновенно захлебнувшись хлынувшей в легкие ледяной соленой водой.

Дядя Миша-а!..

¹ ПП-19 «Бизон» — пистолет-пулемет 19-й модели, разработанный в 1993 году Виктором Калашниковым и Алексеем Драгуновым, сыновьями знаменитых оружейников.

Целясь в пирата, Лера резко спустила курок... и вскочила на койке.

В каюте было душно и темно. Откинув одеяло, Лера села, дрожащими, непослушными руками стянула с себя мокрую тельняшку и бросила ее на пол. Девушку сильно знобило. Кошмар. Какой уже по счету с того момента? Спустив ноги с койки, Лера провела ладонями по лицу, убирая со влажного лба и щек налипшие спутанные волосы. Будь рядом круглоголовый заведующий медблоком Колобок, он бы точно посоветовал лекарство от преследовавших ее жутких видений.

Немного посидев, Лера прислушалась к внутренним ощущениям. Ну, когда, когда же этот невыносимый ужас закончится? Почувствовав упрямо поднимающееся с низа живота острое ощущение дурноты, девушка обернулась в простынку и нетвердой походкой вышла в коридор. Увидят, ну и что. Теперь уже на все плевать. Она сама отыщет лекарство в медпункте.

Но это оказалось не так-то просто, как думалось Лере. Шаря в коробках с многочисленными блистерами и перетянутыми нитками пакетиками, читая труднопроизносимые, незнакомые названия, девушка быстро сдалась, не решившись наугад попробовать одну из сотни разноцветных пилюлок, упакованных в герметичный пластик.

И как Колобок во всем этом разбирался? Она никогда особенно и не интересовалась, привыкнув полагаться на знания медиков или аптечки лютого мародера по кличке Доза, таскавшего в Пионерский бункер всевозможные лекарства с уцелевших схронов, которые обнаруживал одному ему известным чутьем. Ну и наркоманил, естественно, понемногу, тем не менее, умудрившись родить с молодой женой вполне здорового по нынешним меркам малыша. Хорошо, что не отправился с ними в плавание, куковала бы сейчас одна. Хотя бесценные знания о таблетках Лере сейчас ой как были нужны!

Незачет, подруга. Для охотника, которым была Лера, здоровье должно стоять на втором месте, сразу же после навыков владения оружием. Нужно будет обязательно наверстать. Хорошо еще, что сейчас она не на поверхности.

Черт! Дрожащими от волнения пальцами девушка выронила пластиковый флакон, из которого во все стороны горохом прысну-

ли по полу круглые белые шарики. Искрой мелькнуло воспоминание, как рассыпала по ковру патроны в ночь побега в их с дедом квартирке.

— Чтоб тебя, растяпа, — опустившись на kortочки, Лера стала собирать таблетки обратно в баночку.

О том, чтобы колоть что-то из пятикубовых шприцев в поролоновых фиксах, хранящихся в специальных контейнерах, и речи быть не могло, — несмотря на отвагу при ловле мутантов, медицинских иголок охотница боялась, как огня. Да и опять же, понятия не имела, какое лекарство какую лечило хворь.

Что же делать? Терпеть головную боль и кошмары с каждым днем становилось все тяжелее...

* * *

«Вот что мы оставили нашим детям — гнить в подземельях без будущего, покорно ожидая своей очереди умереть от голода или болезней. Страдать непонятно за что. Ни радостей, ни интересов, кроме как укутаться в лохмотья да чего-нибудь поесть. Изо дня в день. Из года в год. Лера и про шоколад-то знала только по картинкам и паре фантиков от конфет, пристроенных когда-то под закладки в сохранившихся учебниках.

Айподы, айфоны, машины, шмотки, еда, образование, — будь то купленное или честно заученное, — вся эта банальная рутинा, казавшаяся такой нужной и незаменимой. Сейчас у человека стало больше времени прислушаться к себе. Только вот внутри у каждого теперь — пустота. Ничто не спасает от падения во мрак. На самый нижний круг рукотворного кошмара, которому нет и не будет конца». Потроша рожки с патронами, чтобы положить в опустошенные гильзы скрученные бумажки с нацарапанными именами, датой рождения и званием покойных, Батон только скрежетал зубами от собственного бессилия и в сердцах угощал стенку своей каюты ударом могучего кулака. Эх, мужики, мужики.

Тело томительно просилось напиться, но клянчить у поваров припрятанный самогон сейчас не хотелось. Вначале требовалось оказать последние почести погившим товарищам. Голова нужна была ясная, поскольку это являлось делом чести.

Да и кто присмотрит за Лерой – за несколько дней после битвы у «Новолазаревской» юная охотница сильно сдала и осунулась, плохо спала, почти ничего не ела, полностью замкнувшись в себе. В редкие мгновения, когда они пересекались в коридорах, на мужчину из-под челки и пушистых ресниц смотрели совсем другие глаза – глаза нового, резко повзрослевшего человека, с которым он еще не был знаком.

Человека, который, спасая его жизнь, одним нажатием спускового крючка вместе с обезумевшим душителем застрелил в себе ребенка. Та Лера, которую он знал с малых лет, безвозвратно исчезла. Теперь она не улыбалась, ничем не интересовалась, да и не разговаривала почти.

А накануне неожиданно вышла на него из-за угла посреди ночи, белая как мел, растрепанная, с нечесанными, налипшими на лоб волосами, в одной простыне, словно покойница. Пробормотала что-то бледными губами и повалилась в обморок, раненой птицей обмякнув на его руках. У Леры был жар. Она сильно сдала, и это тревожило охотника.

Единственным существом, находившимся рядом с девушкой, была преданная Чучундра, разделившая тоскливо одиночество хозяйки, которая не хотела общаться с окружающими.

Быстрая и жестокая смерть стольких ставших родными людей, с такой отвагой и мужеством рванувших на край света в надежде на то, что руины, в которые двадцать лет назад превратилась планета, все-таки еще можно восстановить и спасти.

Самопожертвование Азата, погибшего за девушку. И самое страшное – убийство человека, пусть чужого и озлобленного, пусть даже во спасение дяди Миши... Все это еще больше разрывало и без того истерзанное горем сердце Леры.

Осознание того, что все было напрасно, душило, вызывая новые приступы слез. Лера начинала листать Библию, желая найти ответ, но после пары страниц каждый раз откладывала в сторону. Не могла собраться и взять себя в руки. Сознание металось, мысли не слушались. Нервы отказывали совсем.

Пыталась отвлечься вязанием – в Пионерском убежище в ее маленьких самодельных безделушках разгуливало много подруг. Те заказывали глянувшиеся модели рукодельнице-самоучке, когда

одалживали сотни раз менявшие переплеты, разваливающиеся журналы на плантацию, добывая новые экземпляры у мародеров или старые в библиотеке, чтобы смену не скучать. Бралась было шить, но потрепанной машинки из Убежища, размеренный перестук которой помогал хоть как-то абстрагироваться в невеселые моменты, конечно же, не было на борту, и нитки с иголками, пугая мышь, неизменно улетали в угол каюты. Да и для кого? Самой-то всего хватало. К своей красоте Лера относилась спокойно, дома никогда не шиковала, лишь на редкие праздники позволяла себе нитку бус, подаренную когда-то Батоном. Бум на пирсинг среди подрастающего женского населения тоже успешно пережила, не особо интересуясь вставлением разных железок в некоторые части тела. Ну разве совсем чуть-чуть, чтобы упрямо доказать деду, что уже взрослая и самостоятельная.

Когда Батон, осторожно постучавшись, тихо сообщил, что к похоронам все готово, Лера не откликнулась, осталась лежать, уткнувшись заплаканным лицом в завещанный мамин платок, бережно расстеленный на подушке.

Но потом все-таки пришла. Хотелось взглянуть на могилу Азата, хотя вряд ли ее стали рыть. Она своими глазами видела, что после взрыва около поврежденного спасательного бота от храброго стрелка, которому она давно тайно нравилась, ничего не осталось.

И как потом автоматически тушился поврежденный отсек ЛОХом¹, смывавшим со стен копоть и брызги крови. *Его* крови.

Спросить у дяди Миши, нашли ли хоть что-нибудь, не хватило сил. Это был самый страшный момент в жизни Леры. Надлом, разделивший юную жизнь на «до» и «после». Только сейчас девушка по-настоящему осознала, сколько боли и горя испытала человечество двадцать лет назад. И продолжало испытывать сейчас, подобно отравленным семенам медленно угасая в почве искалеченной, теперь уже чужой, навсегда опустевшей планеты.

Ни на ком не останавливалась взгляд, Лера встала в сторонке и бегло осмотрела выстроившихся напротив засыпанных льдом и снегом прямоугольников-могил товарищей по несчастью: дядя Миша,

¹ «ЛОХ» – Лодочная Объемная Химическая защита – система химического пожаротушения, применяется на подводных лодках. В качестве огнегасителя используется газ фреон.

опирающийся на палку Тарас, метеоролог Савельев, привычно мусолящий во рту палочку Макмиллан. Рядом с ним, беспомощно уронив могучие руки, стоял понурый здоровяк Мичиган. Выжившая Тахома. Паштет и Треска тоже были здесь, вместе с некоторыми незнакомыми людьми со станции.

Отвернувшись, Лера оглядела снежное пространство перед собой. Сколько же здесь было могил... Одна, две, три... седьмая... За что погибли все эти знакомые и незнакомые люди, внезапно столкнувшиеся в ледяной пустыне на краю земли? За призрачную возможность вырваться отсюда на волшебным образом приплывшей лодке? Судне, которое подарило надежду ей самой и в результате заманило в плен.

И сколько теперь отпущено тем, кто выжил? Крохи, принимая в расчет сложившуюся ситуацию, – Лера в этом нисколько не сомневалась. Что ж, по крайней мере, она шагнула далеко за пределы родных Пионерских пустошей и хоть чуточку посмотрела на мир, который когда-то был таким прекрасным. Кто еще этим похвастается?

Но вот за *чем* она гналась? За призраками родителей, которых давным-давно нужно было отпустить? Или просто в последней отчаянной попытке избежать брака с ненавистным женихом?.. А счастье, как, оказалось, было совсем рядом и просто с затаенной и терпеливой надеждой ждало, когда на него обратят внимание.

Азат Ахметов. *Ее* Азат. Теперь, когда уже слишком поздно и ничего не вернуть. Да, теперь ее.

– Его здесь нет, – тихо сказал Батон, поймав устремленный на могилы отрешенный взгляд девушки.

Конечно же, нет. Разумеется, она знала. Но сердце защемило вновь.

– Прощай... – Лера тихо всхлипнула; кутаясь в куртку, бросила в сторону могил горстку снега, развернулась и сделала несколько шагов назад к лодке, когда ее внимание привлекло новое, раньше не замеченное лицо.

– ...братия и сестры, об усопших помолимся, – высокий бородатый мужчина в перештопанном церковном подряснике, до сих пор заслоненный широкой фигурой Мичигана, широко перекрестился.

Через несколько дней после сражения на «Новолазаревской» неожиданно появился батюшка, приведший с собой вызволенную из

туземного плена Тахому, американского лейтенанта. Она успела укрыться в уцелевшей во время бойни церкви Святой Троицы, на-стоятелем и единственным обитателем которой был отец Михаил.

Тогда Лера, обрадованная чудесному спасению бывшей пленни-цы туземного короля, разрыдавшись, бросилась к ней на шею. Уви-деть среди хмурых взрослых мужиков женское и по-своему родное лицо было настоящим облегчением. С того момента они стали ча-сто бывать вместе, нередко коротая тягучие невеселые минуты за обучением друг друга родным языкам.

Стоя вместе со всеми у вереницы могил, Лера с замиранием сердца прислушивалась к странной и необычной молитве, которую совершил отец Михаил. Священник! Здесь! На ум мгновенно при-шла подаренная Птахом Библия, бережно хранившаяся в каюте под подушкой.

— ...Во имя отца и сына и святого духа, — закончил короткую па-нихиду отец Михаил и, снова перекрестившись, вздохнул. — Аминь.

— Аминь, — одними губами прошептала Лера таинственное сло-во, услышанное перед побегом в каморке Птаха.

— Может, еще кто-то хочет сказать? — закрыв потрепанный то-мик молитвослова, священник вопросительно оглядел собрав-шихся.

— Да что уж тут скажешь, чувак, — шмыгнул носом Треска, встав-ляя излюбленное жаргонное словечко. — Одно слово — приплыли.

— Даже после Конца света смерть продолжает сопровождать спа-сенных Богом на земле, — в качестве последнего слова произнес отец Михаил. — Но молитва за усопших лечит сердце и дарует успо-коение душам в Царствии Небесном. Даже сейчас, когда человече-ство в собственном ожесточении и эгоизме переступило последнюю черту, Господь всемогущ и по-прежнему человеколюбив. Как сказа-но в молитве Честному Кресту — «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...»

Бог! Погруженная в невеселые мысли Лера встрепенулась. Тот самый Бог, живущий на небе, о котором ей рассказывал Савельев той звездной ночью на палубе!

И Библия... Ведь неспроста же дал ее Птах. Отец Михаил замол-чал, и Лера быстро зашагала по тропинке в сторону лодки. Если так будет продолжаться дальше, она точно сойдет с ума или сотов-

рит еще какую-нибудь глупость. Но как перестать терзать себя? Девушка твердо решила поговорить с батюшкой при первой же возможности.

* * *

Дорогу к храму она знала – построенное за девять лет до войны невысокое, вмещающее всего около тридцати человек уютное деревянное сооружение находилось в нескольких сотнях метров от «Новолазаревской», отделенное от станции массивным снежным холмом, – что и уберегло его от разрушения австралийцами. Правда, извечно суеверный Паштет и здесь ухитрился найти подтверждение тому, что проповеди юродивого Птаха из родного Убежища в далеком Пионерске могут быть действительно пророческими.

– ...И устоит последняя твердь Господня на земле незапятнанной под натиском нечестивцев, и даст она убежище и спасение тем, кто уверует, – дрожащим от волнения голосом прочитал он в своей бежено хранимой тетради и многозначительно посмотрел на привычно сморщившегося Треску. – Ну, точно ведь! И Тахома жива.

Для отца Михаила, приютившего до смерти напуганную американку, это тоже было настоящим чудом и явлением Божьего провидения, хотя, вероятнее всего, разрушившие полярную станцию головорезы в кровавом безумии просто не заметили храм за склоном холма.

Ступая по тропинке в сторону постройки, Лера всячески пыталась придумать, с чего начать разговор со священником. Раньше она ни за что на свете не посмела бы завязать беседу с незнакомым человеком (за двадцать лет, что обитатели Убежища провели под одной крышей, противостояние общим невзгодам сплотило людей настолько, что они по праву могли считаться одной семьей), а уж тем более изливать ему самое сокровенное, – учитывая то, что последние дни она не разговаривала даже с дядей Мишой, который заменил ей отца.

Но это было раньше. Путешествие, забросившее Леру на край света, заставило ее резко пересмотреть всю свою прошлую жизнь. Да и можно ли было по-настоящему назвать жизнью те одинаковые, словно близнецы, хилые годы, что она провела в защищенном коконе Убежища, под чутким присмотром друзей и деда? Теперь...

даже волнующие вылазки с Батоном перестали казаться чем-то знаменательным. Той юной охотнице больше нет. Есть кто-то новый, еще не до конца родившийся. Но с этим человеком Лера еще не была знакома. Замедлившая было шаг, она снова решительно двинулась вперед.

На робкий стук никто не отозвался, и девушка, снова натянув рукавицу, уже собиралась уйти. Но какой-то новый порыв заставил ее взяться за ручку двери и потянуть на себя. Та оказалась не заперта. Толкнув дверь, Лера осторожно заглянула внутрь.

В небольшом помещении, наполненном необычными предметами и странными картинами с изображениями незнакомых людей, царил полумрак. Поборов смущение, незваная гостья проскользнула внутрь, и под подошвами ее ботинок таинственно скрипнул деревянный пол. Внутри тепло пахло деревом и еще чем-то сладковато-приторным. Незнакомым и непонятным.

— Здесь есть кто-нибудь? — почти шепотом поинтересовалась Лера, со страхом, который все больше теснило любопытство, осматривая погруженное в тишину помещение.

Никого.

Отец Михаил почему-то никогда не появлялся за ужином в кают-компании «Грозного», да и вообще не трапезничал с остальными членами команды; он даже вежливо отклонил предложение переселиться на лодку.

Значит, должен быть здесь, где же еще. Глупая. Девушка мысленно одернула себя, продолжая осмотр. Если не считать самодельной кельи Птаха, она никогда не бывала в церкви — даже на поверхности, хотя рядом с их Убежищем, неподалеку от маяка, была одна полуразвалившаяся часовенка из кирпича, от луковки которой осталась только осыпающаяся арматура и ржавый крест. Но ту церквушку вскоре облюбовали буренки, полностью закрыв доступ внутрь не только Лере, но и залетным мародерам.

Многие изображения на стенах напоминали те, что висели в каморке блаженного, с той лишь разницей, что были намного больше ветшавших календариков и открыток. А некоторые были Лере совершенно незнакомы.

— Здравствуй, — у вздрогнувшей от неожиданности девушки душа ушла в пятки, когда она, задержавшись перед особенно краси-

вой картиной, изображавшей женщину с младенцем, услышала за спиной спокойный мужской голос. – Я тебя знаю. Ты ведь с лодки, да? Проходи, не стесняйся.

– Извините, я... – одними губами пролепетала девушка, испуганно потянув с головы шапку с полустертоей надписью «Nike», – высокий священник буквально возник из ниоткуда.

– Можешь не снимать.

Вслушавшись, Лера уловила еле ощутимый акцент.

– Но я ведь в помещении...

– В храме так принято, разве ты не знаешь?

– Н-нет, – неожиданно начавшийся разговор и странное правило вконец запутали струхнувшую девушку. Она всегда навещала Птая без головного убора, и блаженный никогда за это не упрекал.

– А почему вы без шапки?

– Потому, что я мужчина. Не знаешь церковных правил? И с оружием пришла, – отец Михаил укоризненно покачал головой, заметив торчащий из-за плеча Леры обмотанный изолентой приклад «Бизона». – Уверяю, здесь оно вряд ли тебе пригодится.

Да откуда же ей было знать! А признаться Лера стеснялась – вспомнила про лежащую в куртке Библию. Может, в ней было что-то об этом сказано, а она так и не успела дочитать. Блин, стыдобища! Щеки запылали, словно их отстегали крапивой. Ну что ему ответить... И чего он все время улыбается?

Не надо было сюда приходить!

У отца Михаила были мягкие черты лица, обрамленные волнистыми темно-русыми волосами без ярко выраженной седины, отчасти прикрытый усами и бородой тонкий абрис губ и карие глаза, из которых исходило просто-таки осязаемое тепло. Выглядел священник лет на сорок, хотя по внешности в нынешние времена нельзя было точно судить, да и борода ощутимо прибавляла возраста.

Мужчина смотрел на Леру со спокойной улыбкой, тихо пощелкивая странными кубиками, нанизанными на нитку (некоторые из которых были уже порядочно истерты до формы шариков), и молчал, явно ожидая, что девушка что-нибудь скажет.

– А почему вы никогда не едите с нами? – почувствовав, что краснеет, Лера невпопад выпалила единственный пришедший на ум вопрос.

– У меня давно уже собственный пост, – ответил священник.

Вконец растерявшись от незнакомого слова, Лера виновато опустила глаза.

– Простите, пожалуйста, зря я сюда... – она быстро направилась к двери, гремя по полу ботинками, но священник окликнул ее:

– Но тебе ведь что-то было нужно, раз ты пришла? Не просто же о еде спросить. Не бойся, мне можно сказать.

Взявшаяся уже за ручку двери девушка повернулась к отцу Михаилу.

– Не бойся, – снова подбодрил священник. – Только оружие оставь, пожалуйста, здесь тебе ничто не угрожает. Я почаевничать собрался, составишь компанию?

– У вас есть чай! – неожиданное предложение окончательно прогнало остатки робости и страха. – Настоящий?

Лера вспомнила грибное варево из Убежища и этикетку со слоном (которого видела во время жертвоприношения в Африке) на банке с чаем бабы Дины. А почему нет? Почему у этого странного человека, обитающего в таком необычном месте, не может оказаться настоящего чая? Стянув с плеча пистолет-пулемет, она прислонила его к стене у двери.

– Ну, не такой, как двадцать лет назад, – тихо усмехнулся священник, когда девушка робко прошла за ним в дальнюю часть помещения, отделенную от остального пространства перегородкой.

Там гудела небольшая металлическая печь, на которой в жестяной кастрюльке уютно побулькивал свежерастопленный снег. Мечущееся за щербатой от ржавчины заглушкой алое пламя лихорадочно отбрасывало на стены причудливые сполохи. Было тепло, пахло какими-то травами, и Лера понемногу успокоилась.

От таинственного помещения почему-то веяло домом.

– В некоторых местах тут мох да травка особенные растут, насытить, растереть да в кипяток – и цветом радует, и на вкус ничего.

– Тут уютно, – желая угодить незнакомому человеку, сказала девушка. – Мне нравится.

Ветхий металлический чайник на плитке тоненько засвистел и выпустил из носика струйку пара.

– Здесь всегда уютно, хоть давно и не приходит уже никто. Разве что снежные выползни залезают. Так что привело тебя ко мне? –

снова поинтересовался отец Михаил, когда девушка села на предложенный стул и, сняв перчатки, осторожно взяла у него дымящуюся кружку.

— Я... даже не знаю, как сказать, — собираясь с мыслями, Лера поудала и отхлебнула из жестянки. Исходящее от нее тепло приятно грело ладони, которые впервые за последние дни переживаний наконец-то перестали дрожать. Отвар был терпким, горьковатым, немного вязал язык и оставлял на небе сладковатое послевкусие.

— Вкусно.

— Это можжевельник, — объяснил священник. Название травы было девушке незнакомо.

— У меня есть друг, он далеко, в Убежище, из которого мы приплыли... из Пионерска. Он мне говорил, что раньше люди, когда им очень плохо было, всегда шли в церковь. Это ведь она?

— Совершенно верно, — кивнул отец Михаил и, бросив в свою кружку щепоть какой-то бурой травы, залил ее дымящимся растопленным снегом. — Кстати, а как ты попала на лодку?

— Из дома сбежала, чтобы замуж не идти. Деда одного оставила. А сейчас думаю, не напрасно ли? Как-никак, за сына старейшины отдавали, привилегии всякие там. Ребенка бы завела... — отставив на маленький деревянный столик кружку, Лера всхлипнула, чувствуя, как на сердце вновь непосильным грузом наваливается чудовищная боль пережитых утрат. — У деда наверняка из-за меня теперь проблемы. Мне очень и очень плохо.

— Расскажи, не бойся, — мягко подбодрил одинокий обитатель церкви. — Когда все в себе носишь, сильнее терзаешься, а если выговоришься, легче станет.

— Мы долго сюда плыли, много чего пережили. Я столько всего увидела, что и представить себе не могла. Даже чуть не погибла два раза, — не поднимая глаз, начала сбивчиво перечислять девушка, чувствуя, как к горлу подкатывает липкий удущливый ком. — Я так родителей хотела найти. Мечтала. Во сне их видела, ждала. А мама и папа умерли давно... только вещи остались да фотографии. Потом мы нашли базу, но оказалось, что все напрасно. Что никакими вирусами, никакой нашей рукотворной гадостью планету не вернуть, что никого уже нельзя вернуть... Ежи говорил, что клин клином вышибают, как же. Видели бы, во что он после вируса превратился и

каким стал. Я человека убила, чтобы дядю Мишу спасти, и внутри как оборвалось чего-то. Кошмары снятся. Азат... мой Азат убит. И его не вернуть! Ничего уже не вернуть. А в чем я виновата? Чего я кому-то такого сделала, что меня, родив, бросили в этот мир без будущего умирать, оставив вокруг лишь пепел? Кто за меня решил? Кому вообще дали право за всех что-то решать?! Люди, города, краски, все исчезло. Вы хоть видели, что творит со всем живым радиация? Каждый раз, выходя на улицу, надевали воняющий резиной противогаз. А потом дергались от любого шороха, загнанно меняя в кустах посаженные фильтры, потому что это единственный момент, когда выпускаешь из рук оружие. Да я только здесь узнала, что такое по-настоящему чистый воздух. Голова до сих пор как у пьяной кружится. Я практически ничего не знаю о той жизни, я часто болела и двадцать лет гнила под землей, как червяк! И вот, когда у меня, наконец, появилась надежда, все рассыпалось к чертям! За что? Почеку?! Я жить хочу! Любить хочу...

Не в силах больше сдерживаться, Лера зарыдала, закрыв лицо руками.

– Ну, будет тебе, – священник ласково погладил ее по вздрагивающему плечу.

– Лодка сломалась... – продолжала всхлипывать девушка. – Станция разрушена, а кругом только горе и смерть, смерть, смерть. Я ведь никого убивать не хотела, только чтобы дядю Мишу спасти! Как же жить-то теперь с этим, а? Я так не хочу... Больше не могу!

Настоятель мягко положил руку на голову Леры.

– Успокойся, ничто в этом мире не делается без промысла Божьего. А раз все случилось, как случилось, значит, такова воля Его.

– Но ведь он же не злой, – отняв от лица мокрые от слез пальцы, с укором пробормотала девушка. – Тогда почему все так? Почему он все разрушил?! Бог, в которого верила мама, никогда бы так не поступил!

– Не он рушил, а человек. Бог всегда испытывает нас. Вероятно, однажды мы в своем неведении и алчности достигли предела его терпения, и он направил чью-то руку нажать на спуск.

– А все эти убийства, жестокость – зачем?

– На все воля Его. Знаешь, как раньше говорили – неисповедимы пути Господни, – мягко уверял священник.

- Какие пути?
- Его пути. Те, которыми он ведет нас к себе.
- Для меня это все сложно, – понемногу успокоившись, Лера утерла нос кулаком.
- Вначале у всех так.
- Необычные картины, – снова взяв кружку, гостья оглядела изображения на стенах, тускло подсвеченные чадящими лампадками.
- Это иконы. Редкие, палехских мастеров.
- А все эти люди... Кто они?
- Святые, Божьи угодники.
- А что они делают?
- Молятся за нас. Поддерживают. Вот это, например, Николай Чудотворец, покровитель всех моряков.
- На небе, – допивая чай, уверенно кивнула девушка. Кое в чем она все-таки разбирается.
- На небе, – с улыбкой согласился отец Михаил. – Но молиться можно и здесь, на земле. Эти люди делали так до самой смерти и продолжают теперь.
- А я пока не умею, – вздохнула Лера и, спохватившись, вытащила из кармана куртки томик Библии. – Но книга у меня есть!
- Ты родилась до войны? Сколько тебе лет?
- Двадцать три.
- Крещеная?
- Что такое *крещеная*? Нет... не знаю, – девушка вновь смутилась от незнакомого слова, но, вспомнив про подарок Птаха, нащлась и положила руку на грудь. – Но крестик ношу.
- Понятно. Значит, частично воцерковленная.

Взяв у собеседницы книгу, священник неожиданно почувствовал, как девушка вздрогнула от случайного прикосновения. Не подав виду, он отвел взгляд и бережно перелистнул несколько страниц.

- Священное Писание. Откровение Иоанна Богослова. Звезда-полынь и саранча из дыма, – с грустью усмехнулся он. – Семь печатей и трубящие ангелы. Конец света. Апокалипсис.
- Там про это написано? – удивилась девушка.
- Да. Только с тем отличием, что его должен был устроить Господь, обрушив свой гнев на города в виде огня и серы. Но, как ви-

дишь, мы в этом деле его чуточку опередили. Ирония. Береги ее: не думаю, что в мире осталось много таких книг. Быть может, однажды она снова поможет человечеству обрести дорогу к свету во всей этой непроглядной тьме.

Приняв из рук священника Библию, Лера аккуратно засунула ее обратно в карман куртки и встала с тихонько скрипнувшего стула.

– Вы помолитесь за меня? – она с затаенной надеждой взглянула на настоятеля.

Глаза девушки показались ему восхитительными. А еще в них было столько боли. Того успевшего накопиться с возрастом, отчетливо различимого привкуса горечи, отличавшего ребенка от взрослого.

Эх, ты. Робкий бесхитростный цветок, вопреки всему чудом выросший на развалинах третьего тысячелетия. Как скоро твоя чистая, рожденная до войны красота начнет неумолимо вянуть, и ты превратишься в серокожего морлока с выцветшими безжизненными глазами, обреченного до конца своих дней влачиться под давлением беспросветного серого неба, плачущего отравленными слезами?

Отец Михаил внутренне содрогнулся, продолжая смотреть на девушку, чистое лицо которой в его воображении на мгновение заслонила уродливая тень.

А может, Господь в своей любви смилиостивится, и ее минует чаша сия. Ответа у священника не было. Не ему было уже решать.

– И не только за тебя, но и за всех тех, кому это может принести пользу и успокоение, – с мягкой улыбкой кивнул отец Михаил.

– Тогда еще и Азата упомяните. Он из команды, – девушка смущенно опустила взор, вспомнив, что так и не удосужилась представиться. – Кстати, меня Лерой зовут. Лерой Степановой.

– Раба божия Валерия. Красивое имя. Значит, сильная. А я отец Михаил. Или просто Мигель. Знаешь, я... я ведь хоронил твоих родителей.

В голову Леры словно набили ваты. Она посмотрела на него долгим невидящим взглядом. Что тут еще ответишь?

– К ним плыла я, а хоронили вы, – наконец медленно проговорила она. – Странно, правда?

Она судорожно выдохнула, ощущая, как начинает щипать глаза.

- А силы... кому они теперь нужны. Для чего тратить-то. На кого. Лера помолчала.
- Можно, я иногда буду сюда приходить?
- В любое время, когда захочешь, – ответил отец Михаил.

Вернувшись на лодку и без аппетита проглотив положенную порцию остывшего ужина из обрыдлой рыбы и склизких, опять разваренных Паштетом макарон из оставшейся пайки «Грозного», за двадцать лет вообще потерявших вкус, Лера забралась под одеяло в своей каюте, но еще долго не могла заснуть, вспоминая разговор с отцом Михаилом. .

Даже ставшие своеобразным ритуалом вечерние игры с Чучундрай, хоть как-то отвлекавшие от невеселых дум, сейчас вылетели из головы. Поэтому предоставленный сам себе зверек забавлялся в углу с катушкой из-под ниток, катая ее лапками туда-сюда.

Слушая размеженный шорох, погруженная в свои мысли девушка с облегчением чувствовала, что от сердца немного отлегло. И знала, что кошмаров больше не будет.

Но она ошибалась.

Дядя Миша-а!..

Лера, нет!

Снова и снова во сне ее настигал собственный крик и спуск крючка «Бизона», застрелившего разбойника. Кошмар не хотел отпускать.

* * *

«Судовой журнал.

Земля королевы Мод. Исследовательская станция “Новолазаревская”.

Время стоянки – ...-ые сутки.

Поиски вируса, хранящегося на заброшенной немецкой станции, увенчались успехом, но мы не смогли совладать с заразой, которую по неосторожности выпустил один из членов экспедиции. К нашему сожалению, стало очевидно, что с помощью этих штаммов не получится очистить Землю от радиации, как первоначально предполагалось.

Неужели такой путь и столько жизней наших соратников были потрачены зря? По прибытии большая часть команды погибла в результате столкновения с австралийскими головорезами, напавшими на полярную базу. Все тела погибших были захоронены согласно военному времени и климатическим особенностям материка.

В расположенной около разрушенной «Новолазаревской» церкви Святой Троицы обнаружен настоятель испанского происхождения отец Михаил, который во время бойни укрыл у себя Дженни Тахому, считавшуюся пропавшей без вести. Хоть какие-то хорошие новости.

Пока еще держимся, но команда падает духом. Требуется как можно скорее что-нибудь предпринять.

Не верится. Но нужно смотреть правде в глаза: мы намертво застряли в Антарктике, хотя ущерб, нанесенный взрывом, еще не ясен. Очевидно одно – своими силами мы «Грозный» вряд ли починим.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лапшов».

* * *

– Короче, мужики, что делать будем? – Батон оглядел собравшихся в кают-компании людей. – Пора принимать окончательное решение, пока и мы тут кони не двинули. Или заразу эту не подцепили.

Несколько человек кивнули. Для каждого было совершенно очевидно, что после разрушения «Новолазаревской» долго оставаться на одном месте нельзя, даже принимая в расчет ресурс и продовольственные запасы «Грозного». Нужно срочно решать, каким образом сдвинуть поврежденное судно с места.

– Эх, ребятушки, ребятушки. Растирали мы всех, – вот уже в который раз Тарас покачал головой, вспомнив Колотозова, Марка, Азата, Колобка. При одном упоминании о погибших членах команды у вынужденного принять командование лодкой старпома опускались руки. Как справляться с такой машиной без специально обученных людей?

– Но сидеть на одном месте смысла не имеет, однозначно.

– Мы тут как-то двадцать лет перетоптались, и ничего. Не сахар, разумеется. Но как-то все-таки жили, – пожал плечами один из спелеологов по фамилии Ворошилов. – Пока вы не пожаловали.

- Но станция теперь разрушена, – заметил Савельев.
- Я про что и говорю. Вашими усилиями. Все, финита! О.А.К.¹ больше не существует!
- А мы-то тут при чем? – вскинулся Паштет. – Ну-ка поясни, приятель.
- Наглядно? – поднимаясь, поинтересовался Ворошилов.
- Ишь ты, борзый, – взвился вслед за приятелем Треска. – Ну, налетай! В печень или бочилу?
- Да тихо вы! – не глядя, шикнул Савельев, вслушиваясь в хрипловатую речь соседа.
- Я говорю, на «Новолазаревской» остался «Крейсер Берда», – перевел слова подавшего голос Зэфа метеоролог.
- О-о-о. Да не начинай ты снова, брат, – закатив глаза, скривился Рэнди.
- Что это еще за шняга? – нахмурился поостывшый Треска.
- Во время Второй мировой построили один уникальный колесный вездеход, – Макмиллан снял шляпу и, положив ее на стол рядом с кружкой, почесал бороду. – Ну вы, Россия, и деревня. А на таких рыбах плаваете.
- Полегче на поворотах! – пригрозил Батон, но его жестом остановил Тарас:
- Дослушаем. Я вроде что-то припоминаю.
- В тридцать четвертом тут, у черта на рогах исследователь и путешественник Ричард Берд искал приключений на свою грешную задницу. И в результате нашел. Сто пятьдесят тысяч баксов было угрохано в этот проект. Несусветная по тем временам сумма. Но все накрылось медным тазом. Уже в пятьдесят восьмом наши опомнились, откопали, посмотрели-пофотографировали и свалили отсюда на хрен. Еще до нас с Мичем вездеход на станцию откали, а по миру слух пошел, что он утонул или его инопланетяне сперли. Ха!
- Его сконструировали в тридцать девятом, – взял слово Зэф. – Два двигателя по сто пятьдесят лошадиных сил врашали роторы спаренных генераторов, а трехметровые колеса приводили в движение встроенные в каждое электромоторы по семьдесят пять литров. А на

¹ Объединенная Антарктическая Коалиция, см. «Метро 2033: Ледяной плен».

крыше у него даже есть небольшой самолет, рассчитанный на пять пассажиров.

– А если полететь? – с надеждой спросил ничего не понявший Паштет, уловив только мысль про самолет. – Оседлать эту штуковину и свалить к чертам собачьим?

– Куда? – с горечью ответил Тарас. – Куда ты намерен свалить? По кругу на ледышке кататься туда-сюда? Лететь... Да и горючку-то где взять?

– К тому же нас тут далеко не пять человек, – резонно вставил Батон. – Что, жребий кинуть надумал?

– Нам тут нечего ловить, бро. Нашиими силенками эту дуру мы не запустим. Это я тебе как мех говорю. Представь, – Зэф начал перечислять, загибая пальцы. – Тридцатичетырехтонный монстр длиной семнадцать метров, высотой почти в пять и шириной в шесть. Столько соляры у нас и в помине нет, а о собаках и говорить нечего. К тому же в этих местах он способен передвигаться только задом. Ухнем под лед или в расщелину – и кранты. Офигеть круто, да?

– Да уж, – понурившись, уныло пробормотал Савельев. – Перспективка.

– Ну и толку тогда от этой новости, – отхлебывая из кружки, фыркнул Треска. – Этой кастрюле лет почти столько же, сколько базе.

– Мы перечисляем сейчас факты, бро, – исподлобья посмотрел на него Мичиган и ткнул себя большим пальцем в грудь. – Я говорю то, что знаю.

Помолчав и не дождавшись новых предложений, члены команды «Грозного» переглянулись.

– А к австралийцам наведаться, нет? – предложил Батон. – Откуда-то же они трактор свой притащили. Что у них там, станция или корабль?

– Корабль, – ответил Ворошилов. – Только толку с него, двадцать лет вместе с нами прокуровали. Да и топать не ближний свет. Не, отмется.

– Может, по Двести одиннадцатой еще разок пошаримся? – неуверенно предложил со своего места Паштет. – Авось и наскроем чего нужного?

– Наскребли уже, – одернул приятеля нахмутившийся, и без того вечно всем недовольный Треска. – Так, что по самую маковку хватило.

– Рассчитываешь найти на заброшенной базе запчасти для военного атомохода? – невесело усмехнулся в усы Тарас. – Лихо, брат.

– К тому же мы пока не знаем размеры ущерба, нанесенного взрывом, – поддержал Савельев. – Так что рассуждать впустую можно о чем угодно.

– Думаю, в основном навигационную электронику зацепило, снаружи ничего нет, Батон проверил, – Тарас устало поскреб жесткую щетину. Охотник согласно кивнул.

Накануне, облачившись в громоздкое ИСП-60¹ и проверяя баллоны ребризера ИДА-59М², Батон и сам не мог сказать, почему первым вызвался на наружную подводную вылазку. То ли не был уверен в более молодых членах команды (не поваров же посыпать, в конце концов), то ли требовалась банальная острая встряска. Может, ледяные воды хоть на какое-то время остынут бурливший в душе раскаленный котел.

В любом случае охотник не мог сидеть на одном месте, беспомощно сложа руки. Случайных местных тварей, кальмаров-переростков или пингвинов, он не боялся, но автомат-амфибию АДС³ с переключенным в первое положение режимом «вода/воздух» на плечо повесил. Наконец, вооруженный указаниями Тараса, на что в первую очередь обращать внимание, Батон неспешно погрузился в мрачную пучину Атлантики и провел насколько мог тщательный осмотр «Грозного», один раз чуть не запутавшись в сетях, поставленных Треккой, с накопившимся небольшим уловом.

– Да, обшивка чистая, без видимых повреждений. Насколько это было понятно. Но где запчасти для ремонта взять? Короче, так, – подводя итог невеселому перечислению накопившихся проблем, сказал Батон. – Для начала предлагаю изолировать базу, а то эта

¹ ИСП-60 – индивидуальное снаряжение подводника, в нем осуществляется выход из подводной лодки через люки и торпедные аппараты.

² ИДА-59М – изолирующий дыхательный аппарат.

³ Автомат двухсредный специальный. Похожие разработки ведутся во многих армиях мира, но официально автомат, рассчитанный на стрельбу в двух средах, принят на вооружение только в России.

дрянь расползется еще. И наш склад от уже перенесенных контейнеров тоже очистить нужно.

— Дудки, чувак! Как хотите, но я ящики обратно в те катакомбы фрицевские не потащу, — мгновенно испугался Треска. — И почему они вечно какую-то жуть придумывали?

— Между прочим, кран для русского самовара в Германии изобрели, — заметил Паштет.

— И что с того? Какой идиот вообще ляпнул — «что русскому хорошо, то немцу смерть»?! Когда наоборот все вышло! После того, что с Ежи случилось, мне вообще по коридорам лодки одному ходить стрёмно. Проклято тут все, говорю я вам. Духами да трупами нашпиговано. Это не Королева Мод, а Королева Морг! Темная ледышка, нехорошая. Да и звук этот позавчера, — повар сделал паузу, подчеркивая значимость того, что собирался сказать, и, нахмурившись, исподлобья оглядел собравшихся. — Все ведь слышали.

Низкий,ibriрующий звук, тягуче полившийся с юго-запада вечером, вероятно, слышали все обитатели обледенелого материка. Высыпав на палубу, выжившие с замиранием сердца смотрели на спокойный морской горизонт, из-за которого доносился могучий громоподобный рык невидимого то ли животного, то ли механизма.

— Буря? — с надеждой спросил стоявшего рядом Савельева Треска, у которого от страха душа ушла в пятки.

— Нет, — вслушиваясь в приносимые ветром зловещие оглушающие переливы, тот с сомнением покачал головой. — На ветер или гром не похоже. Это что-то еще.

— Что? — пробормотала Лера, чувствуя, как под курткой взмокшая тельняшка прилипает к позвоночнику, и все тело стремительно покрывается гусиной кожей.

— Поверь, если бы я знал, мне было бы намного спокойнее, — пробормотал хмурившийся рядом Батон.

— Тогда кит, — внес догадку Паштет. — Вот сейчас, слышите? Ну точно, кит это!

— Да, киты могут, — прищурившийся Тарас поднес к глазам бинокль, оглядывая горизонт. — Но какое до него расстояние? Горизонт чист. Животное каких размеров может издавать такой звук?

Внезапно густое монотонное дребезжание резко оборвалось на особо низкой ноте, и по ушам вместе с порывами ветра ударила звенящая тишина.

— Что за черт, — обескураженный старпом опустил бинокль, все еще продолжая вслушиваться.

Ничего. Только шум ветра и размеренный плеск волн, вылизывающих тело лодки.

— Как выключили, — механически стянув ушанку, отвороты «ушки» которой были густо усыпаны рыболовными крючками всех мастей, суеверно перекрестился Треска.

— Чем бы оно ни было, то, что издавало этот звук, невероятно огромное, — Тарас продолжал всматриваться в горизонт.

В ту ночь разбредшиеся по каютам люди долго не могли уснуть, невольно вновь ожидая услышать идущий из-за горизонта громоподобный призыв неведомого существа.

— Ладно, с этим потом разберемся, — Батон отмахнулся от Трески, возвращая разговор в нужное русло. — Хошь не хошь, а с контейнерами решать придется, не за борт же их пускать.

— А что, идея! — дружно оживились повара.

— Не выйдет, — покачал головой Савельев. — Хотите, чтобы эту заразу течениями по всему свету разнесло? Я предлагаю где-нибудь их закопать.

— Согласен, — поддержал Тарас. — Тащить обратно к немцам смысла не имеет.

— Как вы намереваетесь это сделать? — поинтересовался присутствующий на собрании отец Михаил, неспешно перебирающий замусоленные деревянные четки. — Я имею в виду базу. Немецкое укрепление простояло в ледниках почти сотню лет.

— Так же, как предлагал в самом начале, когда мы не могли открыть дверь в технические помещения, — направленный взрыв. Обрушим ледники, и дело с концом, — Батон посмотрел на жующего деревянную палочку Макмиллана, которому с грехом пополам перевел Савельев. — Взрывчатки для этого хватит.

— Хех, вам лишь бы разрушать, — откликнулся американец. — Достаточно изолировать лабораторные помещения, и дело с концом. А то с ледниками мороки много. Вот в былые времена, с нужной техникой, а сейчас... Нет, ребята. Непредсказуемо это все.

— Я бы там все-таки еще пошарился, — упрямо пробормотал Паштет.

— Валай, тебя никто не задерживает, — фыркнул Треска. — А я с превеликим удовольствием двинул бы домой.

— Набедокурили, а теперь не знаете, куда податься? — усмехнулся, снова присоединяясь к разговору, спелеолог Ворошилов. — Типа — гнездо разворотили, дел наделали, пора и честь знать.

— О чём это ты? — стряхивая задумчивость, вскинулся Тарас.

— Если бы вы не приплыли, австралийцы не позарились бы на лодку, и станция уцелела, — повысил голос Ворошилов. — Дались вам нацистские побасенки, сидели бы у себя и не высовывались!

— Так мы теперь еще и виноваты? — с еле сдерживаемой яростью сжал кулаки Тарас. — Да за этот поход столько золотых мужиков головы положили, а вы тут...

— Ради чего?

— Слушай, ты. За шлюзом-ка следи, — старпом грохнул звякнувшей кружкой по столу, расплескав остатки чая, и угрожающе поднялся со своего места. — С офицером разговариваешь! Я, между прочим, присягу давал.

— Перестаньте... — вклинился в нарастающую перепалку о чём-то задумавшийся Савельев.

— Да всем чинам вашим и званиям уже двадцать лет грош цена! — поднялся навстречу Ворошилов. — Военные! Сами-то все и устроили. Планету угробили, людей с городами пылью развеяли, уродов по миру расплодили, а теперь решили грехи замолить? Не поздновато ли, м?

— Ну, сволочь...

Тарас подался вперед, с рычанием протягивая к спелеологу могучие руки.

— Да погодите вы!.. — по изменившемуся лицу Савельева было видно, что его внезапно осенило. — Успокойтесь, капитан. И ты, Ворошилов. Нашли время. Драками проблемы не решить, только время теряем. Я вот что думаю. Корабль этот, застрявший в леднике. Мы еще мимо него по пути сюда проплывали. Как там название?

— «Лев Поликарпов», — все еще не спуская со спелеолога хмурого взгляда, ответил Тарас. — Который перед самой войной ушел.

— Точно, «Поликарпов», — продолжая что-то обдумывать, неторопливо кивнул Савельев. — «Поликарпов»...

— Может, озвучишь уже наконец, мыслитель? — поторопил Батон. — Сейчас любые предложения хороши.

— Это ведь исследовательское судно, так?

— Ну, — Батон переглянулся с Тарасом, тот кивнул.

— Вполне вероятно, что на нем может оказаться что-то полезное для ремонта, а?

Некоторое время в каютах-компаниях царила давящая тишина.

— Какого лешего на научно-исследовательском судне должны найтись запчасти для атомной подлодки? — первым нарушил молчание удивленный Батон.

— Я имею в виду только то, что касается электронных деталей, ведь могут же быть похожие? Импульса, ломающего электронику, на полюсе не было. Эх! — метеоролог хлопнул кулаком по ладони. — Вот бы какую документацию по кораблю, это бы упростило дело.

— На разрушенной станции, может, что-то и было, — пожал плечами Ворошилов. — До Катастрофы у нас оставались две исследовательские бригады с «Поликарпова», с ними было много бумаг, в том числе и по судну. Были и учёные, не считая Степановых. Так что бумаги можно посмотреть в бараках, в тех, что поцелее.

— Это вряд ли, — раздраженно отмахнувшись, буркнул старпом и поправился: — Это я про детали.

— Смотрите. Базу отметаем, «Новолазаревская» сожжена дотла, до других станций своим ходом не добраться, — оглядывая собеседников, продолжал рассуждать Савельев. — Лодки и снаряжение есть. Так почему бы не попробовать?

— Авантура, — хмыкнул в усы Тарас. — Хоть «Поликарпов» действительно был корабль не простой, со специальным оборудованием — приемники спутниковые, системы наведения. Рассказывали мне кое-что. Он вроде входил в состав космической группировки войск. Но даже если после аварии там чего и осталось, за двадцать лет в этом холодильнике все скопытилось. Да и кто ремонтом будет заниматься — ты? Нужны схемы, люди, разбирающиеся в силовых установках. Нет, брат, рук все равно не хватит, это тебе не радиолу в гараже паять.

— Мое дело предложить. Если есть другие варианты, пожалуйста, — Савельев допил остатки чая. — Но, по-моему, это шанс.

– Я могу помочь с силовыми установками, – впервые за все время совещания подал голос сидевший рядом с Рэнди здоровяк Мичиган. – Что-то мне подсказывает, что корабль за эти годы пришел не в лучшее состояние, но уверен, военному механику там будет на что взглянуть.

– Да уж явно не в лучшем, Капитан Очевидность. А инструменты? – спросил Макмиллан. – Где их возьмешь?

– Надо склад на станции посмотреть, может, не все сгорело. Да и тут на лодке наверняка необходимый инвентарь найдется, нужно только знать, где искать, бро.

В кают-компании вновь повисла напряженная тишина. Несмотря на тщетность попыток выработать конкретный и мало-мальски жизнеспособный план, каждому хотелось верить хоть и в призрачный, но все-таки шанс на спасение.

Из ледяного плена нужно было бежать. И как можно скорее.

Глава 2

ПИСЬМА С НЕБА

– Эй, черти, Лерку не видели? – поинтересовался заглянувший на камбуз Батон. – У Тахомы ее нет. Все палубы уже обшарил.

– Не-а, – отозвался скобливший плиту Треска, который после смерти Бориса Игнатьевича негласно стал главным коком. – Свалила она куда-то. Халтурит твоя пигалица, браток. Вон, пол недомытый. Что, авторитет растерял?

– Увянь.

– Она, наверное, к Отшельнику пошла, – сказал перебиравший у сушилки вилки и ножи Паштет, окрестивший так обитавшего в антарктическом храме настоятеля. – Библию с собой взяла, я видел.

– Давно? – нахмурился Батон.

– С полчаса где-то, – закатив глаза, прикинул Паштет.

– Ладно. Спасибо. И поглядывайте за ножами да крышками от консервов, а то еще порежет себя, чего доброго. Голова у нее сейчас что угодно выкинуть может.

– Угу. Как скажешь, начальник.

Опять.

Переживавший за девчонку Батон стал замечать, что Лера все чаще наведывалась к священнику. И даже как будто сознательно начала сторониться общения со своим наставником, вяло поддер-

живая разговоры и на расспросы отвечая невнятными односложными фразами.

Да и сама девушка, искавшая успокоения от пережитых невзгод в беседах с отцом Михаилом, со временем начала тянуться к одиночному священнику не только как к духовному наставнику. Она чувствовала, как внутри еле уловимо поднимается что-то еще.

Отец Михаил читал переживания и мысли потянувшейся к нему девушки, как в раскрытой книге, все больше и больше располагая к себе «прихожанку». Он много расспрашивал о жизни Леры в Пионерском убежище после войны, о местных нравах, об обычаях и условиях, в которых приходилось существовать горстке выживших под Калининградом.

Он был добрый, спокойный и какой-то... домашний. Или это ощущение у Леры вызывали многочисленные иконы на стенах, напоминавшие о келье юродивого Птаха в Пионерском убежище. Лера не могла точно сказать. Но знала одно: с момента, как она впервые переступила порог храма, ее тянуло сюда все сильнее.

Да и рассказывать священник умел совсем не так, как это делал Батон – вечно хмурый, ершистый или попросту пьяный в дым. Что-то было в нем. Нечто новое. Что-то по-настоящему человеческое, что Лера не могла как следует разобрать, но начинала понемногу тянуться к этому необычному мужчине.

Сорокалетний отец Михаил, в прошлом чилиец Мигель, принял православие уже после Катастрофы и был крещен русским батюшкой, который умер через несколько лет после войны. Он рассказал Лере, что церковь Святой Троицы была первой православной церковью в Антарктике, построенной еще до Катастрофы на острове Ватерлоо недалеко от российской станции «Беллинсгаузен». А затем, после Катастрофы, ее с невероятным трудом перенесли к «Новолазаревской».

– Чили, – как-то, потягивая горячий чай из кружки, нахмурилась Лера. – Какое странное слово. А что это?

– Это место, откуда я родом, – с грустью вздохнул настоятель, поставил свою кружку на плитку, кочергой отодвинул заглушки и поворотил заискрившие угли. – Было когда-то такое государство на юго-западе Южной Америки. Слово «Чили» на одном древнем языке означало «холодный» или «предел».

– Холодный! – оживилась девушка. – Прямо как здесь?

– Да нет же, нет, – тихо засмеялся отец Михаил. Достал с одной из полок увесистую книгу, полистал и, развернув, положил Лере на колени. – Это совсем другая страна. Там не бывает снега. Вот, смотри.

Книга оказалась старым Атласом мира. Такие она видела в кабинете погибшего капитана Лобачева в Убежище. У Леры снова кольнуло сердце.

– Это, – настоятель повел пальцем по пожелтевшей от времени бумаге, – одно из двух государств Южной Америки, имеющих... имевших выход к Атлантическому океану, по которому вы приплыли сюда и, как я слышал, встретились по пути с гигантским чудовищем.

– Ага, – согласно кивнула Лера. – Огромный, почти с лодку! Щупальца гигантские, глаза – во-от такие! Куча глаз! А еще там были светящиеся медузы, меня даже выкинуло за борт, и я чуть не умерла от переохлаждения, а еще один из тех поляков, что плыли с нами...

Лера запнулась на полуслове, сообразив, что слишком разоткровенничалась, и поспешила сделать большой глоток, прикрыв краем чашки глаза.

Взяв с ее колен атлас, настоятель закрыл его и аккуратно поставил на место.

– Да уж, повидала ты на своем пути. И как все в конце обернулось...

– Вы не представляете...

– И давай уже на «ты», к чему все эти расшаркивания, – Михаил оглядел погруженное в полумрак ветхое помещение церкви, в котором они были одни. – Сейчас-то уже чего. Сколько нас таких, сыновей божиих, на земле осталось. Несколько тысяч? Пара десятков? Эх...

– А вы... ты бы не хотел вернуться домой? – допив прянный травяной отвар и вытерев губы тыльной стороной ладони, осторожно спросила Лера. – Или хотя бы посмотреть, что там осталось? Может быть, кто-то выжил?

– Да что там могло осться, – отмахнулся священник, и девушка впервые уловила в его голосе жесткие нотки. – Пепел, разрушение, боль. Все порушили, стерли с планеты начисто. Нет больше ничего, Лера. Больше ничего нет. И надежды нет. Некуда плыть.

– А бог на небе? Как же он?

– А что он. Бог, – устало проговорил мужчина. – Бог всегда здесь. – Он указал на свое сердце. – Вот только ничем не может уже помочь. А небо... Небо только и делает, что плачет радиоактивным дождем. А ведь когда-то давно оно было ванильным, чистым, мягким, спокойным и таким прекрасным, когда солнце садилось за горизонт.

– Но ведь мы же приплыли, – робко вставила девушка. – Вдруг и в вашей стране кто-то есть. Я вот хоть узнала судьбу родителей. Так легче. Хоть и тяжело на душе. А у тебя есть... была семья?

– Нет там никого, Лера, – Михаил отвернулся от собеседницы. – Руины, пыль да призраки. А теперь и здесь ничего. Ваша лодка – чудо. Но уже никому не нужное. Поздно. Слишком поздно.

Он помолчал и, ссугулившись, тихо закончил:

– Зря вы приплыли. Ничего нет, а снова кровь.

Лицо девушки дернулось, словно от пощечины.

– Мы не хотели, ты же знаешь.

– Никто не хотел.

Посмотрев на пустую кружку, Лера поставила ее на печь рядом с кружкой священника.

– Знаешь, за годы, проведенные здесь... Вроде живешь, а остального мира как бы и не существует. А теперь его и вправду нет. Каково это?

– Это страшно, – почти прошептала девушка.

– Страшно, – повторил Михаил. – Какая-то часть тебя просто умирает, и все. А ты даже не сразу догадываешься, почему.

– Как... как вы узнали? – спросила Лера и сама испугалась вопроса.

– Ловили обрывки передач. Связь полностью оборвалась на вторые сутки. А потом тишина. Неделю. Месяц. Год за годом, двадцать лет. Молчание и больше ничего.

Сплетя пальцы, Лера с такой силой сдавила руки коленями, что заныли кисти.

– Больше ничего.

– Я знаю, что такое одиночество, Мигель.

– Нет, Лера. Не знаешь.

– Послушай, если это из-за семьи...

Договорить не решилась, и так заранее зная, что оказалась права.

– Я не хотела.

– Можешь сейчас уйти? Пожалуйста.

Священник впервые за все время их знакомства попросил оставить его одного. Помявшись, но проглотив душившие ее слова, Лера встала и, взяв шапку, тихонько направилась к выходу. Выходит, у него была семья, которой не удалось пережить Апокалипсис, и она по неосторожности пробудила хрупкие воспоминания вновь. Девушка почувствовала себя виноватой. Хотя за что теперь им было винить себя? За боль, которую пронесешь с собой до могилы? За утраченное счастье, которое теперь являлось всего лишь словом?

Нет. Виноватыми должны были чувствовать себя другие. Палачи, которых уже давным-давно не существовало.

– Постой!

Дойдя до двери, Лера остановилась и обернулась. Догнавший ее Мигель протянул девушке небольшой сверток в ветхой тряпице.

– Вот. Возьми.

– Что это?

– Это принадлежало твоей матери. Она часто приходила сюда.

– А что внутри? – у Леры дрогнуло сердце.

– Не открывал. Она все время молилась. Наверное, за тебя. Ступай.

Вернувшись на место, священник, снова поникнув, сел перед печкой, и, глядя на мечущийся за перегородкой огонь, неторопливо зашуршал четками.

Молясь.

За кого? Для чего?

Один. Столько лет проведший вдали от мира, которого больше нет. Человек, для которого не тронутая войной, чистая от радиации земля стала земным адом.

– Прости, – прошептала Лера и закрыла за собой дверь.

Вернувшись на лодку и заперевшись в каюте, она стянула куртку, не сводя глаз с лежащего на застеленной койке свертка, который с любопытством обнюхивала мышь. Что же там? Вещи, воспоминания, слезы? Очередная боль прошлого? Чего такого могла оставить мама в одинокой церквушке на краю света. Кому?

Усевшись на одеяло и заправив за ухо выбившуюся прядку волос, Лера осторожно взяла переданную Мигелем вещь и положила

к себе на колени. Ну же, смелей. Не зря ведь отец Михаил хранил это у себя столько лет...

Наконец Лера потянула за бечевку и развернула сверток.

Несколько пожелтевших от времени тетрадных листов в линееку. Такой знакомый аккуратный почерк, чем-то похожий на ее собственный, местами чуть заваленный, – видимо, дрожала рука. И короткие строчки, столбиком, одна под другой... Лера вчиталась, чуть шевеля губами.

Красный солнца луч едва виден из-за туч,
Баю-бай, мой лисенок, засыпай.
Носик хвостиком прикрой, не достанет волк ночной,
В колыбельке ты лежишь, тихо носиком сопиши.
Баю-бай, баю-бай...

Колыбельные.

Для нее.

Письма с неба.

В некоторых местах слова были нечитаемы из-за пятен, размазывавших чернила. Силящаяся разобрать строчки Лера поняла, что это за пятна, когда обнаружила, что плачет. Отложив листок, она уперлась локтями в колени и уронила в ладони лицо.

Мама! Мамочка... Несмотря на весь ужас войны, на отсутствие какой-либо информации о том, жива ли Лера вообще, материнское сердце томилось, спешило поздравить с днем рождения, пело колыбельные своей кровиночке, прекрасно зная, что никогда уже ее не увидит.

Дурак Мигель! Зачем! Ну зачем он это сделал? Зачем разбередил и так не заживающую, полную страдания и лоскутов воспоминаний рану! Наверняка все посмотрел, потом завязал назад и прикинулся, что ничего не знает.

Конечно же, это было не так. Она знала.

Равно как знала, что боль не отпустит уже никогда.

Возвращаться в храм не хотелось, хотя Мигель был тут совершенно ни при чем. Никто уже был ни при чем.

Баю-бай.

Баю-бай...

* * *

Но пока лодка оставалась запертой во льдах, владеющий русским настоятель продолжал подолгу беседовать с Лерой, рассказывая о своей жизни до войны, и даже понемногу стал учить любопытную девушку испанским словам и фразам.

Так что теперь, помимо английского, она понемногу практиковалась в испанском, избрав себе в жертвы Паштета с Треской, которые в свободную (как всегда, сугубо по их личному мнению) минуту по обыкновению забились на камбуз и резались в домино вместо того, чтобы помогать Лере стряпать нехитрый ужин из свежевыловленной «рыбы антарктических льдов».

Тем не менее, неразлучная парочка и в этот раз против собственной воли сумела поднять Лере невеселое настроение.

— Может, вы все-таки бросите валять дурака и поможете? — не выдержав, поинтересовалась Лера, отирая пот со лба кулаком, в котором держала нож для разделки. — Тахоме нездоровится, так я что теперь, на всех мужиков одна готовить должна, что ли?

— Давай-давай. Швидше. Мы ее ловили, значит, тебе — чистить, хе, — невозмутимо парировал Треска, делая очередной ход. — Не впервые, не развалившись. Да смотри, не перевари, как вчера.

— Ага! Не проворонь, — присоединился к приятелю Паштет. — Чужой труд уважать надо. К тому же у нее ни чешуи, ни запаха, ни костей, сплошное филе. Режь себе да режь.

Как узнала Лера, этого хека окрестили «ледяным» за абсолютно белую кровь. Взяв из таза очередную склизкую рыбину, она точным движениями отрезала ей плавники и голову, выпотрошила брюшину и промыла.

— Истину глаголешь, чувак. Не зря же мы все утро зады в резинке морозили.

— *Lo sentó! Almuerzo en veinte minutos!*¹ — отложив на доску нож, неожиданно громко рявкнула девушка.

— Чего ты там лопочешь, пигалица, — не отрываясь от игры, бросил через плечо Паштет и не глядя звонко треснул потертой костяшкой о стол. — А нин-аа тебе!

¹ Чего расселись! Обед через двадцать минут! (исп.)

– Рыба¹... – разглядев костяшку, Треска разочарованно оскалил гнилые зубы. – Бли-и-ин.

– Ну, извините, – развел руками Паштет. – Сам не ожидал.

– Да шут с тобой, – отвернулся от ничьей Треска. – Говорено сколько раз было – только в шапке снаружи ходить.

– Знаю, – не оборачиваясь, беззлобно огрызнулась девчонка. – Просто надоело все. К черту пошло.

Вдруг, ловко подбросив, она поймала опасно крутанувшийся нож за ручку и с гулким стуком воткнула его в брызнувшую рыбьей слизью разделочную доску.

Парочка насмешников попртихла.

То-то, пусть не забывают, что она – охотница. Смежив веки, Лера медленно выдохнула через губы.

– Знать-то знаешь. Ан вон, видать, последнюю извилину в котелке-то и отморозила, – недовольно поморщившись, заключил Треска, явно не впечатленный показом. Или попросту его не заметивший.

– *Mallrats más animado! De lo contrario iría que aquí es usted!*² – еще больше злобно веселясь от того, что повара ни черта не понимали, прикрикнула Лера, для виду с разворота замахнувшись на приятелей половником, вынутым из бурлящей кастрюли с доходящей ухой.

Да что с ней такое? Ведет себя, как тринадцатилетняя девчонка. Бросается на всех, кусает, огрызается, как подросток. Сопротивляется неизвестно чему, лишь бы только отстоять себя. Оставить за собой последнее слово.

Просто боль была не физической. Она рвалась из глубины души. Противоречивые чувства путались, только сильнее раздражая Леру.

А ведь, как ни крути, застывшие у стола мужики были ее друзьями. Они столько вместе перенесли, добираясь сюда. Неожиданно девушке томительно захотелось одиночества.

Переменившись в лице, Лера опустила половник, с которого на недомытый пол неторопливо закапал бульон.

¹ «Рыбой» называют ситуацию, при которой все игроки имеют костяшки на руках, но не имеют возможности ходить. Подобная ситуация возможна тогда, когда на стол выложены все шесть (не считая дубля) костяшек с одинаковым значением и оба конца цепи замыкают кости с этим же значением.

² Живее, лоботрясы! Иначе я вам тут такое устрою! (исп.)

— Слушай, а может, действительно поможем, — неуверенно предложил Паштет, сгребая к себе костяшки домино и с тревогой косясь на девушку.

— Эт еще почему? — откинувшись на стуле и скрестив руки, с напускной невозмутимостью недовольно цыкнул зубом Треска.

— А вдруг она... заболела, короче. Ну, простудилась там, от... Тахомы, — предположил Паштет. — И бред у нее сейчас. Вот и порет ахинею всяющую. Смотри, белая вся.

— Xa!

Но Паштет все больше укреплялся в своей теории.

— Прикинь, если Батон узнает, что мы ее больную на камбузе гоняли, — понизив голос, чтобы не слышала девушка, испуганно сказал он. — Он же из нас калачей только так настрогает.

Уперев руки в боки, Лера с явным удовольствием наблюдала, как самодовольную гримасу Трески быстро сменяет растерянность. Такого поворота повар явно не ожидал.

— Заболела... — неуверенно протянул он и потер ладонью вислую небритую шею, словно уже ощущил на ней стальную хватку охотника на мутантов. «Да уж, такие мужики, как Батон, жопой лом напополам ломают», — подумал Треска, а вслух добавил: — От Тахомы, говоришь?

— То-то и оно, — поддакнул Паштет.

— Ладно уж, идем-идем, бесноватая, — подозрительно хмурясь, набычился Треска. Отодвинув Леру плечом, он вытащил из доски нож и принял ловко свежевать остатки рыбы. — Дуй вон, осталенным скажи, что скоро готово будет.

— Сию минуту! — сунув тряпку и половник Паштету, Лера пурей вылетела с камбуза.

— Лиса Патрикеевна, блин, — проворчал вслед Треска, кидая в дымящуюся кастрюлю новую порцию нарезанного филе. — Ведь каждый раз обведет, и как с гуся вода.

* * *

Тем временем приготовления к вылазке на «Лев Поликарпов» шли полным ходом. И немудрено — ведь каждому из членов команды хотелось поскорее убраться с чужой мертвкой земли.

Вернувшись с руин разрушенной русской станции американцы приволокли на санях пару ящиков хоть и обгоревшего, но еще сносного инвентаря. Нашлись и несколько почерневших папок с документацией по «Льву Поликарпову» и характеристиками русских ученых. Последние Батон предусмотрительно отсортировал, чтобы те ненароком не попались на глаза Лере. Эти знания сейчас девушке нужны были меньше всего.

Под руководством Ворошилова на складе обнаружилось альпинистское снаряжение, которое сейчас деловито распределяли по лодкам Савельев и Паштет.

Для вылазки отобрали самых выносливых из уцелевших членов команды «Грозного» и «Новолазаревской»: Тараса, Батона, американцев, Савельева и неразлучных поваров. Несмотря на возникшую между ним и Тарасом неприязнь, Ворошилов тоже вызвался: мол, лишние руки не помешают. Да и вряд ли кто-то сверху любезно спустит им трап – навыки альпиниста пригодятся. Старпом на это заявление только хмуро промолчал.

– Ты действительно рассчитываешь что-то найти на посудине русских? – поинтересовался Макмиллан, пока они с Мичиганом в полутемном техническом отсеке «Грозного» аккуратно распределяли по рюкзакам необходимые инструменты, отобранные Зэфом. – Я ни черта не смыслю в механике, но вот тебе мое слово, старина: это пустая затея.

– А почему бы и нет, бро. Лодка и корабль – оба военные, – чернокожий гигант привычными движениями неторопливо оборачивал промасленной тряпицей большие кусачки. – Надо на месте поглядеть, чего догадки строить.

– Ставлю шляпу, что наша прогулка будет бесполезной, – хмыкнул техасец, засовывая в пузатый брезентовый рюкзак очередной набор отверток.

– Посмотрим, бро, посмотрим. Главное, чтобы на обратном пути груженые лодки не подвели.

– Так надеешься раздобыть что-то полезное? Фонари взял?

– В той сумке.

– Угу. А не боишься напороться на своих любимых духов? – иронично поддел суеверного приятеля американец. – Настоящий ко-

рабль-призрак! Уверен, то еще местечко. Как думаешь, призраки русских страшнее фрицев?

— Опять ты за свое. Да, боюсь. Но у нас нет другого выхода. Я почти смирился с тем, что буду до конца дней морозить зад в этой проклятой дыре. Но если есть хоть какой-то, пусть маленький, но шанс двинуть отсюда... — Мичиган передал приятелю завернутые кусочки и, округлив глаза, с многозначительной миной ткнул большим пальцем себе в грудь. — Я готов рискнуть.

— Понимаю, — засовывая протянутый инструмент в рюкзак, со вздохом кивнул напарник. — Но у меня все равно о-очень плохое предчувствие от этой затеи.

Спустившись по украшенному гирляндами сосулек трапу, Лера подошла к Батону, который с пирса наблюдал, как Савельев и Паштет проверяют связанные между собой и уже частично загруженные лодки.

— Дядя Миша, я тоже хочу, — после небольшой паузы тихо попросилась она, встав чуть позади него.

Погруженный в свои мысли охотник даже вздрогнул от неожиданности и, повернувшись, удивленно оглядел напарницу. Девушка была в полной экипировке, волосы собраны в хвост. «Бизон» на плече и никаких признаков Чучундры. Из-под шапки решительно смотрят светящиеся знакомым азартом зеленые глаза. Значит, не шутит.

Эх, лисенок.

— С чего удумала?

— Сколько можно на одном месте сидеть! Или я вам уже не помощница?

— А где твоя Чипушила?

— Ее зовут Чучундра.

Шутка не прошла.

— Помощница-то помощница, но там опасно может быть. Одному черту известно, что за двадцать лет могло произойти. Мы и так рискуем, но делать нечего, не помирать ведь прикажешь в этом холодильнике.

— Но вы же со мной, — Лера похлопала по оттопыренным карманам разгрузки. — Я готова. Все необходимое собрала: нож, дополнительные рожки.

Батон мельком переглянулся с возящимся у головной лодки Тарасом, заметившим подошедшую девушку. Поймав вопросительный взгляд, старпом отрицательно помотал головой.

– Сиди-ка ты лучше на «Грозном», дочка, – снова повернулся к Лере охотник. – Кстати, как самочувствие?

– Нормально, – та нетерпеливо отмахнулась.

– А Чуча?

– Я хочу с вами, и я не боюсь! – Лера с вызовом вскинула подбородок.

Как же она хорошеет, когда храбрится. У Батона дрогнули уголки губ, но он только сильнее нахмурился. Глаза-то по-прежнему красные и опухшие. Плакала? Плакала.

С одной стороны, встряска ей сейчас не помешала бы, хоть от грустных мыслей отвлечется. Но от вылазки на таинственное, двадцать лет назад брошенное судно веяло смутным чувством непонятной тревоги. А интуиции закаленный годами охотник давно привык доверять.

– Не сомневаюсь. Но ты сейчас только место в лодке будешь занимать, а на «Поликарпове», если дело выгорит, нужны крепкие мужики. Механизмы тяжелые таскать придется.

– Во-во! Нечего у нас под ногами мельтешить, – ворчливо поддержал охотника проходивший мимо Треска, ссугулившись под весом связанных в толстые бухты веревок с позывкающими «кошками» на концах. – Пущай дома сидит, со своей старушенцией уху варит, хех. А то, чую, мы на той посудине такой аппетит нагуляем, мама не горюй. И смотри, лиса, бардак на камбузе устроишь – уши надеру.

– А ну-ка, иди, куда шел! – ядовито отозвалась Лера и, шагнув вперед, замахнулась кулачком.

– Ой-ой-ой! Фурия прям, страшусь-страшусь! – хихикнул Треска и на ходу поправил ношу, невозмутимо направляясь к одной из покачивающихся лодок. – Брысь отсюда!

– Все, марш на «Грозный», – строго скомандовал Батон.

– Но дядя Миша... – ссугулившись, Лера сделала последнюю, слабую попытку возразить.

– Никаких «но». Мое слово крайнее. Марш! На твоем месте я бы попробовал хоть немного поспать.

— Бли-ин, — разочарованно буркнула девушки и неохотно поплелась по трапу обратно на лодку, мимо двух спускавшихся навстречу американцев, навьюченных рюкзаками.

— Ну что, мужики, все готовы? — выбравшийся из лодки Тарас оглядел выстроившийся на пирсе полукругом отряд из восьми человек. — Тогда выдвигаемся.

Дождавшись, когда связанные между собой лодки отойдут на значительное расстояние, Лера поднялась по трапу обратно на борт.

* * *

Дверь с лязгом отворилась наружу, и по последней бетонной ступеньке зашелестела струящаяся ручейками ржавчина. Сколько лет к ветхому металлу не прикасались человеческие руки без защитных перчаток, Лера не знала.

Продолжая надавливать, сильнее отворяя дверь, она зажмурилась, когда в расширявшемся проеме сквозь клубящуюся пыль мелькнул смазанный диск заходящего солнца, тонкий луч которого алым лезвием хищно скользнул по щеке.

Легкую прохладу подземелья стал теснить удушливый воздух остывающей поверхности.

Вот уже двадцать лет, как предоставленный сам себе незнакомый город спал беспробудным сном. Не чувствуя страха, Лера вышла из подвального помещения разрушенной взрывом многоэтажки на небольшой, заросший бульвар, сквозь растрескавшийся асфальт которого резво пробивалась вьющаяся лиловая поrossль.

Лера не чувствовала страха или растерянности, скорее, ею владело любопытство. Залитые алым багрянцем пустующие дома и автостоянки, разграбленные ларьки и супермаркеты, в которые больше никто и никогда не придет, и видимое сквозь мельтешащую радиоактивную пыль кроваво-красное небо над головой. Пейзаж больше походил на сюрреалистичную сказку, чем на рукотворный кошмар, созданный человеком.

Вокруг царило радиоактивное лето. Но ведь на самом деле должна быть зима, разве не так?..

Девушку не пугало незнакомое место и тот факт, что она не знала, каким непостижимым образом перенеслась сюда с лодки. Значит, так было нужно.

Город не был похож на родной Пионерск и явно превосходил его по размерам. Продолжая оглядываться, Лера пошла вперед, словно находилась на экскурсии. Звонкое цокание босоножек тонуло в чернеющих оконных глазницах нависавших над головой домов.

На девушке было только короткое нежно-розовое платье с кружевной лентой на талии, то самое, в котором она была сфотографирована с родителями на единственном сбереженном снимке незадолго до начала войны. Только теперь детский наряд был чудесным образом впору взрослой девушке. Налетавший сухой ветер шевелил волосы, густой рыжей волной ниспадавшие на обнаженные лопатки.

Но как она могла нарушить все меры безопасности и выйти на зараженную поверхность вечером, без оружия и химзащиты, нарушив сразу дюжину неписанных правил любого охотника или матерого выживальщика?! Почему с ней нет дяди Миши? Кто, в конце концов, ее отпустил?

Ведь все вокруг Леры буквально сочилось радиацией! Новый порыв ветра колыхнул тюлевый подол платья, едва прикрывавший коленки.

Вот в стороне Лера заметила переливающуюся голубоватым свечением лужайку безымянных цветов, точь-в-точь как в окрестностях Пионерска, у маяка. Один из таких красавцев незадолго до отплытия «Ивана Грозного» подарил ей на день рождения дядя Миша.

«На ромашку или розу вроде не похож. Вот и гадай теперь, кто. Цветочек аленький!» – так сказал тогда ее дед.

Впереди показалась заброшенная автостоянка, где еще оставались автомобили, мшистыми глыбами вросшие в землю. Неожиданно из-за одной из них показалась высокая фигура, которая, сделав несколько шагов, замерла и, словно в приветствии, попшатываясь, подняла над головой руку.

Остановившаяся Лера козырьком приложила ладонь к глазам и пригляделась.

Дядя Миша!

Ура! Вот теперь-то все точно будет в полном порядке. Ведь только с ним Лера по-настоящему ощущала себя в безопасности. Воспи-

тавший в ней охотнику человек был не просто наставником, а застуপником и отцом.

Чувствуя, как сильнее колотится сердце, Лера ускорила шаг.

Опустив руку, дядя Миша тоже пошел навстречу, неуклюже обойдя огрызок парковочного шлагбаума с облупившейся черно-желтой «зеброй» и лопнувшей аварийной мигалкой. Что-то в его походке показалось Лере странным, но она не сбавила шаг.

– Дядя Миша! – подойдя к охотнику, радостно воскликнула девушка.

– Не... ди... уда... – хрипло проговорил Батон, и из уголков его рта с утробным бульканьем побежали алые струйки крови.

Радость сменилась испугом.

– Вы ранены?!

– Не... ди... уда... – снова повторил Батон, невидящим взглядом смотря куда-то на улицу позади Леры.

Не ходи туда – наконец, сумела разобрать вконец растерявшаяся Лера. Но куда? Куда не следовало ходить?

– Куда, куда мне не стоит ходить? О чем вы говорите? – тут только Лера заметила, что в руке дядя Миша крепко сжимал стеклянную емкость, одну из тех, что хранились в немецких контейнерах для транспортировки вируса. – Дядя Миша, что с вами случилось? Вы ранены...

Внутри Батона что-то громко хрустнуло, он запрокинул голову и, сломав в кулаке брызнувшую стеклом емкость с вирусом, издал рык, который вряд ли был по силам человеческим связкам. Его могучая грудь вспучилась, тельняшка разорвалась, и из грудины, ломая ребра, вылезло окровавленное существо со скалящимися мордами Паштета и Трески.

– А-ла-ла, а-ла-ла, – с бульканьем захлебываясь льющейся кровью, ехидно пропела плешивая голова Трески. – Появилась го-ло-ва-а-а!

Слева от девушки на застонавший корпус джипа упруго запрыгнул Ежи в своей конечной стадии мутации.

– Не бойся, доченька, я с тобой, – прорычало существо голосом блаженного Птаха.

– Не-е-ет! – отчаянно закричала Лера, потянув руку за плечо, но привычно висящего «Бизона» там не было.

По ушам резко ударили леденящий душу вой невидимых баззеров противовоздушной тревоги, эхом заметавшийся по дворам, а алое небо уже чертили дугообразные топливные следы, тянувшиеся за мерцающими звездочками приближающихся боеголовок. Окружавшие ее чудовища хором завыли.

Лера попятилась прочь от Батона, и что-то тут же схватило ее за лодыжку, в том самом месте, где на коже остался спиралевидный точечный след от злополучного укуса мутанта-Матери еще в Пионерске, до отплытия лодки.

Посмотрев вниз, девушка увидела высунувшуюся из земли голову метеоролога Савельева, чьи глаза вращались в глазницах, а лицо бугрилось и растекалось, словно тающий воск.

Из раскрытого рта тянулся длинный шипастый язык, пачкавший кожу Леры липкой паутинообразной слюной. Обезумевшая от ужаса девушка попыталась стянуть его, но он неожиданно вывалился из раззявленных челюстей. Голова Савельева с чавканьем взорвалась, до колен испачкав ноги Леры кроваво-сероватыми сгустками.

Прижав кулакки ко рту, девушка громко завыла, наблюдая, как из развороченной массы, откуда пульсирующими толчками на асфальт вытекала бурая кровь, с клокотанием поднимается ее собственное облепленное извивающимися червями лицо...

Лера попятилась прямо на грузно навалившегося Василя, который сбил ее с ног и перевернул лицом к себе. Крепко держа девушку за волосы, он принял ножом отпиливать ее ухо, второй парой рук срывая с брыкающихся бедер джинсы, рвущиеся на кровавые лоскуты...

Лера закричала и рванулась, скидывая на пол одеяло, и до смерти перепугала мышь, спавшую в ботинке. Потревоженный зверек с громким писком отбежал в дальний конец каюты, недовольно поджав хвост.

— Прости меня, Чученька, — непослушными губами пробормотала Лера, убирай с лица склеенные испариной волосы. — Ради бога прости. Я не хотела тебя пугать.

Девушку бил сильный озноб. Сколько, ну сколько еще это может продолжаться? Она не в силах больше бороться с не желающими отступать кошмарами. Не помогало даже снотворное, которое с по-

мощью Савельева все-таки удалось раздобыть в медпункте. Наоборот, с каждым днем становилось все хуже.

За что ей все это?

Сколько сейчас времени? Сколько она проспала? Поджав ноги и прижавшись пылающим лбом к дрожащим коленкам, Лера зрыдала.

– Я не могу больше так. Пожалуйста, отпустите меня.

С каждым разом кошмары становились все более страшными, кровавыми и жестокими. Настолько реальными, что Лера боялась ложиться спать. На выручку приходила лишь усталость от тревог и пережитых лишений последних дней. Да беседы с отцом Михаилом, которые становились все чаще. Только от них на душе у девушки на какое-то время восстанавливался хрупкий покой.

В колыбельке ты лежишь, тихо носиком сопишь.

Баю-бай, баю-бай...

– Мамочка. Где же вы все?!

Размазав по лицу слезы, кое-как натянув прилипшую к телу тельняшку и джинсы, Лера нетвердой походкой выбралась из каюты, спустилась по трапу и, то и дело задевая головой змеящиеся по стенкам трубопроводы, заторопилась в санузел, чувствуя подступающую дурноту. Едва она, упав на колени, успела откинуть крышку гальюна, как ее безжалостно вывернуло желчью. Подождав, пока пройдет спазм, трясущаяся Лера поднялась, опираясь рукой о стенку, но из-за судороги не смогла справиться с системой клапанов слива фановой воды – босая нога то и дело соскальзывала с педали спуска.

– Да пошла ты к чертовой матери! – из последних сил надавив, Лера наконец смогла включить зашумевший слив.

Опустив крышку, она села на унитаз, уперев пылающее лицо в сжатые кулаки. В родном Пионерске думали, что живут в аду, но они ничего не знали.

Настоящий ад был здесь. В белом, орошенном кровью бесконечном плену, жадно высасывавшем из жалких остатков человеческой расы разум и души. От очередного осознания того, что все их невероятные усилия были напрасны, что все жизни, которые им при-

шлось потерять, и лишения, которые пришлось перенести на пути к Антарктике, оказались всего лишь пшиком, иллюзией, внутри Леры вновь заклокотала чудовищная бессильная злоба, от которой замутило и потемнело в глазах.

– Будьте вы все прокляты, – прохрипела она, чувствуя во рту желчную горечь, – словно лизнула батарейку. Нужно было прополоскать рот. – Почему я расплачиваюсь за вашу войну?

Хотелось кому-то выговориться, но идти в церковь к Мигелю сейчас не было ни сил, ни желания.

Попробовать починить лодку – что за бредовая идея! Разве не очевидно, что все они останутся здесь, пока не умрут. Медленно, от голода и неизвестной болезни.

А ведь несколько ящиков этой дряни с базы «211» все еще находились на борту. Незадолго до нападения австралийских убийц-мадореров члены команды успели перенести пару контейнеров со штаммами вируса на борт «Грозного». Вот только где именно они хранились, Лера понятия не имела: посвящать ее в детали, разумеется, никто не стал.

Правда, остальные не знали, что во время собрания в каютах-компаниях, когда было принято решение о вылазке на «Поликарпова», притаившаяся в коридоре девушка с замиранием сердца услышала предложение уничтожить вирус.

Скорый на решения Батон даже выдвинул мысль завалить вход в базу взрывчаткой, чтобы заново погрести под завалами неукротимую чуму.

Вот только охотников до такой работы нашлось не ахти как много. Паштет с Треской – так те вообще тряслись от страха. Трусы. Как их еще в команду набрали. Дядя Миша запретил ей отправиться на корабль родителей, а она одна стоила двоих таких поваров.

Дело было к полудню, – а значит, она полежала всего ничего, и отряд с «Поликарпова» еще не вернулся. Озnob постепенно отступил, а вместе с ним притупилась и ярость. Поднявшись, Лера умылась и прополоскала рот, сплюнув вязкую горчащую слюну в раковину. В дверном проеме показалась любопытная мордочка Чучундры.

Лера открыла пудреницу, подаренную Юриком, единственный осколочек дома, который у нее остался. И не узнала лица в отражении.

нии. Оттуда, из зазеркального мира на нее смотрел совсем другой человек, взрослый, незнакомый, с заострившимися чертами лица и выступившими кругами под глазами. Кто-то чужой, загнанный и злой.

Птица щастья завтрашнего дня
Прилетела, крыльями звеня.
Выбери меня!
Выбери меня!
Птица щастья завтрашнего дня...

В памяти зазвучала беззаботная песенка, которую горланил, путая буквы, шныряющий по Убежищу мальчишка, подаривший ей в путешествие еще и самодельную рогатку. Как будто воинственное оружие детства смогло бы ее защитить. От чего? Рогатка годилась сейчас только на то, чтобы тренироваться в меткости, постреливая в пустые банки из-под консервов, расставленные по всему судну в виде случайных мишеней.

Сколько же с тех пор выплеснулось жестокости, когда Лера, спасая Батона, застрелила капитана австралийских налетчиков.

Ссугулившаяся девушка тяжело вздохнула. Теперь помимо мутантов она умеет убивать и себе подобных. И совсем не из рогаток. Правда, хватит ли у нее силы и выдержки совершить такое во второй раз, Лера не знала. Новый изуродованный мир диктовал новые правила, под которые приходилось подстраиваться, иначе за зазевавшимся неизменно приходила горбатая с косой.

Лера снова мысленно спросила себя: правильно ли она сделала, пробравшись в ту ночь на лодку, так легко порвав с хоть и хрупким, но все-таки худо-бедно налаженным за столько лет существованием? Прислушалась к своим ощущениям.

Променять более-менее сытую жизнь в теплом, защищенном Убежище, пусть и не с любимым человеком, но в статусе жены сына одного из Старейшин, – на безвестную жестокую смерть от голода и болезней в молчаливом и пустынном ледяном плену. Ради чего? Для кого?

Нет. Это был ее осознанный выбор. В этом мире не осталось больше ничего, кроме надежды. Прятаться под землей, как грибы,

на потеху радиации и расплодившейся нечисти... Нет, и еще раз нет! В конце концов, родители не хотели бы, чтобы она сдавалась и опускала руки. Она дочь исследователей, тренированная охотница, и пока в ее груди бьется сердце, нужно действовать.

Лера тряхнула челкой и, закрыв пудреницу, поманила пальчиком мышь.

– Ну что, маленькая, думаешь, все?

Карабкаясь по штанине, Чуча воинственно пошевелила усами.

Как бы в такой ситуации поступил отец? Лера была абсолютно уверена, что точно так же. Он попытался бы всех спасти.

– Еще повоюем, да, – погладив зверька, девушка улыбнулась и поправила сползшую на плечо тельняшку. – Я ведь лиса. А они просто так не сдаются.

Взрывать нельзя. Не ровен час, на оставленный Лерой сигнал на ведается кто-то еще и заново вскроет таящийся во льдах гнойник. Нужно уничтожить гадость на корню. Выжечь дотла, а потом уже и завалить, чтобы наверняка. И если взрослые мужики трясутся от страха при мысли о катакомбах, это сделает она сама. Исподволь. Пусть и одна.

Перед глазами встала катающаяся в снегу изуродованная воющая масса, когда-то бывшая Ежи, которую пожирали ревущие языки пламени. Да. Сжечь, дотла. До пощелкивающих, мерцающих, медленно затухая, углей.

Азат как-то показывал ей, как правильно обращаться с ранцевым огнеметом. Это было всего один раз, но Лера надеялась, что быстро все вспомнит.

Еще немного посидев с мышью на коленях, девушка поняла, что в голове начинает созревать четкий и на первый взгляд вполне выполнимый план. По крайней мере, на тот момент ей казалось, что у нее получится.

Сначала база, а с контейнерами на борту она потом придумает, как разобраться.

Глава 3

2013

К полудню развиднелось. Путешествие затянулось на несколько изнурительных часов, но небольшой отряд смельчаков уверенно приближался к намеченной цели. Гребли неторопливо, с осторожностью погружая короткие весла в спокойную синеву раскинувшегося вокруг бескрайнего моря. Хрупкие суденышки медленно продвигались к виднеющейся вдалеке громаде русского исследовательского судна размером с авианосец, служившего надежным ориентиром.

Мышцы были натруженены однообразными движениями, лица обветрены солью. Батон внутренне порадовался, что Лера осталась на лодке. Многочасовая гребля в таких условиях была испытанием даже для заматерелых, выдавших виды мужиков. Чего уж говорить о хрупкой девушки, выросшей в изоляции после войны.

– Ну что, – Макмиллан с напускным задором ткнул локтем в бок сидящего рядом Мичигана, который по мере приближения громады «Поликарпова» становился все мрачнее. – Заглянем к духам в гости?

– Не надо шутить, бро, – напряженно откликнулся тот, откручивая крышку термоса, из которого дохнул горячий пар можжевелового отвара. – Не сейчас.

– Не волнуйся, – хмыкнул техасец и заверил: – В случае чего я прикрою твой зад. – Пьющий из крышечки Зэф пробулькал что-то невразумительное и, завинтив емкость из нержавейки, снова принялег на зажатое между колен весло.

– Давайте вон к той трещине, – скомандовал сидящий в первой лодке Тарас, когда до исполинского корабля оставалось несколько сотен метров, и указал веслом на ближайший разлом, размерами походивший на расщелину в скале. – По-другому на борт все равно не попасть, так, Ворошилов?

– Надо поближе посмотреть, – пожав плечами, откликнулся спелеолог. – Но судя по всему, да.

– Это ж где такие громадины-то делали, – присвистнув, проборомтал Паштет, когда над головами людей обледенелой стеной потянулся массивный борт навеки застывшего «Поликарпова». – Сколько народу тут вместиться могло. Целый город.

При ближайшем рассмотрении сходство судна с выпотрошенной рыбиной становилось еще сильнее. Из трех проломов в центре корпуса от днища до палубы торчали вывернутые наружу провода всевозможных цветов и толщины.

Изуродованные куски корпуса и обломки переборок служили пристанищем для многочисленных буревестников. Теперь ясно виделось пришедшее в упадок убранство покинутых кают, обильно присыпанных снегом, словно сахарной пудрой. И по-прежнему никакого намека на былое присутствие людей. Ни тел. Ничего.

– На верфях, где ж еще, – сквозь налетевший порыв ветра ворчливо откликнулся гребущий позади приятеля Треска.

– Как он вообще на воде держался, – не забывая про весло, долговязый рыбак продолжал завороженно оглядывать заброшенное судно. – Махина-то какая. Это ведь тот самый, на котором Леркины родители приплыли, слышь.

Паштет притих и прикусил язык, перехватив недобрый взгляд Батона.

– Слушай, я тебе не энциклопедия и не судовой учебник, чувак, – страдальчески скривился толстяк, на которого вновь резко навалилась агорафобия, до этого на время отступившая под написком кровавых событий последних дней. – У кэпа вон лучше спроси. Ему виднее.

Но беспокоить Тараса по пустякам Паштет, отвлекшийся от созерцания нависающей над ними громадины, сейчас не решился. Вместо этого он выудил из подсумка счетчик и направил его в сторону «Поликарпова».

– Пока вроде нормально, можем приставать.

В этот момент первая лодка мягко стукнулась о пологий ледник, на двадцать лет прочно приковавший к себе так и не вернувшееся домой исследовательское судно, и люди из небольшого отряда, навьюченные рюкзаками, один за другим стали перепрыгивать на твердую землю.

* * *

– Осторожней! Балка неустойчива! – сложив ладони рупором, в очередной раз прокричал задравший голову Савельев.

– Не орите под руку, мешаете ведь! Задолбали уже! – огрызнулся карабкающийся по выступам на краю разлома Ворошилов, на спине которого висела смотанная веревочная лестница.

Прихваченные Треской кошки оказались недостаточно длинными, чтобы достать до виднеющегося в разломе потолка нижней палубы. Поэтому было решено закрепить на них лодки, глубоко воткнув острые крючья в лед. Веревочная лестница оказалась очень кстати, но как ее доставить наверх? И вот теперь спелеолог с помощью альпинистского снаряжения неторопливо поднимался все выше и выше, тщательно взвешивая каждый новый шаг.

– Давай быстрее, чувак! – поторопил переминающийся на льду Треска. – Холодно тут, на ветру!

– Не хочешь сам попробовать? Думаешь управиться быстрее меня? – откликнулся остановившийся перевести дух Ворошилов, фиксируя жумар¹. Он быстро вспотел, громоздкий полярный комбинезон и увесистая заплечная ноша сковывали и без того затрудненные движения.

– Чего рассусоливаешь? Тут же вон, все видно, по каким трубкам и палкам лезть. Раз-раз и готово! В детстве по деревьям не лазал, что ли?

¹ Жумар — элемент снаряжения альпинистов, спелеологов, спасателей и скалолазов, применяемый в веревочной технике для подъема.

– Знаешь что сделай со своими советами, умник... – удобнее перехватив страховку, Ворошилов снова начал осторожно карабкаться наверх, сопровождаемый недовольным клекотом кружащих в воздухе буревестников, потревоженных вторгшимся чужаком. – Между прочим, не я придумал на этот корабль соваться. И кстати, я спелеолог, а не альпинист.

– Чего тогда полез? – вмешался в перепалку Паштет.

– А среди вас есть кто-то более опытный?.. – заговорившись, Ворошилов наступил не на ту трубку, торчащую из распоротого борта, и под его ногой с треском раскрошился проржавевший обледенелый металл. Мгновенно потеряв опору, спелеолог едва не рухнул вниз, едва успев ухватиться за какой-то торчащий сбоку штырь.

– Твою ж!.. – резкий толчок о палубу выбил из легких остатки воздуха.

Следящие за смельчаком люди издали взволнованный вздох.

– Порядок, я держусь! – заверил Ворошилов и зафиксировал вторую руку, при этом ободрав перчатку о примерзший птичий помет. – Держусь!

– Отставь разговоры, – рявкнул на поваров Тарас. – Не мешайте ему! А то и впрямь сейчас следом полезете.

Наконец Ворошилов достиг края потолка, с последним усилием подтянувшись на руках, заполз на рифленый металл и облегченно выдохнул. В пустынном чреве корабля, быстро затихая, отозвалось эхо, впервые за много лет отражая от стен человеческий голос:

– Все! Я внутри! Внутри!

– Паштет, ты первый! – скомандовал Тарас, когда сверху извивающейся змеей скользнула разматывающаяся лестница. – Хорошо закрепил?

– Да. Можете подниматься. Только по одному!

– Как мы агрегаты спускать будем, если вдруг что найдем? – поинтересовался у спутников Савельев.

– А веревки на что? – Треска похлопал по пузатому рюкзаку.

Тем временем Паштет, подергав лестницу, начал шустро карабкаться по распоркам.

– Странно, – к Тарасу приблизился Батон, все это время что-то внимательно высматривающий на корабле.

– Ты о чём?

— Почему гнезда буревестников расположены только в разломе? И не по всему пространству, а только на концах самых длинных балок и арматурин. Видишь? На тех, что дальше всего от корпуса.

— И что? — пожал плечами старпом, оглядывая птичьи жилища, сплетенные из обрывков разноцветной проволоки и сухих водорослей, явно принесенных с материка. — Гнезда от ветра защищены.

— Но им же явно не хватает места. Корабль огромный, а на палубе ни одного гнезда.

— Это ж птицы, поди разбери. Так, Савельев, давай, ты следующий.

Пока метеоролог, пыхтя, воевал с лестницей, Батон продолжал задумчиво разглядывать кружящих над разломом клекочущих птиц. Поведение животных отчего-то ему очень не нравилось.

* * *

Ни тел, ни даже каких-либо признаков мусора. По крайней мере, на той палубе, куда один за другим неторопливо выбирались члены отряда. Абсолютно ничего. Только голые, покрытые коркой льда стены, пол и потолок.

— Как в склепе, — негромко оценил Савельев, и Треска испуганно шикнул:

— Не каркай, чувак!

— Скорее всего, это грузовой отсек. Разделимся, — закинув рюкзак на плечо, Тарас оглядел выстроившихся полукругом мужчин. — Паштет, Треска — верхняя палуба. Осмотритесь.

— Будет сделано, кэп.

Приняв у старпома бинокль, кок с важным видом повесил его на грудь. Понимая, что особой помощи, кроме лишней пары рук, от неразлучной парочки ждать как всегда не придется, Тарас решил определить их на самое легкое задание. Иначе будут только под ногами мешаться или натворят чего.

— Батон, Савельев — рубка и связь. Американцы — технические отсеки. Ворошилов — со мной, поищем каюту капитана. Очень хочется заглянуть в судовой журнал и постараться понять, что за чертовщина тут приключилась. В случае опасности зовите на помощь.

— Как мы не заблудимся в этом лабиринте? — глянув на коридор за повисшей на одной петле полуovalной дверью, из которой дох-

нуло промозглым арктическим ветром, Паштет поежился. – Тут сам черт ноги сломит, а раций-то у нас нет.

– Вот, – Тарас достал из бокового кармана рюкзака четыре разноцветных грифельных стержня. – По одному на пару. Будете чертить по пути, чтобы не заблудиться. Стрелки, пометки, кому как удобнее.

– А во сколько сбор? – в свою очередь поинтересовался Треска и поправил ушанку. – Долго нам тут зады отмораживать?

– Пока все не обыщем или не найдем что-нибудь полезное. В общем, к вечеру на этом месте, – Тарас посмотрел на видимый в пролете далекий морской горизонт. – Более точного времени назначать нет смысла, поскольку часы есть только у Паштета.

– Сейчас полвторого, – звонко отчитался Паштет, выпятил грудь под завистливым взглядом Трески и вернулся на место отогнутый рукав натовской куртки. Старинные наручные часы являлись предметом его особой гордости, поскольку были механические, а не электронные, и не пострадали в войну.

Как драгоценность с загадочной для молодого поколения надписью *«carl zeiss»*, двадцать лет исправно отсчитывающая минуты молчания по человечеству, ни с того ни с сего угодила к нему в руки, не знал даже дувшийся на эту тайну Треска. И на мен Паштет никогда не шел, какую бы своеобразную роскошь нового мира не предлагали взамен лазавшие на поверхность мародеры и залетные караванщики-торгаши.

Нет, и все тут.

Украсть не пытались: Убежище-то одно – и рано или поздно воришка все равно объявится, либо пропажа всплывет в самый неподходящий момент. А в подземном бункере, приютившем несколько членов личного состава ВМФ и их семей, за кражу полагалась высшая и самая страшная мера наказания в изуродованном радиацией мире – изгнание на поверхность.

Флотская дисциплина за двадцать лет сохранилась, как во времена ДО. Но в те дни, когда у пионерцев гостили караванщики или мародеры из окрестностей, Старейшины всегда незримо усиливали охрану. От залетных можно было ждать чего угодно – начиная с грабежей и заканчивая фатальными диверсиями по захвату территории.

– О-о-о! Эй, паря, сменяемся на тýкики, ы? Зырь, чё есть! – както, когда Паштет решил посмотреть завозной товар в передвижном рынке, к нему обратился один из многочисленных барыг. На ящике перед ним на брезенте были разложены какие-то ветхие черепки.

– Не интересует, – на ходу отмахнулся рыбак.

– Да не торопись, я за твои вот что тебе, – масляно сверкнул уцелевшим глазом жирный брыластый торгаш.

Заметив, что прохожий замешкался, торговец уже выудил откуда-то из-под ящика нечто, завернутое в несколько слоев тряпья, и через мгновение Паштет чуть не ахнул от неожиданности. Внутри оказалась поразительной красоты статуэтка девушки, сидевшей, поджав ноги, такой белизны, что пионерец чуть не зажмурился.

– Как говорится, эксклюзифчик, – смрадно дыша перегаром и вцепившись в покупателя, поманил скряга-коротышка кургузым пальцем с грязным ногтем. – Мне один клан за нее тысячу патронов торговал, прикинь. А я тебе за тýкики в мен отдам, ы? Вижу ж, что довоенец, а мы в таких вещах друг друга должны понимать. Время-то тебе зачем под землей? То-то и оно, брателло. Не полезнее, чем жопа с ручкой. А так – красота-красотулечка, краle своей подаришь, у нее глаз порадуется. Глядишь, еще и поблагодарит от души.

Без устали лопочущий торговец мерзко причмокнул, так что однокому Паштету захотелось от души съездить по приплюснутой роже.

Миниатюрное лицико то ли из фарфора, то ли подобного из чего-то еще было настолько ангельским и воздушным, настолько не вяжущимся с царившим вокруг ужасом и звериным цинизмом, что рыбак шарахнулся от лотка с антиквариатом, как ошпаренный, прикрывая часы рукой.

Даже после войны люди сумели изобрести себе новые деньги. Тысяча патронов! Немыслимая, несусветная сумма в мире, где человеческая жизнь не стоила ровным счетом ничего. Такие сокровища некоторые семьи втайне собирали всю свою короткую, полную лишений жизнь, да и то не успевали в большинстве своем.

В обмен на что... Для кого? В надежде на более благополучное будущее детей? Самообман. С каждым новым поколением уцелевшие будут вырождаться, дичать и звереть, пока однажды не сгинут совсем.

Счастья не будет. Иллюзия.

Паштет ни за что бы не променял свои часы на прекрасную статуэтку. Даже представить не мог ее среди сетей и прочего хлама, обветшавшего в его каморке за двадцать лет. Хотя сердце и сжалось. Сжалось от того, что перед ним на мгновение вновь мелькнул прозрачный осколок далекого, безвозвратно исчезнувшего прошлого, в которое он, Юрий Николаевич Яхонтов, в две тысячи тринадцатом еще полный надежд молодой выпускник Факультета промышленного рыболовства Калининградского государственного технического университета, уже никогда не вернется.

Мир, который давно, несмотря на боль, уже стоило отпустить и забыть, доживая свой век на безвкусной грибной похлебке.

Теперь и имен-то почти нет.

Паштет.

И того юноши больше нет. А может, никогда и не было. Но он знал, что прекрасное лицо неизвестной девушки еще будет ему сниться, пока тоже не сотрется из памяти, как и другие воспоминания.

Что связывало Паштета с часами? Память о близких или неимоверная по нынешним меркам цена, которую пришлось за них отвалить? Никто не знал. И, конечно же, никто не видел, как бесшабашный, извечно суеверный повар с вытянутым крысиным лицом после отбоя осторожно запаливал чадящую карбидку у себя в отсеке, насквозь пропахшем развесанными по стенам сетями, и, обхватив колени руками, подолгу сидел и смотрел на часы. Которые продолжали бесшумно идти в полумраке.

Ведь на мрак, окутавший человечество, времени было плевать. И забившиеся под землю люди все чаще отвечали ему тем же. Забывались праздники, слова и песни, дни недели, имена и лица погибших близких.

Мрак. Часы стали бесполезны, потому что теперь было нечего ждать. Ходики человечества встали.

Правда, один раз все-таки беда чуть было не случилась, когда незадачливые рыбаки во время очередного рейда в Пионерске едва не угодили в аномалию, и стрелки на циферблате словно взбесились, начав вращаться туда-сюда.

Тогда перепуганный насмерть Паштет вымолил у Лобачева разрешение подняться на «Грозный» и перевести часы в соответ-

ствии с электронными, которые на атомоходе продолжали исправно работать.

Он никогда не любил «электронки» с меняющимися цифрами. В механических было свое, ни с чем не сравнимое очарование. Они шли. В них было *движение*.

Вот только двигаться уже давно было некуда.

— Добро. Значит, вы по часам, остальные — по солнцу, — выслушав Паштета, кивнул Тарас. — Да и корабль так запросто не обойдешь, так что спокойно собираемся здесь.

— Погодите, — сказал Савельев.

Опустив на пол один из рюкзаков и расшнуровав его, Мичиган раздал окружившим его мужчинам компактные динамо-фонари.

— Используйте их, пока я не найду генераторную и не попытаюсь восстановить центральное освещение. Вращение ручки в течение шестидесяти секунд дает заряд энергии на тридцать минут, — неторопливо напутствовал он, давая Савельеву возможность переводить. — Еще неизвестно, сколько нам потребуется времени.

— Хотелось бы как можно меньше, — ворча, Треска карабином закрепил свой фонарь на поясе. — Мне все эти ваши приключения вот уже где сидят.

— А раций разве нет? — уныло спросил Паштет.

— Не бухти, — одернул его Тарас. — Может, тебе еще и унитаз золотой? Разговорчики. День на дворе, авось не заблудишься.

Получив задания, команда, разбившись на пары, осторожно разбрелась по недрам мертвого корабля, освещая себе путь бледным светом фонариков.

* * *

Вооруженному чертежами Мичигану довольно быстро удалось вычислить верное направление, — благо, основные силовые установки находились практически по центру разломившегося судна, на нижних палубах, где они с Макмилланом вскоре остались одни.

Подкручивая жужжащую ручку фонаря, неторопливо идущий по накренившемуся коридору Макмиллан тихо настыпал «У Мэри был маленький ягненок». Негромкий мелодичный звук мягко раз-

летался по помещению, словно в недра заброшенного корабля случайно забрел одинокий призрак ковбоя из далекого прошлого.

Хмыкнув собственным мыслям, Рэнди переместил замусоленную деревянную палочку в другой угол рта. Техасцу было не по себе, и эта маленькая беспечность хоть как-то помогала сопротивляться с каждым шагом все сильнее подступающему напряжению. Зря они разделились. С кораблем русских было что-то не так.

– Можешь не свистеть, бро? У меня мороз по коже.

Продвигаясь вперед вслед за могучей спиной Мичигана, Рэнди осматривался, медленно поводя из стороны в сторону фонарем. Куда, черт подери, подевалась команда? Должны же были остаться хотя бы кости. А учитывая низкие температуры, процессы гниения в этих широтах и вовсе протекали куда медленнее обычного.

Под ребристыми подошвами тяжелых ботинок шуршал и похрустывал наметенный с годами снег. Тусклые пятна света от фонариков, скользя по стенам и потолку, тут и там выхватывали из сумрака полустертые выведенные по трафарету цифры, обозначения, надписи, которые, несмотря на то, что почти двадцать лет просидел бок о бок с русскими, американец не понимал. А ведь это могло серьезно ускорить поиски.

Везло Мичу. Он настолько бегло читал все эти чертежи, что ему и язык-то не требовался.

– Эй, не отставай!

Продолжая осматриваться, насвистывающий Макмиллан свернул вслед за приятелем в очередной коридор.

* * *

– Жил отважный капитан¹... – Батон и сам не понял, каким образом слова старой песенки пришли ему на ум. Как-то само собой получилось. Он вспомнил, как еще мальчишкой до дыр засматривал видеокассеты с фильмами «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой». Отважные юноши и девушки, бескрайние водные просторы и соленый ветер в лицо – что еще нужно уважающему себя человеку после надоедливой школы...

¹ Здесь и далее – песня «Жил отважный капитан». Слова Вл. Лебедева-Кумача.

Старый охотник мрачно усмехнулся: фильм про загадочную подлодку стал для него вещим.

Всех их изменила война. Перелепила, разбросала кого куда по одной ей ведомой прихоти. Батон уже и не знал, когда в последний раз позволял себе расслабиться и отдохнуть. Наверное, в прошлой жизни. С семьей. С армейскими пацанами или сослуживцами.

А потом...

Потом разве что с бутылкой. Он вспомнил первые дни после удара. Проклятый две тысячи тринадцатый. Страх и острое ощущение безысходности. Ночи на подземной автостоянке, пока бушевало пожарище и оседала радиоактивная пыль. Обнаруженную «Ниву» с палаткой и прицепом, полным рыболовного инвентаря и спиртного. Мольбы продавщицы из киоска напротив, которой он так и не нашел в себе силы помочь... Как примерно через неделю его подобрали мародерствующие выживальщики, идущие в Пионерск.

Из сумрака, размытые, словно поднимались из морской пучины, простили лица Димки и Жени, ушедших тогда в зоопарк. Ноздри пощекотал запах свежей выпечки...

Может, его сыну повезло, что он так и остался навсегда ребенком. Застыл в самом драгоценном и священном для каждого мгновении.

В детстве.

Многие приятельствовавшие с Батоном мародеры скрывали свои чувства под агрессией и масками безразличия. Со временем и Батон научился быть таким.

Пока не подросла Лера, заменившая ему дочь. Маленький человечек, которому одному во всем проклятом мире удалось растопить скованную льдом душу охотника и немного подлечить его раны. За нее Батон был готов убить даже в родном Убежище.

Охотник с Савельевым осторожно поднимались по лестнице, пробуя каждую ступень, а слова старой песенки вновь и вновь приходили в голову. Пусть и не к месту, но было в них что-то родное и успокаивающее, веющее извечной морской выпряткой, беззаботностью и лихой отвагой. С каждым новым шагом заброшенный российский корабль нравился Батону все меньше и меньше. О том, что мельком увидел сквозь щель в каюте шагов тридцать назад, он Са-

вельеву не сказал. Сам не заметил, и ладно. Нечего тревожить почем зря. Может, и показалось.

— Батон, ты чего, перед вылазкой принял, что ли? — тяжело дыша, поинтересовались из-за спины, и идущий впереди охотник понял, что негромко напевает вслух.

— Иди в жопу, — не оборачиваясь, беззлобно огрызнулся он. — Трезвый я. Под ноги лучше смотри, тут вон ступенька кривая. Ты путь помечашь?

— Помечаю-помечаю, — проворчали позади.

И все-таки присутствие шагавшего за спиной Савельева ободряло. Всегда хорошо, когда есть кому в случае чего прикрыть спину. Особенно на чужой территории.

А в том, что они здесь незваные гости, Батон уже практически не сомневался. Наметанный глаз охотника дважды ошибиться не мог. Ладно, будем держать ухо востро — иного выбора у них все равно уже нет.

Раньше Батону доводилось видеть такие суда разве что только в журналах и телепередачах. Но он никогда бы не подумал, что в один прекрасный день сам окажется в чреве стального гиганта, полностью предоставленный самому себе. Смотри — не хочу.

Мать честная, сколько тут было всего! Вот, видать, куда Москва и секретные учреждения вбухивали свои несметные миллиарды, а с ними и золотые головы, которые тут же и ложились. Запертые в катарамбах лабораторий ученые, инженеры, техники, отбираемые со всей страны самородки, которым не разрешалось бежать за границу.

Знали ли они, что, проектируя тысячетонного монстра, создавали не корабль, а памятник собственному труду? Кем был Лев Поликарпов, именем которого по древней морской традиции окрестили судно? Моряком, солдатом, ученым? Создателем плавучей станции? Батон знал, что вне зависимости от рода занятий такой почетности удостаивались либо настоящие герои, либо святые-великому-ченики.

Длинные изгибающиеся коридоры — лифты! — перегородки между жилыми и техническими отсеками, лестницы, двери в спальни-каюты и многочисленные лаборатории, змеящиеся трубы и пузатые, припорощенные снегом вентили, — все в обрамлении сложных приборов и устройств.

Всюду облупившиеся и выцветшие маркировки, надписи, цифры и сокращения – да уж, тugo придется америкашкам. Маху дал Тарас – надо было их хоть по одному к русскому прикрепить, а не вместе слать. Хотя кроме идущего позади охотника Савельева иностранного языка не знал больше никто.

Внутри «Лев Поликарпов» казался настоящим плавучим городом. Сколько же он мог вместить людей? Несколько сотен? Больше полутысячи?

Батон вспомнил слова Тараса о том, что «Поликарпов» был оснащен сверхтехнологичными спутниковыми приемниками, системами наведения и даже входил в состав космической группы войск. Наполовину исследовательский, наполовину военный. Целая передвижная мобильная база. Сколько же секретов и тайн можно найти в ее недрах! Секретов, не предназначавшихся для посторонних глаз, а в нынешние времена и вовсе никому не нужных.

Значит, погибшие родители Леры были не простыми учеными-биологами с присущим людям такого рода духом авантюризма, а трудились на правительство и военный аппарат. Занимались ли они разработками биологического оружия или смертельных вирусов, с одним из которых команда «Грозного» столкнулась во льдах? Ставили ли эксперименты? Сколько жизней на их счету...

Батон тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли. О мертвых либо хорошо, либо...

У убийц не могла бы родиться такая дочь. Хоть они ее и не воспитывали.

- Ты чего отстал?
- Я здесь, пометку делал.

Продолжая осмотр, Батон подкрутил ручку фонарика. Единственное наследие, которое оставило после себя человечество, было делом рук военных. Секретные базы, воздушные, подводные, космические и подземные. Законсервированные вирусы и их штаммы, боеголовки и целые замороженные ангары с техникой, созданной с единственной функцией – разрушать... В России, Германии, Америке, Антарктике, черт знает где еще.

Затаившиеся гнойники, ждущие своего часа под кожей изнасилованной катаклизмом планеты. Наследие по имени Смерть. Вовать только больше некому.

— Какая же здесь должна была быть метеостанция, — мечтательно протянул Савельев, словно прочитав мысли Батона.

— Громадная, будь уверен, — ответил тот, продолжая обшаривать стены и потолки фонариком.

Вдруг где-то дальше по коридору и чуть в стороне, в темноте за пределами луча света что-то отдаленно лязгнуло, а потом натужно заскрипело. Батон и Савельев замерли, прислушиваясь. Звук стал удаляться и быстро затих.

— Что там? — в наступившей тишине шепот Савельева прозвучал так громко, что Батон вздрогнул от неожиданности.

Корабль-призрак, мать его. Надо было все-таки с собой стволы взять, но бережливый Тарас, несмотря на то, что территория незнакома, наотрез запретил брать огнестрельное оружие, ссылаясь на его драгоценность. Корабль-де все равно пустой, а арсенал в Антарктике где пополнишь? Неизвестно, что их еще ждет впереди. Ну-ну. Жопа и голодная смерть ждет, если как можно быстрее не придумают, как ноги отсюда сделать.

Мало Тарасу встречи с кальмаром было. Чтоб его. Черт! Сейчас у них из оружия только дубинки и ножи, которые вставлялись в специальные крепления, превращаясь таким образом в мини-копья для охоты на тюленей. Хороша амуниция, нечего сказать. Еще у каждого имелась пара фальшфейеров, болтавшихся на ременных петлях. Если что, только и останется, что ноги уносить.

А как бы сейчас повела себя Лерка? Наверняка бы уже бежала вперед вслед за своей Чучундрой, чтобы посмотреть, что же там такое приключилось. Это вернуло охотника к реальности.

— Ничего, — огрызнулся он, ругая себя за внезапную хлипкость. Секунду назад ему очень захотелось резко обернуться и пронзить светом тьму за спиной Савельева. Иди в задницу, старый кретин! Еще не хватало начать от всяких звуков шарагаться.

— Наши скорее всего шебуршатся. Нечего стоять, идем.

Вскоре на одной из верхних палуб им удалось, наконец, обнаружить заброшенную радиорубку.

— Кажется, пришли.

Вдвоем с трудом отодвинув осыпавшуюся ржой дверь, мужчины осторожно зашли в просторное помещение с низким потолком, установленное различной аппаратурой и обветшальными средствами

связи. Осматриваясь, Батон неторопливо прошелся по помещению, в котором царил разгром, переступил через лежащий на боку полусломанный стул на колесиках.

Но однажды капитан
Был в одной из дальних стран...

Неожиданно под потолком что-то щелкнуло, и помещение озарил тусклый ламповый свет. На приборных панелях под слоем грязи вспыхнуло несколько разноцветных огоньков.

– Ох, мать честная, – оценил Батон и, посмотрев в потолок, выключил свой фонарик. – Шустро они. Жива-а посудинка.

Подойдя к стоявшему под углом столу с приборами, охотник провел рукой в перчатке по толстому слою не то пыли, не то какого-то давно разложившегося мусора, под которым мерцали лампочки, вставленные в пластиковые кнопки.

И влюбился как простой мальчуган.
Раз пятнадцать он краснел,
Заикался и бледнел...

– Интересно, а внутренняя связь работает? – перестав напевать, он поискал нужные кнопки на панели. – Неплохо было бы сообщить нашим об успехах, раз уж эта посудина еще кое-как дышит. Ну, дружище, поговоришь с нами? Черт, сбоят все.

Наугад попереключав отвечавшие гробовым молчанием каналы, Батон неожиданно заикнулся и побледнел.

– ...хрш-ш-ш... арпов»! Повторяю! Говорит «Лев Поликарпов»! Терпим бедствие! Координаты семьдесят градусов сорок шесть минут южной широты, одиннадцать градусов сорок девять минут восточной долготы, неподалеку от станции «Новолазаревская». Москва, Нью-Йорк, Париж, Лондон...ио, ... оженены...

Не такое Батон ожидал услышать. Это была последняя передача перед тем, как радиоэфир окутал планету вечной тишиной. Словно очнувшиеся призраки зашептали из Преисподней.

– ...Повторяю! Говорит «Лев Поликарпов»! – продолжали настойчиво взвывать динамики встревоженным голосом радииста в да-

леком две тысячи тринадцатом году. – Терпим бедствие! Координаты семьдесят градусов сорок шесть минут южной широты, одиннадцать градусов сорок девять минут восточной долготы, неподалеку от станции «Новолазаревская». Москва, Нью-Йорк, Париж, Лондон, Токио уничтожены... как слышите меня? Храниши... Кто-нибудь меня слышит? Говорит «Ле...»

– Выключи, – не своим голосом попросил Савельев. – Пожалуйста.

Выйдя из ступора и снова переключив канал, Батон зажал тангенту и нагнулся к вмонтированной в столешницу груше микрофона.

– Раз, раз! Как слышите меня, прием! Мужики, это Батон из радиорубки, как слышите меня? Тарас, поварята... Черт бы побрал эту связь! – выругался Батон, оглядывая еще несколько панелей, и отвернулся от микрофона. – И куда американцы запропастились? Может, хоть они услышат. Женька, а ну-ка, запроси по-английски! Я-то никак не кумекаю.

Но приблизиться к пульту Савельев не успел: внезапно из покрытых наледью колонок сквозь треск помех послышался чей-то неразборчивый голос.

– Это кто? – в гробовой тишине вдруг четко и с хрипотцой поинтересовались динамики.

– Как кто? – Батон удивленно переглянулся с Савельевым. – Это я, Батон. Треска, ты, что ли? Где ты исправную рацию раздобыл, а? Вторую радиорубку нашли?

– Это не треска, – чуть поколебавшись, не согласились по связи. – Меня зовут Пошта.

– Какая еще «почта»? – нахмурился Батон и пригрозил: – Слыши, поваренок, хватит эфир засорять! Руки пообзываю, тесто пятками будешь месить! Палуба какая у вас...

– Еще раз повторяю, я не Треска, – терпеливо повторили динамики, и Савельев вздрогнул. – Я Пошта. Пошта из клана Листонош¹.

– Какого клана? – вконец растерялся Батон. Да и голос собеседника на том конце действительно был другим. – Так это не с «Поликарпова»?!

Опирающийся о панель охотник почувствовал, как от догадки на холке шевелятся волоски и, немея, начинают подгибаться ноги. Вот

¹ См. «Метро 2033: Крым».

тебе и двадцать лет во льду простоял. Ай да «Поликарпов»! Ай да сукин сын!

Голос! Живого человека! Откуда-то ИЗВНЕ! Нужно срочно отрегулировать! Попробовать записать! Батон лихорадочно завозился с кнопками возле микрофона, силясь разобрать, что к чему.

– Ох ты растудить твою, не сдохла, сволочь!.. Вот так известия. Живой?! – вопросы стремительно слетали с языка охотника один за другим. – Кто? Ты откуда вообще, братуха?

– Сейчас нахожусь в Балаклаве, – на этот раз ответ послышался практически сразу. – Это на острове Крым.

Крым?! Вот это новости! Где-то за пределами мертвого ледяного материка тоже есть выжившие!

Невероятно! Непостижимо!

Лицо застывшего Савельева от осознания происходящего стало белее снега. Склонившийся над пультом Батон не заметил, как на лоб из-под шапки заструился пот.

– Крым?! – потрясенно заревел Батон и придинулся к микрофону так, словно хотел откусить от него кусок. – Вот уж услышались так услышались, нечего сказать. Весточка с того света прям. Был я в Крыму пару раз. Первый раз в Севастополе, в «учебке», а во второй раз в отпуск с женой приезжал, – он посмотрел на жадно ловившего каждое его слово Савельева, застывшего, словно извяяние. – Димка еще совсем карапузом был. Ласточкино Гнездо, Ялта, трамвай, солнышко припекает, ласково так... хорошо! Подожди, почему ты сказал – остров? Он же всегда полуостровом был!

– Был когда-то, да сплыл, – в голосе далекого собеседника послышались ироничные нотки, и Батон, к собственному удивлению, не выдержал, рассмеялся, хоть этот звук и был неуместен в этом странном, пустующем плавучем склепе. То ли от самой собой получившейся шутки, то ли от дурацких, подорванных алкоголем нервов. То ли от нахлынувших солнечных воспоминаний.

Батон почувствовал, как где-то внутри, под курткой, становится нестерпимо горячо. Нет! Это было от счастья!

От потрясающего, удивительного чувства – слышать голос не известных и близких тебе людей, а кого-то чужого! Подобного тебе существа, выжившего на другом краю света и говорящего с тобой здесь и сейчас!

Батон, у которого дрожали пальцы и кружилась голова, повернулся к Савельеву, на каменном лице которого замерла зачарованная улыбка.

На планете... НА РАЗРУШЕННОЙ ПЛАНЕТЕ. ЕСТЬ. КТО-ТО. ЕЩЕ!

– Батон! Тебя ведь так зовут? А ты где находишься? В Грузии?¹

– Вот честное слово, я бы с радостью... Да только вместо гор и «Хванчкары» у нас тут айсберги с пингвинами, – невесело усмехнулся охотник. – Вообще-то меня Михаилом Александровичем Зеленским зовут. Мы с ребятами застряли во льдах на Южном Полюсе. В районе полярной станции «Новолазаревская».

– На Южном Полюсе! – восхищенно откликнулись динамики голосом Пошты. – Как же вам удалось там выжить?

– Да мы сами-то не местные, из Пионерска на атомоходе «Иван Грозный» пришли, – начал объяснять Батон, но тут в эфир поползли помехи. – Вирус тут нашли, который мог помочь Землю от радиоактивной гадости спасти. Да не вышло ничего. Лодке требуется ремонт... Эй! Слышишь меня!..

Быстро подошедший Савельев с тревогой следил, как Батон, махаясь сквозь зубы, бешено давит на все кнопки подряд.

– Связь накрывается, чтоб ее! – рявкнул он. – Пошта, прием! База немецкая во льдах со Второй мировой сохранилась, сейчас ищем подходящие средства для восстановления лодки, наши координаты...

В динамиках что-то последний раз щелкнуло, прошипело, и в радиорубке снова наступила мертвая тягучая тишина.

– Черт! Черт! Чтоб тебя! Работай!

Батон со всей силы треснул кулаком по краю приборной панели.

– Не хер тогда вообще было включаться, сволочь! Слышишь меня?! – Охотник оперся кулаками о стол и низко опустил голову, пытаясь прийти в себя, не в силах окончательно усвоить только что услышанное.

– Крым – остров, – то ли спрашивая, то ли утверждая, смотря куда-то мимо Батона, пробормотал Савельев. – Значит...

– Да. Еще выжившие, – хрипло отозвался из-под калюшона Батон.

¹ Батоно – уважаемый, господин (*грузинск.*).

— Наши не поверят, — с трудом проглотив едкий ком в горле, едва слышно прошептал метеоролог и, облизнув губы, перевел взгляд на охотника.

Батон и сам еще не до конца поверил в произошедшее.

Выжившие. Глядя на замолчавшую технику, он медленно, словно не своей рукой, откинул на плечи капюшон, стянул с головы шапку и, зажмурившись, пятерней стер с небритых щек выступившую испарину.

Они были не одиноки!

* * *

Благодаря добытым на «Новолазаревской» документам американцы достаточно быстро отыскали технические отсеки на одной из нижних палуб. Пока сидевший на корточках Мичиган деловито сопел, умело управляясь с генераторами, Макмиллан настороженно нацеливал фонарик в неосвещенные участки отсека.

— Как, сможешь починить? — мусоля палочку в зубах, снова спросил он. — Не готово еще?

Шумно выдохнув, Мич закатил глаза и уронил на колени руки, полные инструментов и проводов.

— Мак, если ты меня спросишь об этом еще раз сто, быстрее двигаться я не стану. Что ты сутишься, словно с девкой в толчке кантри-бара? Не видишь — я и так делаю, что могу. Или думаешь, что мне самому здесь чертовски жарко? Тут двадцать лет все в снегу пролежало, так что нужно немного попотеть, извини уж, брат.

— Потей сколько влезет, — разрешил техасец. — Но только мастери побыстрее, о'кей? — Сделав на стене пометку ярко-зеленым грифелем, Рэнди хмыкнул и, подумав, добавил короткое ругательное слово на английском.

— Хватит валять дурака, — не переставая работать, одернул приятеля темнокожий гигант. — Лучше иди посвети-ка вот сюда.

— Момент.

Приблизившись, Макмиллан через плечо Зэфа направил луч света на скомканное мочало разноцветных проводов.

— Вот так.

— И как ты во всем этом разбираешься?

– Просто. Я механик в четвертом поколении, забыл? Вот сюда.

Чуть выше, о'кей. Сейчас подкрутим и заменим переходник.

– Что-то ты долго.

– Такое впечатление, будто ты думаешь, что генераторы все двадцать лет работали, а потом где-то обрыв провода произошел. Их запускать надо вручную, бро.

Какое-то время Мичиган молча работал, поочередно выбирая из сумки необходимый инструмент. Перестав щутить, Рэнди терпеливо ждал. Сказывалось царящее на судне непонятное напряжение.

– Ну вот, – закрыв крышку последнего генератора, Зэф подошел к пульту управления и, нажав несколько кнопок, поочередно потянул на себя рукоятки. – Скрести пальцы, бро.

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом в помещении разлился слабый, едва заметный свет, сопровождаемый шумом и стуком оживающей техники.

– И это все? – разочарованно оценил Макмиллан. – Да уж, не густо.

– Не торопись.

Вернувшись к инструментам и сменив отвертку, Мичиган что-то подкрутил в одном из генераторов, увеличивая приток мощности.

– Ну же, не подведи меня.

Свечение стало интенсивнее, и одна из ламп звонко лопнула, обдав Макмиллана бледным искрящимся снопом.

– Эй! Осторожней! – техасец пружинисто отскочил в сторону, прикрывая лицо и шляпу рукой.

– Да-а, – поправив шапку, Мичиган поднял голову к потолку и белозубо осклабился, слушая нарастающее гудение внутри корабля. – Давай-давай. Просыпайся, малыш.

– Заработало!

– Но ненадолго, – покачал головой Мич, быстро упаковывая в рюкзак инструменты. – Нам лучше поторопиться.

* * *

Около часа бесцельно поплутав в чреве стального гиганта, Паштет с Треской наконец-то выбрались на верхнюю палубу «Поликарпова», где безраздельно властвовали снег, наледь, буревест-

ники и промозглый антарктический ветер. Холод здесь был такой, что у обоих мгновенно посводило челюсти, а глазные яблоки пронзили сотни игл от солнечных лучей, отражавшихся от покрывавших корабль сугробов. Завозившись, повара стремительно нацепили на носы солнцезащитные очки.

– Ох ты ёшкун-корневище! – сунув было нос в дверной проем, за которым начиналась открытая палуба, Треска испуганно юркнул назад. – Не, брат, я туда не пойду.

– Ты чего это? – обернулся уже вышедший наружу Паштет.

– Небо, – Треска пальцем в перчатке указал сначала в потолок коридора, а затем в пол. – И до земли высоко. Зря мы сюда поперлись.

Поначалу простое задание теперь не вызывало у него энтузиазма. Тем более что дверь с закругленными углами, чуть утопленная в стену, выходила как раз на небольшой участок перед гигантской трещиной, разделившей корабль напополам.

– Ну, ты за двадцать лет совсем в червяка превратился, – фыркнул Паштет. – Давай, идем. Нечего рассусоливать. Тарас тебе бинокль просто так дал?

– Хочешь, бери, – со слабой надеждой предложил толстяк.

– Дудки, это твое задание. Вот и выполняй, – засунув большие пальцы за лямки рюкзака, Паштет посмотрел на небо, в котором высоко кружили клекочущие буревестники, и глубоко вдохнул. – Красота.

Продолжая что-то бурчать, Треска неохотно выбрался из коридора и, встав рядом с напарником, недоверчиво посмотрел на один из трех гигантских радарных шаров-зондов, в тени которого они находились. Было здесь много и другой всевозможной техники, от солнечных батарей и радарных установок до высоких антенн, облюбованных птицами под гнезда, и спутниковых тарелок.

Желая побороть подступившее головокружение, Треска взял бинокль и принял разглядывать далекий берег с видневшейся лодкой и руинами полярной станции. На его беду, из-за перефокусировки зрения голова закружилась сильнее, и к горлу подскочила дурнота.

– На, сам высматривай, – сняв бинокль, Треска сунул его Паштету.

Подойдя к борту и опершись о перила, он сдвинул очки на лоб и стал разглядывать горизонт, в то время как Треска, не желая при-

ближаться к краю палубы, грузно опустился на угол забранного решеткой вентиляционного короба.

Водная пустыня была такой же загадочной и смертельно манящей, как и снежная. Иссиня-черная у ватерлинии, она постепенно меняла цвет сначала на бирюзовый, а потом, словно вздымаясь у горизонта к небу, на молочно-голубоватый. Обманчиво мирная и безразличная, жестокая и убийственная на деле. Молчаливая снежная Королева. Манящая таинственной улыбкой и сковывавшая душу и тело ледяными тисками низких температур. Бесконечное царство холода и смерти.

Паштет подкрутил колесики выбора кратности, медленно панорамируя от черного массива «Грозного» до небольшой группы дрейфовавших в стороне айсбергов. Разбросанные по бескрайней Атлантике хрустальные замки всех форм и размеров поражали своим безмолвным величием и гением природной архитектуры. Арки, пирамиды, сложные фигуры. Каждый мог увидеть в них что-то свое, все зависело лишь от полета фантазии.

Паштет опустил бинокль. Как в изуродованном мире могло остаться еще столько не тронутой красоты?! Покончив с правым бортом, он направился к левому мимо вновь заворчавшего Трески.

- Скоро уже? Я весь зад отморозил.
- Так поприседай.
- Иди ты.

С другой стороны линия горизонта выглядела не столь безмятежно и сразу привлекла внимание Паштета. Далеко-далеко, практически на самой границе воды и неба что-то происходило. Сначала повар принял увиденное за тучи, но уж больно низко они висели, да и воздух был слишком чистым, чтобы рождать оптический обман. Скорее это были даже не тучи, а... туман. Паштет почувствовал скользнувшую по телу дрожь, вспомнив виденного во время бури «Голландца». Легенду о гигантском железном корабле без парусов и признаков команды на борту, по слухам, появившемся спустя десять лет после войны и бороздившем морские просторы. Увидишь или помянешь – семь лет счастья не будет.

Нет. Уж пусть лучше буря будет. Снова подкрутив колесики, Паштет различил в клубящейся массе несколько сплохов.

Молнии?

— Слыши, — не отрываясь от окуляров, окликнул он. — Похоже, буря собирается.

- Гроза здесь? Не мели ерунды. О, американцы свет включили.
- Угу.

Устав маяться без дела, Треска поднялся с короба и, размяв ноги, осторожно подошел к краю разлома, оглядывая отсеки на противоположной стороне.

— Ну, буря или аномалия какая. Поди ее разбери, — поборов тревогу, мнительный Паштет снова всмотрелся в горизонт. — И приближается, правда, медленно. Надо бы остальных предупредить, чтобы мы до нее вернуться успели. Задание выполнено. Вот теперь можем сворачиваться и валиТЬ к месту сбора, может, кого по дороге встретим.

— Рано сваливать, чувак, рассказать успеем, — пока Паштет аккуратно закрывал окуляры бинокля пластиковыми крышечками, осматривавший разлом Треска в своей заговорщицкой манере цыкнул вставным зубом.

— Чего?

— Ходь сюды.

— Ну, — встав рядом с приятелем, Паштет стал рассматривать разлом.

— Зырь, — Треска указал куда-то чуть ниже верхней палубы. — Вон там.

Приложив руку ребром ладони ко лбу и всмотревшись, Паштет повернулся к выжидающему реакцию напарнику. Встретившись взглядами и расплывшись в улыбках, повара дружно протянули:

— Ка-амбу-уз!

Потратив некоторое время, чтобы осторожно перебраться по вывороченным перекрытиям на другую сторону корабля, потревожив при этом несколько гнезд недовольно кричавших буревестников, парочка, наконец, ступила на кухню «Льва Поликарпова».

Даже после стольких лет запустения пищеблок производил внушительное впечатление. Всюду висели начищенные кастрюли и сковородки, развешанные над мойками и длинными разделочными столами, рифленые трубы вытяжек и полки с тарелками. Плиты, морозильники, внушительная батарея ножей всех разновидностей.

- Вот же ж люди шиковали.
- Красота-а, – оценил это великолепие Треска и, не теряя времени, деловито толкнул приятеля локтем в бок. – Ну, чё, дрогнули?
- Ты о чём это? – вскинул брови Паштет.
- Как о чём, – опустившись на колено, Треска начал развязывать свой рюкзак. – Столько сокровищ да без дела лежит. Сколько сможем, столько и заберем.

Когда парочка, наконец, управилась, на Атлантику уже медленно опускался багровый вечер, а загадочная туманность заметно приблизилась.

– Хреновая это затея была с самого начала, говорю тебе, – рассуждал Треска, когда они с Паштетом, завязав свои набитые рюкзаки и потратив вдвое больше времени на преодоление разлома из-за неожиданной ноши, двинулись к месту сбора. – Вылазки эти, починки. Чую, не получится у нас ничего. Только и отрада, что каким-никаким хабаром разжились.

Он заботливо похлопал свою ношу.

– А Тарасу что скажем, подумал? – пытался урезонить приятеля Паштет, нагруженный такой же ношой. – Что мародерствовали? Это ведь и по морскому кодексу запрещено, по погившему кораблю шариться. Недобрая примета, погибельная.

– Сам ты погибельный.

– Да и какой толк от всей этой посуды, если нам уплыть не получится, а?

– Ты на совесть-то не дави, проповедник, – пожал плечами Треска и поморщился. – Разберемся как-нибудь. Может, ничего серьезного, они ведь толком-то и не смотрели там ничего. А это для пользы дела. Здесь они уж точно никому не нужны. А на лодке нам еще за это спасибо скажут, помяни мое... Эй, смотри-ка!

Остановившись, он указал в боковой коридор, в конце которого развязленной пастью зиял черный провал лифтовой шахты с раскрытыми наполовину дверями. По пути на верхнюю палубу повара попросту не заметили его из-за отсутствия освещения.

– Впервые на корабле лифт вижу, – сказал Паштет.

– То-то и оно. Пошли, посмотрим.

Остановившись у края шахты, приятели осторожно заглянули вниз. Дна, как и самой кабины, не было видно из-за сгущавшейся

темноты. Лампочки освещения шахты перегорели или лопнули давным-давно.

- Интересно, сколько до дна?
- Сейчас проверим.

Пошарив взглядом по полу, Треска подобрал кусок какой-то кривой железяки и, занеся руку над колодцем, разжал пальцы. Через несколько секунд где-то далеко внизу слабо звякнуло.

- Прилично, – оценил Паштет.
- Да уж. Ладно, пошли. Наши, небось, там собираются уже. Да и про шторм предупредить надо.

– Точно.

Повара направились в обратную сторону, ориентируясь по оставленным на стенках меткам. А когда спина Трески, с рюкзаком, ощетинившимся ручками всевозможной утвари, скрылась за углом коридора, глубоко внизу шахты едва заметно шевельнулась тьма.

* * *

Через несколько отсеков от радиорубки по той же палубе находился центр связи, о чем гласила полуистертая маркировка на двери. Едва переступив порог освещенного несколькими панорамными иллюминаторами помещения, Савельев и Батон потрясенно замерли в призрачных бликах от множества работающих мониторов, с которых под разными ракурсами на них смотрела...

Земля.

Некоторые дисплеи сбоили и рябили помехами, некоторые давали черно-белое изображение, но в основном картинка была настолько четкой, что Батону на миг показалось, что ничегошеньки с их миром не случилось.

Савельев как зачарованный следил за неторопливым движением родной планеты.

- Какая же она все-таки была красивая.
- Да, – согласился Батон.

Перед глазами метеоролога один за другим проплывали зеленые континенты и материки, граничащие с бескрайними морями и океанами; были видны облака, словно пасущиеся барабашки, и мерцающие точечки мегаполисов на ночной стороне Земли.

– Сейчас, сейчас Россия будет...

В этот момент над краем светлой стороны вспыхнул яркий лучик, который стал увеличиваться.

– Солнце!

– Нет, – не отрываясь от экранов, мрачно сказал первым догадавшийся Батон. – Это не Солнце. Это закат.

Лучики появлялись то тут, то там на всей поверхности планеты. С ночной половины ожившими светлячками тоже двигались точки, оставляя за собой тонкие светлые следы.

– Ракеты, – одними губами проговорил Савельев.

Снаряды парили навстречу друг другу, заставляя причудливо пересекаться топливные следы, а потом камнем падали вниз, жаля планету, расцветая на ее поверхности алыми вспышками смертельно ядовитых грибов.

Ирония. Им выпала карта выжить, чтобы когда-нибудь пережить все по новой. Быть может, они единственные разумные существа во всем мире, которым довелось увидеть пиршество смерти со стороны.

Сердце охотника обдало ледяным холодом, когда он представил, что чувствовали находящиеся на орбите космонавты МКС, передававшие последние изображения на планету, занимавшуюся огнем, словно муравейник, который подожгла ребятня. Понимая, что станция теперь для них склеп, который со временем превратится в дрейфующий по орбите космический мусор.

Не мог представить. Силился и не мог. Одно дело – быть внизу, в адском пекле, видеть, как все привычное мгновенно превращается в пыль. Другое – в полном безмолвии смотреть, как гибнет твой дом, и тебе больше некуда возвращаться. Теперь Батон в полной мере мог представить, что творилось на борту «Грозного» в первые часы войны. Каких нечеловеческих усилий стоило оставшимся членам команды не обезуметь, не сойти с ума и все-таки приплыть в Пионерск.

Безмолвие.

Чудовищности, животного, атавистического ужаса происходящему добавляла царившая кругом могильная, нечеловеческая тишина – сигнал трансляции передавался и записывался без звука.

А еще надпись. Всего одно слово, такое простое и безобидное, сейчас разрывавшее душу и тело в клочья безжалостной, неутолимой болью, которую нельзя было превозмочь.

Словно от плоти рваными лоскутами, брызжущими кровью, за-живо отдирали мясо.

«ПОВТОР».

Всюду, на всех экранах.

«ПОВТОР».

В один и тот же момент, когда планета исчезала в бушующей аго-нии радиоактивного пламени. Все сначала.

«ПОВТОР».

Чувствуя, как слезятся глаза, Батон, сжав кулаки, стиснул зубы с такой силой, что остро заныло в виске. Боль утраты всколыхнулась, заново потеснив даже удивительный разговор с таинственным Поштой из Крыма.

Где-то в тот последний день были и они все. Все, кому по какой-то извращенной случайности удалось пережить рукотворный Конец света, чтобы спустя столько времени снова вернуться туда. И пережить все заново. Умирать и, на мгновение воскресая, прекра-щать существовать заново. Снова и снова.

Опять и опять.

«ПОВТОР»...

Что чувствовала команда «Поликарпова», получив эту последнюю запись и передав в наступающую пустоту последний радиосигнал? Как они, оставив надежду, поставили изображение на заци-кленное проигрывание, для чего... Чтобы убедиться? Попрощаться?

И смотрели, смотрели, смотрели... Пока на судне не осталось ни единой живой души.

– Они были связаны со спутником, который отслеживал запуски всех ракет в День «Х», – Батон вздрогнул и, обернувшись, встре-тился с тяжелым взглядом Тараса. За спиной старпома, отстав на несколько шагов, с вечно нахмуренной физиономией маячил Воро-шилов. – В судовом журнале посмотрел. Затем еще несколько дней мониторили, как могли, пытались выйти на связь с городами. По-том с МКС. А потом началось...

Он поднял руку с толстой тетрадью, вшитой в пластиковый файл.

— Туго им тут пришлось, братуха. Последняя запись после уда-ров — через три недели, двадцать седьмого июля. Пока передачи слушали, айсберг проворонили, вот и налетели. Когда опомнились, началась драка из-за мест в спасательных шлюпах, чтобы обратно на станцию плыть, а когда выяснилось, что мест всем не хватит... Бойня, короче, началась. В общем, какая-то часть с грехом пополам уплыла, а мертвых на корм рыбам отправили. Те, кто не влез, очень скоро перегрызлись с теми, кто на борту остался. Продовольствие без разбору по рукам пошло — кто успел, тот и съел. Пир во время чумы. Капитан, Сушинский Евгений Леонидович, у себя заперся да так больше и не вышел. Я знал его когда-то. Что надо был мужик. Остальное не разобрать, кровью заляпано. Может, и хорошо, что Леркиных на борту не было. Там-то они хоть быстро да вместе — раз, и все. А тут... Даже подумать страшно. Смотреть, как твои друзья с каждым часом оскотиниваются да с катушек летят... Как представляю, мороз по коже.

Батон ничего не ответил и снова посмотрел на экран. Тарас, на-конец, проследил его взгляд.

— Ох, ммммат...

Четверо мужчин, заброшенных в снежное безмолвие на краю света, застыли, наблюдая, как снова и снова умирает их планета, раз за разом превращаясь в горящее чучело Земли. Спаленный дотла дом, находясь в котором они уже никуда не могли вернуться. Думали каждый о чем-то своем.

Оторвать взгляды от экранов их заставил недалекий звук вы-стрела.

* * *

— Что еще? — настороженно вскинулся Макмиллан.

— Нам огнестрелов не выдавали, — заканчивая паковать рюкзак, с тревогой откликнулся Зэф и посмотрел в потолок, откуда, по его мнению, исходил звук.

Вдруг выстрел повторился снова.

И еще раз, чуть дальше. Кто-то закричал.

— Быстрее! — похватав рюкзаки с собранными запчастями, аме-риканцы выбежали из отсека, в котором выпотрошили столько

электроники, сколько смогли, и, громыхая ботинками, начали подниматься по лестнице.

Ползущие по стенам и потолкам коридоров извивающиеся щупальца черного дыма с невероятной скоростью преследовали людей. Клубящиеся отростки, похожие на конечности гигантского сумеречного осьминога, будто были наделены разумом.

– Ты какого хрена железку в ту шахту кинул?! – проорал Паштет, засовывая в самодельный двухзарядный пистолет новые патроны.

– Сам же глубину проверить хотел, – пыхтел, придерживая ушанку, Треска. – Кто ж знал, что там эта хрень сидела!

Преследуемые дымными щупальцами повара, сверкая пятками, что есть мочи неслись по лабиринту коридоров к месту сбора, не забывая переругиваться на бегу. Выкинув назад руку, Паштет выстрелил дуплетом еще раз.

– А на фига ты меня слушал?

– Значит, я теперь виноват?! Знаешь, что тебе Тарас за ствол сделяет? В задницу засунет, вот что! Где ты его нарыйл?

– В оружейке. Азат, бывало, в свободное время баловался, вот и накопилось... – снова перезаряжаясь, Паштет торопливо пропустил Треску на лестницу, но в этот момент между его ног змей метнулось одно из призрачных щупалец, ухватило заоравшего Треску за лодыжку и с нечеловеческой силой рвануло назад, навстречу споткнувшемуся Паштету.

– Аааа!!!

Повара кубарем полетели вниз по лестнице. Первым поднявшись, Паштет наугад прицелился и снова выстрелил в приближающийся дым, которому выстрелы не причиняли видимого вреда. На мгновение расступившись, шевелящаяся масса сомкнулась снова.

Повара стремглав побежали дальше.

– Ты приказ нарушил, дубина!

– Просто перестраховался. Зато пригодилось!

– Ага, пригодилось. Это ж, мать его, дым!

– С мозгами, по ходу!

– А по шее получать вдвоем будем. Проходили!

– Это кто же такой борзый с собой ствол притащил, а? – палубой выше ревел Тарас, за которым пружинисто неслись Батон и Саве-

льев. Замыкающий Ворошилов старался не отставать. – Узнаю, шкуру спущу! Определил, откуда стреляли?

– Со стороны места, где высадились, похоже, – рявкнул не отставший Батон.

Выскочив на открытую площадку грузового отсека, четверка увидела балансирующих почти у самого края разлома Рэнди, Эзфа и Паштета с Треской, которые, побросав рюкзаки, пытались увернуться от извивавшихся, обманчиво невесомых щупалец, прозрачно таявших на тусклом уличном освещении.

– Духи! – гортанно ревел Мичиган. – Мы разбудили духов!

Сразу стало ясно, что штык-дубинки тут бесполезны. Орущий Паштет постреливал в шевелящуюся массу из самопала, в то время как Макмиллан возился с застрявшим в петле фальшфейером.

– Назад! – выскочив вперед, он запалил шашку, с шипением выплюнувшую сноп искр, и запустил ее в самую гущу клубившегося дыма, не решавшегося выплыти из коридора.

Ярко полыхнуло, воздух наполнился омерзительным верещанием, а вдогонку первому фальшфейеру уже падал второй.

– Это его задержит! Спускайтесь к лодкам! – рукой закрывая лицо от жара пламени, командовал Тарас. – Ворошилов, следи за лестницей. Давайте по одному! Быстрее, быстрее!

Теперь Батон окончательно убедился, что по пути в радиорубку не обманулся, увидев в сумраке одной из кают распластанную на полу гладко обглоданную половину скелета буревестника. Поначалу казалось, что глупая птица, зазевавшись, а может, попросту влемокая потоками воздуха, залетела в помещение и сдохла от страха или голода, не в силах найти выход из западни.

Но выработанное с годами чутье охотника не пропьешь.

Вот почему так необычно располагались птичьи гнезда. Черному дыму, или чем там еще являлось это существо, видимо, было тяжело передвигаться по перекрученным обледенелым балкам и перекрытиям, чтобы добраться до лакомого мяса или яиц.

Вот куда делась команда. Тела умерших во время голода и лишений военных, ученых и моряков много лет ждали, пока изменившаяся природа не пришлет на судно своего «могильщика». Который, полакомившись останками в виде замороженного мяса и костей,

устроил в шахтах лифтов гнездо и охотился на зазевавшихся буревестников, старавшихся ютиться подальше.

Охотился, вероятно, ночью, когда уставшие птицы возвращались на насесты, а кто-то из команды сегодня попросту его растревожил. Батон даже не утруждал себя догадками, кто бы это мог быть, и зарекся по возвращении на субмарину как следует отодрать поваров за уши.

— Давайте-давайте! — прикрикнул вошедший в раж Макмиллан, которому Треска перекинул свои фальшфейеры, пока Зэф и Ворошилов осторожно спускали обвязанные веревками рюкзаки принимающим снизу Батону и Савельеву.

Отстрелявший последние патроны Паштет тоже заторопился покинуть палубу.

Для верности закинув еще пару шашек в коридор, Рэнди тоже оседлал лестницу и вскоре спрыгнул на снег вслед за Треской, на которого в компании с Паштетом уже вовсю орали Тарас и Батон, пока Мичиган и Савельев торопливо грузили лодки.

— Ты какого черта творишь, сволочь хитрого пая! Я дал ясный приказ — беречь патроны и стволы не брать, а ты чего?!

— Я же как лучше хотел... — попытался вставить понутившийся Паштет.

— Видите, пригодилось же, — решив поддержать приятеля, Треска спешно ткнул пальцем в спускающегося Ворошилова.

— Пригодилось?! — не оборачиваясь, прорычал Батон. — А то, что, пока вы не напортачили, тут все спокойно было, — это не в счет? Где ствол достал, ну?

— На... на лодке, — совсем сник Паштет. — У Азата.

— Ах на лодке! На гауптвахту захотел? Или, может, вообще тут остаться, а?! Я кого спрашиваю, твою мать... Дай сюда!

— А это что такое? — Тарас встряхнул зазвеневший рюкзак за спиной Трески.

— Посуда, для дела, — жалобно пискнул тот.

— Мародеры херовы! Зла на вас...

— Аааа!!!

Донесшийся сверху крик оборвал гневную тираду распалившегося Тараса. Все находящиеся на льдине, дружно повернув головы, замерли, увидев, как Ворошилов болтается, одними руками цепля-

ясь за ступеньку – щупальце метавшегося наверху дыма достало один из привязанных концов лестницы.

В следующий миг веревка лопнула, и спелеолог, беспомощно суча конечностями, камнем полетел вниз. Упав на спину, которую от прямого удара защитил хрустнувший рюкзак, Ворошилов зашелся кашлем и тяжело перевалился на бок.

– Ёлки-моталки, живой? – подскочившие мужики помогли ему подняться.

– Да... вроде... – продолжая откашливаться, хрюплю откликнулся морщащийся спелеолог, у которого перед глазами еще плясали круги. – Копчик... отбил.

– Лестницу придется оставить. Хватит с нас на сегодня.

– Там, – сняв с шеи бинокль, Паштет опасливо протянул его старпому и кивком указал тому за спину. – Вроде, штурм приближается. Я с палубы видел.

– М-да? – последний раз глянув исподлобья на съежившихся поваров, Тарас повернулся к горизонту, где продолжал клубиться туман и мерцали сполохи. – Тьфу, проклятая. Не пускает нас ледышка. Нужно успеть.

Он посмотрел на Мичигана и Рэнди.

– Ну, нашли что-нибудь?

– Что-то нашли, но нужно на месте смотреть, – перевел Савельев. – Сейчас-то туда уже по-любому не сунешься.

– Тогда все, сваливаем.

Оставив споры и разногласия до кают-компании «Грозного», по-трепанный отряд расселся по лодкам и, не теряя времени, отчалил от айсберга.

Батон смотрел на огоньки удалявшегося судна, одиноко черневшего на фоне фиолетового неба. В этот момент наружное освещение мягко моргнуло, потом еще раз, и «Лев Поликарпов», словно прощаясь, погрузился во тьму, освещаемую лишь остатками пожарища от запаленных фальшфейеров.

На этот раз – навсегда. Словно прошлое наконец-то отпускало навестивших его сегодня людей.

«Прощайте. Где бы вы ни были», – подумал Батон, натягивая на шапку обитый мехом капюшон. Раз так, то сам он еще покуыркается, сколько бы ему ни отмерили Рок или ветреная чертовка Судьба.

Плевать он на них хотел. Тем более у него какие-никакие, а есть друзья, и строптивая девчонка, на двадцать лет заменившая ему родного ребенка.

А это значит, что какой-то смысл в его жизни все же еще существует. Эта мысль ободрила охотника, и он сильнее приналег на весло.

Когда уставший и измотанный отряд, наконец, вернулся на «Грозный», выяснилось, что пропала Лера.

Глава 4

ЗОВ КРОВИ

Собиралась основательно. Вылазка Батона и остальных на русское исследовательское судно идеально подошла под отчаянный замысел Леры. Все основные члены команды будут в отлучке, а оставшиеся беженцы с «Новолазаревской», включая возяющуюся на камбузе Тахому, от которой Лера сбежала, сославшись на головную боль, вряд ли обратят внимание на ее временное исчезновение.

И раз уж у Леры не получилось оказаться на корабле, привезшем сюда родителей, значит, надо действовать! У нее тоже будет свое приключение. Точнее, важное дело, которое пойдет всем на пользу.

В душе Лера все-таки затаила легкую обиду на наставника за то, что тот не взял ее с собой. Ведь она могла посмотреть частичку той жизни, увидеть каюту, в которой обитали мама и папа. Снова окунуться в мир, который не помнила.

Поэтому девушка твердо решила доказать Батону и остальным, что она уже взрослая и способна сама, не хуже мужчин, справляться со сложными заданиями. А кто знает, может быть, даже и лучше!

Натянув поверх тельника водолазку, Лера туго повязала на шее мамин платок, ставший теперь оберегом. Далее следовал утеплен-

ный комбинезона из рундука¹. Застегнув под подбородком молнию, Лера уселась на койку, заправила штаны в отрикоенные² ботинки и принялась старательно зашнуровываться.

— Нет, тебя я с собой не возьму. Не сегодня. Так что остаешься за главную, — надев куртку и подхватив шапку с перчатками, Лера выключила в каюте свет и решительно закрыла дверь перед мордочкой Чучундры.

Дело предстояло серьезное, а зверек будет только мешаться; неровен час, еще натворит чего-нибудь или потеряется. Хотя, если бы не мышонок, еще неизвестно, чем бы все закончилось в африканском плену. Скорее всего, желудком священного Маниту.

Собрав волосы в хвост, Лера натянула шапку и, незаметно добравшись до оружейного хранилища, стала раздумывать, что бы с собой взять. Ее всегда поражало, сколько же здесь хранилось всего. «Перначи», «Стечкины», «калаши», ножи, гранаты Ф-1 и динамит...

Разумеется, ремень с верным «Бизоном» сразу перекочевал на плечо, хотя огнестрелом она зареклась пользоваться после *того* момента, когда впервые лишила жизни другого человека.

Впервые. Страшное слово.

Помня, что освещение на заброшенной базе кое-как удалось наладить, Лера все-таки повесила на пояс динамо-фонарик, прибавив к нему пару фальшфейеров, палочку ХИС³, десантный нож «клён» в металлических ножнах и маленькую аптечку. Немного подумав, засунула в карман куртки рогатку Юрика, добавив к ней несколько увесистых гаек.

Не помешает. Тем более она идет одна. На секунду остановив сборы, Лера замерла и прислушалась к внутренним ощущениям. Не безрассудство ли? Не минутный порыв, подпитанный юношеским максимализмом, взывавшем о немедленной демонстрации собственной самостоятельности?

Нет. Она действительно была готова. Сейчас ей жизненно важно что-то делать, двигаться, самой принимать решения. Любым

¹ Рундук — морской ящик. Все старшины и матросы получают стационарные койки и рундуки для вещей согласно расписанию по каютам и кубрикам для жилья.

² Трикото — стальные зубчатые набойки на подошвы горных ботинок.

³ Химический источник света.

способом отвлечься от призраков, острыми когтями рвущих душу на части.

Найдя среди прочих свой респиратор-полумаску, она повесила его на шею. Добавила несколько сменных фильтров. Мало ли что. Правда, об этом «что» думать хотелось меньше всего.

Следующие два пункта были самыми важными. Первый – как не заблудиться в стиснутых льдом катакомбах. Лера оглядела стеллажи со всевозможным инвентарем.

Как бы на ее месте поступил дядя Миша?

Она снова одернула себя. Хватит. Давно пора приучиться думать своей головой, наставник за эти годы и так во многом ее натаскал. Пришло время накапливать собственный опыт.

Лере требовалось нечто простое и в то же время действенное, то, что можно было бы с легкостью превратить в ориентир. Размышляя, девушка прошлась вдоль стоек и остановилась напротив катушки с альпинистскими страховочными тросами, которые перетащил сюда с «Новолазаревской» Ворошилов.

Ориентир, ориентир. След. Думай. Что же выбрать, как обезопасить себя?

Взял катушку поменьше и прочитав длину троса, выбитую на пластиковой боковине, Лера немного размотала его и, вскарабкавшись по полкам одного из стеллажей, закрепила титановый крюк на выводной трубке под потолком. Потом, крепко стиснув трос, повисла на нем, поджав ноги. Страховка ее вес выдержала, и довольная девушка пружинисто спрыгнула на пол.

Сгодится. Катушка перекочевала на пояс рядом с фальшфейерами. Так, с этим разобрались.

Второй пункт был еще сложнее. Каким именно образом уничтожить вирус, а точнее, контейнеры, в которых хранились штаммы, Лера не знала. Тут нужно было сработать наверняка, не оставив раза ни малейшего шанса.

Девушка растерянно огляделась. Несмотря на достаточный охотничий опыт, динамика и гранат она все еще побаивалась, а после гибели Азата и вовсе не могла на них смотреть. Поэтому решение напрашивалось только одно.

Лера посмотрела на темнеющую массу в дальнем углу хранилища.

Огонь.

Пользоваться ранцевым огнеметом Лера умела. В далеком Пионерске содержимое многочисленных складов неизменно привлекало полчища крысюков – мутировавших потомков своих вечно голодных сородичей. И девушка неоднократно с брезгливым содроганием наблюдала, как Азат, поводя из стороны в сторону шипящим стволом, выжигал хвостатых вредителей, спасая от прожорливых тварей драгоценный продовольственный запас.

А когда оружейник бывал занят или находился в рейде на поверхности, Лера, пересилив себя, все-таки пару раз подменяла его, вызывая недоумение у подруг. То ли подначивая саму себя, то ли не желая попадать под стереотип «трусихи».

И ведь надо же – пригодилось.

Но вот как быстрее доставить огнемет на базу? От одной мысли проделать путь по снегу до Двести одиннадцатой с многокилограммовым баллоном за спиной у Леры заныл позвоночник. Нет, не вариант. Силы еще понадобятся ей внутри.

Недолго думая, она решила позаимствовать санки, воткнутые в сугроб у трапа «Грозного», на которых Макмиллан и Зэф приволокли остатки уцелевших вещей с «Новолазаревской». Взвалив на них огнемет, Лера накинула капюшон и, бросив последний взгляд в сторону видневшегося вдалеке «Поликарпова», двинулась вдоль веревочной растяжки, позволявшей обходить опасные фирны¹ и проложенной к запасному выходу из Двести одиннадцатой.

Бредя мимо холма, за которым находилась церковь, Лера замедлила шаг. Может, зайти? Хотя оставлять огнемет без присмотра не хотелось, а если она возьмет его с собой, придется отвечать на кучу ненужных вопросов.

Лера была более чем уверена, что Михаил вряд ли одобрит ее затею. Девушка досадливо покусала губу. Ведь сейчас она не могла доверять даже всегда готовому ее выслушать священнику.

Да и кому сейчас в полной мере можно довериться, каждый миг ожидая радиоактивного отравления, ножа или пули в спину? Как ни горестно было признавать, доверие, дружба, любовь, в конце концов, сейчас оказывались настолько хрупкими и призрачными,

¹ Глубокие трещины, прикрытые тонким слоем смерзшегося снега.

что полагаться на них в полной мере было чистым безумием. Всего лишь пустые, ничего не значащие слова из ушедшего прошлого.

И все же Лера ощущала в сердце уверенность, что Мигель, в отличие от скрытного и пьющего Батона, не относился к ней, как к ребенку, и даже понимал, пожалуй, лучше всех на свете. Не командовал, не заставлял беспрекословно слушаться. На правах старшего не навязывал свою точку зрения.

Он был сильным не только внешне, но и внутренне, и знал, казалось, ответы на все вопросы. Ему Лера могла полностью открыться. И от этого ее тянуло к нему еще больше.

Но не сейчас.

Снова подавшись вперед, девушка потащила за собой санки. Перед открытой дверью в коридор, уводящий в недра ледника, скрывшего базу, Лера перевела дух, и, прикрепив «Бизон» к бедру, надела баллон на спину.

С неба начинала сыпаться подхватываемая ветром мелкая снежная крошка. Приложив ладонь к глазам, девушка задрала голову, чувствуя на щеках быстро тающие кристаллики. К ночи разыграется нешуточный снегопад, так что надо постараться управиться затемно.

Присоединив лебедочный замок к толстому железному пруту, вбитому в ледник, от которого начиналась веревочная «дорога» к лодке, Лера несколько раз резко подергала, проверяя прочность крепления.

Нормально, выдержит.

Изнутри коридора лился ровный электрический свет, ставший, правда, заметно тускнее: заправленные Колотозовым генераторы пока справлялись, но, судя по всему, продлится это не долго – скоро закончится топливо, да и сами механизмы чудом еще не развалились. А бродить по катакомбам в потемках с факелом у Леры не было никакого желания.

Значит, нужно спешить. Травя потихоньку трос, Лера твердо пошла вперед.

Брошенная почти столетие назад немецкая база снова встречала безмолвием. Замерзших останков немецких солдат девушка уже не боялась. Стارаясь не тратить время на осмотр боковых помещений, она осторожно продвигалась вперед, к мостику, перекинутому через гигантский разлом в леднике.

Единственный раз она остановилась, оказавшись в круглом помещении с низким потолком, в центре которого зияла овальная дыра, словно проделанная гигантским сверлом. По краю ямы, в леднике, служившем полом, были аккуратно выведены непонятные символы и завитушки.

Отверстие по периметру окружал хоровод поникших прожекторов на штативах, соединенных змеящимися проводами. В некоторых давным-давно лопнули стекла. Тут же в стороне стоял обледенелый генератор, к которому были прислонены кирки и лопаты из нестареющей нержавейки. У противоположной стены – несколько полуистлевших ящиков с еле различимой военной маркировкой на немецком и оттиском расправившего крылья орла.

Привлеченная загадочными письменами на полу, Лера подошла к краю провала и осторожно заглянула внутрь. Сразу же закружила голова. Вниз ямы вела вмонтированная в ледник лестница. Интересно, для чего это было устроено? Кому понадобилось спускаться в глубь материка?

С невидимого дна налетел порыв соленого ветра и потеребил выбившуюся из-под шапки челку, напомнив Лере о вентиляционной шахте в Убежище, куда она часто сбегала, чтобы в одиночестве насладиться чарующей музыкой, льющейся неизвестно откуда. Только там коридор вел вверх, а тут углублялся вниз.

Девушка отпрянула и огляделась. От одной из ножек генератора в колодец тянулась веревка, исчезавшая в сумраке, скрывавшем от взгляда дно. Да и было ли оно там вообще? Несмотря на любопытство, проверять, что находилось на другом конце веревки, Лере почему-то не захотелось. В воображении рисовался подвешенный за костлявую шею скелет в давно истлевших лохмотьях.

Сняв с ремня ХИС, девушка надломила палочку и кинула ее вниз. Через несколько секунд светящийся огонек в стеклянной капсуле, тускнея, утонул в темноте. Лера некоторое время прислушивалась. Отзыва падения не последовало, и ее интерес так и остался неудовлетворенным.

Ну и черт с ним. Световую шашку только зря потратила, но теперь-то чего. Ехало-болело. Забей. Не оружие, в конце концов.

Покинув загадочное помещение, охотница двинулась дальше, не увидев, как за ее спиной слабо дернулась, натягиваясь, веревка.

Она помнила, что за мостом находился облицованный плиткой коридор с покатым потолком арочного типа, по обе стороны которого тянулись массивные железные двери под два метра высотой. Иход шел вдоль огромного ангара с двумя застывшими дизельными подлодками, — одна накренилась набок, к стенке дока; ее обледенелые, закрытые створы украшали большие белые цифры «211».

А там и до открытой взрывом лаборатории рукой подать.

«Главное, чтобы троса хватило», — думала Лера, проходя мимо двери с надписью «Der Uferposten № 4»¹ и виднеющимся в проеме артиллерийским орудием, когда-то нацеленным на ледяное ущелье вдали.

Мостик переходила медленно, стараясь не смотреть вниз, и один раз все-таки пожалела, что решилась на эту затею, поскольку знувшись и чуть не упав. Баллон сильно тянул ее назад.

Оказавшись на другой стороне, Лера проверила трос и навалилась плечом на стену ангара, ожидая, пока уймется головокружение. В висках упругими толчками пульсировала кровь.

Почувствовав, наконец, что готова двигаться дальше, девушка, подергав, проверила трос — держит — и продолжила путь.

В этой части базы было заметно темнее — лампы грязнее, — но ориентироваться без фонарика Лера еще могла.

Миновав несколько дверей, которые со скрипом покачивал гулявший по помещениям ветер, девушка, наконец, достигла цели.

Оказавшись перед развороченной, покрытой копотью дверью, Лера потянула из-за спины пистолет огнемета и вошла в помещение. Она была тут всего один раз, но успела запомнить многое, — включая изуродованные тела на операционных столах. Не то, чтобы она испугалась, но сейчас, в одиночку, было как-то неуютно.

«Сколько же в прошлом было зла и жестокости, — с внутренним отвращением подумала Лера. — Люди вот так запросто издевались и убивали себе подобных. Ради чего? Чтобы я спустя двадцать лет это увидела? Спасибо. Мне и своего “наследства” хватает».

Все стены занимали стеллажи с хирургическими инструментами, о назначении которых даже не хотелось думать, морозильными

¹ «Береговой пост № 4» (нем.).

камерами, центрифугами для сепарации и пузатыми колбами с залитыми формальдегидом препарированными органами и обезображенными конечностями людей и животных.

В ту часть лаборатории, где во льду неподвижно скорчились вмуранные тела несчастных военнопленных, отправленных на биоматериал, Лера даже не посмотрела. По телу пьяной волной рас текался адреналин.

Ладно, пора приступать. Запаливая огнемет, она прошла к хранилищу, где находились штаммы вируса. Здесь все было так же, как несколько дней назад, когда ударили австралийцы.

Несколько железных контейнеров, водруженных друг на друга в дальнем углу небольшой технической комнаты. Она пересчитала ящики. Семь, восьмой разломан. Было десять. Значит, еще три успели отнести на лодку.

Потратив некоторое время, чтобы поставить их в ряд, Лера повозилась с креплениями и открыла каждый, проверяя аккуратные ряды мутных маленьких колбочек, окруженных давно истлевшей поролоновой прокладкой.

Позади в коридоре чуть хлопнула дверь, с которой игрался налетавший снаружи ветер.

Было и еще несколько ящиков, в которых оказались такие же колбочки, но с жидкостью посветлее. Не в силах прочитать маркировки на немецком, Лера решила действовать наверняка и присоединила контейнеры к остальным. Мало ли что в них.

Вырвавшаяся из сопла струя шипящего пламени хлестко прокатилась по помещению. Через несколько секунд огонь вовсю пожирал контейнеры, стены и пол. Плавилась пластмасса, бодро трещало дерево, не способное гнить в Антарктике. Вскоре жалобно зазвякали колбы со штаммами.

Запоздало спохватившись, Лера поспешила натянуть на лицо респиратор, хоть и помнила, что вирус боялся огня и не передавался воздушно-капельным путем.

— Сгори ты к черту, — сквозь зубы пробормотала она, вспомнив, сколько было потеряно жизней и надежд по пути сюда. — Тварь.

Пожар разгорался. Но разошедшейся девушке этого было мало. Выйдя из хранилища, она прошлась между прозекторскими стола-

ми, щедро угощая огнем привязанные к ним мутировавшие тела, стараясь ничего не упустить. Чтобы ничего не осталось. Только угли и пепел.

«Мерзость. Хоть они и несчастные, — мысленно содрогнулась Лера и вдруг заметила на одном из столов оставленный кем-то подсумок. — Да это же сумка Ежи! — догадалась она, обходя огонь и подходя ближе. — Скорее всего, он забыл ее здесь, когда со станции пришел сигнал о нападении австралийцев». Она не только выполнит за мужиков их работу, но еще и вернется не с пустыми руками, а с чем-то ценным. Девушка помнила, что каждая вещь, принадлежавшая Ежи, никогда не лежала просто так и могла быть пущена в дело в любой момент.

Взял сумку покойного поляка, Лера застегнула грузный подсумок на бедрах. Времени рассматривать содержимое не было — хотелось довершить задуманное и убраться отсюда как можно скорее. Еще успеет, когда вернется на лодку и гордо покажет свою находку остальным, и особенно дяде Мише.

Становилось жарко. Пятясь, Лера отошла к развороченному дверному проему, наблюдая дела своих рук. Позади в коридоре снова хлопнула дверь.

Разбушевавшийся огонь с ревом пожирал всё и вся. Рушились полки, лопались банки и колбы, и из них на кафель вместе с жидкостью выворачивались фрагменты дымящейся плоти. Защищенная респиратором Лера даже представить себе не могла, какой они, должно быть, издавали чудовищный смрад.

Теснимая близостью пламени, она вышла в коридор и обернулась. Дело сделано, пора уходить. Так чего же она ждала? Хотела окончательно удостовериться? Но гореть еще будет долго...

Теперь лаборатория была полностью охвачена неконтролируемым огнем, быстро наполняясь дымом и копотью. Забитые льдом или попросту сломанные системы вентиляции не работали, и запертое в подземелье пламя быстро нашло единственный выход.

Пронесшийся по коридору ветер снова распахнул дверь в нескольких метрах от девушки, и, повинуясь обратной тяге, пожары с ревом кинулись из лаборатории в сторону Леры, которая в ужасе бросилась наутек.

Миновав злополучную дверь, она, не останавливаясь, понеслась к видневшейся впереди следующей, нажав на катушке кнопку зabora троса, чтобы не стелился за ней.

До ангаря с подлодками оставалась какая-то пара шагов...

Преследующий ее жар настигал, неровно освещая коридор багровыми сплохами. Вдруг Лера с ужасом вспомнила, что за спиной у нее баллон с газом и, дернув лямки, сбросила лязгнувший огнемет со спины. Бежать стало легче. Лера навалилась на приоткрытую дверь; сзади раздался взрыв, и обдавшей спину жаром ударной волной ее вышвырнуло в ангар и куда-то сторону, через брызнувшие трухлявой ржой перила, выбивая пол из-под ног. Закричав, когда пронесшийся над головой султан пламени подпалил верхушку шапки, Лера начала падать прямо на дно доков, где леденели туши подлодок.

Трос натянулся, катушку заклинило и, описав в полете дугу, Лера с размаху впечаталась в отвесную бетонную стену, от удара потеряв сознание.

* * *

Когда стало окончательно очевидно, что на борту «Грозного» девушки нет, прочесывавшие палубы члены команды снова собирались в кают-компании. Узнав от Тахомы, что Лера ушла к себе днем, сславшись на неважное самочувствие, Батон заглянул в ее каюту, но обнаружил лишь смятую койку и Чучундру, с недовольным писком шмыгнувшую у него между ног.

Невеселых известий добавил Мичиган, шумно высыпавший на стол кают-компании содержимое рюкзаков, привезенных с «Поликарпова», и вынесший унылый вердикт.

– К сожалению, ничего не выйдет, ребята, – раздув ноздри, он исподлобья оглядел окружаивших стол мужиков. – Есть пара более-менее годных деталей, но их все равно недостаточно, чтобы как следует отладить всю систему. Слишком многое возни, да и не факт, что сработает. Тут половину можно под лед для коктейлей использовать. Боюсь, зря мотались. Так лодку не починить.

– Че-е-ерт, – устало протянул сидевший за столом Савельев, роняя голову на руки.

– Значит, это все, – сникли повара.
 – Выходит, все, братухи, – оперевшийся кулаками на стол Тарас ощутил, как на плечи неподъемным бетонным грузом наваливается усталость. – Застряли мы тут.

Последний лучик надежды на спасение угас.
 – По крайней мере, мы попробовали, – Рэнди пожал плечами. – Может быть, еще варианты, джентльмены? Кто следующий?
 – Да иди ты, – не поднимая головы, буркнул метеоролог.
 – А ты чего его посылаешь, – вскинулся Ворошилов. – Это ведь была твоя идея – «давайте поплывем», «поищем».

С этими словами он зло толкнул Савельева в плечо.
 – И что? – вскинулся тот. – Я хоть предлагаю, а не сыплю обвинениями!

Всегда спокойного Женю словно подменили. Подпрыгнув, он схватил спелеолога за грудки.

– А ты только и делаешь, что воняешь везде!
 – Я из-за тебя чуть не погиб! – сквозь зубы процедил Ворошилов, стараясь стряхнуть хватку метеоролога.
 – Да? Скажи еще, что это я перепилил веревку!
 – А ну-ка, тихо. Тихо, я сказал! – рявкнул вклинившийся между драчунами Батон, разнимая их за шкирятники, словно сцепившихся котят. – Чего размахались? У нас и без мордобоя проблем хватает. Лера пропала, а вы устроили тут...

– Вот, хоть одна умная нашлась с вами не связываться, – ехидно кинул Ворошилов; не сводя глаз с Савельева, он задиристо одернул куртку, но тут же присмирел под взглядом охотника. – Да молчу я, молчу. Все. Остыли.

Дело было к ночи, с Атлантики надвигался непонятный шторм, а девчонки и след простыл. Одежды в рундуке нет, оружия на складе – тоже. Вдобавок пропал огнемет Азата. Черт-те что.

Батон с досадой ткнул кулаком по переборке. Что на этот раз удумала взбалмошная лиса? Надо было все-таки взять ее сегодня на «Поликарпова». Пусть бы мешалась, зато все время маячила бы перед глазами.

– Что за вожжа ей под хвост попала, черт, – теребя усы, хмурился Тарас. – Батон, ты бы внимательнее следил. Хоть она и не ребенок уже, а дисциплину соблюдать нужно. Чего тебя не слушается?

Разъяснительную беседу там провели, что ли. Ей тут не по окрестностям Пионерска буренок гонять.

— Да знаю я, — с досадой отмахнулся и без того нервничающий охотник.

— Делать-то что будем? — кисло поинтересовался со своего места Треска.

— Прочесывать, — ответил Батон. — Что ж еще остается. Фонарёй на всех хватит.

— И какой у нас план? — Савельев с готовностью надел шапку. — Лучше поторопиться, пока температура совсем не упала.

— Разделимся. Далеко она все равно уйти не могла.

— Главное — куда, — покачал головой Савельев.

— Осмотрим окрестности. Кто-нибудь, наведайтесь на «Новолазаревскую».

— А может, она на кладбище пошла, — предположил Паштет. — Ну, к родителям.

— Вот и проверьте, — одобрил Батон и, накидывая куртку, прошел: — А я навещу нашего отшельника.

Изредка поглядывая на темнеющий горизонт и негромко напевая, отец Михаил, вооружившись старенькой метелкой, неторопливо расчищал снег за церковью. Увидев поднимавшегося по тропинке Батона, он остановился и стал дожидаться гостя, блокотившись ладонями о черенок и положив на них подбородок.

— Приветствую. Михаил, кажется?

— Да уж, тезка... Она у тебя? — без предисловий попер Батон.

— Кто? — выпрямился священник.

— Не валяй дурака. Она у тебя, спрашиваю?

— О чем вы?

— Ты прекрасно знаешь, о чем, — отрезал Батон, подойдя к священнику практически вплотную. — Еще раз спрашиваю, она у тебя? Эй, Лерка!

— Нет. Леры здесь нет. Что-то случилось?

— Случилось. Пропала она. Нету нигде.

— Странно, — нахмурился Мигель. — Сегодня она не заходила. Давно?

— Не заходила, значит...

— Да, не заходила. А в чем, собственно, суть?

— А суть в том, что тебя неожиданно стало как-то много. И мне это очень не нравится. Короче, не пудри девчонке мозги, понял? Она девушка, ты тут двадцать лет без бабы сидишь, смекаешь? Она доверчивая — поманишь, на край света пойдет. Она мне как дочь родная, ребенок мой. Цветок домашний, всю жизнь под присмотром. Но вот упустил один раз. Недоглядел, и что получилось? Из-под венца сбежала. Мужик, который ее любил, погиб, родители тоже. Ей и так сейчас не сладко приходится. Так что сиди-ка ты тут да псалмы наматывай, усек? — не дождавшись ответа от выдергавшего взгляд священника, Батон веско положил тяжелую ладонь ему на плечо. — Усек, спрашиваю?

— Усек, — без тени покорности ответил Мигель, лишь крепче сжав черенок метлы.

— Вот и славно.

Пока Батон спускался по тропинке, отец Михаил молча смотрел ему вслед. В воздухе отдаленно пророкотало.

Буря приближалась.

* * *

Сознание возвращалось медленно, неохотно, упрямо отзываясь в голове тупой ноющей болью. Словно неуклюже пытались встать на место частицы одного разбитого целого. Мысли, чувства, воспоминания...

Лера куда-то бежала. Или от кого-то. Длинный коридор никак не хотел кончаться, и каждый раз сердце девушки сжималось от страха, когда она думала, что вот-вот споткнется и упадет, и тогда невидимый монстр наконец-то настигнет ее и начнет разрывать когтями.

По ушам ударили раскатистый хриплый хохот. Капитан австралийцев! Обернувшись, Лера увидела пылающий взор убийцы и бороду, в которую были вплетены водоросли и ракушки. В воздухе сверкнул занесенный зазубренный тесак, измазанный кровью ее отца.

Ныли ноги. Что-то терлось о подошвы. Лера бежала...

Опасность.

Бред.

Дезориентация...

Коридор никак не хотел заканчиваться. Спасительная дверь, словно издеваясь, постоянно отдалялась, не желая приближаться к беглянке. И все-таки она споткнулась и рухнула на пол, больно вывернув ногу. Подняться не успела. Подскочив сзади, дьявольский капитан схватил Леру за волосы и с размаху вонзил тесак между лопаток так, что острие с фонтаном крови вылезло из груди. Отчаянный крик заглушила хлынувшая из горла кровь...

Лера застонала и, с усилием подняв руку, потянула с лица респиратор. Голову пронзила страшная боль. Ее знобило. Мех на капюшоне слился от крови из разбитого виска и расцарапанной о бетон щеки. Было залито правое веко. Конечности затекли – не долетев нескольких метров до обледенелого дна доков, девушка скорчилась в беспомощной позе, удерживаемая тросом, тянувшимся вверх от ремня. Сколько она так провисела? Несколько мгновений? Несколько часов?

Судя по сгущающейся темноте и тускнеющим алым отблескам, видным сквозь бреши в воротах ангары, – действительно долго. Бедра и талия ныли, оттягиваемые подсумком Ежи, и очень хотелось пить. Чтобы не поддаться панике, девушка вспомнила инструкции дяди Миши. Ситуация была плачевная, но она постарается выбраться, как только немного восстановит силы, – что в Лерином положении было не так уж и просто.

Но по-настоящему напугало ее не это. А раскрытые пасти огромных зверей, которые не в силах достать добычу, хрипло ворча, привставали на задние лапы, касаясь подошв и мысков ботинок девушки алыми шершавыми языками.

От накатившего ужаса у Леры душа ушла в пятки. Хаски! Несколько штук. Но не те милые верные псинахи, с которыми она успела познакомиться на станции, – а огромные оголодавшие волкодавы с массивными широкими челюстями, с которых на лед густо стекала слюна, и злыми, налитыми кровью глазами. У каждого на шее болталось металлическое кольцо, от которого по льду волочилась оборванная на одном из звеньев цепь. Собаки из упряжки австралийского трактора, догадалась Лера.

По всей видимости, после столкновения на «Новолазаревской» стая была раздроблена; предоставленные самим себе животные, не

решаясь показываться людям, бродили по окрестностям и в результате забрели в катакомбы Двести одиннадцатой. Или учудили ее кровь...

Да какая теперь, к черту, разница! Ситуация стремительно принимала критический оборот.

Как они попали сюда?! Наверное, через одну из многочисленных брешей, ведущих наружу. Лера посмотрела на ворота ангара, стараясь делать как можно меньше движений, чтобы ненароком не растревожить привлеченных кровью животных.

Единственный путь к спасению – подняться наверх. Или перестрелять хищников из болтающегося на ремне «Бизона»? Но патроны следовало беречь. К тому же у нее еще есть шанс выбраться из переделки живой. А поскольку в плане спасения имелся второй вариант, она решила им и воспользоваться.

Лере не хотелось думать, что бы произошло, если б трос не выдержал и она оказалась без сознания на дне. Бесновавшиеся звери внизу принюхивались и глухо сопели, оскалив громадные зубастые пасти. Морозный воздух огласил длинный протяжный вой, от которого у Леры душа ушла в окоченевшие пятки. Одичавшие собаки были готовы стоять до победного конца.

Страяясь подавить рвущийся из груди жалобный стон и избегая пристальных взглядов хаски, Лера как можно медленнее подняла руку, цепляясь за трос, и осторожно поджала ноги, принимая вертикальное положение.

– Лерка-а-а!

– Да нету ее тут, идем, – окликнул приятеля Паштет, шаря лучом фонарика по обугленным останкам «Новолазаревской». – Кладбище уже осмотрели.

– Тыфу ты, пигалица, – выругался Треска. – Одни приключения с ней. Не понос, так золотуха, блин! Ладно, возвращаемся, а то мести сильнее начинает. Может, другим повезет. И чего ей на ум-то взбрело?

– А туда? – Паштет кивком указал в сторону веревочной дороги, тянувшейся к входу на Двести одиннадцатую. – Забыл? Мы же еще не все осмотрели.

В этот момент откуда-то издалека донесся протяжный собачий вой, эхом разнесшийся по долине.

— Не, чувак. Ты как хочешь, а я туда не пойду, — хмуро буркнул Треска.

— Мы должны все проверить, — понимая, что и сам не на шутку трусит, все-таки настаивал Паштет. — Думаю, у нее вряд ли хватило мозгов внутрь лезть, да и зачем ей? Снаружи посмотрим для порядка — и назад.

— Точно? — недоверчиво буркнул напарник.

— Точно. Я тоже замерз, да и жрать охота.

— Угу.

У входа на базу повара наткнулись на припорощенные снегом санки.

— Вот тебе и новости, — удивился Треска. — Это ж волокуши американских со станции.

— Может, и другие, — светя фонариком, Паштет оглядел землю. — Следов-то не видать, намело. Э, слышь...

— Чё.

— Прислушайся.

— Ну.

— Как лает кто...

— Да иди ты со своими глюками, надоел уже.

Убедившись, что катушку совсем заклинило, Лера обхватила трос обеими руками и уперлась о стену подошвами с трикони. Только бы выдержал...

— Пожалуйста, не порвись, — словно молитву прошептала девушка. Увидев, что задвигавшаяся добыча предпринимает попытку к бегству, собаки внизу заволновались и заворчали, напирая друг на друга.

— А это еще что, — Треска указал на привязанный к железной палке конец троса, тянувшийся за дверь базы.

— Фиг его знает, — пожал плечами Паштет. — Может, с момента, как вскрыли, осталось. Поляки же вон сколько ящиков нам на борт натаскали. Несколько дней возились. Вот и забыли. Австралийцы когда напали — не до порядку ведь было.

Он потрогал туго натянутый трос.

— Крепко сидит. Видать, привязано к чему-то.

Глубоко в недрах базы сантиметр за сантиметром поднимавшаяся Лера замерла и насторожилась, почувствовав, как вибрирует трос.

– Не знаю и знать не хочу, – проворчал Треска, глядя на темнеющее небо и щурясь от снежной крошки, летящей ему прямо в лицо. – Нет тут Лерки – и нет. Бери санки и потопали на лодку.

– Погоди, пусть та дрянь там и сидит дальше, – предложил любящий порядок Паштет. – Давай хоть дверь закроем.

– Это можно, – охотно согласился Треска.

Но та не хотела слушаться – мешал тянувшийся внутрь трос.

Чувствуя его подергивания, Лера запаниковала и засучила скользящими по бетону ногами, отчаянно пытаясь ускорить подъем. В натруженные руки словно плеснули свинца. Ныли мышцы, сердце бешено колотилось. В ушибленной голове вновь помутнилось. Да что же такое! Неужели где-то перетерлось... Только не сейчас!

Внизу бесновались ревущие хаски, наваливались лапами на стену и вгрызались изогнутыми когтями в крошащийся бетон. У торопившейся Леры отцепилась от ремня одна из перчаток и тут же была разорвана в клочья могучими челюстями.

Быстрее... Быстрее! Только бы не упасть!

– Сейчас я ее, – отцепить крепление не получилось, натяжение было слишком велико. Вынув из ножен огромный армейский нож с зазубренным лезвием, чтобы перепиливать кости свежеванных туш, Паштет принялся за дело. Но крепкие переплетенные полиэстровые шнурья поддавались закаленному металлу не сразу.

Охваченная ужасом Лера карабкалась как могла, не чувствуя рук, которые словно резали сотнями лезвий, позабыв про ушибы и животных внизу. Струящаяся по лицу кровь застилала глаза. Либо жизнь, либо зубы вечно голодных переродившихся антарктических чудовищ – третьего не дано.

Вдруг на мгновение, на какую-то долю микросекунды ей почудилось знакомое лицо там, за краем выступа наверху... Те же взъерошенные волосы, знакомые очки из шкатулки, дымящая трубка в зубах, как на фотографии. И протянутая вниз рука.

– Отец!

Давай, родная! Ты сможешь!

Сопя, Паштет продолжал усердно перепиливать начавшие поддаваться волокна.

Лера всхлипнула и до скрежета стиснула зубы.

— Да что ты там телишься, чувак, — Треска снял с пояса короткий топорик и, по-свойски отстранив приятеля, несколькими рубящими ударами перебил лопнувший трос.

Степанов-старший улыбнулся и, подхватив протянутую руку, потянул дочь на себя...

Натяжение спасительной нити резко ослабло, но Лера с последним нечеловеческим усилием подтянулась на крае площадки с вывороченными перилами и со стоном перевалилась на спину, стараясь унять срывающееся с губ дыхание. На ладони правой руки зияла глубокая рваная рана, из которой сочилась кровь. Обрабатывать ее йодом из аптечки не было времени.

Плевать. У нее получилось. Она успела. Теперь она в безопасности и можно хоть на несколько коротких мгновений успокоиться и перевести дух.

Отец!

Привстав на локтях, Лера подслеповато огляделась, освещаемая сполохами мятущегося кругом огня. Или это — всего лишь галлюцинация, вызванная сильным ушибом головы? Нет-нет! Конечно же, это был ее отец, и он пришел, чтобы спасти ее!

Лера снова повертела головой. Ну, где же он? Может, тушит пожар в лаборатории? Или побежал звать на помощь остальных?

На самом деле она прекрасно понимала, что была одна. Призраки не возвращаются. Это шок. Из раздумий ее вывело горящее перекрытие, с ярким снопом искр обрушившееся позади.

Снизу донесся хриплый разочарованный рев нескольких хищников, упутивших добычу, и Лера заставила себя подняться, инстинктивно стараясь убраться как можно дальше от пламени и хаски. Но напоследок все-таки задержалась и, выудив из кармана рогатку, вставила в ложемент гайку поувесистее. Засадить бы металлическим снарядом одной из мечущихся внизу псин точнехонько в налитый злобой глаз...

Нет. Смысл. Беречь патроны. Остынь. Все закончилось.

— Делов-то, чувак. Учись, пока я жив, — авторитетно шмыгнул носом Треска и пристроил топорик на место. — Завинчивай и пошли.

— Ага, сейчас я ее, — помогая себе плечом, Паштет с пыхтением навалился на заскрежетавшую дверь.

– Эй! Чего застяли, – внимание поваров привлек появившийся вдалеке Савельев, размахивающий над головой запаленным фальш-фейером. – Надвигается буря, надо отсюда сваливать. Нашли что-нибудь?

– Нет! – стараясь перекричать усиливающийся ветер, проорал Треска в сложенные рупором ладони и, спохватившись, добавил: – Только санки, чувак.

– Санки?

– Ага, во!

Покончив со входом в бункер, они с Паштетом, загребая ногами наметенный снег, направились навстречу метеорологу, двигавшемуся от линии берега, и не заметили, как позади приоткрылась и почти сразу же закрылась дверь базы. И как кружящийся снег скрыл маленькую фигурку, быстро устремившуюся по веревочной дороге к «Грозному».

* * *

Пожар в лаборатории продолжал бушевать. Выбравшись в озаряемый алыми сполохами коридор, Лера оперлась рукой о стену, стараясь унять навалившуюся дурноту. Пахло керосином и горящим мусором.

Поспешно заменив банку фильтра, девушка снова натянула на ноющее лицо респиратор. Про угробленный огнемет она даже не думала. Сложнее будет оправдаться за кровь. Только сейчас, побывав на волосок от смерти, она начала осознавать, какую глупость затеяла. Ох и влетит же ей.

Поделом. Сама виновата.

Но, может, у нее все-таки получилось. Лера оглянулась на беснующийся огонь. Пусть все сгорит, и она не рисковала зря.

А сейчас – бежать.

К выходу добиралась, пошатываясь, словно пьяная, и ориентируясь по тросу, стелящемуся под ногами задушенной змеей. Катушку вскоре отстегнула и выбросила. Незачем.

Что же такое случилось? Ведь из-за этого она едва-едва не погибла.

Наружная дверь, ведущая в катакомбы, оказалась закрытой. Взяв трос, Лера посмотрела на размочаленный кончик. Случай-

ность отмечалась сразу – с первого взгляда становилось ясно, что трос кто-то перепилил. Значит, ее искали, и команда уже вернулась с «Поликарпова». Но почему тогда обрубили веревку, а не проверили, что на другом ее конце? Ведь было же очевидно, что она закреплена не просто так.

Дядя Миша никогда бы так не поступил и приложил все усилия, чтобы найти и спасти свою юную подопечную. Горы бы свернул – в этом Лера ни капли не сомневалась. А тут... Чертовщина какая-то. Бросив трос на пол, девушка навалилась на дверь.

Санки тоже пропали, а вместо них появились сдвоенные цепочки следов, ведущих от двери в сторону берега. Две пары. Ее действительно успели хватиться. Ну и черт с ними, времени разбираться нет, и так, ясное дело, влетит, но она слепит что-нибудь поубедительнее, чтобы смягчить наказание. В конце концов, вирус она уничтожила, и ее нужно не ругать, а хвалить.

К тому же смеркалось, да и снегопад усилился. Стараясь не выпускать веревочную дорогу из вида, Лера, заслоняясь руками от снега, оскальзываясь, побежала по склону к подлодке.

Главное – попасть на борт, а в тепле и думаться будет лучше, размышляла она, на бегу возясь с фальшфейером – вокруг быстро темнело. Снегопад крепчал, и ветер усиливался.

Перестав на какое-то время смотреть под ноги, Лера споткнулась о крупный камень и упала на тропинку, выронив фальшфейер, который, кувырнувшись в воздухе, отлетел далеко в сугроб.

– Зараза!

Тратить время на поиски она не решилась. Ладно, все равно уже немного осталось. Успеет. Быстро поднявшись, Лера потерла ушибленные коленки и заторопилась к видимому сквозь пургу темному массиву лодки, не заметив, что из раскрывшегося подсумка Ежи на землю выпал небольшой продолговатый цилиндр.

Поднявшись по трапу, она тяжело навалилась на перила, делая передышку. Перед глазами все плыло, и снова накатил озноб. Вдруг откуда-то прибежал дядя Миша, с какой-то дурацкой песенкой начал стучать ей по голове пищащим резиновым молотком. Улыбнулся залитый кровью отец и дьявольски захахотал замахивающийся тесаком капитан...

Лера даже не сопротивлялась.

Сейчас ей было на все плевать. Главное, она успела. Теряющая сознание девушка почти сползла на палубу, когда ее подхватили чьи-то руки, и она окончательно провалилась во тьму.

* * *

Усиливающаяся буря, навеянная Атлантикой, заставляла разбредшихся в поисках исчезнувшей Леры людей торопиться и скорее возвращаться под крышу.

Первым лежавший на тропинке цилиндр заметил Паштет, когда они с Треской в компании Савельева, тянувшего за собой санки, спускались вниз к «Грозному».

– Эй, смотрите-ка!

– Что там? – тут же вскинулись спутники, дружно повернувшись в указанном поваром направлении.

– Что это за фигня?

– Тихо, не подходите, – шикнул Треска, доставая дозиметр. – Когда мы поднимались, этой штуки тут не было. Откуда она взялась?

– Пф. Ветром принесло, – пожал плечами Паштет.

– Не фонит, – сверился с показаниями гамма-счетчика Треска.

– Да и с чего бы, – огляделся Савельев, запаливая новый фальшфейер. – Здесь тебе не Пионерск. Что это?

– Похоже на термос, – ответил присевший на корточки Паштет, осторожно потрогав емкость пальцем в перчатке. – Только маленький. И закрыт как-то странно.

– С «Новолазаревской», откуда ж еще, – не стал лезть в карман за раздумьями Треска. – Зырте, чуваки, буря какая начинается. Вот от развалин и откатился. Да и нам пошевеливаться пора. Хочется в тепло и пожрать, как следует. Уверен, Лерку уже кто-нибудь нашел. Ох, я ей и втащу хорошенько за немытый камбуз.

– Смотри, как бы тоже самое потом Батон не проделал с тобой, – хмыкнул Савельев. – Он за нее любому глотку перегрызет.

– Да знаю я, – скривившись, отмахнулся Треска. – Это так – фигура речи. Я же теперь вроде как кок, а она у меня в подчинении, значит. Вот и не фиг отлынивать от обязанностей. Батон бы меня одобрил. Чистота – залог здоровья, мать ее! А дисциплина – тоже часть воспитания.

- Ну-ну.
- А почему это ты – кок? – вскинулся Паштет.
- Потому что я старше, – цыкнув зубом, безапелляционно ответил Треска. – И готовлю получше некоторых. Все правильно.
- Старше, а огурцы солить не умеешь, – Паштет взвесил на руке цилиндр. – Хрен с тобой, золотая рыбка. А эту штуку возьмем. Может, кто-то из наших посеял.
- Что – чай или суп перекисший? – презрительно фыркнул Треска. – Не дури, запули куда подальше, и потопали.
- Не знаю, – с сомнением взразил метеоролог. – Я таких штук ни у кого на лодке не видел. Уверен?
- А откуда ей тут еще взяться? Может, это действительно кого-то со станции, – выпрямился Паштет и положил находку на санки. – Ворошилова, например.
- Этого козла. Пф! Щепка. По ходу, он вообще ничего не жрет...
- Продолжая спорить, троица стала спускаться вдоль канатной дороги в сторону «Грозного».
- Тем временем буря окончательно накрыла побережье Антарктики.

* * *

Очнулась Лера уже под одеялом, в своей каюте. Осторожно прошептав ладонями по телу, убедилась, что тельняшка и перетянутые ремнем с увесистой пряжкой джинсы остались на ней. Слава богу. Кто бы ее сюда ни принес, у него хватило совести. Несмотря на то, что Лера проделала такой долгий путь, будучи одной из немногих женщин на борту, с мужчинами, которых знала годами, недоверие и опаска всегда были при ней. Да и кто, действительно, кроме погибшего Колобка, мог оказать ей нормальную медицинскую помощь? Разве что Тахома, с которой она за это время успела сдружиться.

Лера и сама не понимала, что с ней. Может, просто сказывались переутомление и выплеск адреналина, связанные с вылазкой? Кажется, случился обморок. Температуры вроде бы нет. Лера пошевелила пальцами: ободранная ладонь ныла, но была тщательно перевинтована. Даже заработанные при контакте с бетоном заусенцы на ногтях были сострижены и обработаны.

Щеку защекотали усы забравшейся на койку Чучундры. Повернув голову, Лера столкнулась с тяжелым взглядом. Был наставник мрачнее тучи. Таким рассерженным Батоном, присевшего на край койки, девушка еще не видела.

– Где была? – вступлений не последовало, а это было совсем уже плохо.

На вопрос, к которому Лера готовилась с самого начала, так и не нашлось должного ответа: в руках Батон держал подсумок Ежи. Сейчас, в тепле и безопасности, вылазка на немецкую базу казалась чистым безумием. И о чем она только думала. Дура.

– Я... я просто помочь хотела, – тихо сказала Лера.

– Зачем это приволокла?

– Это ведь принадлежало Ежи. Мне показалось, что там может быть что-то важное или полезное.

– Что – новая подлодка? – невесело усмехнулся Батон. – Панacea от всех болезней? Божья воля, Иисус Христос?

Лера обиженно прикусила язык.

– Да уж, подсобила, нечего сказать. Пожар в катакомбах ты устроила?

– Зато я уничтожила вирус! – выпалила девушка, раздражаясь. В конце концов, какое право он имел так с ней разговаривать? К тому же, судя по речи и настроению, старый охотник был пьян.

Принюхавшись, Лера наморщила нос.

– Опять пили.

– Какое твое дело? Мы тебя несколько часов искали. Скажи спасибо, что жива. Короче, расскажешь в кают-компании. Тарас вызывает, – продолжал распекать Батон. – Не ты одна потеряла друзей и близких. И это совсем не означает, что нужно съезжать с катушек и лезть на подвиги. Когда ты это уже, наконец, поймешь?

– А и пойду, – с вызовом вскинулась девушка, спуская босые ноги с койки. – Может, хоть там послушают. И, кстати, мое дело, что вы приходите сюда без разрешения и... воняете.

– За огнемет тебе отдельно влетит, в этот раз заступаться не буду. Ворошилов тоже из-за катушки разозлен, – коротко, словно забивал гвозди, отрубил Батон, выходя из каюты. – А как у меня дела? – задержавшись в дверях, будто между делом сказал он, отвечая на не заданный вопрос. – Знаешь, ничего. Сплывали. Нашли

с гулькин нос. И нас чуть не сожрал непонятный черный дым. В общем, рутина.

Застыв на койке, Лера посмотрела на закрытую дверь. А ведь он в чем-то прав. Когда они в последний раз, – или, как учил говорить сам дядя Миша, крайний, – вот так нормально общались, поверили друг другу секреты, мысли или тяготы? Да просто смеялись?

Она ведь выросла у него на руках. А теперь что? Грызутся по любому поводу. Как же их всех изменила эта чертова лодка. Все это путешествие, окончившееся ничем. А еще какой-то черный дым... Что он сказал – чуть не погибли?

Ослушаться Лера не посмела.

Смотреть в глаза остальным тоже.

– Ты чего шумишь? Что это? – удивленно спросил проходящий мимо Лериной каюты Савельев, и поймал подсумок, брошенный Батоном.

– Шмотье Ежи. Ты у нас по загранцам спец. Мне это барахло даром не нужно.

Метеоролог посмотрел вслед удалявшемуся по коридору охотнику, у которого впервые за прошедшие двадцать лет снова недобро заныло сердце.

* * *

«Судовой журнал.

Земля королевы Мод. Исследовательская станция “Новолазаревская”.

Время стоянки – ...-ые сутки.

Вылазка на русское исследовательское судно “Лев Поликарпов”, застрявшее в леднике в нескольких километрах от материка, ничего не дала. Да и на что мы надеялись, в конце концов? Что старый, практически полностью разрушенный и заброшенный корабль, простоявший в холде столько лет, сможет послужить источником запчастей для подлодки? Тьфу! Хватаемся, как букашки, за соломинку, лишь бы найти лазейку и выжить любой ценой. Напрасно.

Найденные электрозвапчасти и элементы силовых установок не помогли, так как полностью непригодны.

Интересно, что по прошествии стольких лет на борту “Поликарпова” удалось подключить, хоть и ненадолго, сносное энергопитание. На радость или несчастье – не знаю.

Вновь увидеть на уцелевших мониторах гибель Земли, повторяющую снову и снова в полной тишине... Что может быть страшнее? Будто именно нам было оставлено это послание. Именно мы должны были его увидеть, именно в тот момент и в тот час.

И еще короткая радиосвязь с неизвестным, назвавшимся Поштой из Крыма. Случайность – или очередная подковырка судьбы? Последний подарок умирающего судна перед тем, как оно навсегда погрузилось в вечное безмолвие, став обиталищем новых существ. (Бортовой журнал изъят для уточнения судьбы команды и научного экипажа.)

А ведь мы преодолели столько миль. Столько всего повидали – и вот опять сигнал. До сих пор при каждой новой встрече или весточке становится и радостно, и одновременно не по себе.

Выходит, в самых разных уголках планеты осталось множество выживших. Сколько же их еще?

Недовольство и напряжение на борту растут. Не знаю, сколько еще так продержимся.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лаптев».

* * *

Из-за пурги видимость сократилась до нескольких десятков метров. Борт «Грозного» осветили сигнальные маяки.

На собрании, посвященном выходке Леры, не присутствовали только повара, занятые готовкой ужина, и Савельев, следивший за штормом и с подозрением смотрящий на подсумок, который лежал на его откинутом столике.

– Как думаешь, что это все-таки за штука? – Паштет еще раз подкинул найденный на тропинке цилиндр на ладони.

– Да термос это заржавевший, – скривился Треска, свежую очредную рыбину. – Мусор, короче. Выкини на хрен и лучше помоги.

– Интересно, что там, – прислонив к уху емкость, Паштет легонько потряс ее.

– Прокисшая жрака, скорее всего. Ничего ценного. Почему-то я в этом уверен, – орудуя ножом, фыркнул Треска и, выкладывая наструганное ромбами филе на сковородку, поморщился: – К тому же холодная наверняка.

– А если подогреть? – не желал сдаваться Паштет.

– Ну, попробуй, только хватит меня отвлекать, чувак. Дюжину рыб кормить, а ты тут фигней страдаешь.

– И не открывается, блин...

– Фу, зырь, – послюнив палец, Треска брезгливо провел по комфорке. – Даже плиту не скоблила. Уши надеру. И картошку вон запустила всю.

Он указал в угол камбуза, где на полу были расставлены несколько раскрытых мешков с землей, из которых слабо тянулись жухлые побеги бледно-зеленой ботвы.

– Она же не садовод. Хватит делать из нее девку-чернавку. Может, семена скоптились, лет-то сколько прошло.

– Ага. Еще скажи, что колорадский жук все поел. А кто мицелий¹ в Пионерске только так культивировал?

– Ну, то грибы. Много ли им надо? Грунт, влага и темнота. Сами вырастут. Да там и ферма целая была с оборудованием, и девчонок сколько, вспомни. Как пчелы гудели сутками напролет. Дозрел урожай – высушили или замариновали. Делов-то.

– Грибы, грибы, грибы. Кругом грибы, макароны по-флотски да рыба. Скоро чешуя с хвостом отрастут. От них уже кожа на языке слазит, а изгаяться с вариациями сил давно нет. Доморощенное все, кустарное.

– Что делать, не бухти. Я бы тоже от нормального мяса с пивчарой сейчас не отказался. Или от палки колбаски сыропопченой. Но вариантов иных-то нет, хоть все сусеки перетряси, – заметил на брюзжание соседа Паштет. – А картофле света просто мало и удобрений. Да и где их взять? Электричество ведь не солнце.

– М-м-м, колбаса, – отрываясь от готовки, мечтательно протянул Треска. – Или головку сыра. С нынешней плесенью нажористо бы пошло. И что? Короткий вкусовой оргазм, а потом опять мучайся? Не, не трави душу, чувак.

---

¹ Грибница.

За стеллажом с кухонной утварью булькнул небольшой самогонный аппарат, собранный парочкой еще в Пионерске, в котором уже некоторое время поспевала брага из сущеной морской капусты и пресловутых грибов с фермы. Рецепт они придумали через несколько лет после войны, когда запасы нормальной выпивки подошли к концу. Многие на борту догадывались о существовании агрегата, но закрывали глаза. В конце концов, праздники у моряков тоже еще были. Хоть и последние. Да и помянуть кого становилось необходимым все чаще.

После того как Лера чуть не разломала все метлой, ее, ненавидевшую из-за дебоширившего по пьянке Батона алкогольное зелье, к этому сокровищу не подпускали на пушечный выстрел.

— Работай-работай, отрада моя, — нежно проворковал Треска и ласково, словно ребенка, похлопал по боку пузатый прозрачный пятидесятилитровый бидон, в котором, пузырясь, поднималась пена. — Трудись.

— Зато ее нашли.

— Ой, милота. Еще бы, — возвращаясь к плите и покручивая сковородку, чтобы по дну равномерно растекся нагретый китовый жир, фыркнул Треска. — Батон за нее всю Антарктику бы перевернул. Пф, дочку себе выдумал.

— А я бы радовался, — изменившимся голосом ответил Паштет, ставя термос на стол.

— О чём это ты толкуешь, чувак?

— Всяко не помирать одному. Всегда здорово, когда у тебя кто-то есть. А она хорошая. Хоть и упрямая, — просто сказал повар. — Посмотри на нас. Разве это жизнь? Говно это. Давно уже хуже зверей. И лучше уже никогда не станет, конечно. Поэтому все хорошо, что хорошо кончается. Каждый заслуживает кусочек счастья.

— Угу. Распекает ее сейчас Тарас, небось. Прикинь, угробила целий огнемет! Это ж сколько горючки, мать ее. Уйма! И ведь новолазоревские санки у американских стырила, лиса, а?

— И чего ей на той базе понадобилось? — отвлекшись от своей игрушки, поддакнул Паштет. — Духи фрицев искать? Ледышки обмерзшие. И ведь сунулась, не побоялась.

— Совсем съехала по Азату. Еще священник этот ей, видать, мозги как следует крутит, блин. Одно слово — баба, — взявшись с толченой

приправой из красной банки в белый горошек, цыкнул зубом новоиспеченный кок. – Что там в черепушке делается, поди ра...

В этот момент верхняя часть термоса со щелчком подалась вверх и откинулась в сторону.

– Екэлэмэнэ!?

– Смотри! – обрадовался Паштет.

– Етить... Я из-за тебя зелень просыпал.

– Открылся! – Паштет наклонился к емкости и настороженно принюхался. – Странно.

– Что там? – помешивая заправленную рыбу, как можно более безразлично спросил Треска, которому, конечно же, было до смерти интересно. Но он скорее съел бы свою ушанку, чем признался в этом приятелю.

– Вот, – Паштет поставил на стол миску исыпанул в нее содержимое термоса.

– Хрен знает, что это такое, чувак, – разочаровался Треска.

– Бобы? – предположил нагнувшийся над посудой Паштет. –

Сушеные.

– Гадость какая-то, – оценил толстяк. – Слей в толчок.

– И не пахнет. Может, концентрат?

– Сам и жри.

– По-братски. Ты чего? – отвернулся от плиты Паштет. – Интересно, что это. Не хочешь полярного пайка треснуть? Вот тебе и разнообразие. Они ведь на нем столько лет сидели. Это ж, можно сказать, профессиональный интерес. Трофей!

– Не знаю, – с сомнением проворчал Треска, переворачивая на сковородке шипящие в масле быстро румяняющиеся ломти. – Я ем то, в чем уверен или что приготовил сам.

– Как знаешь. А я попробую.

Хотя вываленная на тарелку бурая суховатая масса из крупиц размером с недозрелый горох не выглядела особенно аппетитно, Паштет вооружился вилкой, подцепил одну и осторожно положил в рот.

– И, – скривившись, Треска ждал реакции приятеля. – Гадость, э?

– Похоже на сухари, – разжевывая, размышлял вслух напарник. – Или чипсы, только старые. На вкус как крахмал.

– Собачий корм какой-то, – вытирая руки о фартук, вынес вердикт Треска. – Может, они хаски своих этим кормили. Или похуже – пингвинов, которых потом и жрали.

– Попробуй, – подцепив вилкой одну из горошин, предложил Паштет. – На вкус вроде ничего так.

– Сам же сказал, что крахмал, беее. А тут гляди, какая красота приготовилась, – с ноткой укоризны сказал Треска и указал деревянной вилкой на румяные ломти в дымящейся сковородке. – А ты всякую ерунду жрешь.

– Брось. Рыба твоя никуда не денется. Неужели не интересно?

– Да как-то по фиг, чувак...

– Что? И ты еще себя поваром называешь? Я же сижу, и ничего.

– Ну, давай, шут уж с тобой, – выключив плиту и присев за стол, в своей вечной манере недовольно пробурчал Треска. – Раз живой еще, отчего не попробовать.

* * *

Ох, и влетело же ей. Стоя перед рассевшимися за столом хмурыми мужиками, Лера пыталась подыскать ответ на несущийся со всех сторон справедливый выговор и не могла вставить ни слова.

Расстроенные тем, что ничего полезного на «Поликарпове» не оказалось и для лодки ничего не подошло, члены команды как следует отходили девчонку. Хоть не матерились, и на том спасибо. Почему одна? Не спросила? Никто не пускал...

Не выдержав, Лера перебила их и раскричалась, сжав кулаки:

– А почему меня не взяли на корабль, на котором приплыли родители?! Какое вы, в конце концов, имели на это право? Вы все? Я уже не девочка! И старалась, между прочим, для вас! И я не ваша собственность!

– Пока ты на борту «Грозного», мы за тебя отвечаляем, – ответил Тарас.

– Я за тебя отвечаю, – сказал Батон. – И к священнику ты больше не пойдешь.

– Это еще почему? – вскинулась девушка.

– Я поговорил с ним. Ты молодая девушка, он одинокий мужик, просидевший здесь двадцать лет. Тебе это не нужно.

– Не твое дело, что мне нужно, а что нет! Откуда тебе знать?!

Батон слегка опешил, хоть ни один мускул так и не дрогнул на его лице. Лера впервые в жизни обратилась к нему на «ты».

– Хватит уже лезть в мои дела!

– Валерия Викторовна!.. – треснул кулаком по столу Тарас.

– Перестань командовать, – окончательно съехав, не слушая старпома, кричала Лера. – Ты не мой отец! Ты даже моих родителей не знал!

В каютах-компаний повисла мертвая тишина.

– Что Викторовна? Что вы можете-то все! Да. Что. Вы. Все. Може-те! – с презрением ткнув пальцем в окаменевших мужиков и чувствуя, как по щекам предательски побежали слезы, Лера перешла на дрожащий шепот. – Ничего не можете. Я застрелила человека, спасая тебя.

Задержавшись в дверях, девушка обернулась и, бросив на Батона тяжелый взгляд, добавила:

– Ненавижу.

Лера впервые в жизни поссорилась с наставником. За вольность и угробленный огнемет Лере назначили недельную «губу» в своей каюте. Сверкнув глазами, девушка метнулась за дверь.

Покинув место «публичной казни», Лера заглянула к себе и, игнорируя Чучундру, сорвала с вешалки полотенце, направляясь в душ. Надоело. Да пошли они все! К черту камбуз и этих двух дураков. Еще не хватало сейчас драить пол, выслушивая их идиотские подколы и шутки. Успеется.

Выпрыгнув из джинсов, Лера стянула тельняшку; следом упал лоскуток трусиков, и девушка выгнулась под шипящим потоком, неторопливо смывая с себя напряжение и усталость, чувствуя, как тугие струйки щекотно скользят по соскам и впалому животу. Несмотря на тяжелое время, она заботилась о своем теле. Это было необходимо. В новом мире это был залог здоровья и безопасности.

Намылив мочалку из люфы куцым кирпичиком драгоценного мыла, Лера неторопливо провела ей по бедрам и упругим овалам груди, откидывая на лопатки мокрые пряди волос. Хотелось чистоты. Обособиться. От грязи, оскорблений, угроз.

Как же ее все достало. Упреки, наставления, бесконечные команды. Крики и одергивания. Но больше всего бесило осознание того,

что деваться ей некуда. А куда ты денешься с подводной лодки... Старая шутка, услышанная от кого-то, сейчас звучала, как приговор. Никуда ей не деться: кругом ледяная, полная опасностей и смертельного холода пустыня. Опустив голову, Лера посмотрела, как вода спиралькой закручивается в водостоке между ее ступней.

Снова потянуло в церковь.

Михаил ее выслушает и поймет. Он добрый и чуткий. Подставляя лицо прохладной воде с едким привкусом хлора, Лера впервые с удивлением ощутила, что Батон начинает ее раздражать.

Почему? Когда это появилось? Да, он пьет. Но делал это, сколько она себя помнила. Ведь, по сути, он никогда и не был ей особо родным. Учитель, наставник. Мужчина, за которого она могла спрятаться, словно за стеной. Да и чему, собственно он ее научил? Охоте на тварей? Выживанию на поверхности?.. Этим мог поделиться любой взрослый мародер, гуляющий по поверхности в их окрестностях. И сколько она умела уже сама... Впору было учить.

Вот только кого?

Лера отчетливо поняла, что, несмотря на всю заботу окружавших ее людей, она так и осталась сиротой. И этого было уже не изменить. Прошлого не воротишь.

Лучше и не думать, что в мире когда-то было лучше, чем сейчас. Не думать... Мысль об этом была слишком болезненной. Да и не нужной.

Выключив воду, Лера принялась растираться полотенцем.

Сидевший в церкви Мигель неторопливо молился, медленно перебирая четки, и смотрел на огни «Грозного», видимые через окно. Осиротевшая девушка, с поражающей смелостью рванувшаяся на край света, никак не шла из головы. Рыжеволосый одуванчик. Брошенный в атомное горнило, не знавший ласки ребенок, которому суждено было так рано стать взрослым. Может, и хорошо, что она не помнила, не могла помнить мир, который они уничтожили.

Боль от этих воспоминаний была слишком сильна.

– ...по воле твоей, аминь, – оканчивая очередную молитву, пробормотал мужчина.

Звук, пришедший со стороны моря, услышали все.

Открыв подсумок Ежи и прочитав несколько строк на сложенном вдвое тетрадном листке, Савельев выбежал из каюты, и его

оглушил непонятный громоподобный рев. Этот звук слышали члены команды несколько дней назад – и приписали его гигантскому мутировавшему существу. Корпус лодки сотрясла вибрация.

– Где второй...

Палубу накрыл новый могучий звук; метеоролог навалился плечом на стену.

– Морской Дьявол! – прокричал бегущий ему навстречу Треска в испачканном рыбой фартуке, натягивая на растрепанные лохмы ушанку.

– Откуда этот подсумок? Кто его принес?!

– Сваливаем, чувак! Или нас всех порвет!

* * *

Но покинуть борт лодки торопились не все.

– Почему ты уверен, что там безопаснее?! – орал Паштет, пока бежал к трапу вслед за Трекской, наматывая на ходу шарф.

– Надо валить, пока эту посудину на хрен не потопило. Там хоть какой-то шанс!

Выбежав на палубу, повара загнанно огляделись. К «Грозному», едва различимое в ночи за мятущейся пургой, приближалось что-то рокочущее и огромное.

– Я же говорил! Говорил тебе, что не нужно было обирать «Поликарпова»! Теперь нам придется платить морским богам. Это кара, а не шторм! Морской Дух пришел за нами! – тыча пальцем вперед, пронзительно вскрикнул Паштет.

– «Голландец»... – рухнув на колени, в суеверном ужасе провыл Треска.

– Мы прокляты! – Повара застыли, наблюдая, как из снежной пурги на них с рокотом надвигается огромная морда чудовища с раскрытым пастью и ослепительными пылающими глазами.

Глава 5

ЧЕРНЫЙ ДРАКОН

С ветром приходит утро. Так когда-то говорила его мать, когда ста́рик-иякуган¹ заканчивал очередную енмаль² на ночь. Одну из многих тех, которые он обожал, будучи маленьkim. Он с восторгом слушал о чудесах и волшебниках, о всемогущем богатыре чжансу, о хитроумных проделках чертей токкэби, о похождениях духов давным-давно умерших предков и родственников. Легенду о бобре. Сказки про принцесс и королей, любовь и отвагу. И, конечно же, там всегда были драконы. Его любимые сказочные существа.

Детство. Священный миг. В нем нет места злости. Теперь же весь мир кишел чудовищами и драконами. Люди от алчности, по прихоти сами создали для себя страшную сказку.

Которую уже некому было рассказывать.

Хотя не был ли когда-то алчным он сам? Разве наследнику колоссальной империи не было это свойственно? Ким Им вздохнул и потеребил седой ус. Когда-то с таким усердием и кропотливостью созданная финансовая машина превратилась в пыль, которую раз-

---

¹ Стариk-сказочник.

² Слово о старине.

веял ветер. И теперь у Ким Им Су не было ни единого вона¹, а ветру было на них плевать.

Да и он уже был стар. Но все-таки его богатство дало плоды и позволило спасти множество жизней в этом изуродованном аду. И продолжает спасать. «Дракон», которого он создал, со временем добившись немыслимых высот, был сильнее всех. Его грозный рык гремел уже на многих континентах, даря надежду нуждающимся и вселяя ужас в сердца врагов.

Давно это было. Очень давно. За такой срок успевали вырасти и, заплакав, ссгулиться ивы, под которыми он когда-то признавался в первой любви. Память старела, желтея и ветшая, словно снимок, запертый в фотоальбоме.

Ах, как бы ему хотелось вернуться в старый Чосон² времен своей молодости. В могущественный чеболь³ его семьи. В привычный и знакомый мир, в котором не было войны. Где человеческая жизнь была наполнена столькими ощущениями и мелочами, которые сейчас казались пустыми. Всего лишь призрачная мечта. Того мира уже не существовало. Ничего не осталось. Ни городов, ни школ, ни маленького квартальчика в Сеуле, где он вырос.

Но «Дракон» по-прежнему плыл, исследуя руины мира и подбирая выживших со всего света, постепенно превращаясь в библейский Ковчег, неся на своих крыльях каплю надежды в истерзанные атомной бурей сердца. А значит, у Ким Им Су еще есть цель. Ведь он оставался Императором, и перед ним простирался мир.

«Величайший Воин не имеет никакого отношения к войне. Он не имеет никакого отношения к борьбе с другими. Он занят внутренним преобразованием. И это не поединок, хоть он и приносит победу; это не война, не конфликт. Но необходимо быть Воином, ибо нужно БЫТЬ БДИТЕЛЬНЫМ, как Воин», – каждый раз, когда он предавался воспоминаниям, на ум неизменно приходило одно из высказываний индийского мастера Ошо.

¹ Денежная единица Республики Корея.

² «Страна утренней свежести» – так сами жители называют Корею.

³ Чеболь – южнокорейская разновидность финансово-промышленных групп. Конгломерат, представляющий собой группу самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей (как кланы мафии) и под единым административным и финансовым контролем.

Да, бдительность. Бдительность и осторожность превыше всего. Хотя чего или кого ему бояться? К тому же его сын, его гордость, со временем станет достойным преемником в новой священной миссии. За эти годы плоть от плоти его показал себя мужественным и стойким воином, но все же он пока еще не готов был взвалить на себя ношу, которую нес отец. Его время еще не пришло. Не сейчас. Не сейчас.

Курсируя по морям и океанам, «Дракон» принимал редкие сигналы из разных уголков света, в которых кому-то удалось уцелеть. Постепенно подбирая выживших всех языков и народностей, он превратился в замкнутое государство, настоящую плавучую крепость со своими законами, социальными группами и, конечно же, Императором, у которого все находились в подчинении.

Полученный несколько дней назад сигнал заставил гигантское судно изменить первоначальный курс, до этого пролегавший к мысу Горн, возле которого Император желал поохотиться на великолепных гренландских китов.

Но коротенькое, полное скорби послание, произнесенное тонким женским голоском на русском языке, звучавшее скорее как последняя исповедь, нежели призыв о помощи, заставило его сменить решение. Даже если окажется, что этот звук – всего лишь гоняемая по кругу запись, сделанная давным-давно, их священным долгом было проверить.

Приказ был отдан, и теперь Императору оставалось всего лишь ждать, терпеливо снося щекотку сотни рыбешек Гарра Руфа, которые сутились вокруг его ступней, опущенных в пооблупившийся инкрустированный тазик возле ложа. Конечно, гигиена страдала – едва поддавшихся мутации (всего лишь стали более зубастыми) чудо-рыбок, размножением которых занималась специальная группа на пищевой ферме, нельзя было продезинфицировать, в отличие от инструментов. Поэтому работники каждый раз тщательно промывали аквариумы и меняли воду, несколько раз пропуская ее через биофильтры, перед тем как отнести наполненную посудину в покой Императора, переделанные в декоративный сад.

Многое из того, что в момент удара находилось на борту или было подобрано позже, вот уже много лет восстанавливалось умельцами со всей земли. Мастера с переменным успехом кропотливо пытались собрать последние осколки цивилизации.

Еще до войны, в бытность колоссом-магнатом, Ким Им Су полюбил эту процедуру за ее простоту и в какой-то степени – экзотичность. Она помогала ему сосредоточиться и подумать.

Интересно, что может ждать их на этой так до конца и не исследованной ледяной земле? И каким невиданным образом люди, лишенные его возможностей, смогли продержаться там последние двадцать лет?

* * *

– Ради всего святого, что это за штуковина?! – стараясь перекричать ветер, проорал Макмиллан, придерживая рвущуюся с головы шляпу.

Все до единого члены команды «Грозного», включая нескольких беженцев с «Новолазаревской», высыпали на палубу и застыли, наблюдая, как мимо с могучим рокотом, замедляя ход, проплывает стальное чудовище, носовую часть которого венчала огромная голова дракона с пробивавшими бурю глазами- прожекторами. Из раскрытой пасти вместо языка высовывался ствол огромного про-копченного крупнокалиберного орудия.

– Мать вашу за ногу! – рявкнул Тарас, с которого ветер сорвал капюшон и теперь, заставляя щуриться, трепал вислые усы.

– Съесть мне мою ушанку, – убедившись, что духи пока решили повременить с решением его участи, Треска задрал голову и во все глаза смотрел на огромный борт, поверх которого одна на другую на-слаивались палубы, освещаемые прожекторами и светильниками. – Вот это гигант!

– Какая сила способна поднять на воду такой механизм, – в почтенном благоговении пошевелил мясистыми губами Мичиган.

– Да уж явно не Господня, брат, – расслышав, проорал стоявший рядом Рэнди.

Неведомый пришелец сбавил узлы и окончательно остановился, поравнявшись с лодкой. Воздух огласил очередной мощный рык, и люди на лодке с криками позакрывали уши. В глаза косо ударили ослепительный луч прожектора, в котором метался снег, мазнул по иссиня-черной палубе «Грозного».

Работа гигантов-винтов замедлилась, и рокот стих. «Дракон», наконец, прибыл в пункт своего назначения.

На причале повисла торжественная тишина, которую никто из членов команды «Грозного» не посмел нарушить первым. Все происходящее казалось невероятным, фантасмагорическим сном. Корабль! Огромный корабль, приплывший на брошенный материк из загадочной дали, которую скрывала за кормой непроглядная мгла и беснующаяся метель.

Зачем? С какой целью? Что здесь искать...

Каждый из присутствующих ощутил, как внутри, в самом сердце, слабенькой лампадкой, начинала теплиться призрачная надежда.

А может, это за ними?

— Так вот что это был за звук, — догадался Савельев.

Судно окончательно поравнялось с лодкой, и теперь стало отчетливо видно, что оно превосходит размерами «Грозного» почти в три раза.

— Лобачев¹ бы не поверил, — выискивая в темноте корму, сам себе сказал Тарас. — Самому не верится.

— Смотрите туда! — одной рукой придерживая рвущуюся вслед ветру ушанку, другой Треска указал на нависающий над ними борт. — Они открываются!

Борту неопознанного судна тремя прямыми полосками света обозначились очертания спусковой аппаратели. Раздался оглушительный лязг, в чреве корабля что-то грохнуло, и исполинская сходня пришла в движение, медленно опускаясь.

Инстинктивно отступив за спину Батона, Лера выглядывала из-за его плеча, стараясь не упустить ни малейшей детали, чувствуя, как во внутреннем кармане плотно застегнутой «натовки» играет с сущеным грибом Чучундра.

Жужа зубочистку, Макмиллан поправил ремешок шляпы под подбородком и перекинул свой карабин с плеча в руки. Уловив его движение, Тарас отстегнул ремешок, сдерживавший пистолет в подмышечной кобуре.

¹ Юрий Лобачев, первый капитан «Ивана Грозного», погиб в сражении с гигантским морским кальмарам, см. «Ледяной плен».

Паштет и Треска не сводили глаз со все усилившегося света, прижавшись плечами друг к другу. Тахома во все глаза рассматривала неведомый корабль, приложив ладонь козырьком к глазам. Загремели опускающие трап спаренные цепи, звеня которых состояли из литых огромных колец. Наконец, нижний край сходен плавно коснулся палубы «Грозного», и движение цепей прекратилось.

Некоторое время команда стояла, всматриваясь в ослепительный свет, идущий изнутри открывшегося проема. Потом стали различимы мелькающие внутри силуэты.

К ним готовились выйти.

Но произошедшее в следующее мгновение поразило всех.

– Неопознанное судно! Как слышно? Всем оставаться на своих местах, или мы применим оружие! Не двигаться, пока мы вас не проверим!

Счетчиками прощупывают, догадался Батон. Никто и не думал пошевелиться. Внезапно зазвучавшая с той стороны родная речь окончательно повергла в ступор команду лодки.

– Вы русские?

На сходнях танкера показалось несколько вооруженных людей; рассредоточившись, они заняли караул по краям аппарели.

– Повторяю, – снова заговорил показавшийся наверху трапа человек с непокрытой головой, в сером комбинезоне с неразличимой нашивкой на груди. – Неопознанное судно! Вы русские?

– А кто спрашивает? – совладав, наконец, с собой и сложив ладони рупором, во всю мощь своих могучих легких рявкнул в ответ Тарас. – Назовите себя!

– Мы первые задали вопрос! Отвечайте!

Люди на трапе воинственно подняли оружие.

– Это атомоход «Иван Грозный»! – крикнул Тарас. – С кем я говорю?

– Сигнал послан с вашего борта? – не удостоив его ответом, продолжал допрос человек с мегафоном, выслушав стоявшего рядом рослого бойца в непроницаемом шлеме (вопрошавший, по видимости, служил переводчиком). Востроухий Савельев различил обрывки речи на незнакомом языке. – Мы поймали сигнал бедствия, транслируемый из координат, согласных этим!

— Да мы это, мы, чуваки! Больше некому... — от волнения сорвавшись на визг, начал Треска, но тут же виновато подавился под стальным взглядом старпома.

К тому же он заметил, как укрепленное в пасти дракона орудие неторопливо повернулось в их сторону; создалось ощущение, будто чудище сжимает в зубах сигару. Повар с неимоверным усилием подавил желание вскинуть руки, но понял, что это было бы глупо, так как, судя по всему, увидел это лишь он один. Взгляды остальных были всецело прикованы к говорящему.

Незаметно толкнув Паштета, напарник коротко зыркнул взглядом в сторону устрашающего орудия. Тот судорожно сглотнул, ощущив, как задрожали коленки.

— Это атомоход «Иван Грозный» военно-морских сил России, класса «Борей»! Временно выполняющий обязанности капитана Тарас Лапшов, старший помощник...

— Значит, сигнал послан с вашей лодки... капитан? — уточнили с корабля.

— Так точно!

— Голос на записи женский и молодой, — помедлив, словно оглядывая собравшихся, с сомнением продолжил человек с мегафоном. — С вами на борту есть беженцы, капитан?

— Здесь неподалеку разрушенная полярная станция «Новолазаревская»... У нас бедственная ситуация.

— Это мой голос! — выйдя из-за плеча Батона, Лера смело шагнула вперед. — Я сделала запись!

— Лерка, ты чтотворишь, — шикнул позади охотник, кладя руку ей на плечо. — Встань на место, живо.

— Если бы не я... — скинув руку, огрызнулась она и, снова посмотрев на корабль, повысила голос: — Я член команды!

— Вы Валерия Степанова?

— Да!

Люди на трапе некоторое время совещались. Потом человек в комбинезоне снова поднес мегафон ко рту. Лере на мгновение показалось, что из головы стоявшего рядом с ним воина растут... рога? В ослепительном свете ничего нельзя было как следует разобрать. Юная охотница поежилась и на секунду пожалела о своей строптивой выходке.

— Вас много?

— Все здесь! — крикнул Тарас, решив не упоминать оставшегося в храме Мигеля. В конце концов, это может еще пригодиться. — Нам больше негде укрыться!

— Лодка способна передвигаться самостоятельно?

— Самостоятельно — нет, — Тарас отрицательно покачал головой. — У нас несколько повреждений.

— Сколько вы уже здесь?

— Примерно с неделю.

Снова пауза.

— Поднимайтесь. Да поживее. Нам и так тут уже намело!

— Но зачем? — нахмурился Тарас. — В чем дело?

— Великий Император хочет увидеть вас!

Переглянувшись, команда «Грозного» под дулами нацеленных автоматов стала неторопливо — один за другим — входить в чрево загадочного корабля.

— Император? — вскинул брови Зэф, когда ему перевел Савельев. — Какой еще Император?

— Почему-то у меня о-очень нехорошее предчувствие от этой затеи, — медленно, чтобы не потревожить не спускавших с них автоматов стрелков, Макмиллан закинул ружье обратно за плечо и последовал вслед за Митчем, мусоля в зубах зубочистку.

* * *

Сразу за аппарелью находилось просторное, хорошо освещенное помещение, где героев дожидалось еще несколько вооруженных человек в камуфляже и непроницаемых шлемах.

— Приготовьтесь опустить внутренний щит, — скомандовал человек в комбинезоне, когда все оказались внутри, и закрепил мегафон на ремне.

На вид ему было за пятьдесят: неровная щетина, несколько глубоких морщин, тонкий косой рубец на подбородке. В коротко стриженных курчавых волосах были видны серебряные завитушки. Но обветренное солью лицо излучало уверенность, а глубоко посаженные карие глаза явно принадлежали человеку, привыкшему быстро принимать решения.

Мимо Тараса и команды наружу трусцой прошествовали несколько человек в защитных костюмах и стеклянных шлемах салатового цвета, нагруженные чемоданчиками с измерительной аппаратурой. У каждого за спиной покачивались кислородные баллоны, на которых были наклеены ядовитые значки радиационной и биологической угрозы.

— Это еще зачем? — насторожился старпом.
— Внутренняя проверка, — отрезал переводчик. — Теперь закрывайтесь.

Проверка. От мысли, что их корабль будут обыскивать и исследовать по всем углам, Лера брезгливо поежилась. Не хотелось бы, чтобы чьи-то руки, пусть и в перчатках, копались в ее рундуке с бельем, и уж тем более — в тазу с нестиранным под койкой. Несколько бойцов, перекинув оружие за плечи, засуетились возле двух больших вентиляций, расположенных по бокам проема. От их вращений навстречу друг к другу по направляющим со скрежетом поползли массивные зубчатые створки и плотно сомкнулись, отрезая от обеспокоенного взгляда Тараса вынужденную прожекторами палубу «Грозного» и суетящуюся на нем бригаду.

Стало чуть-чуть теплее, но из ртов запертых в помещении людей продолжал идти пар. Защитная плита сильно напомнила Батону гермозатвор в Пионерском Убежище. Может, так оно и было. Сразу нахлынули воспоминания. Первая его одиночная вылазка и пробная охота спустя много лет после войны — на отбившуюся буренку, харкнувшее кислотой вымя которой чуть не прожгло зазевавшемуся новичку с таким боем выбитую у начальства химзу.

Какую биологическую гадость тогда сбросили на Калининград и его окрестности, так потом никто и не узнал. Да и не до того как-то было. Свою бы шкуру сберечь.

Батон вспомнил и тот день, когда, наконец освоившись, решился взять с собой на поверхность девчонку, умевшую изготавливать манки. Он чувствовал тягу к одинокой беззащитной сироте. Пропала бы без него. Да и сам он был бирюком бирюком.

Эх ты, лисенок. Быстро же когти выросли. Или это комплекс вины за вынужденное убийство?

И что теперь, — кредит доверия исчерпан? Валера и я. Вале-е-е-рия... Батон помнил, как трескал при ней собачьи консервы, а она

хрустела припасенным специально для вылазки сушеным грибом. Как в последнюю охоту перед отплытием «Грозного» вместе загоняли зовущую детским плачем мутировавшую Мать.

Батон чуть скосился на стоявшую рядом Леру, с приоткрытым ртом оглядывавшую помещение, в котором они оказались. «Если бы не я...» Ишь. Воспитал на свою голову.

И ведь какая смелость. Не побоялась пули меж глаз. От чужаков можно ожидать чего угодно. А тут еще с такой наглостью. Получила бы в ответ пиллюю – пах! – и не было бы ее уже. Что бы сказал дома? Как смотрел бы в глаза Ерофеичу и остальным? Если б только знать, что доведется вернуться назад... Сам же учил: сначала проверь, как следует, удостоверясь, а потом уж и руби.

А может, это был всего лишь банальный ПМС. Женьке тоже, было, в эти дни крышу сносило – хоть прячься. Вот только с Лерой это происходило все чаще и чаще. Да и не ребенок она уже давно.

Чего он вообще хотел? Не всю же жизнь в няньках сидеть. Но обидное «ты», которым она словно плонула в него в кают-компании, острой иголкой скребло на бьющемся под водолазкой сердце. Попала в самую душу. А она и так уже была седая.

«Я не твоя собственность!» Он никогда и не претендовал на это. Хотя внутренне всегда ревновал к выющимся вокруг ухажерам, прекрасно осознавая, что однажды придется ее отпустить. Неумело, но пытался, как мог, заменить ей отца...

Не заслужил он такого. Хоть и понимал, какой пожар метался у Леры в душе после того рокового выстрела. Ничего не попишешь. В новом мире каждый рано или поздно должен через это пройти. Просто для того, чтобы выжить или доказать свое право на жизнь.

– Это захват? – тем временем со сталью в голосе поинтересовался Тарас у серого комбинезона.

– Пока не знаем, – туманно ответил тот и перекинулся несколькими словами с рослым бойцом, слова которого переводил снаружи.

Тут Лера, наконец-то, рассмотрела его как следует. То, что она вначале приняла за рога, оказалось двумя разведенными по сторонам каски сегментами хитроумной системы – то ли бинокля, то ли прибора ночного видения. Раньше девушке такого видеть не приходилось.

Да и сам костюм бойца сразу приковывал к себе внимание. Лицо человека полностью закрывала маска в виде какого-то скалящегося чудовища с прорезями для глаз и приплюснутым раздвоенным носом; в районе подбородка маска оканчивалась верхней половиной челюсти с двумя выпирающими клыками.

Иссиня-черная броня, покрывавшая торс и полускрытая навешанной поверх разгрузкой, была сделана из подогнанных друг к другу эластичных пластин непонятного материала, с виду походившего на чешую. Довершали экипировку тяжелые ботинки на высокой шнуровке и перчатки с металлическими шипами-набойками в местах сочленений суставов.

Остальные встречавшие, за исключением переводчика в комбинезоне, – на нашивке у него был изображен запертый в белый круг черный дракон, – были экипированы так же.

Заметив любопытный взгляд Леры, воин что-то коротко сказал из-под маски, и девушка поспешила отвернуться.

– Сдайте оружие.

– С какой стати, – подобрался явно ожидавший такого требования Тарас. – Я не двинусь с места, пока не получу разъяснения, какого черта здесь происходит.

– Это приказ. Внутрь с оружием нельзя, – перевел комбинезон. – Если все пройдет благополучно, вам его, возможно, вернут.

Подчеркнутые *если* и *возможно* Батону очень не понравились.

– Возможно? – угрюмо уточнил он.

– А если мы не хотим? – расправил плечи Тарас. – Тогда что?

– Поверьте, это в ваших же интересах.

– Боюсь, у нас нет выбора, капитан, – ответил Савельев и, покорно развернув рукоятью вперед, первый сунул свой пистолет в протянутую руку подошедшего к нему солдата.

– Ладно, делайте, что говорят.

Команда неохотно стала разоружаться под стволами автоматов.

– Да-да, и ножи тоже, – раздраженно поторопил Тарас мешкающих поваров.

Те возились дольше всех, и на лицах не только переводчика, но и остальных членов команды появилось удивление. Лишь маски солдат оставались непроницаемыми. Казалось невероятным, что в комбинезонах коков может оказаться целый арсенал из ножей, но-

жичков, пилок и всевозможных разделочных и боевых топориков. Их было столько, что паре солдат пришлось притащить откуда-то пустой цинк из-под патронов.

Когда с этим было покончено, из расстегнутой куртки Леры показалась усатая мордочка Чучундры.

Начальник охраны что-то опять глухо крикнул под шлемом, ткнув в нее пальцем.

– Это еще что? – ахнул переводчик.

– Ее не дам! – воинственно сверкнула глазами девушка, плотнее кутаясь в «натовку». – Она ручная. Я без Чучундры никуда не пойду!

– Тогда все на дезинфекцию, – неохотно капитулировал комбinezон. – Вас проводят.

При слове «дезинфекция» Леру пробил озноб. Уж она-то не понаслышке знала все *прелести* этой необходимой в изменившемся мире процедуры. И хоть она не единожды ее проходила, по впадинке позвоночника пробежал холодок.

– Но ведь это Антарктика, – попробовал вмешаться Савельев. – Здесь нет радиации, мы не заражены.

И запоздало вспомнил про таящийся в недрах Двести одиннадцатой биологический кошмар.

– Вы достаточно времени провели на атомном крейсере, в котором произошла авария. Наверняка питались местной едой, рыбачили. Могла быть утечка или что-то еще. Наша бригада все проверит и предоставит отчет, – тоном, не терпящим возражений, отверг все доводы переводчик. – Таков порядок. Одежду после проверки вам вернут. Женщинами займутся отдельно. Идемте. Да, и можете звать меня Яков, я отвечаю за всех русскоязычных беженцев на борту.

Лера почувствовала облегчение. По крайней мере, не придется снимать портки перед толпой моющихся мужиков.

Когда процедура очистки тел и одежды, наконец, закончилась и команда, снова переодевшись, собралась в очередном тамбуре перед большой шлюзовой дверью, Яков вышел вперед. На этот раз в его руках вместо мегафона была папка. Конвоиры не отходили ни на шаг.

– Долго вы еще нас мурлыжить будете? – недовольно проворчал Тарас, одергивая под курткой водолазку. – Давайте к делу уже.

— Чистили-чистили, мыли-мыли, — ворчливо скреб себя Трека. — А вон, все равно, как проклятый.

— Не брюзжи, — одернул приятеля Паштет. — Сделали, и ладно. Я давно помыться хотел.

— Что ж, раз все готовы... — проигнорировав бубнеж поваров, Яков нажал несколько кнопок на стенной консоли, и круглая дверь отъехала в сторону. — Добро пожаловать на «Черный дракон»!

За заслонкой оказалось несколько лифтовых клетей, убранных решетками, освещенных алыми стробоскопами аварийных мигалок. По жесту куратора команда разбилась на несколько групп и зашла в кабины, которые немедленно пришли в движение, поднимаясь.

Внутри загадочное судно казалось еще более огромным, чем снаружи. Циклопический плавучий город со своими импровизированными улочками, жилыми кварталами, рабочими отсеками, наполненными деловито снующими по своим делам людьми.

Некоторые «улочки» были так широки, что по ним даже могли проезжать толкаемые хозяевами повозки, груженные всякой утварью от посуды до корзин с диковинными грибами или просто прикрытые парусиной, под которой выпирало что-то, очень похожее на крупные кости.

Где-то в невидимом загоне блеяли козы, кто-то похрюкивал, квохтали куры. На судне был скот — а значит, и нормальное мясо. В подтверждение Лериной догадки в поле зрения показался лоток с вяленым мясом, к которому выстроилась косая очередь. В руке каждого из ожидающих девушка разглядела мятую бумажку с номером.

— Еда по талонам, — сказал за ее спиной Савельев. — Жестко.

— У нас по расписанию было, — пожал плечами Ворошилов. — И никакого гемора.

Все еще злившийся метеоролог не удостоил его комментарий вниманием.

— Какой источник энергии должен питать такую машину в течение двадцати лет? — в соседнем лифте Батон переглянулся с Тарасом.

— Колossalный, — только и ответил тот. — Ты ж смотри, целый «грузовик» под цитадель переделали. И ведь довоенный. На реакторах идет, не иначе.

– Нефтяник?
– Хрен разберешь.
– Интересно, чей он.
– Скоро узнаем. Но явно не наш будет, судя по переводчику. Если солдатня не по-нашему балакает... Эй, на борту много русских?

Яков промолчал.

– А чем мы вообще обязаны столь высокой аудиенции? – усмехнулся Макмиллан. – Надо же, сам Император! Ты видел когда-нибудь живого Императора, а, Митч?

– Не-а, бро.

– Император лично встречает всех беженцев перед *забором*, – скрупульно и непонятно пояснил Яков.

– Забором? – удивился Рэнди, но переводчик снова предпочел промолчать.

Сквозь лифтовые решетки остро пахло машинным маслом, электропроводкой, потом и оружейной смазкой, мешавшейся с жаром приготовляемой еды и какими-то пряностями. От некоторых запахов у Леры закружилась голова, и девушка, стиснув прутья кабинки, прижалась к ним лбом, чувствуя, как призывающе заныл желудок, а во рту вязко собралась слюна. Только сейчас она вспомнила, что ничего не ела с момента, как покинула базу.

Недовольно пискнувшую мышь пришлось застегнуть в кармане. Лера боялась, что любопытный зверек ненароком может задать стрекача, – ищи ее потом тут.

А от очередной палубы, представлявшей собой нечто наподобие рынка, щедро освещенного светильниками и несколькими прожекторами, у Паштета и Трески глаза на лоб полезли – сколько же всего тут было. Запчасти, одежда, всевозможные водоросли и морепродукты, недовольно квохчущая в клетках живность и прочие атрибуты подобных мест. Позже команде «Грозного» пришлось только дивиться на открывшиеся чудеса во время устроенной для них короткой обзорной «экскурсии». Запросто открывать основные карты невесть откуда взявшимся чужакам обитатели танкера не хотели. Юркий чумазый карапуз попытался умыкнуть с лотка особо сочный аппетитный гриб, вид которого Лере был не знаком, но был тут же ловко перехвачен за руку одним из патрульных сол-

дат и переправлен обратно к ворчавшему продавцу. Вынырнувшая откуда-то мать с причитаниями отвесила нерадивому чаду подзатыльник. Ребенок захныкал.

Некоторые дети, побегавшие мимо, на мгновение останавливались, неприкрыто глазея на чужаков. Многие из них что-то жевали, некоторые прижимали к груди неуклюжие самодельные игрушки, явно собранные из чего попало. Тахома, ласково улыбнувшись, помахала одному из них, но приблизиться к кабине ребенку не позволили стоявшие спиной к «гостям» охранники.

Сбавляли шаг и взрослые, на лицах которых, в отличие от искреннего детского любопытства, мешались самые разные чувства – от интереса до настороженности и даже неприязни. Лишним ртам тут явно были не особо рады. На бледных лицах в тусклом свете поблескивали усталые глаза.

Здесь обретались представители множества народностей, не знакомых Лере. Цвет кожи, белой, почти прозрачной, пожалуй, был единственным, что объединяло собравшихся здесь людей.

– Что с тобой? – обернулась Лера, когда американка всхлипнула.

– Я так давно не видела детей. Дочь у меня тогда на родине осталась, Кэрол, – тихо проговорила женщина. – Муж тоже пилотом был. Мотался все, не успевал ничего. Она то со мной, то с бабушкой. Он на день рождения все хотел ей собственными руками что-нибудь сделать, чтобы запомнилось. Все увольнительные в гараже пропадал. А вот, не случилось, – Тахома провела дрожащей рукой по волосам Леры. – Была бы, наверное, как ты сейчас. Если жива осталась.

Лера не нашлась, что ответить. Американка впервые впустила ее так глубоко в собственное горе; такого не случалось даже в долгие часы уроков английского. Мягко перехватив руку женщины, Лера сжала ее.

У всех у них было, кого оплакивать.

– Это Ковчег, – благоговейно прошептал Паштет, инстинктивно проверяя тетрадь Птаха во внутреннем кармане «натовки». – Мы как Ионы... Ионы во чреве Кита.

Вспомнив одно из многочисленных высказываний блаженного, повар чуть отогнул рукав куртки и потер небольшое покраснение на тыльной стороне запястья. Кожа немного зудела.

На каждую палубу имелся охраняемый выход с двойными решетчатыми дверьми, но лифты, не останавливаясь, продолжали свой путь наверх. Они неторопливо двигались, словно на экскурсии, давая возможность гостям все как следует рассмотреть.

Сквозь боковые прутья решетки Лера видела Батона, Тараса, Макмиллана и Треску в соседней кабинке, но каждый раз, когда охотник поворачивал голову в ее сторону, демонстративно отворачивалась, всем видом показывая, что увлечена осмотром, но внутренне испытывая трепет, густо мешавшийся со страхом неизвестности.

А она-то думала, что их «Грозный» – самый большой уцелевший корабль в мире. Ну, разве что еще тот, «Лев Поликарпов», на котором приплыли ее родители. Сколько же человек должны были обслуживать такого гиганта? И сколько всего их тут на борту? Членов команды, рабочих, военных, простых обитателей... Кто управлял всем этим кишащим муравейником? Иного слова девушка попросту не смогла подобрать.

От навалившихся друг на друга вопросов, на время потеснив чувство голода, остро заныло в висках. Или это от железных прутьев, к которым прислонилась лбом Лера? Отстранившись, она посмотрела на Тахому и стоявшего рядом с ней Якова, что-то сверявшего в своей папке. Переводчик перелистывал страницы и чуть шевелил губами, иногда морща лоб. Каждый раз, как лифты миновали очередную палубу, со всех сторон неслась незнакомая речь. И на всем, куда ни глянь, лежал четкий отпечаток востока. Одежды, лица, доспехи патрулировавших проходы военных... Женский голос объявил что-то по внутренней громкой связи на нескольких языках. Но русской речи Лера дождаться не успела, – палубы исчезли из вида. Освещаемые кроваво-красными сполохами лифты въехали в узкий бетонный коридор и, проехав еще немного, остановились.

Еще некоторое время команда терпеливо переминалась, ожидая, пока охранники по ту сторону кабинок не отпрут лязгавшие засовы и не сдвинут в стороны складывавшиеся гармошкой решетчатые двери.

– Не нравится мне тут, – поделился с приятелем своими тревогами Паштет. – Странное место. На тюрьмушибко смахивает.

— Ага, казематы какие-то, — ежась, согласился Треска. — Внизу и то веселее было. И тянет откуда-то, слышишь?

— Из шахты, наверное.

— Ну. Прозвиздониться еще не хватало. Я вон и так весь чешусь.

— Может, это тебя на «Поликарпове» хватануло?

— Фиг знает, чувак.

Наконец все выбрались на полукруглую площадку с низким потолком; с нее под небольшим наклоном уводил вверх один-единственный коридор, устланный длинным ковром и тускло освещенный развешанными по стенам светильниками. На площадке дежурила еще пара автоматчиков.

— Следуйте за мной, — пригласил Яков и первым вошел в коридор. Через несколько десятков метров ход окончился полукруглой дверью из двух фрагментов, с ручками, выполненными в виде символов «инь» и «янь». Возле них, сложив руки за спиной, изваянием застыл статный пожилой мужчина — тоже восточной наружности — в пестрой церемониальной одежде, чуть потускневшей с годами, но не потерявшей своего лоска.

Подойдя к нему, Яков понизил голос и сказал несколько слов. Дворецкий с кивком скрылся за дверью. Через некоторое время он вернулся, и переводчик повернулся к окончательно оробевшей Лере и остальным.

— Прошу, входите. Великий Император ждет вас, — он шире распахнул дверь и сделал жест, приглашающий следовать за ним.

Что раньше хранилось в этом ангаре, контейнеры с сухогрузом или сырое, необработанное топливо, сейчас уже трудно было сказать. Потолок терялся в сумраке. На полу, подставках, подвешенных на цепи кадилах, — всюду были расставлены причудливые светильники и лампадки, бросавшие косые тени на развешанные по стенам картины и тканые полотна ручной работы, изображавшие животных и местности, которые были незнакомы Лере. Были тут и вазы, и еще множество старинных предметов роскоши, прятавшихся от света по темным углам.

Так же вели себя и охранники, бездушными призраками маячившие на границе света и тьмы. Да, хмыкнул Батон, на безопасности тут явно не экономили...

Ковер, покрывавший коридор за дверью, продолжался и здесь, упираясь в некое подобие трона на небольшом возвышении с не-

сколькими ступеньками. Когда-то это было большое кабинетное кресло из крокодиловой кожи; со временем ему придали больше помпезности, покрыв невесть откуда добытой искусственной позолотой и поставив на массивные ножки в виде когтистых звериных лап, крепко впивавшихся в помост.

Подойдя ближе, Лера вздрогнула и сбилась с ровного шага. В кресле-троне, неподвижно ожидая их, восседало чудовище. Только при ближайшем рассмотрении стало ясно, что находящийся перед ней человек облачен в униформу, как и солдаты-охранники, только венчавший голову шлем с мордой непонятного страшилища массивнее и пышнее украшен.

– Благо всего человечества! – приблизившись к трону, Яков поклонился. – Мой Император, вот выжившие, которые послали сигнал.

Шлем-маска еле уловимо дернулся, словно скрытый за ним человек дремал или был погружен в какие-то свои мысли. Поднявшись, Император медленно потянул шлем вверх, рассыпая по плечам длинные седые пряди волос.

– А этот чувак любит эффектные появления, – фыркнул Треска, ткнув Паштета в бок.

– Тсс, – грозно зашикал тот.

Макмиллан, поддавшись порыву, даже потянул с головы шляпу.

Из-под матовой брони неторопливо появился волевой подбородок с длинной бородкой, прямой росчерк губ, орлиный нос и цепкие серые глаза под бровями, закрученными вверх, как у филина. Перед командой «Грозного» предстал Великий Император.

– Добро пожаловать! – торжественно провозгласил он, водружая шлем на подлокотник кресла. – Меня зовут Ким Им Су. Я, Последний Император *тэхан мингук*¹, приветствую вас на борту «Черного дракона», готового предоставить вам убежище и кров! Разумеется, если вы не враждебны и не пытаетесь заманить нас в вероломную ловушку, что, хочу сразу предупредить, абсолютно бесполезно.

– Вот тебе и представился, – хмыкнул в кулак Ворошилов.

– Нам пришлось отклониться от первоначального курса, чтобы прибыть сюда ради сигнала бедствия, который вы передали. С ва-

¹ Республика Корея.

шего позволения, мне хотелось бы познакомиться с каждым из вас. Не будете ли вы так любезны коротко рассказать о себе? Кто здесь капитан?

Члены команды, начиная с Тараса, сбивчиво представлялись один за другим, коротко добавляя кто какую информацию о себе.

– Расскажите, как вы попали в эти края, – попросил вождь, снова опускаясь в кресло.

Оглядев стоявших рядом друзей, Тарас принялся рассказывать историю их злоключений с момента, когда в Пионерское убежище пришла польская делегация. Вставший возле трона Яков переводил.

– И вот мы здесь, – наконец закончил свой рассказ Тарас и провел пятерней по отраставшему ежику волос.

– Но это же край света! – искренне не понимая, воскликнул Ким Им Су. – Какой смысл бежать от одной смерти в лапы другой! Тем более, если лодка питала Убежище, растративая драгоценные ресурсы... Что привело вас сюда? В чем истинная причина?

– Вирус, – опередив Савельева, сказал Батон. – Штаммы ста-ринного вируса, разработанного учеными Рейха во время Второй мировой войны и спрятанного здесь, в Антарктике, на секретной базе «Двести одиннадцать».

– Хм, вирус, – откинувшись в кресле, Император некоторое время гладил длинную жидкую бородку, чуть смежив по-старчески подрагивающие веки. – Как вы узнали о нем?

– В наше убежище прибыл отряд поляков, располагавших картами и необходимой документацией по разработкам штаммов и ме-стонахождению полярной базы немцев, – ответил Тарас. – Общим решением была организована экспедиция.

– Крестовый поход... – снова задумчиво протянул Император. – Немецкие ученые славились своей извращенной жестокостью и изобретательностью. Гитлер был достаточно тщеславен и суеверен, чтобы пойти на любые уловки ради победы в войне. Но, как показала история, его зловещим мечтам не суждено было сбыться. К сожалению, насколько я вижу, наследие тех мрачных лет продолжает напоминать о себе. И что же случилось, когда вы нашли этот... вирус?

– Я уничтожила его, – сказала Лера и оглядела стоявших рядом мужчин. – В одиночку.

— Но прежде из-за него погибло много людей, — вставил Савельев, но Император, казалось, полностью заинтересовался Лерой.

— Каким образом?

— Выжгла огнеметом, — девушка смело выдержала взгляд самопровозглашенного правителя.

— Дитя. Порывы, свойственные молодости. Мы могли бы исследовать его и, возможно, изобрести сыворотку, способную укротить расплодившиеся по миру мутации. «Дракон» оборудован соответствующей лабораторией.

— Мы тоже так думали, — не унималась Лера. — Но в результате погибли наши друзья!

— Что ж. Мне жаль ваших друзей. Вас осталось так мало...

— Слова. Эта зараза не должна больше распространяться! Я сделала то, что должна была.

— И это тоже слова, — мягко улыбнулся Император. — Внутри этой девушки бушует огонь. Не всякому под силу его укротить. Но в то же время слова помогли спасти ваших друзей. Ваш сигнал.

Только сейчас Лера окончательно осознала тот факт, что находится здесь именно благодаря своим исповедям, которые поверяла безмолвному микрофону в радиорубке. А ведь она оставляла в посланиях не только координаты и призывы о помощи, но и свои собственные переживания. Выходит, частичку плача ее души слышали другие, посторонние люди. Но сейчас она не чувствовала и тени смущения или раздражения из-за того, что кто-то вторгся на ее территорию. Сделанные записи действительно помогли.

— Но почему вы приплыли сюда, перехватив сигнал? — спросил Тарас. — Стоило наугад соваться? Не боялись напороться на цикличный сигнал?

— Я размышлял над этим. Но, как видите, все случилось, как случилось. За последние годы рисковать и перепроверять все по несколько раз стало моей святой обязанностью. И, разумеется, у вас тоже есть вопросы, — Император посмотрел на коптящую лампадку, сощающуюся воском на край подлокотника, и с отрешенным лицом сдавил потухшее пламя двумя пальцами с длинными ногтями. Пролистал, как в стоячем воздухе змейкой неспешно закручивается тоненькая ниточка дыма. — Ну, так послушайте.

Незадолго до Последней войны, предчувствуя назревающий международный конфликт, корейский миллиардер-промышленник, владелец крупнейшего корейского чеболя, занимавшегося супердоходством, Ким Им Су загорелся идеей создать своеобразный Ковчег. Из одного из многочисленных танкеров, которыми он владел, был сделан невероятный по своим размерам плавучий город, способный обеспечить проживание нескольких сот людей в течение многих десятилетий.

– Жилые отсеки, вертолетные выезжающие площадки, плантации овощей, свинофермы, лаборатории, – «Черный дракон» стал самым засекреченным судостроительным проектом в Корее, – вздохнул Им Су и постучал пальцами по лежащему на подлокотнике шлему. – В момент Катастрофы корабль находился уже в море... Трудно было сдержать панику, но со временем невероятными усилиями мне все-таки это удалось.

Осознав, что привычному миру пришел конец и устоявшиеся законы теперь не более чем пустой звук, Им Су объявил себя Последним Императором Кореи. «Черный дракон» превратился в автономное феодальное интернациональное государство, подбирая по всему свету выживших всех языковых групп и народностей. Заново возрождались канувшие в лету традиции – кодекс воинов, преклонение перед императором, прочие ритуалы, стертые с лица земли еще до пожара войны.

– Это все замечательно, хоть и звучит совершенно невероятно, – Тарас погладил усы. – Но в таком случае – чего вы хотите от нас?

– Меня интересует ваша субмарина, – без предисловий перешел к делу Император. – Это тоже своего рода чудо. Я знал, что флот России располагал множеством уникальных технологий и разработок, но увидеть их своими глазами спустя столько лет после всемирного уничтожения – настоящее чудо. Такие механизмы сейчас не просто на вес золота, они бесценны.

– И?

– Я могу своими средствами починить ее, – предложил Император.

– Взамен на?.. – Тарас терпеливо подталкивал властителя к сути. – Почему бы вам просто не избавиться от нас, а самому завладеть лодкой?

— Вы правы. Это в моих силах, — согласно кивнул Император. — У меня много ремонтиков и инженеров на борту, достаточное количество моряков и военных. По одному моему приказу вы из спасенных превратитесь в пленников. Но сейчас у нас некоторые проблемы с посадочными местами. К тому же убивать вас попросту бессмысленно, хотя на борту и есть, кому управлять этим вашим монстром. Но определенное могущество наделяет меня особыми возможностями, которые выгодны и мне, и вам. Мы можем стать союзниками в исследовании нового мира! Объединиться против общей угрозы человеческого геноцида. Я дам вам людей, чтобы увеличить команду, и вы снова отправитесь в путь.

— Мы хотим домой! — ответила Лера, внутренне подметив, что не боится этого загадочного человека и даже не ощущает трепета. Хотя у тех же Паштета и Трески, судя по кислым рожам, давно тряслись поджилки.

— Прекрасно, а по пути будете исследовать и передавать информацию на «Дракон». Что скажете?

— Нам нужно подумать, — за всех угрюмо ответил Тарас. — И желательно на своем корабле...

— Благо всего человечества!

Дверь позади них тихонько открылась, и к трону с поклоном приблизился один из людей в салатовом комбинезоне химзащиты, уже без шлема, — один из ушедших с проверкой на «Грозный». Некоторое время он что-то негромко говорил.

— Хорошие новости: с вашей субмариной все в полном порядке. Не считая поломки, разумеется. Но это устранимо. Важно, что радиации и биологической угрозы нет, — он жестом отпустил лаборанта. — Никаких утечек.

— Отрадно слышать.

— Что ж, понимаю. Дадите знать, когда примете решение. Вы голодны? Думаю, мы поможем вам с припасами. Можете возвращаться на свою лодку, а мы тем временем тут как следует все осмотрим.

— Не ходите на базу, — на ходу бросила через плечо Лера, увлекаемая к дверям Батоном. — Там все равно уже ничего нет.

— Мы учтем ваше пожелание, — с легким кивком и полуулыбкой ответил ей Император. — Благо всего человечества!

«Конечно же, не учтете», – подумала Лера, пока дворецкий закрывал за ней дверь. А еще, прочесывая окрестности, они могли довольно быстро обнаружить церковь Мигеля. Об этом Лере хотелось думать меньше всего. Как поведет себя с ним Император?

– Не нравится мне все это, – настороженно буркнул Батон.
Так или иначе, но аудиенция была закончена.

* * *

«Судовой журнал.
Земля королевы Мод. Исследовательская станция “Новолазаревская”.

Время стоянки – ...-ые сутки.

Черт... Не пускающая нас ледышка продолжает преподносить сюрпризы. Оставаясь на приколе в виду невозможности своими силами устранить поломки, в координатах семьдесят градусов сорок шесть минут южной широты и одиннадцать градусов сорок девять минут восточной долготы встретили корейский танкер “Черный дракон”, принадлежащий бывшему миллиардеру, провозгласившему себя Последним Императором. Корабль превращен в своего рода Ноев Ковчег, курсирующий по миру. Чудеса, да и только. Целая плавучая крепость-город, которую мы столько времени суеверно принимали за мифического “Голландца”, неоднократно виденного во время бурь и штормов. Это еще раз доказывает, что не мы одни были в море в Тот Самый Последний День.

Верно говорят, что у страха глаза велики. Правда, последствия войны вынудили нас всего бояться. Но прибывшее на наш сигнал бедствия судно действительно поражает размерами. Оно огромно! Почти в три раза больше нашего атомника. А чего стоит артиллерийская башня на носу в виде головы дракона... Шутки шутками, а испугаешься тут.

На борту целые мини-общины, рынки, улицы и фермы. Собранные народности перемешиваются и бурлят, словно в одном большом... нет, гигантском котле. Невероятное зрелище, тем более фантастичное спустя столько лет.

Нам предложили присоединиться к Императору взамен на помощь с починкой “Грозного”. Не знаю.

Неужели действительно получится отсюда уплыть?

Посмотрим.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лаптев».

* * *

В многочисленных снах Лера видела не только кровавые эпизоды и сцены жестоких побоищ. В них были и уголки для воспоминаний веселых и жизнерадостных, связанных с оставшимися на далеком берегу друзьями, взрослыми и молодыми. Разбитными говорливыми девчонками, с которыми Лера, портя молодые руки, коротала время за многонедельным трудом на ферме по выращиванию грибов, чтобы прокормить Убежище.

Отдельное место занимали родители. Но, поскольку Лера не могла их помнить отчетливо, зачастую это были лишь неяркие, ускользающие моменты. Скорее даже вспышки. Слышались голоса, обрывки маминых колыбельных. Тепло ее рук, которое девушка инстинктивно ощущала. Но чаще всего, конечно, были это сцены их жестокой погибели либо в зубах пингвинов, клювами разрывавших плоть, либо от рук австралийского капитана-убийцы, которые уже самостоятельно замешивало истерзанное переживаниями воображение.

Находились в снах и первые мужчины, оказывавшие с виду застенчивой девушке, в любой момент способной дать сдачу, всевозможные знаки внимания – от натасканных с поверхности драгоценностей, до простеньких самодельных безделушек, годных на употребление в быту.

Ненавистный дебиловатый Витька Боровиков – прыщавый отпрыск главы Старейшин, за которого ради выгоды кланов ее насиливо пытались выдать замуж. Несколько мародеров, так и норовивших уложить непокорную лису в постель, – просто ради веселья, на один раз. Ни с одним она так и не сошлась, чтобы где-нибудь в темном переходе скомканно познать первые премудрости обычной плотской любви.

Хотя природа частенько вступала в свои права, нередко заставляя девичье тело покрываться испариной, а Леру – выгибаться сквозь дрему, судорожно закусывая палец, чтобы удержать рвущий

щийся с губ стон неумелого короткого оргазма. И каждый раз она не успевала как следует разглядеть лица партнера. Да и к чему, собственно, ей это было?

Потом, приходя в себя, Лера снова плакала, стыдливо утыкаясь лицом в подушку и разметывая по ней алые, как кровь, спутанные от влаги волосы. Ей хотелось любви. Простой человеческой ласки, о которой она ничего не знала, рисуя для себя картину лишь по разговорам подруг, давно свивших собственные гнезда и нарожавших бледных, не видевших света детишек. Немудреное маленько счастье в своем уголке. Разве она желала так много?

Несправедливо. Ведь должен когда-нибудь настать и ее час?

В этот раз ей приснился Император, пляшущий на своем горящем троне, разевая клыкастую пасть, в которой словно червяк извивался слоняный раздвоенный язык. Еще у него был хвост. Многочисленные лампадки и светильники освещали картины и тканые полотна, на которых, кривляясь и преображаясь, корчились неведомые существа. Сонные бредни никак не хотели отпускать.

Проснувшись в холодном поту, Лера спустила ноги с койки и стала торопливо одеваться.

Когда совещание на «Грозном», посвященное дальнейшим действиям, закончилось, Тахома отложила ставшие повседневными языковые упражнения с Лерой, которая уже многому успела научиться и умела поддерживать разговор. Нужно было помочь неразлучным поварам приготовить нехитрый ужин из водорослей и тушеных кальмаров. Девушка же прихватила Библию, небольшой кулек, который заранее собрала на камбузе, и, заперев в каюте обиженно пискнувшую мышь, незаметно улизнула с судна.

На всякий случай постучав, Лера скользнула в церковь.

– Привет. Ау. Мигель, ты тут?
– Зачем ты пришла?

Священник выдвинулся навстречу из скрывавшего его сумрака так неожиданно, что Лера вздрогнула. И еще голос: теперь от него явно сквозило холодом.

– Я... – девушка было растерялась, но быстро нашлась: – Ты видел корабль?

– Да, видел, в окно, – все так же отстраненно согласился Мигель. – Такую машину нельзя не заметить.

– Классно, да? – глаза Леры горели азартом. – Там внутри целая крепость! И сколько всего, ты бы только видел!

– Всякое может быть.

– Представляешь, им удалось перехватить мою последнюю передачу! Вот мы смогли бы уплыть – было бы здорово!

– Куда? – пожал плечами Мигель.

– Домой же, конечно! – словно дурачку, ласково объяснила девушка. – Только Император – это тамошний руководитель – хочет, чтобы мы при этом ему помогали и проводили всякие исследования.

Лера прямо лопалась от бурливших эмоций. О таком событии она могла только мечтать. Но настроение собеседника не осталось для нее незамеченным.

– Что-то не так?

– Да все, если честно, не так.

– Ах да. Вот, это котлеты из филе «рыбы антарктических льдов», нам на танкере продукты дали, – скинув на пол рюкзак, Лера выудила из него кулек с подарком. – Тебе. Сама готовила! Очень вкусные.

– Спасибо, – принимая угощение, Мигель попытался изобразить подобие улыбки, но получилось вяловато. – Знаешь, Батон...

– Послушай, – сразу заторопилась девушка, застегивая молнию рюкзака. – Если он тебе там всякого наговорил...

– Лера, – Мигель мягко выставил ладонь, обрывая девушку. – Сейчас темные времена, и его опеку над тобой можно понять.

– Да нет же! Нельзя! – Лера упрямо тряхнула челкой выбившейся из-под сползшей на затылок шапки. – Какое ему дело! Я взрослый самостоятельный человек, способный позаботиться о себе и принимать решения!

– Но это же не по правилам, – попытался возразить Мигель.

– В этом мире больше нет правил – или ты забыл? Все это – голод, разрушения, смерти! Мы можем научиться заново жить! Попробовать восстановить руины. Ты должен плыть с нами! У меня же Библия есть! Ты им нужен!

– Существовать, – поправил священник. – Всего лишь существовать. И кому – «им всем»?

– Всем тем людям! – Лера сделала неопределенный жест и чуть не подпалила руку колыхнувшемся огоньком лампадки с китовым

жиром. – Ну, почему ты не хочешь понять? Мы же можем попробовать все сначала. Все вместе. Ну почему вы, мужики, никак не хотите понять?!

– Да нет больше ничего, усвой же ты, наконец.

– Раз так... Что ж. Приятного аппетита, – скучо пожелав напоследок, Лера хлопнула дверью и, что-то раздраженно бормоча себе под нос, направилась вниз по тропинке.

– Потому, что не можем мы уже ничего, – вздохнул Мигель, над дюжиной остывших котлеток, старательно слепленных аккуратной женской рукой. Аромат от них исходил восхитительный.

Глава 6

НОВАЯ УГРОЗА

Буря, способствовавшая эффектному появлению танкера, закончилась так же внезапно, как и началась, укутав останки «Ново-лазаревской» новым слоем плотно наметенного снега. У нового мира давно уже были свои причуды, с которыми лишенному прав человеку оставалось лишь покорно мириться. Утром обитатели «Дракона» принялись с энтузиазмом обследовать антарктический материк, оседлав квадроциклы и гусеничные снегоходы, с ревом вылетавшие на снежный наст по сходням корабля-гиганта и пугая заходившихся лаем уцелевших хаски (которых решено было отдать на танкер).

Тем временем на борт «Грозного» прислали бригаду, которая после сложного процесса пришвартовки подлодки к «Дракону» приступила к ремонту судна. Работали по две смены, не тратя времени зря, чем порядочно нервировали Тараса. Но приходилось мириться. Дело, как-никак, спорилось, а на кону были жизни всех членов его команды.

Всюду сновали рабочие, змеились провода, катались технические установки. То и дело плевались искрами сварочные аппараты, прогонялась новая электроника – нареченный именем грозного правителя древности, величественный атомоход ожидал. К тому же

Император выделил тридцать человек в качестве новых членов команды, которые вскоре должны были прибыть на борт.

При свете дня приплывший накануне танкер выглядел еще более устрашающим. Многочисленные надстройки и бойницы, щерящиеся пушками и пулеметами, могучие якорные цепи, лестницы и подвижные башни радарных установок, – «Лев Поликарпов» по сравнению с «Черным драконом» выглядел не более чем малосенькой прогулочной яхтой.

Собранная из фрагментов брони и листового железа (скорее всего – просто обшитая металлом артиллерийская башня) огромная голова дракона на носу, из пасти которой торчало дуло орудия калибра не менее 460-мм, даже с выключенными прожекторами в глазницах заставляла многих полярников упорно отворачиваться от линии берега. Зрелище было жутковатое.

– Шустро они взялись, – засовывая в рот новую палочку, Макмиллан кивнул на суетящихся возле «Новолазаревской» бойцов и механиков с «Дракона». Они с Зэфом уже некоторое время, стоя в сторонке, наблюдали, как незванные гости с помощью могучих тросов и квадроциклов пытались выкатить из полуобвалившегося гаража «Крейсер Берда» с пассажирским самолетиком на крыше, чтобы переправить его на танкер.

– Может, помочь? – с сомнением предложил здоровяк.

– А ты-то куда? – одернул приятеля Рэнди. – Это же грабеж, считай. Сколько стояло, а теперь мы еще и подтолкнуть должны? Пожалуйста, забирайте, гости дорогие, так что ли, по-твоему?

– Ну, не знаю, – шмыгнул носом Мичиган. – Неправильно ведь делают. Смотри, левый трос сейчас за кусок арматуры зацепится. Вон тот, видишь. Может, сесть, подрулить хотя бы?

– Вижу, и что? Много ты там нарушишь. Их проблемы, – пожал плечами Макмиллан.

– Для чего он им вообще понадобился?

– Спроси что полегче. Наверное, извечная логика – не пропадать же добру, может, когда пригодится, – предположил Рэнди. – Лучше пойдем, посмотрим, чего они там на базе вынюхивают.

За ночь переварив впечатления от первой встречи с Императором, члены команды «Грозного» начали потихоньку собираться в путь. Но делалось это без особого энтузиазма, с намеренной нетороп-

пливостью. Каждому было о чем подумать. Ведь впервые с момента приплытия к Земле королевы Мод стало очевидно, что погибшие друзья и родственники навсегда останутся здесь.

Тяжело было с этим мириться: все понимали, что вряд ли когда-либо уже вернутся сюда. Приуныли и бывшие обитатели «Новолазаревской», осознавая, что покидают землю, на двадцать долгих лет ставшую им домом.

— Слыши, священник, — буркнул Батон, когда на его требовательный стук на крыльце церкви вышел Мигель. — Мы тут вроде как отплывать собираемся...

Старый охотник замялся, отчего стал еще более хмурым. Он был явно не в своей тарелке.

— Слышал. Что-то случилось? — спросил священник.

— Это... Ты не мог бы панихиду по нашим напоследок отслужить? А то ведь не вернемся уже, поди.

Они некоторое время молча смотрели друг другу в глаза, прекрасно понимая, что творится у каждого на душе. Рыжеволосое яблоко раздора не давало обоим покоя. Батон ревновал, да и в душе священника с каждым днем все сильнее начинало проклевываться нечто новое и давно забытое, что очень сильно тревожило Мигеля. Уж слишком часто в последнее время ему стали сниться бездонные зеленые глаза.

— Хорошо, собирай остальных, — наконец вздохнул он. — Я только молитвослов и кадило возьму.

Панихиду отслужили, но легче на сердцах от этого не стало. Моляки неуклюже пытались подпевать срывающимися, хриплыми на ветру голосами. Каждый молился, как умел. К облегчению священника, Лера на службу не пришла, решив, что попросит Мигеля отдельно помолиться на могилах ее родителей. Хотелось попрощаться с ними одной и не выносить рвущиеся из груди слезы на вид остальным. Какое к черту кому дело!

Сильнее всех нервничал пропадавший в своей каюте Савельев, у которого от работы и бесконечного чтения покраснели и начали слезиться глаза. Неожиданное появление корейского танкера на некоторое время вытеснило из его головы тревожные мысли о случайном чудовищном открытии, но как только первая эйфория спала, метеоролог снова почувствовал, что пора бить тревогу.

И всему виной был цилиндр, который они обнаружили в снегу с Паштетом и Треской!

Но прежде чем искать поваров, Савельев для верности промаялся следующие полночи над бумагами Ежи, вынутыми вместе с такой же странной емкостью из добытого Лерой подсумка.

А затем ни свет, ни заря что есть мочи замолотил кулаками в каштюту Тараса.

– Чего бузишь, склянок еще не было, – буркнул показавшийся из-за двери помятый старпом. – Спать вали. Или чё, буря опять какая?

– У нас проблемы, Тарас, – утирая струящийся со лба пот тыльной стороной ладони, заторопился, проглатывая слова, Савельев. – И очень серьезные. Зови всех в кают-компанию, быстро. Я за поварами!

– Да чего хоть случилось-то? – спросонья не понимая, протер застывшие глаза Лапшов.

– Вот это случилось, – Савельев ткнул старпому под нос одну из бумаг Ежи.

Раздраженно выдернув ее из руки метеоролога и пробежав первые несколько строк, мгновенно проснувшийся Тарас стал мрачнее тучи.

– Но этого не может быть... – потрясенно пробормотал он.

* * *

Сидевшие на камбузе Паштет и Треска изо всех сил пытались отвлечься домино, чтобы не прислушиваться к своим ощущениям, но игра упорно не хотела завязываться. Ходы не шли, масть тоже, что только еще больше раздражало и без того напряженную парочку. Настигнутые кое-как кальмары и водоросли на сковородках давно начали пригорать. Анекдоты и привычные в обиходе подколы сегодня что-то не шли. Юморить вообще не хотелось. Оба чувствовали непонятную тревогу, липкой жижей растекавшуюся внутри.

– Ну как, прошло? – в очередной раз посмотрев на приятеля, с надеждой спросил Паштет, у которого сосало под ложечкой.

— Неа, чувак, — откликнулся Треска. — Как чесалось, так и чешется, ёшкин корневище.

В подтверждение своих слов он засучил рукав водолазки, заляпанный пятнами кухонного жира, и продемонстрировал покраснение от запястья до локтя, уродливым кривым отеком расползшееся по волосатой руке.

— Язык сухой, будто по нему наждаком поводили.

— И у меня та же фигня, — растерянно пробормотал Паштет. — Пить постоянно охота. Таблеток, что ли, каких жахнуть или самогонкой залить? Для профилактики.

— Каких? Я не шарю в этом ни фига. Да и бухать неохота, не время сейчас. Скоро остальных кормить. Ах ты черт, пригорело! — встав со стула, Треска немного повертел огрызнувшись шипением сковородки, слегка подбрасывая покоричневевшие кольца кальмаров. — Может, траванулись чем?

— И чем же? — вопросом на вопрос ответил Паштет. — Столько времени местную еду да рыб жрали — и ничего. Собак не трогали. А тут на тебе. И нескольких часов не прошло.

— Может, нас химией какой неправильной на танкере косоглазые обработали? — осторожно предположил Треска. — Всякое ведь может, а?

— Не, у меня до этого началось. Да и не с их технологиями — видел, чего там у них только нет.

Понимая, что начинают не на шутку трусить, неразлучные повара покосились на полупустой цилиндр в мусорном ведре, который они подобрали в снегу на канатной дороге.

— Паек, что ли, просроченный? Может, расскажем...

— Ты что, сдурел, чувак? — забеспокоился Треска и, поморщившись от вновь подкатившей боли, повертел пальцем у виска. — А вдруг мы санитарную норму нарушили? Нас же Тарас вниз головами вместо гюйса подвесит. Нет уж, сами как-нибудь разберемся. Авось, почешется да пройдет.

— Хотелось бы.

— Внимание всей команде, — под потолком камбуза ожил коммутатор внутренней связи, искажавший командный голос Тараса. — Немедленно собраться в кают-компании! Повторяю, немедленно собраться в кают-компании!

– Начинается.

Выключив конфорки, Треска одним движением сгреб со стола домино в коробочку и плотно закрыл ее крышкой.

* * *

Собравшиеся в кают-компании мужики молча смотрели на два одинаковых цилиндра, стоявших на выцветшой газете посередине стола. Один из них был закрыт и заметно легче, второй Савельев только что осторожно достал из подсумка.

– Так ты хочешь сказать, что Двести одиннадцатая – не единственная база такого рода, я правильно понимаю? – уточнил Тарас.

– У Ежи в тех, что успел перевести, заметках сказано, – зашелестел принесенными из своей каюты бумагами Савельев, немного знавший немецкий, – что в Южной Америке, куда после Второй мировой бежало большое количество научных светил Рейха, могла сохраниться научно-исследовательская база, также организованная Аненербе, непосредственно на которой и был изготовлен вирус, – в то время как наша Антарктическая Двести одиннадцатая была всего лишь испытательным полигоном. Значительное удаление, низкие температуры – для хранения очень удобно.

– Вот тебе и раз, – опершийся локтями на стол Батон поскреб седеющий ежик на затылке. – Шикарные новости, которые сделали мой день. А те архаровцы, которые еще в окрестностях Балтийска нам фейерверк устроили, не оттуда, слышим, пришли? Местная десантура из соседей еще по Лерке поголовно сохла¹.

– Все может быть. Но и это еще не все, верно? – Тарас недобро оглядел присутствующих.

– Да, теперь к самому главному, – продолжая возиться с бумагами, согласился Савельев.

– Ты говорил, у нас какие-то проблемы.

– Где содержимое второго контейнера? – без предисловий спросил Савельев, глядя на жавшихся друг к дружке поваров. – И самое главное – как у вас получилось его открыть? Я полночи провозился. И, судя по всему, стоит благодарить Господа, что у меня не вышло.

¹ См. «Метро 2033: Наследие предков».

— С... съели мы его, — трясущимися губами виновато ответил перепуганный Паштет, стараясь незаметно пониже натянуть на вспотевшие ладони рукава куртки. — Содержимое это. Немножко со всем. На попробовать. А половину в гальюн смыли, гадость редкостная оказалась, скисло, видать.

— На дороге ведь нашли, вон он подтвердит, — кивнул на метеоролога Треска. — Верно, Савельич? Ну и думали, мол, консервы, с «Новолазаревской» или откуда еще.

— Нашли-то нашли, — вздохнул Савельев. — Только лучше бы не находили вовсе. Не с «Новолазаревской» они. Так как вы ее открыли?

— На конфорку поставили, она и сама, — пожал плечами Треска. — Бац! И щелкнула. От тепла, видать.

— И вообще эту сумку Лерка притаранила, Батон сам говорил, — перебил приятеля Паштет. — Так что мы не при делах!

— Можно позвать ее? — метеоролог посмотрел на Батона.

— Сейчас схожу, — охотник поднялся из-за стола.

— Так что там внутри, скажешь или нет? — не выдержал, наконец, Ворошилов, когда спина Батона скрылась за дверью в коридоре.

Савельев оглядел осунувшиеся от нетерпения лица собравшихся и коротко рубанул:

— Вирус.

В каютах-компаний повисла тяжелая, давящая тишина.

— Как... вирус, — первым опомнился обмерший Треска и по-детски икнул.

— Но не в том понимании, которое мы в него вкладываем. Жидкости, шприцы, порезы... То, что мы обнаружили здесь, — всего лишь разминка, первые шаги, так сказать. Это, — Савельев указал на контейнеры, — был готовый образец, переправленный сюда, чтобы ученых был наглядный пример, на который следовало равняться.

— Как — образец? — пробормотал вконец растерявшийся Треска, вспомнив, что произошло с Ежи при контакте с немецкой заразой.

— Это совершенно новая формула, устойчивая и хранящаяся при сверхнизких температурах. Поэтому, видимо, вы и смогли открыть контейнер, просто подогрев его. У Ежи написано, что штаммы вириуса «Троянец» помещены в специальную оболочку, которая взаимодействует только с биологическими организмами и только на

молекулярно-клеточном уровне, не передаваясь воздушно-капельным путем.

– То есть? – нахмурился Макмиллан.

– Если вы держите ее в руках, ничего не случится. Но стоит вам ее проглотить... – Савельев многозначительно оглядел собравшихся, жадно слушавших каждое его слово. – Желудочный сок растворит оболочку и... По тем временам это была настоящая революция в разработках биологического оружия. Действует только изнутри. Отсюда и название – «Троянец».

– А как же Ежи? – дрожащими пальцами погладил обвисшие усы Тарас.

– С Ежи случилась ошибка, казус. В этом виноват укус некоей африканской рыбки, часть яда и желез которой использовались Рейхом в своих разработках. Только сейчас животное было, скорее всего, уже муттировавшим. Здесь так и сказано – «...штаммы вириуса изготавливались на основе биологических и радиоактивных компонентов, в которых присутствовал яд какой-то африканской рыбы». Название ее нам сейчас ничего не скажет. Да и ни к чему. Вот, тут есть на немецком: «Die deutlichen Phasen der Wechselwirkung der Alpha-Viren von den Beta-Viren in verschiedenen Etappen sind dokumentarisch noch nicht festgelegt. Die Vermischung des Giftes und der radioaktivno-химischen Komponenten konkret hat das Ergebnis nicht gegeben. Der Prozess der Assimilation mit anderen Trägerorganismen noch, wie es ist nötig, ist nicht studiert. Nochmalig wird auf den Schweinen und den Hunden geprüft»¹. Вероятно, при контакте с недоработанной сывороткой был запущен необратимый процесс мутации. Ежи просто получил двойную порцию, вот и все.

– Действительно, как все просто, – желчно заметил Ворошилов. – Ну так и поварята явно не по горошинке проглотили.

Сидящие рядом с Паштетом и Треской попытались от них отодвинуться.

¹ Четкие фазы взаимодействия альфа-вирусов с бета-вирусами на разных этапах еще не зафиксированы документально. Смешение яда и радиоактивно-химических компонентов конкретного результата не дало. Процесс ассимиляции с другими организмами-носителями еще как следует не изучен. Повторно проверяется на свиньях и собаках.

— Мы не заражены! — взревел Треска, жахнув кулаком по столу. — Чушь все это!

Крики Лера услышала еще в коридоре. Опять ругань, опять слушать сыпавшиеся со всех сторон обвинения. Идти на собрание не хотелось. Ну что еще им от нее нужно?

Услышанное повергло в шок.

— Скажи нам, где ты нашла эту сумку? — как можно более спокойно, чтобы раньше времени не растревожить девушку, спросил Тарас. — Только точно.

— В лаборатории, — сбивчиво стала вспоминать свои приключения Лера. — В большом помещении, где тела лежали. На одном из столов.

— Забыл, значит, — негромко проговорил Тарас и вдруг грязно выругался длинной витиеватой фразой. — Ну а как один из них к вам-то попал?

— Я думала, там что-то важное, — испуганно всхлипнула девушка, разглядывая контейнеры на столе. — Ежи же всегда все записывал, что-то с собой носил, думала, может пригодиться. Я по пути обратно бежала и споткнулась, может, один выпал, подсумок был неплотно закрыт. А я испугалась, буря была, не заметила, а они нашли...

— Испугалась она, — сказал, словно плонул, Ворошилов. — На хера ты вообще туда полезла? Заразу нам на борт принесла, умница ты наша.

— А ну заткни пасть, — цепным зверем прорычал Батон.

— Заразу... — Лера почувствовала, как ее сковывает мертвенный холод атавистического ужаса. — Какую заразу?

— Вирус, — ехидно подсказал спелеолог, с вызовом глянув на едва сдерживавшего себя Батона. — Малю-юсенький такой.

— Ну а вакцина? — вступил в разговор до этого сосредоточенно молчавший Макмиллан. — Должно же было там что-то остаться для них самих. На всякий пожарный случай, м?

— Не выйдет. Лаборатория Двести одиннадцатой полностью выгорела, — покачал головой Савельев. — Даже если там и находились образцы антисыворотки, огонь их все уничтожил.

— И что нам теперь делать? — спросил Ворошилов, утирая выступивший на лбу пот. — Как понять, кто из нас заражен, а кто нет?

– Не знаю, – ответил метеоролог. – Записи не закончены, Ежи погиб.

– А что со второй банкой? – спросил Батон.

– В сейф и под ключ, – тоном, не терпящим возражений, ответил Тарас. – А лучше...

– Что лучше? – снова полез в бутылку Ворошилов.

– Здесь закапаем, от греха подальше. Вместе с ящиками, которые на складе лежат. Хватит с меня всего этого дерьяма.

– Ну и пролежит оно тут еще лет двести, пока кто-нибудь снова не откопает, – пожал плечами Батон.

– Если будет, кому откапывать, – резонно заметил Савельев. – Забыл, в какие времена живем? Главное чтобы в воду не попало. Вы зачем остатки в галлюон-то смыли, придурки?!

– Там мало было, – слабо возразил Треска. – На донышке почти...

– Но должен же быть какой-то выход, – Тарас сжал свою кружку так, что она жалобно заскрипела.

– Южная Америка.

– Ты что же, предлагаешь нам плыть в Чили?

– И как можно скорее, другого выхода у нас нет... На наше счастье, примерные координаты в записях здесь указаны. К тому же, если верить картам, немецкая колония «Дигнидад» находилась недалеко от берега, что в разы упрощает нашу задачу.

– А как мы узнаем, как выглядит антивирус? – тревожно спросил Треска.

– Тут приложены старые фотоснимки контейнеров с пометками. Правда, на немецком, но думаю, разберемся. В любом случае нас должно интересовать все, отличное от емкостей, которые мы уже видели.

– Что за колония?

– Колония «Дигнидад», после называлась «Вилла Бавария», основанная в тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

– Но война же была намного раньше, – сказал Паштет.

– Да, тут много непонятного. Не перебивайте. «Вилла» представляла собой закрытую полу военную зону площадью семнадцать тысяч гектаров, обнесенную по периметру колючкой, проникнуть за которую постороннему было практически невозможно. Колония граничила с Аргентиной и тянулась аж до береговой

линии Тихого океана. Изначально цели ее создания были вполне безобидными – забота о детях-сиротах, бесплатное медицинское обслуживание жителей региона, прилегающего к территории поселения. Но усиленные меры безопасности и вооруженная охрана явно говорили о другом. Судя по записям, у колонии была и обратная сторона, скрывавшаяся в подземных лабораториях и финансируемая Аненербе.

К слову, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом американский турист русского происхождения Борис Вейсфеллер пропал вблизи территории общества, когда зачем-то ходил со счетчиком Гейгера по стране, не имевшей атомных станций. Задолго до этого поползли слухи о каких-то планах по отравлению рек в Аргентине и развязыванию зачем-то в самом удаленном уголке мира бактериологической войны.

– Антарктиكا, – кивнул Тарас.

– Они проверяли эту дрянь на детях? – захрустел костяшками пальцев Батон.

– Судя по всему – да. На детях, взрослых. Биологический материал. Тут в непереведенном сказано, например, что эсэсовец Вальтер Рауф, известный деятель службы безопасности Третьего Рейха, бежав из Германии, нашел убежище в Чили и даже стал советником ДИНА – тайной полиции военного режима Пиночета, которая занималась похищением людей. Лидером этой колонии являлся некто Пауль Шефер. Впоследствии он несколько раз был обвинен в педофилии. Он самолично устанавливал внутренние законы, в чем-то схожие с религиозными догмами. На территории отсутствовали деньги, а обитатели колонии не имели документов.

– Ладно-ладно, – поморщился Треска. – Так что там с вирусом?

– Ежи получил двойную дозу этой заразы, поэтому процесс разрушения клеток прошел так быстро, вдобавок вызвав мутацию тканей. С нами... – он откашлялся, посмотрев на мертвенно бледных поваров. – С ними, по всей видимости, такого не произошло. В противном случае нас рано или поздно всех просто убьет. Сколько часов назад вы вскрыли банку?

– Около суток.

– Я не знаю, сколько у нас есть времени, капитан, – Савельев посмотрел на Тараса. – Единственный наш шанс – попытаться как

можно скорее обнаружить чилийскую базу и вколоть сыворотку. Если она, конечно, еще существует. С танкера доложили, что отплывают завтра. Заканчивать ремонт «Грозного» будут уже в море, что отчасти нам на руку.

Казалось бы радостная и столь долгожданная новость сейчас не произвела на собравшихся никакого эффекта. Все думали о другом.

– Но должно же быть еще какое-то противоядие! – вскочив с места, завизжал Паштет и перегнулся через стол, сгребая к себе драгоценные записи Ежи, комкая, всматриваясь в каждую из них. – Я не хочу умирать, слышите! Я не хочу умирать! Наверняка тут что-то еще написано, просто мы не успели прочитать...

– Нет никакого противоядия. По крайней мере здесь – нет.

– Как вы себя вообще сейчас чувствуете? – спросил Батон, но повара не успели ответить.

– Да чего вы их-то спрашиваете теперь? Глупая, инфантильная дура! – вдруг, срывааясь на фальцет, закричал Ворошилов и вскочил, тыча в испуганно съежившуюся Леру пальцем. – Ты нас всех погубила! Да я тебя бы на том тросе, что угробила, и повесил бы...

Договорить он не успел: Батон опрокинул спелеолога точным хуком в челюсть и, усевшись на него, стал угощать ударами по лицу.

– Заткни свою пасть, сука!

– Прекратите! – завизжала Лера. – Что вы делаете?! Дядя Миша, остановитесь! Чего вы все стоите, сделайте же что-нибудь!

Но охотник, у которого от ярости все перемешалось перед глазами, в одночасье потерял контроль над собой. Зверь, дожидавшийся своего часа в клетке, вырвался, наконец, на свободу. Потребовалась недюжинная сила Мичигана, который, навалившись сзади, боксерским приемом взял Батона в «клещи» и с помощью Рэнди оттащил вырывавшегося мужика от корчащегося на полу Ворошилова, лицо которого к тому моменту превратилось в сплошное кровавое месиво.

– С-сука, – злобно шипя, протянул спелеолог, размазывая сукровицу по щеке и сплевывая на пол выбитый зуб, за которым потянулась кровавая нитка слюны. – Я тебе еще припомню, слышишь...

– Мы с тобой еще не закончили, урод, – пробасил потирающий разбитые костяшки Батон.

– Остыньте оба, или на губу захотели?

– Ну пересажаешь ты всех, и кто останется? – усмехнувшись сквозь боль, просипел Ворошилов.

– Я не хочу умира-ать, – покачиваясь, скулил со своего места Паштет, прижимая скомканные записи к заплаканному лицу.

– Ну-ка, успокоились все, вашу мать! Никто умирать вас не оставит, слово офицера! – рявкнул Тарас. – Слушай мою команду. С этого момента каждый питается только едой, которую добудет сам. Каждый готовит сам для себя. Паштета и Треску в изолятор. Лишних контактов друг с другом по возможности избегать, только в перчатках. Может быть, даже поносим респираторы. Лера... Степанова отстранена от камбуза и пока под строгим присмотром, – поймав бушующий взгляд еще не остывшего Батона, красноречиво добавил он. – Корейцам ни слова, пока не доберемся до места. Мы начинаем поход за вакциной, чтобы заразу по миру не разнести. Может, он окажется последним.

– Но нам придется им рассказать, – сказал Савельев. – «Грозный» намертво прикован к танкеру, просто так нам от них не уйти.

– Дождемся полной починки и отплытия, а там решим, что делать, пока... Пока кому-нибудь не станет хуже, – вынес окончательное решение Тарас. – К тому же мы еще не знаем, успела зараза расползтись или нет.

– Я никогда не был в Чили, – отнимая у Паштета, которого тряслось, словно в лихорадке, бумаги, сказал Савельев.

– Никто не был, – вздохнул Тарас. – Пару раз в автономке мимо проходили, на том и закончилось. Хорошо хоть координаты есть.

– Я знаю, кто был, – оправившись от испуга, взяла в себя в руки Лера.

– Священник, – перехватив ее взгляд, кивнул Тарас и посмотрел на перепуганных поваров. – Ладно, может, все так и замкнется на этих двоих. Ясно одно: нужно торопиться. И постарайтесь не впадать в панику, пока ничего плачевного не произошло.

Но было отчетливо видно по настороженным и недоверчивым взглядам, что собравшиеся в кают-компании теперь не доверяли друг другу, как прежде.

* * *

– Лерка, стой! – орал бегущий следом Батон.

Но мчащаяся по коридорам «Грозного» девушка никак не реагировала на крик. Из-за нее! Это все из-за нее. Инфантильное, максималистское желание доказать всем, что она уже не ребенок, что способна сама принимать решения, в результате обернулось новой трагедией. Зачем она туда вообще полезла, тупая самоуверенная дура!

В наивной уверенности все прекратить, навсегда истребить антарктическую чуму она подвергла смертельной опасности всю команду, и, быть может, была неизлечимо заражена сама. На бегу она посмотрела на свою перебинтованную руку, которую рассекла о трос, спасаясь от голодных собак на базе. Зрение путалось, слезы застилали глаза. Мама, папа, Азат, простите...

– Да стой же ты, глупая! – ревел где-то сзади гремевший сапогами Батон.

За эти дни путь в оружейку она выучила наизусть. Именно там находилось одно-единственное спасительное средство, способное прекратить все ее мучения. К черту собачьему таблетки! Лучше свинца нет пилюли. Ни кошмаров больше, ни мучений. Все. Главное, чтобы было не заперто...

На бегу навалившись на дверь, она влетела в оружейный склад, лихорадочно выискивая свои вещи. Вот! Едва Лера успела трясящимися руками засунуть магазин в «макаров», как сзади грузно накинулся Батон, опрокидывая девушку на пол. Заряженный и снятый с предохранителя пистолет волчком отлетел куда-то в сумрак, под одну из стоек.

– Ты что удумала, дура!

– Пусти меня!

– А ну перестань... – пытаясь привести Леру в чувство, Батон отвесил подопечной пощечину.

– Это я... Я во всем виновата, – срываясь на отчаянный крик, брыкалась в тисках охотника рыдающая девушка. – Это из-за меня-я!

– Перестань сейчас же...

– Дай мне его, – захлебываясь криком, орала Лера, пытаясь на локтях доползти до пистолета, но Батон крепко держал ее за ноги. – Умоляю, ДАЙ МНЕ ЕГО-О! Отпусти!

Нащупав заветную рукоять, она крепче перехватила оружие, но

Батон оказался быстрее, и грохнувший в замкнутом пространстве выстрел с рикошетом ушел в переборку. Пришлось снова ударить девушку, выбивая из раненой руки пистолет. На бинте пропустило пятнышко крови.

– ОТДАЙ!

– Это не твоя вина! – схватив Леру за волосы, Батон развернул ее обезумевшее лицо к себе. Ноздри щекотал кислый привкус пороха. С силой выталкивая из себя слова, он проорал, встряхивая ее за плечи: – ЭТО. НЕ. ТВОЯ. ВИНА!

– А чья?! – размазывая по щеке слону, осипшим от рыданий голосом крикнула Лера. – ЧЬЯ ТОГДА?! Я не хочу так жить! Не хочу, СЛЫШИШЬ МЕНЯ!

– И что, пуля поможет? ПОМОЖЕТ, Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ?! – в горячке орал Батон. – Раз – и все? Легко и просто?

– Пусти! – слабея, взмолилась девушка.

– Что это изменит? Ну что?! Грохнешь себя, а все так и останется, слышишь? ВСЕ ТАК И ОСТАНЕТСЯ! С остальными во льду хочешь лечь? С папой и мамой...

– Заткнись! – окончательно обессилев, она обмякла в его руках, сотрясаясь от рвущихся наружу рыданий. – Заткнись, умоляю...

– Все, все. Успокойся. Держись, лисенок. Держись.

Было слышно, как на выстрел уже спешат остальные. А они так и сидели на полу оружейки. Старый солдат, гладивший Леру по голове, и жалобно скулившая на его груди девушка, сжимавшая кулачками пропахшую мужским потом водолазку, пока не потеряла сознание, провалившись в липкую темноту.

ГЛАВА 7

СНОВА В ПУТЬ

Через несколько часов Лера пришла в себя. Ее лихорадило и колотил озноб; правда, сказывалось еще и то, что под подоткнутым шерстяным одеялом девушка была абсолютно голой. Оставалось надеяться, что раздевалась она сама, без посторонней помощи (разве что Тахомы), находясь в горячечном полубреду. Ботинки стояли у двери, одежда и белье аккуратно развешаны на спинке стула у койки. Значит, все-таки американка. Девушка мысленно поблагодарила ее за заботу.

Но сейчас Леру упрямо беспокоило совсем другое. Чудовищное воспоминание о том, что чуть было сгоряча не совершила накануне.

Самоубийство. Страшное, выворачивающее наизнанку слово. Эгоистичное, мерзкое. И самое жуткое заключалось в том, что она достигла бы цели, если бы не успевший вовремя остановить руку Батон. Она ведь даже выстрелила, на что прибежали другие – Лера смутно помнила мелькавшие перед глазами силуэты, пока охотник нес ее на руках в каюту.

Коснувшись пылающего лба, Лера сняла с него давно высохшую от жара тряпочку и нетвердой рукой обмокнула в тазик на столике возле койки. Прохлада на несколько мгновений принесла облегчение.

Ноющее сердце стальным раскаленным обручем стиснул стыд. Горькое раскаяние. Жгучая брезгливая обида на саму себя. Как сме-

ла она обвинять остальных в трусости, когда сама, поджав хвост, первая попыталась спастись бегством, надеясь обрести вечное спокойствие от ледяного укуса свинца?

Да, было тяжело, но никто из мужиков не дрогнул перед лицом очередной страшной опасности, приготовившись с новыми силами преодолевать готовящиеся невзгоды. А она...

Чуть не застрелила себя.

Посмотрела в самую бездну. Прислушавшись, Лера не узнала себя. Словно покончить с собой пытался кто-то другой. Слабый, отчаявшийся. Лишенный веры.

И все-таки она была виновата. Не возьми она этот чертов подсумок, ничего бы, может, и не произошло. Паштет и Треска не нашли бы цилиндр... Но кто, в конце концов, мог знать? Хотя и дураку понятно, что без тщательной проверки приносить что-либо с Двести одиннадцатой категорически запрещено.

Да и Батон был прав. Что бы изменила ее смерть? Да ничего бы не изменила. Ровным счетом ничего. На одного выжившего попросту стало бы меньше, вот и все. Легла бы в глыбе льда рядом с родителями.

Это был предел. Господи, что же она наделала? Дошла до самого края жадно разверзшейся пропасти и чуть было не полетела вниз. И до сих пор бы падала, падала, падала... Падала без конца.

«Господи, если Ты меня слышишь, если Ты действительно есть и живешь на небе... Прости меня, пожалуйста, за вчерашний поступок. За убийство прости. Но и я больше так не могу. Я устала бояться, не доверять, шарахаться от каждой тени, словно прокаженная. Я устала так жить. Да и не жизнь это вовсе, так, просто существование. Видимо, Мигель прав. Ничего мы уже не сможем вернуть и тем более изменить. Слишком поздно. Просто у меня уже совсем ничего не осталось. Да и не было ничего, если честно, кроме горстки воспоминаний. Любовь, доброта, тепло, – не знаю я, что это такое. Просто слова, лишенные смысла. А верить в Тебя так и не научилась. Подсказал бы кто, как это делается. Да зачем? Так никто давно уже не умеет. Мы все давным-давно уже ни во что не верим, год за годом умирая под землей или на краю света. А Ты смотришь на нас и ничего не делаешь.

Почему? Заслужили? Или Тебя все-таки нет. Тогда к чему весь этот самообман...»

Снова поменяв тряпку и завязав ее на затылке узлом, Лера откинула одеяло и медленно – так, чтобы снова не закружилась голова – села на кровати, оглядывая покачнувшуюся перед глазами каюту. Чучундры не было. Обвив ноги руками, Лера уперлась подбородком в коленки. Как же ей сейчас было одиноко.

Повернув голову, она посмотрела на столик и тазик с чуть теплой водой, рядом с которым лежала Библия, на страницах которой тоже жил Бог.

И, со вздохом свесив босые ноги на пол, стала медленно одеваться.

* * *

Судя по тому, что уже вечерело, в беспамятстве Лера пролежала почти весь день. Стресс и переживания были слишком сильны. Сколько ее организм сможет это выдерживать? Ведь утренний надлом – это всего лишь первый сигнал. Первый в длинной череде выстроившихся в ряд тревожных звоночков. А сколько их еще будет? Думать об этом не хотелось.

Мышь Лера искать не стала. Пусть себе бегает. Да и не до нее было сейчас.

На этот раз она в церковь не торопилась. Просто шла по извилистой тропинке, низко натянув на голову шапку и плотнее кутаясь в «натовку», сунув руки в перчатках во внутренние карманы, поближе к теплому свитеру.

Вопросов к Мигелью не было. Просто хотелось выговориться, а она знала, что священник выслушает, несмотря на их разлад. Лера помнила о поступке дяди Миши, который, по сути, спас ей жизнь, но с ним говорить сейчас не хотелось.

Мигель, стоя на одном колене, возился с печкой, подкидывая в нее ломаные веточки вереска. Обернувшись на скрип двери, он отложил хворост и, кочергой закрыв печную заглушку, над которой доходил закипающий чайник, поднялся, вытирая руки о подрясник.

– Привет, – боясь встретиться с ним взглядом, севшим голосом сказала застывшая у входа Лера.

– Здравствуй.

– Не помешала?

– Конечно же, нет. А Батон...

- Забудь про него.
- Я тут печку топлю. Проходи, садись. Котлетки твои, кстати, очень понравились.
- Спасибо.
- Что-то случилось? Есть новости с танкера?
- Завтра отплывают. Обещали «Грозного» починить.
- Ну, видишь, как хорошо.

Опустившись на предложенный табурет, Лера впервые подняла глаза на священника. Он действительно выкинул из головы их последний разговор – или старательно делал вид, что ничего не было?

- Чай будешь? – Мигель взял с полочки две жестяных кружки. – Свежий. Сейчас закипит уже.
- Я утром застrelиться хотела.

За заглушкой негромко потрескивал пожираемый пламенем ве-реск. Кружки так и не опустились на стол.

- Ты... что?
- Лера сморгнула, но по щеке упрямо побежала слезинка.
- Я позавчера на базу немецкую ходила. Одна. Никому не сказала. Думала, сама вирус из огнемета пожгу. А перед тем, как все сделать, сумку увидела, одного из наших, который с нами приплыл, но от заражения погиб.
- Ежи, – отставив кружки, кивнул Мигель, присаживаясь напротив девушки. – Слышал о нем.

– Да, он, – всхлипнула Лера. – Огнемет взорвался, и я чуть не погибла, хаски бешеных встретила, хорошо, трос выдержал, правда, порвался потом. А потом выяснилось, что я в этой сумке на лодку новый вирус принесла. Паштет с Треской отравились. А теперь, возможно, и все остальные... Правда, говорят, в Южной Америке такая же база есть.

- Мигель вздрогнул.
- Что, может, там окажется противоядие, – она судорожно выдохнула. – Я ведь просто помочь хотела. И вот опять все к чертям собачьим...
- Но это не стоило того, чтобы стреляться, – покачал головой священник.
- Батон не позволил. Остановил.
- Слава тебе, Господи, – перекрестился Мигель.

– Да как ты не поймешь, из-за меня все это. Я во всем виновата. Все, за что ни возьмусь... все не так получается, – Лера заплакала и закрыла лицо руками. – Не знаю уже ничего. Не могу... Не хочу.

Он сел напротив нее.

– Нагнись. Наклони голову, – неожиданно попросил придвинувшийся к ней Михаил. – Наклони-наклони, не бойся.

Когда Лера, не понимая, послушалась, Мигель накинул ей на макушку край своей епитрахили и, перекрестив, тихо прочитал молитву.

– Зачем это? – спросила Лера, когда священник сделал ей знак поднять голову.

– Чтобы все было хорошо, – мягко улыбнулся Мигель, глядя в ее заплаканное лицо. – Сними перчатки.

– Ты что, нельзя! – воспротивилась Лера, посмотрев на свои руки, зажатые между колен. – Инфекция...

– Да какая там инфекция. Нет в этом доме ничего. Это просто человеческие руки, и все. Твои и мои. Давай, снимай...

Не дожидаясь ответной реакции, Михаил осторожно взял руку девушки и медленно стянул с нее перчатку. Потом так же бережно снял вторую, пока Лера молча следила за ним.

– Вот видишь, – прошептал Мигель. – И ничего страшного.

Он мягко взял ее дрожащие ледяные пальцы в свои.

– Просто тепло, и все.

– Просто тепло, – тихо повторила Лера и, неожиданно подавшись вперед, обняла Михаила за шею. – Спасибо тебе.

Он, гладя ее по спине, смотрел в окно, на которое опускались первые снежинки приближающейся пурги. А она, прижимаясь к его плечу, глядела на мятущийся за щербатой заглушкой огонь, слушая, как с тоненьким свистом начинает закипать чайник.

– Пожалуйста, поплыли со мной.

Наблюдая усиливающуюся метель, Мигель не ответил. Сейчас он видел совсем другую картину.

* * *

После совещания, на котором внезапно выяснилась новая угроза заражения, «Иван Грозный» стал напоминать корабль-призрак. Коридоры были пусты, многочисленные отсеки – тоже. Со стороны

камбуза не пахло едой. Внутри лодки не раздавалось ни единого звука, кроме работающих кое-где механизмов.

Члены команды разбрелись кто куда или просто заперлись по каютам, полностью отдав лодку на откуп ремонтникам «Дракона». Встречаясь в узких коридорах, скупо перебрасывались несколькими фразами, предпочитая побыстрее скрыться друг от друга. Недоверие росло с каждым часом, предшествовавшим запланированному корейцами отправлению.

Томившиеся в изоляторе Паштет и Треска забились по углам, изредка стреляя друг в дружку настороженно-недоверчивыми взглядами.

— Тоска смертная. Говорил я тебе, не надо было эту заразу на борт тащить, — по новому кругу завел шарманку Треска. — Так нет же. Консервы, блин. Тыфу!

— Ой, да брось, — фыркнул кутающийся в ватник Паштет. — Между прочим, о консервах ты сам первый сказал. Сам же и пробовал.

— А кто меня заставил? — ткнул пальцем в соседа кок и тут же поморщился, снова зачесавшись. — Ты и заставил, черт веревочный.

— От пресноплюя слышу. Чешешься, как блохастый.

— А сам-то.

— Мог бы и не жрать, курошуп. Теперь вот мыкайся тут до Второго пришествия.

Лязгнуло окошечко в двери, и в него одна за другой просунулись две миски с какой-то клейкой, слипшейся в комочки едой.

— Что это?

— Ужин, — бесцветным голосом доложил снаружи Савельев.

— Это кто ж так над ухой надругался? — принюхался поморшившийся Паштет.

— Эй! Постой, братуха, — разобрав паек, повара прильнули головами к узенькому отверстию. — Как там остальные-то? Ничего?

— Не знаю. Пока вроде тихо. Пора мне, ребята.

— Да погоди ты! Куда спешишь? — Треска оттолкнул от окошка Паштета, и тот, усевшись на полу и скрестив ноги по-турецки, принялся наворачивать еду, зачерпывая из посуды прямо рукой. — Может, ты нам хоть домино принесешь, а? А то тут скуча смертная, хоть на стены лезь.

– Коробка в щель не пролезет, – критически оглядев оконце, заключил Савельев. – А дверь открывать Тарас строго-настрого запретил, пока до Чили не доплыvем.

– В гробу мы видели ваше Чили! Хоть до гальюна выпусти. Я жеща лопну.

– Пока не положено. Потерпите.

– Да чего ты как не родной-то!

– Кстати, а почему Лерки с нами нет? – подал голос жующий Паштет. – Она ведь тоже на камбузе работает.

– Потому, что в тот момент ее с вами там не было. Ладно, сидите, попозже еще проведать зайду и миски забрать. Ешьте, – оконце с лязгом захлопнулось, и послышались удаляющиеся шаги.

– Тыфу, едрить твою, – разочарованно зыркнув на рифленый пол, Треска с кряхтением уселся рядом с ужинавшим Паштетом.

– Руки оборвать тому, кто готовил это говно, – глубокомысленно отозвался тот. – Такими темпами мы не от вируса, а от несварения или голодухи тут скопытимся.

– Да? – ехидно поддел Треска и поставил свою плошку на колени. – А чего жрешь тогда за обе щеки?

– Есть охота, – просто ответил приятель.

– Слушай, – оторвался от еды осененный Треска. – А если они нас тут оставят?

От внезапной мысли Паштет подавился очередным комком ужина. Об этом он явно не задумывался.

– Не-е, – наконец, с трудом проглотив, неуверенно протянул он. – Тарас нас тут ни за что не бросит. Мы же теперь на борту все наперечет.

– Расскажи это ребятам, которых к нам в качестве новой команды с танкера направляют, – прочавкал Треска.

– Забыл, – уныло отозвался Паштет. – Но все равно он нас не выбросит. Столько вместе прожили да в походе перенесли. Не по-офицерски это.

– Твои слова да Богу в уши.

Некоторое время ели молча.

– Слыши, помнишь, Савельич сказал, что эта дрянь, по запискам Ежи, не передается воздушно-капельным.

– Ну.

— А с кем мы еще после этого общались? Ну, касались кого?

— Так, — посмотрев в потолок, Треска нахмурил и без того испещренный морщинами лоб. — Мы были на камбузе, потом эта дура драконовая к нам приплыла. Лерки и вправду не было, у себя отлевалась, видать. Потом нас всех на танкер согнали.

— Так.

— Потом, после Императора этого, мы тут на «Грозном» покемарили малеха, а наутро в кают-компании собрались. Батон подрался с Ворошиловым. Что еще... А! Ты ведь заистерил и стал бумаги поляка перебирать, чуть не сморкался в них.

— А бумаги-то те у Савельева, — упавшим голосом ответил Паштет.

— И кружки еще, — добавил толстяк. — Мы же все из них чай пили. Ты их хоть помыл?

— Не успел, — виновато ответил долговязый повар. — Нас ведь сразу сюда отправили. А предупредить не додумался.

Отложив миски, сидевшая на полу парочка с тревогой переглянулась.

— Выходит, это все, — вздохнул Паштет, смотря куда-то сквозь стену их камеры.

— Что — все? — не понял Треска.

— Интересно: вот умру я, а часы мои так и будут идти?

— Откуда они у тебя? — решился, наконец, задать так долго мучивший его вопрос Треска.

— Подарок отца. Последний, — Паштет бережно провел пальцами по стеклу выпуклого циферблата. — Когда я только из университета специалистом выпустился. Гордился мной, как уже взрослым мужчиной. Все говорил, что жизнь только новая начинается. Горизонты, перспективы, карьера. С тех пор без запинки так и работают. В них словно частичка той жизни все идет и идет. Будто стремится вместо меня к чему-то. А передать, видишь, некому.

— Жалко, чувак.

— И мне. Отплывались мы с тобой, видать, брат. А даже перед концом цапаемся, как старики со старухой. Хотя без этого было бы неинтересно. Да и привык я давно, — Паштет протянул руку, впервые за много лет назвав приятеля по имени. — Было приятно с тобой дружить, Витя.

– Ведь если бы я тогда, в семнадцатом, первые сети не утопил, а ты меня не отмазал, так бы и не познакомились, – Треска как-то задумчиво посмотрел на приятеля.

– Помню. Обоим влетело. Как всегда.

– Мне тоже, Женя, – Треска крепко пожал протянутую руку соседа. – Мне тоже. Не думал, что все вот так...

– И я не думал.

Они помолчали. Потом Паштет скосился на миски.

– Дохавать, что ли.

– Да и то верно, – сгреб свою плошку Треска. – Утопчем. Раз уж помирать, так с полным брюхом, чувак.

Невесело улыбнувшись, повара снова принялись за еду.

* * *

Склонившись над расстеленной картой мира, Тарас задумчиво водил по ней циркулем. Туда-сюда. Туда-сюда. Думая совершенно о другом. О том, что они все потеряли. Мысли никак не хотели складываться в хоть какой-нибудь мало-мальски приемлемый план действий. А ведь именно это от него сейчас и требовалось.

«Циркуль, циркуль две ноги,
Циркуль делает шаги.
Шаг один и два и три
Однаковы, равны» –

вспомнил он детский стишок, который во времена его разбитной юности подвергался весьма смелым лингвистическим преобразованиям. Южная Америка, значит. Угроза нового заражения. Карантин, который всеми правдами и неправдами нужно было держать в секрете. «Ох, Лерка, и устроила ты нам проблем...» Час от часу не легче. Сколько они так продержатся? Да и смогут ли?

Да и ко всему свободу передвижений, даже в случае, если лодку починят, ограничивала примостившаяся по левому борту громадина корейского танкера, будь он неладен. Хотя если бы не они...

Если бы не они.

— Легли бы мы все здесь, Юрка, — еще раз оглядел покрытую выцветшими фотокарточками стенку над столиком в капитанской каюте, Тарас отпил из кружки. Поморщился, теребя вислый ус. — К чему мы все стремимся? Куда плыть-то теперь? Команду всю растеряли, мир не спасли. Дала нам война бой, мать ее, который не под силу нам выиграть. Да и что теперь спасать-то. Взяли нас за жабры, Юрка. Не осталось ведь ничего, ты погляди вокруг.

Посмотрев на пожелтевший снимок двух улыбающихся пацанов в мундирах выпускников мореходного кадетского корпуса, он грустно добавил:

— Ты только погляди вокруг...

Вспомнилось первое погружение, и как проходили обряд посвящения, целуя кувалду¹ или запивая это дело морской водой². После этого Юрка так и шепелявил слегка всю жизнь. Много воды утекло... От тяжелых дум отвлек настойчивый стук в дверь каюты.

— Кого там еще черти несут, — буркнул старпом, большим глотком осушая кружку, и, отложив на карту циркуль, громче ответил: — Да-да, входите.

На пороге оказался Яков с неизменной папкой. За его спиной держались двое рослых корейцев в иссиня-черных камуфляжах «Дракона», державшие под мышками «звериные» шлемы с поднятыми забралами.

Тарас присмотрелся к новым лицам, по шлему одного из них сразу узнав человека, руководившего солдатами во время их первой встречи. Острые черты восточного лица, короткий ежик черных волос с легким налетом седины, уверенный, отливающий непоколебимой выдержанкой взгляд.

Его спутник, абсолютно лысый, был густо покрыт татуировками даже на лице; глаза скрывали матовые черные гогглы на тугом, обтягивающем череп ремне, — словно были его неотъемлемой частью. Из-за массивного плеча возвышалась рукоять висящего за спиной меча.

Приняв стойку, первый воин произнес, обращаясь к Тарасу, несколько коротких фраз.

¹ Морская традиция: кувалду подвешивают к потолку и, когда судно качает, матрос должен изловчиться и ее поцеловать.

² Морская традиция: в плафон из каюты наливают забортной воды, которую надо выпить.

– Это Линь Им, – объяснил Яков. – Правая рука Императора и начальник группы, выделенной вам для пополнения команды. А это Дан. Его помощник и телохранитель.

– Вот это ты вовремя поправился, – буркнул Тарас, вставая из-за стола и накидывая на плечи капитанский китель. – Выделенных *мне*. Это у себя он правая рука, а здесь все, что касается судна и людей, находится в моей юрисдикции.

– Разумеется, – педантично кивнул Яков. – Люди построены, если вы готовы провести смотр.

– Ладно, показывайте, что за хлопцы там у вас, – ответил Тарас, надевая фуражку и выходя из каюты.

Поднявшись на палубу, он оглядел два ряда выстроившихся в шеренги лицом друг к другу моряков. Все как один в серых комбинезонах, на головах фуражки с лентами. Сердце кольнуло. Уж больно сцена напоминала прощание с погибшими товарищами после сражения с морским гигантом. Только не было завернутых в пропитанную кровью парусину тел.

В стороне были сложены ящики с оружием, припасами, какой-то техникой, и укрытые перетянутым веревками брезентом цинки с разнокалиберными патронами. А ведь подготовились, черти. Ммать!

– Три дюжины, как и обещали, – вставил за-за его спины Яков.

– Такие все разные.

– Какие есть.

– Откуда набирали?

– Кто из первоначальной команды. Кого по всему свету. Долго перечислять.

– Русские есть?

– Скорее – русскоязычные. Немного.

– Посмотрим, – заложив руки за спину, ответил Тарас, проходя мимо шеренг и всматриваясь в каменные застывшие лица. – Вольно!

Яков перевел.

– Кто-нибудь до этого ходил на подлодках или подобных судах? Если да, шаг вперед!

Линь Им отдал пару коротких команд. Шеренги разбились, когда некоторые из солдат вышли из строя – негусто, но сойдет, заключил быстро подсчитавший Тарас.

— Вы наверняка уже введены в курс дела, поэтому буду немногословен. Нам предстоит автономка в непредсказуемых условиях зараженного мира. Одному Господу Богу известно, что нас ждет впереди! Атомный крейсер класса «Борей» — это не ваш плавучий рай. Да, он меньше. Но маневреннее и быстрее. Здесь все будет по-другому. Нас ждет долгий путь, и каким он станет, никто не знает. Скажу только, что, добираясь сюда, мы успели многое повидать и перенести. Вас отрядили ко мне на борт. Я не знаю ваших присяг и кодексов, но на флоте и перед морем едины все. В любые времена, в любых условиях, какими бы тяжелыми они ни были. Приказом вашего начальства вы поступаете под мое командование. Меня зовут Тарас Лапшов, я — капитан «Ивана Грозного». Теперь мы — одна команда! И только от нас зависит, выживем мы или нет!

Вернувшись в начало шеренг и щелкнув каблуками, он повернулся лицом к застывшим морякам.

— Что ж. Добро пожаловать на борт!

Выступившие вперед солдаты вернулись в строй, и все как один отдали честь. Козырнув в ответ, Тарас посмотрел на Якова.

— Проследите, чтобы всех разместили.

— Будет сделано, — кивнул переводчик.

Линь Им опять что-то произнес скороговоркой по-корейски. Дан-скала явно не отличался многословием.

— Как только лодку починят, нам нужно будет немедленно отправиться к Фарерам, — дослушав его, сказал Яков.

— Овечьи острова? — удивился старпом, оглядывая цепи, которыми «Грозный» был пришвартован к танкеру. Каждая из них терялась в полукруглой бойнице высокого борта, не давая возможности рассмотреть внутреннюю систему крепления. Плохо. — А какого лешего мы там забыли?

— Специальная миссия, от самого Императора. О ней немного позже.

— Дело ваше. Но учтите, без моего ведома этот кит никуда не поплынет. Сначала — что да для чего, а потом уже распоряжения отдавать. Я остатками команды рисковать не намерен. И так нахлебались по самые уши.

Сняв бронированную перчатку, Линь Им произнес несколько торжественных слов и протянул Тарасу руку.

- Что он сказал? – отвечая на рукопожатие, спросил Тарас.
- Пусть нас поддержит Удача.
- Скорее уж Господь или Никола Чудотворный, – глядя в полные решимости раскосые глаза, устало вздохнул старпом.
- А еще он говорит, что готов отправиться с вами на край света. Благо всего человечества!
- Да мы и так уже на краю, братуха. Дальше некуда.

* * *

Собирался Мигель недолго. Пока Лера по его просьбе тушила свечи, попутно осматривая иконы, переходя от одной стены к другой и стараясь запечатлеть в памяти лики святых, священник упаковал свои немудреные пожитки в кожаную дорожную суму, все эти годы пылившуюся в одном из ящиков, и, прибавив к ней самодельный деревянный посох, надел скуфью¹. Они вышли в морозный вечер, и священник запер церковь.

Спустившись по скрипучей лесенке, Мигель обернулся и, сотворив короткую молитву, совершил поясной поклон, перекрестив покидаемую обитель. Принятое решение далось ему нелегко. Оставить все, сорваться. Что же станет со всем этим в его отсутствие?

– Что-то не так? – осторожно спросила Лера, видя, что Мигель не торопится идти дальше.

– Я прожил в этой церкви двадцать лет и теперь покидаю ее на всегда, – вздохнул священник, посмотрел на ключи в своей ладони и сжал ее в кулак.

– Все будет хорошо, вот увидишь. Я бы все равно не оставила тебя здесь.

– А как же Батон?

– Его никто не спрашивает, – ответила Лера, накидывая на шапку капюшон. – Идем.

Но перед тем как спуститься к пирсу, они по просьбе девушки зашли на кладбище. Пройдя мимо свежих насыпей, Лера и Мигель остановились у двух уже порядком обветшавших.

---

¹ Скуфья – повседневный головной убор православного духовенства и монахов.

— Прощайте, — спустив на шею прикрывавший половину лица мамина платок, сказал Лера, смотря на могилы родителей. — Знаю, что больше никогда не вернусь сюда. Но мы всегда будем вместе. Обещаю.

Приблизившись, она бережно поправила покосившуюся перекладину на кресте отца.

— Я люблю вас. И никогда не забуду.

Мигель с короткой молитвой перекрестился; последний раз обернувшись, Лера натянула на нос платок и, сопровождаемая священником, стала спускаться к пирсу, где дожидались громадины кораблей.

Они наконец-то покидали Антарктику. Долгожданный момент наступил так внезапно и при таких невероятных обстоятельствах, что Лере до сих пор в это не верилось. Они уплывают отсюда! Домой! Неужели это и вправду произойдет? Хватит с нее снега и вечной мерзлоты! Как там деда, Юрик, баба Дина и все остальные? Женился ли ее «суженый» на какой-нибудь вертихвостке из свиты почитательниц? Как дела на грибной ферме, что изменилось в Убежище за время ее отсутствия? Дом. Какое же это восхитительное слово. Поскорей бы добраться туда.

Первым приближавшуюся к пирсу девушку и опиравшегося на посох священника заметил с палубы Тарас, утрясавший с Яковом последние детали предстоящего плавания.

— Это еще что за новости, — хмурясь, пробормотал он, поправляя козырек фуражки, пока мужчина и женщина, держась за поручни, поднимались по трапу на борт.

— Отец Михаил хочет плыть с нами, — ответила на немой вопрос старпома Лера.

— С вашего позволения, — сунув большой палец за лямку сумы, кивнул священник. — Мне не имеет смысла оставаться здесь одному, с «Новолазаревской» было хоть как-то уютнее. Да и, опять же, близость людей. А теперь, когда ничего не осталось, толку мне здесь... В одиночку мои шансы не так велики. К тому же, я слышал, вы хотите плыть в Чили, а я, как-никак, оттуда. Там мой дом. Да и это — неплохая возможность миссионерской деятельности, мало ли кого удастся по пути поддержать и укрепить словом Божиим.

— Ладно-ладно. Добре. Одному действительно шансов нет, а нам лишние руки не помешают, — явно занятый чем-то другим, нетерпеливо согласился Тарас и, понизив голос, добавил: — Лера, размести его где-нибудь. Только не особо распространяйся о...

— Есть, я поняла, — радостно выпалила девушка, пропуская Мигеля в башню рубки.

— Значит, сначала к мысу, — Тарас снова повернулся к терпеливо дожидавшемуся окончания его разговора с девушкой Якову.

— Да, к мысу Горн. Император желает поохотиться на мигрирующих гренландских китов. Это был наш первоначальный курс, пока мы не перехватили ваш сигнал. Это займет не более суток. Охота проходит скорее ради развлечения, нежели для добычи мяса.

— День так день, — выдыхая в холодную ночь закручивающийся клуб пара, ответил Тарас, думая об остальных.

Как ни крути, а по всему выходило, что они теряли ценные драгоценные сутки. И, вдобавок, — что команда «Дракона» надумала искаль на Фарерах?

* * *

«Судовой журнал.

Земля королевы Мод. Исследовательская станция “Новолазаревская”.

Время стоянки — ...ые сутки.

Новый мир не дает передышки. По неосторожности на борт снова занесена зараза, с той лишь разницей, что в этот раз все намного сложнее и непонятнее. Кто инфицирован, кто — нет? Каким именно образом передается вирус? Сохранившиеся записи и переводы немецких дневников указывают на еще одну базу Рейха, возможно, располагавшуюся на территории Южной Америки. Судя по ним, только там еще можно попытаться обнаружить антителы от штаммов, занесенных на “Грозный” с Двести одиннадцатой. Образцы вируса и противоядие на Антарктической станции сожжены одним из членов команды — Лерой Степановой, которая после этого пыталась покончить с собой.

Нам нужно торопиться, ремонт почти закончен, а Императору приспично поохотиться на китов возле мыса Горн. Ситуация кажется патовой, поскольку в данный момент двигаться самостоя-

тельно мы еще не в состоянии. К тому же команда корейцев во главе с неким Линь Имом, назвавшимся их руководителем, толкует о необходимости захода на Фарерский архипелаг по дороге домой. Какого лешего они там забыли?

И снова толки о панацеи. Снова призрачная надежда.

Пока о заражении знают всего несколько человек. Не знаю, сколько мы сможем еще таиться. Готовимся отплывать вместе с танкером. Команда пополнена, но проверить ее можно только морем.

Вот только сработает ли? Не превратить бы корабли в плавучие склепы...

Принявший командование судном старший помощник Тарас Латишов».

* * *

– Ну что, рад что сваливаешь? – спросил у приятеля Рэнди, пока они с Зэфом, закинув на плечи кирки и лопаты, шли от разрушенной «Новолазаревской», где по приказу Тараса среди заметенных руин выкопали глубокую яму, сложили на дно остававшиеся в трюме «Грозного» контейнеры со штаммами вируса и колбы, принесенные с базы Лерой, и как следует поджарили огнеметом, потом все засыпав.

Вход на Двести одиннадцатую, не мешкая, с улюлюканьем завалили оставшимся динамитом, вместе с грохочущим пламенем подняв в воздух фонтаны снега и льда.

– Еще как, бро, – согласился Мичиган, тянувший за собой связку из двух санок: на одних лежал огнемет, на других покоились инструменты. – Скорей бы уже. А то все работа, в последний момент – нет-нет да и найдется. А сделай-ка то, а закопай это.

– Разумеется, нетерпеливый ты мой крепыш, – фыркнул техасец. – Грязную работенку всегда поручают американцам, м?

– Но теперь уже точно все, бро, говорю тебе. Старина Зэф застывает в свою теплую каюту и просидит в ней, пока эта чертова железяка на хрен не свалит отсюда куда подальше. Хватит с меня уже всех этих снежных Пингвизилл и прочей нечисти.

– Понимаю тебя, старик, – перехватив лопаты, Рэнди остановился и посмотрел назад, на разрушенную станцию. – И все-таки...

– Чего?

– Это как покидать дом, понимаешь. Странное такое чувство.
 – Твой дом не здесь, а в Америке, – резонно заметил приятель.
 – Верно. Которой уже, скорее всего, давным-давно нет. Хотя кто знает? Но здесь мы проморозили свои задницы последние чертобы двадцать лет. Ты хоть представляешь себе, *что мы можем с тобой там увидеть?*

– Не представляю, бро.
 – И я не представляю, – вздохнул Макмиллан, стиснув зубами палочку. – Ладно, погнали отсюда, не люблю долгих сопливых прощаний. Да и поторапливаться нужно, а то уж больно не нравится мне вся эта мутная история с заражением.

– Мне тоже, приятель. Мне тоже.
 Снова потянув санки, американцы стали спускаться по тропинке к берегу.

* * *

– Ну как, тебе нравится? – спросила Лера у Мигеля, оглядывавшего отведенную ему каюту.

– Знаешь, после двадцати лет отшельничества и спартанских условий, – присев на койку священник положил свою сумку на стул, – о таком можно только мечтать. Ой, а это кто?

Юркнувшая в комнату мышка проворно забралась по штанине и тельняшке на плечо девушки.

– Это Чучундра, мой самый верный друг, – объяснила Лера и протянула зверьку кусочек гриба, который извлекла из кармана. – Да, Чученька? На, покушай.

Мышь послушно захрустела угощением.

– Забавная, – улыбнулся Мигель.

– Она с нами из самого Пионерска плывет, – не без гордости продолжала рассказывать Лера. – На лодке жила. Тут с ней и встретились.

– Вот и отрада тебе во всех испытаниях.

– Еще какая. И помощник в приключениях, – согласилась девушка и спохватилась: – Есть хочешь?

– Честно – не отказался бы, – виновато ответил священник и потеребил намотанные на запястье четки.

— Пойдем. Посмотрим, что удастся найти на камбузе.

Потом Лера сидела напротив и, подперев кулачком щеку, молча смотрела, как ест Мигель. Закуска была не ах: немного кислых овощей, пресная хлебная лепешка с танкера да пара котлеток из хека — все, что осталось. Остальной провиант, оставленный для ужина, команда давно разобрала по своим каютам. Но даже этого оказалось достаточно: священник уплетал с довольным видом, стараясь не слишком явно торопиться, хотя вилка дрожала в руках.

Сколько же он нормально не ел, думала Лера, всматриваясь в его лицо. Да и чем мог питаться отшельник с момента разрушения станции? Чайным отваром и вересковыми кореньями? От этой мысли девичье сердце сжималось.

Интересно, а как он выглядит без бороды? Наверняка моложе. И симпатичнее. Лера не особо любила бороды, не всем они шли. А вот Макмиллану была к лицу, наверняка из-за его необычной шляпы. Тем более американец ее периодически подстригал.

У самой Леры живот тоже призывающе урчал, но сначала хотелось накормить Мигеля. Девушка мысленно улыбнулась, вспомнив, как баба Дина когда-то тоже вот так сидела и смотрела, как маленькая Лерочка уплетала с остатками чая слепленные ее заботливыми руками грибные пирожки.

— Ну, прямо комната милосердия матери Терезы, — пьяный комментарий вывел девушку из раздумий. — Идиллия.

Она с тревогой посмотрела на появившегося в дверях Батона, облокотившегося о косяк. Охотник был мертвейки пьян.

— Что тебе нужно? — моментально напряглась она.

— Нет. Это что *ему* здесь нужно? — ткнув пальцем в замершего Мигеля, сквозь зубы процедил Батон. — Ишь, присосался. А тебя вообще от камбуза отстранили, разве нет?

— Не твое дело. Я его привела. Он давно нормально не ел. И он поплынет с нами, хочешь ты этого или нет.

— Думаю, мне лучше уйти, — отложив приборы, сказал Мигель.

— Нет, ты останешься, — твердо ответила Лера и сверкнула глазами на Батона. — Пускай он уходит.

— Вот-вот. Дуй обратно в келью, молитвы читай! От тебя там больше проку будет. У нас тут карантинчик, если ты не знал, — пропустив мимо ушей слова девушки, согласился охотник, демонстри-

руя руки в перчатках. Он подошел к столу и навис над священником. – Я, кажется, доходчивым языком тебе объяснил: не лезть к ней, нет? Не достанется она тебе, понял!

– Прекрати! Кто ты такой, чтобы делить меня? – вскочила Лера, но охотник, взяв за плечо, без труда усадил девушку обратно.

– Сядь! Раз уж все в сборе, так давайте и разберемся уже, наконец.

– Мне больно! – пыталась стяхнуть его хватку Лера.

– Убери от нее руки, – сжимая вилку, тяжело поднялся Мигель.

– А то что? – в притворном испуге развел руками пошатывающийся Батон. – Ударишь меня? Этим? Да ты, оказывается, смельчак. Ну, попробуй. Давай.

– Я не хочу с тобой драться.

– Чё, дерзкий? А так!..

В следующую секунду Батон без предупреждения смахнул со стола на пол брызнувшую кипятком кружку и тарелку с недоеденным ужином.

– А ну пшел отсюда, святоша!

Мигель успел двинуть ему кулаком в массивную челюсть. Отпрянув, Батон клюнул затылком галерею подвешенных на сушилке сковородок, градом посыпавшихся на него. Это только больше разъярило охотника. С ревом он набросился на противника, выставив перед собой руки. Лера с криком вскочила, опрокидывая стул.

– Прекратите! Что вы делаете? Отстань от него, урод!

Она замолотила кулаками в обтянутую тельником медвежью спину Батона. Выбив вилку из руки священника, тот схватил его за грудки и, съездив покатым лбом в хрустнувшую переносицу, повалил на пол, награждая жестокими ударами кулаков.

– Кто-нибудь, да помогите же! – понимая, что одной не спрятаться, истошно завыла Лера и, схватив первое, что попалось под руку – суповой черпак – огrelа им по затылку наставника. Тот зарычал и, не оглядываясь, ударом локтя в живот отбросил ее в сторону. Упавшая девушка зашлась удущливым кашлем.

Начавшемуся кровопролитию успел помешать ввалившийся в камбуз чем-то сильно перепуганный Ворошилов, удивленно оглядевший сцену драки.

– Это что это тут?

Поднявшийся Батон, несмотря на съежившуюся на полу Леру, вытирал руки кухонной тряпкой. Та навзрыд рыдала над распостертым на полу окровавленным Мигелем.

– Будь ты проклят! Я не хочу тебя больше видеть! Слышишь? Никогда!

– Тебе чего надо? – тяжело дыша, словно пребывая в прострации и еще не до конца осознавая, что наделал, грубо огрызнулся охотник.

Лицо спелеолога было белым, как мел. В этот момент по стальным внутренностям «Грозного» пульсирующей волной пробежала дрожь. Жалобно зазвенела посуда. Забулькал самогонный аппарат в своем закутке.

– Повара и Савельев, – цепляясь руками за дверные косяки, тря-сущимися губами сбивчиво пролепетал Ворошилов. – Они пропа-ли! Кто-то открыл изолятор. Кровь...

Его слова заглушил ударивший по ушам громоподобный сиг-нальный рев танкера, донесшийся снаружи.

Неторопливо давая задний ход, «Черный дракон» с прикован-ной к нему цепями субмариной медленно отчаливал от пирса, вы-ходя в открытое море и беря курс на пролив Дрейка.

Антарктика провожала корабли безмолвием. Ледяной плен, на-конец, уступил и разжал объятия.

ГЛАВА 8

«ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР»

Крови действительно было много. На полу, на стенах, внутренней стороне двери. Брызги, пятна, потеки, алый отпечаток пятерни на стене... Разбросанные пустые миски и скомканный ватник Паштета.

– Что здесь произошло... – оглядев заляпанное помещение, севшим голосом спросил Тарас. – Кто отдал приказ вскрыть изолятор?

– Я... я не знаю, – Ворошилова уже откровенно тряслось. – Я зашел к Савельеву, его нет. Подумал – он пошел ребят проверить, его же вахта была. Прихожу, а тут открыто...

– Может, в галлюцион пошли?

– А кровь? Как ее объяснишь? Немедленно обыскать корабль. Корейской группе ни слова.

– Разделиться? – казалось, сама мысль бродить в одиночестве по палубам крейсера, приводила спелеолога в ужас.

– А как ты собираешься их еще найти? Все, разошлись.

Пьяный Батон, пошатываясь, кое-как вернулся в грузовой отсек и бревном повалился на свой лежак, чуть не своротив при этом разбитую между огромных контейнеров палатку, макушкой зацепив висящий над пологом подключенный через инвертер фонарь-летучую мышь. Мысли ватно путались, перед глазами, кривляясь, пля-

сали какие-то образы и видения. «Правда, выпивши он бывал крут и стрелял из ручного пулемета по одному ему заметным химерическим существам». Брайдер, кажется.

«Денег в кармане нет,
И от друга несет перегаром.
Да и в жизни погас уже свет,
Хоть и дана она даром...» —

вспомнились слова песенки, которую он зеленым пацанякой сочинил еще в армии. Жалко, за гитарой сил нет идти. Припев там был, эххх... Душепитательный. Не, трясущиеся руки все равно сейчас ни в какую не слушались. Скукисился ты совсем, Батоша, твою мать.

В жопу вирусы, панибратски успокаивало одурманенное сивухой сознание. Мародеры на поверхности спиртряру литрами дуют, чтобы радиация не брала, так и его пронесет. Не впервой, братуха. Через некоторое время, так и не выключив освещение, охотник раскатисто захрапел.

Сидевшая над укутанным одеялом Мигелем Лера никак не могла унять бесновавшуюся в душе злобу. Да как он смел поднять на священника руку. Пьяный урод... Сейчас девушка понимала, что уже никогда не сможет относиться к Батону с прежней симпатией и доверием. Проведенная черта во время собрания в кают-компании, когда она наорала на него, после сегодняшней драки окончательно превратилась в глубокую непроходимую пропасть.

Аккуратно приподняв травяной компресс на сломанном носу священника, она страдальчески прикусила губу, осматривая опухшее от ударов лицо. Мигель, не открывая глаз, пошевелился и тихонько застонал. У него поднялась температура.

— Тихо-тссс, все хорошо, это я, — ласково сказала она и, поменяв влажную тряпку на лбу, убрала с лица налипшие потные волосы. — Все будет хорошо.

Взяв его руку в свои ладони, она погладила ее, ощущив под пальцами четки.

И именно сейчас, в момент, когда другой человек нуждался в ее заботе и внимании, Лера поняла, что Азат отпустил ее. Что призра-

ков больше не будет. Что теперь все как надо. Все правильно. Чужая боль вновь оживила начавшее было черстветь сердце. Азат бы хотел, чтобы она поступила именно так.

Нет, это была еще не любовь. Но грань, за которой она таилась, была уже слишком тонка.

Запоздало вспомнила про перчатки. А вдруг она тоже заразная? К черту. Он ведь не побоялся, поддержал ее. И она будет сильной.

– Я с тобой. Он больше не придет.

Больше она никого к нему не подпустит. Вот только самой хотелось ненадолго отлучиться в душ, чтобы помыться. Да и нужно было отстирать тельняшку от засохшей крови Мигеля.

– Спи, я на минуточку отойду, а Чуча тебя посторожит, хорошо? – наконец решившись, Лера нагнулась и легонько поцеловала его в пылающую щеку. – Посмотри за ним, мыша. Я быстро.

Взявшая в своей каюте полотенце, Лера спустилась в душевой отсек, раздевшись, отдернула занавеску. И тут же с криком отпрянула назад. Весь поддон и отверстие слива были перепачканы черной кровью!

Судорожно натянув на себя одежду, постоянно загнанно оглядываясь, она стремглав побежала по лестнице к каюте Тараса.

– Дядя Тарас! Дядя Тарас! – замолотила девушка в дверь каюты. – Откройте скорее!

– Что еще, – на пороге появился старпом и тут же строго осведомился: – Почему без перчаток?

– Я... я помыться хотела... а там... там кровь в душевой!

Опять кровь. Сердце старпома упало.

– Показывай, – без расспросов приказал он. – Ничего необычного больше не видела?

– Н-нет.

Спускаться вниз в компании могучего моряка было уже спокойнее. Может, он знает ответ. Санузел встретил людей идеальной чистотой.

– Ну и где твоя кровь? – непонимающе повертел головой Тарас и вдруг поморщился, проведя пятерней по груди. Девушка этого не заметила: сейчас ей было вообще ни до чего.

– Но она была тут... – растерянно заметалась Лера, одну за другой отдергивая шторки в кабинках. – Я видела! Честное слово...

Наблюдавший за суетящейся девчонкой Тарас впервые за все время их плавания почувствовал липкий, всепроникающий страх. Не могли же у них у всех начаться коллективные галлюцинации.

Или...

Мыться Лера теперь не решалась – разве что вместе с Тахомой. Выходя из помещения и выключая свет, Тарас и Лера не заметили торчащий из бельевого контейнера краешек половой тряпки, с которого на кафель неровно капала кровь.

В первую ночь долгожданного плавания из первоначальных членов команды не спал никто. Паштета, Треску и Савельева по-прежнему не нашли.

* * *

Наутро поднявшийся спозаранку Макмиллан (нормально прикорнуть так и не удалось, только носом поклевал, отчего теперь ужасающе ломило голову), застегивая рубашку и зевая, сунул нос на камбуз на предмет чего-нибудь пожевать и, налив в кружку травяного отвара, пошел проводать Зэфа, который на одной из палуб ревниво следил за последними работами по ремонту «Грозного».

В то же самое время на «Драконе» все готовились к увеселительной охоте на китов, устраиваемой Императором, поэтому инженеры танкера старались управиться как можно быстрее, дабы не пропустить знаменательное зрелище.

– Ну и что ты думаешь обо всей это херне? – отпивая из кружки, негромко поинтересовался Макмиллан, вставая рядом с Зэфом.

– Кэп сказал, что, когда все свалят на танкер, заново прочешем корабль. Больше возможности не представится. Не могли же они просто исчезнуть. Здесь где-то. Прячутся.

– Какого черта с ними могло приключиться?

– Не знаю, бро. Только мне очень не по себе от всего этого.

– Не тебе одному. Ладно, увидимся, держи ухо востро, старина.

– И ты тоже, бро.

Хлопнув приятеля по плечу, Рэнди покинул отсек, в котором заканчивались работы. Идя по коридору в сторону камбуза, он привычно насвистывал; чтобы скорее подбодрить себя, решил завер-

нуть в гальюн. Чак что-то быстро действовал. Эх, где же ты, старое доброе пиво...

Расстегнув джинсы и пристроившись над унитазом, он терпеливо ждал окончания процесса, как вдруг услышал возню в соседней кабинке. Хе, кому-то еще поутру тоже приспичило.

– Ну и ночка была, да? Я вообще до склянок глаз не сомкнул, – глядя в потолок, поделился своими мыслями Рэнди. – Эй, кто там? Тарас, или ты Батон? Хватит налегать на свое пойло, старики. Допился уже до кровавых чертей. Как ты вообще можешь это в себя вливать?

Тишина.

– Ворошилов, хэлло, – не сдавался американец. – Или ты из тех ребят, что с танкера к нам прислали? Do you speak English?

Ответа не последовало. Но и возня прекратилась. Скрипнула дверца, и послышались удаляющиеся шаги.

Быстро застегнув штаны и забыв спустить воду, Макмиллан как ошпаренный бросился вон из кабинки. Гремя сапогами по лестнице, он старался как можно быстрее попасть в единственный коридор, ведущий в санузел.

Оказавшись на последней ступеньке, он успел разглядеть, как на противоположном конце коридора за углом поспешно исчезает чья-то спина.

– Да твою же мать.

* * *

В дверь каюты Тараса, всю ночь разглядывавшего появившееся на груди красное пятно, настойчиво постучали. Он спешно убрал в ящик документы Ежи, переданные Савельевым. Зараза продолжала расползаться по кораблю, несмотря на все их куцые попытки отгородиться. Как же, мать ее, так? Надев перчатки, он поспешил открыть. На пороге снова были Яков и Линь Им с неизменным Даном.

– При всем уважении, я сейчас не очень настроен разделять радость Императора от охоты на китов. Хотя зрелище, должно быть, захватывающее.

– Весьма, – согласился Яков. – Но дело совсем не в этом.

– Что-то случилось? – нахмурился Тарас, за последние часы уже привыкнув ожидать только дурные новости.

— Мы последний час получаем сигнал бедствия с юго-запада, вот по этим координатам, — перевернув, Яков показал папку старому. — SOS очень слабенький, настолько, что радисты поначалу приняли его за помехи на внутренней частоте.

— Мне ничего не докладывали. Что там — запись, эхо, цикличный сигнал?

— Нет, простая морзянка. Три точки — три тире — три точки. И все. Что вы думаете об этом?

— Это может быть что угодно. Хотите, чтобы мы проверили?

— Хм.

— Но ремонт еще не закончен.

— Не стоит. Думаю, мы все вместе отправимся идентифицировать источник сигнала, когда закончим здесь. Я просто хотел, чтобы вы были в курсе происходящего.

— Спасибо, — ответил Тарас. — С вашего позволения, я сейчас хотел бы побывать один.

— Разумеется, — кивнул переводчик. — Если передумаете, мы будем ждать вас на «Драконе».

Но закрывавший дверь каюты Тарас был более чем уверен, что не передумает. Вернувшись за стол, он постарался отвлечься от вновь накатившей боли в грудине и сосредоточился над картой, вновь и вновь пытаясь выработать более-менее годный план отделяться от танкера. Нужно было как можно быстрее сваливать в Южную Америку. Время играло не на их стороне.

Он еще не знал, что следующей ночью команде «Грозного» выпадет реальная возможность спастись от танкера бегством.

* * *

«Судовой журнал.

Земля королевы Мод. Атлантика.

Время в пути — ...-ые сутки. (Окончание стоянки — ...-ые сутки.)

Отплыли вместе с танкером, но ситуация стремительно усугубляется. Паэтета, Треску и Савельева по-прежнему не нашли. К тому же, похоже, я сам подцепил заразу. Черт! Боль в грудине не унимается уже несколько часов и продолжает усиливаться.

На танкере приняли неопознанный сигнал *SOS*, передаваемый на морянке. Опять сигналы... Хотя, если бы не они, у нас вообще бы не осталось надежды, и «Дракон» бы нас не запеленговал. Корейцы хотят проверить источник сигнала, а это опять задержка. Этого еще не хватало. Надо скорее отправляться в самостоятельный путь – время утекает, как вода. Но Южная Америка, судя по всему, не входит в планы Императора. Нужно что-то срочно предпринимать. Какой-то план бегства. Зараза расползается со скоростью эпидемии, лекарства у нас нет.

Сколько продержимся, неизвестно. Сколько еще сможем держать в секрете – тем более.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лаптев.

* * *

Посмотрев на спящую Леру, положившую руки на прикроватный откидной столик и уронившую на них голову с рассыпавшимися по плечам волосами, Мигель осторожно сел на койке и взъерошил волосы на чесавшейся голове. Сколько же он был в беспамятстве? Да и где, собственно, он находится?

Священник нахмурился, заставляя расшевелиться память, и потрогал саднящий лоб, с которого от его движений коркой отвалилась сухая тряпка. Нос тоже был забинтован. Так. Он был у себя в церкви, потом к нему пришла Лера, уговаривавшая поплыть вместе с ней. Потом... потом он оказался на корабле, она кормила его, и в этот момент пришел ее опекун Батон, бывший в подпитии, и устроил драку, избив его. Дальше провал... Видимо, в тот момент он потерял сознание. Лихорадка, горячка, пробивающиеся сквозь морок чьи-то слова и... поцелуй? Или ему только привиделось? Мигель осторожно дотронулся до своей щеки.

Значит, он находился на лодке и, судя по вибрации, они куда-то плыли. А Лера так все время и сидела возле него. Он посмотрел на тихонько сопящую во сне девушку. Верный маленький человечек, которого оставили силы. Спи. Сколько сейчас времени? Скорее всего, утро.

Встав с кровати, Мигель накинул рубаху, размял затекшие члены и тут же покачнулся: голова еще слегка кружилась. Так, без рез-

ких движений. Сделав несколько шагов из угла в угол, он встретился со своим отражением в зеркальце на стене.

Приблизившись, осторожно отлепил повязку с носа и тихонько присвистнул, оглядев опухшее лицо с лиловыми синяками под глазами. Хорошо же он ему врезал, чуть нос не сломал. Ладно, жить будем. Отложив компресс, Мигель провел рукой по своей всклокоченной бороде и некоторое время смотрел в глаза своему отражению. Что, в жизни опять что-то происходит? Куда же ты меня зазываешь, отче небесный?

Видуха у тебя, брат, та еще. Тоже, мученик нашелся... Венка тернового не хватает. Так, что за мысли! Вытащив из-под рубахи наательный крест, он поспешил поцеловать его, пробормотав молитву. Прости, Господи, раба твоего.

Отвернувшись, Мигель посмотрел на спящую Леру, из волос которой, привлеченная шорохом, высунулась любопытная мордочка Чучундры.

— Что, устроим ей сюрприз? — подмигнул зверьку священник и перевел взгляд на свою сумку, которую Лера со стула переложила на пол поближе к койке. — Era él el semblante verdadero a los enemigos¹.

Открыв ее и немного порывшись, Мигель достал ножницы и встал перед зеркалом. На пол одна за другой стали падать пряди длинных волос, столько времени скрывавших лицо священника.

* * *

Шорох. Отзвук, едва различимый на тонкой периферии слуха.

Извне? Или он пришел из неизведанных, затаенных глубин начинавшего предчувствовать скорую агонию, метавшегося в панике разума? Вот опять. Он повторился снова. Что это такое?..

Хорошо, что они объединились и сбежали. Хотя Савельева было трудно уговорить, пока он сам не понял, что инфицирован. Это было умно. Правильно. Здесь-то их вряд ли станут искать. А еще говорили, что на подлодке негде спрятаться. Ай да «Бореюшко», ай да сукин сын!

Теперь их трое. А Боженька троицу любит. Они и оно. Скоро оно разродится и станет их *маткой*. Это было очень и очень странное

¹ И явил он лик свой истинный врагам своим (*исп.*).

ощущение. И одновременно приятное. Словно мать, носившая в себе ребенка и готовая вот-вот разродиться от бремени... Тело ощущало прилив новой силы. Если бы не постоянные выделения, которые с каждым часом все усиливались и вызывали боли...

Треска с усилием открыл глаза, но не увидел ничего, кроме абсолютной, всепоглощающей черноты.

Нет. Надо бороться, чувак! Ты чего, с дуба рухнул, вражине себя отдавать?

Тьма окружила его, медленно, словно бесхребетная амеба, пожирая тело клетка за клеткой. Она была такой плотной и густой, что, казалось, – бери нож да намазывай на краюху хлеба. Пальцы не слушались и были липкими от начавшейся сворачиваться крови.

Нож.

Лезвие-избавитель.

Возьми нож, бережно шептало сознание.

Рядом застонал невидимый за завесой черноты Паштет. Треска узнал его по голосу. Ничего, потерпи-потерпи, братишка. Недолго уже осталось.

Нащупав в кармане перочинный ножик, кок вытащил лезвие, нащарил плечо лежавшего с другого бока Савельева и вонзил ему лезвие в шею, чуть пониже затылка.

Нельзя нарости. Надо чистить. Нехорошо...

Противно чавкнуло, чем-то брызнув, но метеоролог почти сразу же пришел в себя и неразборчиво зaborмотал.

* * *

Вечерело. Увеселительная охота на китов закончилась, а команда «Грозного» так и не обнаружила следов поваров и метеоролога. Загадочная кровь больше не появлялась.

– Да что же это такое! Я что, собственную лодку по болтам не знаю?! – рвал и метал вконец обескураженный Тарас. – По третьему кругу уже все прошли. Не за борт же они сиганули...

Тревога росла. Недоверие вместе с напряжением – тоже. Тем временем танкер продолжал пеленговать повторяющийся сигнал SOS, идущий с юго-запада. «Дракон» взял курс на него, но горизонт по-прежнему оставался чист.

— Может, магнитная аномалия, — предположил Яков, стоявший на капитанском мостике рядом с Линь Имом и Даном.

— Вряд ли, — ответил Линь, поднося бинокль к глазам. — Я еще никогда не встречал аномалий, способных действовать на таких расстояниях, да еще в открытом океане, где столько радиации не может быть. Нет. Это что-то еще.

На горизонт опускались тусклые холодные сумерки. Воздух над водой подернулся густой вязкой дымкой. Оставив позади пролив Дрейка, «Черный дракон» входил в Тихий океан.

Вышедший на палубу Ворошилов покрепче закутался в куртку и, поднеся окуляры бинокля к глазам, стал разглядывать удаляющийся мыс Горн и несколько плавающих кверху брюхом истерзанных гарпунами туш китов, оставленных Императором на потеху местным хищникам.

Здесь, наверху, ему было гораздо спокойнее, нежели в узких душных коридорах подлодки, где из-за каждого угла на тебя теперь могли броситься невесть куда подевавшиеся Савельев и повара. Не помогла даже таблетка успокоительного, которую он раздобыл в медблоке, заметив между делом, что куда-то пропала большая часть бинтов. Нервы были расшатаны до предела. И не у него одного. Мичиган последний час вообще отказывался выходить из своей каюты.

Как только Атлантика осталась за кормой, сигнал бедствия стал четче. Послание было все то же. Три точки — три тире — три точки... Международный сигнал SOS. Еще через несколько часов на горизонте в сгущающейся темноте стал различим странный свободно дрейфующий предмет. Ползущая по монитору радара тонкая зеленоватая линия, описав очередной круг, мазнула по жирной точке, показавшейся у края экрана, прямо по курсу. Послышался тихий писк.

По мере приближения очертания неопознанного предмета становились все более громоздкими и угловатыми, пока, наконец, не стало понятно, что это.

— Сбавить скорость, — отдал приказ капитан.

Судя по внешнему виду двигавшейся наперерез курсу танкера якорной нефтяной платформы, раньше вмешавшей до ста восемнадцати человек, ее забросили давным-давно. Трубная палуба, дополнительные надстройки и краны — все выглядело запустевшим, обветшавшим, безжалостно пожиравшим временем. Понять, како-

му государству раньше принадлежало нефтедобывающее сооружение, сейчас уже было невозможно.

С такого расстояния нельзя было рассмотреть, что нарисовано на куцей тряпке, болтавшейся на кончике одной из антенн.

– Странно.

– Что такое, капитан?

– По всему видно, что платформа давно заброшена, – оторвавшись от панорамного окна, капитан танкера посмотрел на Линь Има. – Но сигнал идет именно с нее.

– Может, это ловушка? – высказал мысль Яков. – Помните, как тогда, в Индийском океане?

– Нужно подойти поближе, – крепче сжимая под мышкой свой шлем, сказал Линь Им. – Наш девиз – благо всего человечества! Мы обязаны проверить. Передайте на артиллерийскую палубу, чтобы держали ухо востро.

Грузно сбавляя скорость, танкер медленно сближался с платформой. Давно заметив ее с палубы «Грозного», Ворошилов со смесью тревоги и любопытства рассматривал циклопическое, хоть и уступающее размерами «Дракону» сооружение.

Вот как когда-то велик был человек. Не только землю и космос, но и моря с океанами покорял такими колоссами, теперь превратившимися в жалкие осколки. Трухлявые памятники уходящей в Лету Великой Эпохи Человечества.

– Чего встали? – поинтересовался подошедший сзади Тарас. – На радарах хрень какая-то.

– Да вот...

– Ишь ты, чего течением намыло, – присвистнул старпом, оглядывая темнеющую машину нефтяника, серый туман у подножия которой был плотнее. Невольно покосился на плескавшуюся о борта лодки воду, вспомнив встречу с Соляриком и Палычем¹ при выходе в Балтийское море.

Продолжая осмотр, спелеолог плавно подкрутил на бинокле кольцо выбора кратности. Интересно, кому в те времена принадлежал этот нефтедобытчик, размышлял он.

– Как думаете, откуда она?

¹ См. «Метро 2033: Ледяной плен».

— Либо американовская, либо бразильская, один хрен, — Ворошилов и Тарас обернулись на кутавшегося в «натовку» Батона, щурящегося на соленом ветру.

— А ты какого лешего выперся? — с коротким матерком ругнулся Тарас. — Этих нашли?

— Неа. Башка трещит. Подышать охота, — буркнул проспавшийся Батон и широко зевнул. — Чего тут у вас, на добывающую наехали?

— С нее по ходу сигнал идет. Чертовщина какая-то.

Подойдя к платформе вплотную, танкер окончательно остановился, и команда быстро пришвартовала его к платформе, перекинув несколько трапов.

— Я и мои люди проверим, — сказал Якову Линь Им, надевая на голову звериный шлем и опуская забрало. Дан проверил рукоять своего меча.

Ворошилов все пытался поймать в окуляры полоскавшуюся на легком ветру тряпку, явно бывшую когда-то флагом какой-то державы, но разглядеть рисунок и цвета никак не получалось.

Линь Им и его отряд тем временем, держа оружие на изготовку, один за другим ступали на трубную палубу заброшенной нефтеплатформы.

— На палубе чисто, — доложил он в микрофон системы внутренней связи, встроенной в шлем. — Двигаемся дальше.

Один за другим бойцы стали спускаться вниз по зигзагообразной лестнице, ведущей на жилые палубы и сектора управления.

— Пытаемся обнаружить источник сигнала.

— Попытайтесь найти радиоузел, — посоветовал с танкера капитан. — Трансляция должна вестись оттуда.

— Ну, давай же, — прижимая окуляры к глазам, уговаривал ветер Ворошилов, пока за его спиной Тарас и Батон о чем-то негромко спорили. — Подуй хорошенько.

Отряд Линь Има, не встречая на пути преград, уверенно двигался к центру управления платформой. Несмотря на отсутствие явной угрозы, предводителю боевиков что-то упорно во всем этом не нравилось. Слишком тут было тихо. Слишком спокойно.

С другой стороны, одинокая нефтеперерабатывающая вышка, болтающаяся в открытом море почти двадцать лет, — какой еще она может быть...

– Мы нашли радиоузел, – доложил он, плечом открывая не до конца закрытую дверь. – Входим.

Налетевший с океана ветер сдвинул с места туман, окутывающий подножие платформы, и едва заметно пошевелил закрепленный на радиомачте флаг. Ворошилов впился в бинокль до рези в глазах.

– Обнаружен источник сигнала. Похоже, что...

Ветер усилился, и флаг на мачте, расправившись, затрепетал. Всматриваясь в намалеванный на черном перекошенный белый череп, скалящийся раззявленной пастью, со скрещенными под ним костями, Ворошилов не сразу понял, что именно видит перед собой. А когда до него наконец дошло, он опустил бинокль и медленно повернулся к Батону и Тарасу.

– Пираты...

Те, не замечая его, продолжали о чем-то спорить, жестикулируя и тыча пальцами в башню лодки.

– Пираты-ы-ы!!! – заорал Ворошилов, от чего препиравшиеся мужчины вздрогнули и повернулись к нему.

В этот момент, словно по невидимому сигналу, из тумана показалось несколько тарахтящих моторных лодок и небольшой катер, подпрыгивающий на волнах. На его корме сразу же размеренно застучал крупнокалиберный пулемет ДШК. Со стороны платформы донеслось эхо выстрела, через мгновение подхваченное лающей канонадой автоматных очередей.

В следующую секунду пространство вокруг танкера и «Грозного» в мгновение ока преобразилось, залитое ослепительным светом включенных на нефтянике прожекторов. Словно по команде, все палубы станции мгновенно заполнились выскочившими из засады галдящими, вооруженными до зубов людьми.

Завязалась перестрелка. Где-то, орошая палубы первой кровью, сцепились врукопашную. Команде «Грозного» повезло – танкер причалил под небольшим углом и сейчас частично закрывал лодку от взора покидавших засаду пиратов.

– Отряд, перегруппироваться! – скомандовал Линь, переводя свой автомат в режим стрельбы очередями. С угрожающим звоном вылетел из ножен зазубренный клинок принявшего боевую стойку Дана.

Огрызаясь беспорядочной пальбой, солдаты стали пробиваться обратно к танкеру, ответившему пиратам шквальным огнем из мелкокалиберных орудий.

460-миллиметровое орудие лениво повернулось, нацеливаясь, и огромная голова мифического чудовища оглушительно харкнула огнем, взорвав посадочную площадку; с предсмертным скрежетом полетел вниз, цепляя рвущимися лопастями палубы, полуусгнивший остов грузового вертолета.

Дракон проснулся.

Промышлявшие грабежом бывшие нефтяники, превратившиеся в лишенных национальностей выродков, давно взяли себе за фишку приманивать редких и потому доверчивых плавучих или сухопутных «спасателей» жалостливым сигналом бедствия. До сих пор схема отлично работала, позволяя банде периодически разживаться неплохим хабаром и пленными, которых ожидала несчастная и позорная участь рабов, неизменно оканчивающаяся жестокой смертью. В нескольких грубо сбитых клетях, подвешенных на выступающих перекрытиях, скучожились полуусгнившие человеческие останки, над которыми клекотали освещаемые бликами выстрелов неизвестные крылатые падальщики.

Размахивающая чем попало, от огнестрелов до арматурина, банда головорезов стремительно пошла на абордаж. Но в этот раз угодившая в сети рыбка была налетчикам явно не по зубам.

Еще раз повернувшись, огромное дуло в драконьей пасти выплюнуло очередной громоподобный залп, снеся в море окутанную пламенем трехъярусную крановую установку, утащившую за собой пару клеток с мертвецами, болтавшимися, как сломанные елочные игрушки.

– Это наш шанс! – наблюдая завязавшееся сражение, крикнул Тарас.

– Чего? – проорал не рассышавший сквозь царящий вокруг артиллерийский грохот Батон.

– Шанс свалить от них в суматохе! – рискуя сорвать на ветру голос, откликнулся старпом. – Ремонт они уже закончили!

– Прямо сейчас? – прокричал испуганный Ворошилов. – А как же пираты? Мы не будем им помогать?

– Сами справлятся. Еще пара залпов, и этой кастрюле конец. Только нужно понять, как отшвартовать «Грозного», – Тарас указал

на многочисленные могучие цепи, уходящие от клюзов¹ подлодки в глубокие гнезда в борту танкера.

– Что происходит? – крикнула выбежавшая на палубу Лера.

– Тебе чего здесь надо? – рявкнул Тарас, увидев за спиной девушки торопящегося Мигеля, державшего в руках «ублюдок». – А ну, давайте обратно назад!

– На нас напали?! – Лера во все глаза смотрела на ярко подсвеченную нефтяную платформу, по палубам которой, перестреливаясь, черными силуэтами носились люди. Кто свой, кто враг – с такого расстояния разобрать было невозможно. Ослепительные глаза-проекторы поворачивающейся башни «Дракона» хищно шарили по платформе, выцеливая новую мишень.

Соленый ветер, пропахший порохом, разметал волосы и пощекотал нос, глубоко наполнил легкие девушки, пьяно взбудоражив голову. Леру снова томительно обуревала жажда приключений.

Взбежав по трапу на борт танкера и чуть не споткнувшись о сдвоенный кнехт², Ворошилов сунул голову в одну из «бойниц», из которой тянулась цепь, бегло оглядел одну из турачек³ и смонтированный на диске барабана ленточный тормоз.

– Тут барабанная система и электродвигатель со встроенным тормозом! Нагрузка на максимуме⁴, по-быстрому никак...

– Твою мать! Ворошилов, дуй оттуда! Нам нужно отшвартовать лодку и как можно скорее, – продолжал командовать Тарас. – Пока корейская команда не опомнилась!

– Я могу помочь, – храбро вызвалась Лера.

– Да чем ты тут поможешь, – оборвал девчонку Батон. – Вали внутрь, кому сказано! И попа с собой забери!

Но Лера и не подумала двинуться с места.

– Тарас! – вдруг осенило охотника, мысли которого хаотично метались в голове.

¹ Клюз – устройство, через которое пропускают швартовные тросы с судна.

² Кнехты – литые или сварные тумбы (стальные и чугунные) для крепления швартовных тросов.

³ Турачки (или барабаны) – используются для выбирания швартовных тросов.

⁴ При отклонении от установленной нагрузки на трос лебедка автоматически подбирает или потравливает швартовный трос, обеспечивая постоянно заданное натяжение.

– Чё?

– У меня, кажется, есть идея, как эту дуру отцепить! Я сейчас! А ты пока прикажи, чтобы по команде жали на полную!

С этими словами Батон скрылся за дверью рубки, из которой показались вооруженные Мичиган и Рэнди.

Спустившись по лестнице, Батон на ходу скинул куртку и направился в оружейный отсек, в котором хранился экзоскелет Азата, оснащенный пулеметом «ГШГ – 7,62».

Сдернув брезент, Батон оглядел могучую конструкцию с ранцем для пулеметных лент и черный блок, из которого высовывался метровый отросток из приваренных к одному казеннику четырех узких стволов разрушительного механизма. От основания оружия к большому патронному коробу за спиной тянулся металлический гофрированный рукав, в котором плотно сидела промасленная рассыпная лента с патронами, каждый из которых был толщиной в два пальца.

– Ну, железяка. Кто, если не мы...

Втиснувшись внутрь экзоскелета и застегнув на груди ремни безопасности, Батон надел перчатки и активировал костюм, которым до этого пользовался всего пару раз, да и то – меняясь с Азатом, когда помогал в Убежище перетаскивать в Атриум Старейшин неподъемные сейфы с документацией. И еще – в памятную встречу с африканским носорогом, или чем он там был.

– Вздрогнули!

Сделав несколько пробных шагов, он стал неуверенно подниматься по лестнице, направляясь к месту сражения.

– Гильза, патрон. Гильза, патрон¹, – чеканил Батон науку Азата, вновь приоравливаясь к инверсированному управлению костюмом.

Каждое движение механизма, соединенного в районе суставов гибкими сочленениями, сопровождалось тихим механическим жужжанием.

¹ Здесь «сено, солома» – в конце XVII века царь Алексей Михайлович сформировал армию европейского образца. Неожиданно выяснилось, что новобранцы из сельских ребят не знают, где «лево», а где «право». Было придумано – под левый погон засовывать пучок сена, под правый – солому. В результате при команде «Сено!» рота шла налево, а при «Солома!» – вышагивала направо.

– Все назад! – оказавшись на палубе, скомандовал Батон, прицеливаясь. На долю секунды Лере почудилось, что внутри сложного механизма мелькнуло лицо Азата. И как он мог удержать такое оружие одними руками в памятном сражении с морским чудищем? А она-то думала, что оснащенный пулеметом агрегат больше не пригодится...

З-з-з-з-в-и-и-и-и!

Стремительно вращаясь, четыре ствола заработавшего «ГШГ» совершили пять тысяч выстрелов в минуту, превращая лопавшиеся один за другим цепные канаты, натянутые вдоль борта и державшие субмарину, в визжащее жестяное крошево. За экзоскелетом потянулась змеящаяся лента стрелянных гильз.

Продолжая поливать стальные путы огнем, Батон неторопливо продвигался вдоль палубы, не преминув угостить шквальным трасирующим свинцом пиратскую лодку, рискнувшую выскочить из слепой зоны слишком близко к «Грозному». Судно в мгновение вспыхнуло ослепительным огненным шаром.

– О, Господи! – внезапно завизжала Лера, прикрывая рот рукой и отскакивая за Мигеля. На палубу неожиданно вывалились окровавленные Паштет и Треска, сражавшиеся с отбивающимся Савельевым, из легких которого рвался клокочущий нечеловеческий рев. Его сощающаяся кровью одежда превратилась в лохмотья. Левая рука была неестественно скрючена и плотно прижата к груди.

– Где вы, мать вашу, прятались? – проревел ошарашенный Тарас и выстрелил из «макарова» в появившегося на трапе танкера головореза; тот, согнувшись, схватился за живот и упал.

– В ракетном отсеке, – крикнул в ответ Треска, пытаясь удержать метеоролога, у которого изо рта толчками текла бурая пена, а глаза закатились, так что были видны только покрытые алой сеткой капилляров белки. – Савельичу совсем херово, кэп. У него горячка! Надо бы поторопливаться, а то он уже волдырями пошел. Дозревает, поди. Нас самих то и дело накрывает, как проклятых...

– А чего сбежали-то, идиоты?! Заразу распространять?! Мы вас обыскались, команду напугали.

– Дык у нас самих уже шарики за ролики... Подумали – нечего остальных страшать. А он задыхаться начал, решили, что ну его, на

воздух тащить надо. А тут как пальба началась... Что здесь случилось-то?

– На пиратов наткнулись. Кровь ваша была?

– Да. Бинты понадобились. Для него...

– Стойте! Вы не можете отплыть без нас, – задрав забрало шлема, крикнул спешащий со своим отрядом вниз по трапу Линь Им, вырвавшийся с нефтяной вышки. – У меня приказ Императора. А он не давал вам разрешения...

– Тогда выполняй его! Ему сейчас не до нас! Живо на борт, мы отчаливаем! Плевал я на ваши разрешения! Ваши люди все равно превосходят головорезов числом. Так или иначе, все равно потом пришлось бы разделиться. А у нас проблемы, и очень серьезные...

В этот момент Линь, наконец, увидел катающихся по палубе поваров и извивавшегося Савельева.

– Что с ними? – брезгливо поморщился он.

– Заражение. На борту введен карантин и чрезвычайное положение. Нам нужно добраться до Чили, и как можно скорее.

– Но Фареры...

– Сначала Чили, потом – куда угодно. Хоть к черту в задницу, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Тарас. – Иначе плыть уже будет некому, усек?

Линь безумным взглядом зыркнул на Якова, который принял сбивчиво переводить.

– Хорошо, – дослушав, кивнул Линь. – Это не нарушает первоначального плана. Хоть я и не понимаю, для чего вам понадобилось...

– Черт! Черт, сраная ты сука! – внезапно за их спинами заорал Батон.

– Что такое? – беспокойно обернулся Тарас и сразу понял досаду охотника: в ранце экзоскелета закончились патроны, а тем временем еще одна цепь соединяла танкер и «Грозного».

– Твою мать! Давай же! – в запале матерился Батон, давя на гашетку вхолостую жужжащего пулемета. Из остановившихся вороненых стволов «ГШГ» потянулись тонкие струйки дыма, которые сразу же сдувал ветер. – Тарас, нам без этой последней штуки не уплыть! Еще одна кассета нужна!

– Надо как-то отцепить ее!

– Я могу принести патроны! – вызвался Мигель.

– Не успеешь!

Времени терять было нельзя. Видя безвыходность положения и примерив расстояние от трапа до носовой части «Дракона», где маячила цепь, Лера рванулась вперед и ловко сдернула с ремня Линя серебристый мячик РГД-5.

– Приготовьтесь отплывать! – бросила она на ходу.

– Лера! – опешил, воскликнул Мигель. – Что ты делаешь!?

– Стой, ты куда, дура! Вернись, – захлебнулся криком Батон, но неуклюжий экзоскелет мешал двигаться, стесняя свободу движений.

– У меня получится! – не слишком уверенно выпалила в ответ девушка. – Прикройте!

Отступать было поздно. Взлетев на танкер по трапу, Лера стремглав понеслась к последней катушке, размещенной чуть позади стреляющей головы дракона. В ушах звенело от выстрелов и оглушительного звона цепей, которые, усилиями Батона потеряв натяжение, разматывались в плескавшуюся внизу воду. В висках пьяно отплясывал адреналин. Ноги сами несли вперед. Крики, выстрелы, женские стенания, детский плач, – все смешалось в одну ревущую, оглушающую какофонию.

Над головой прогремела очередь, и Лера на бегу повалилась в проход, закрывая голову руками от брызнувшего града металла и выбитых пулями фрагментов краски. Крики Батона глухо звенели в ушах, словно находившийся внизу охотник кричал в подушку.

Выждав момент, она снова вскочила, изо всех сил ринулась вперед. Добежав до последней цепи, дернула кольцо над ребристым набалдашником, сунула гранату между звеньями и катушкой и побежала было назад, – но путь ей преградил один из головорезов, неожиданно выбежавший из боковой двери.

– Лерка, осторожней! Черт!

Увидев одинокую девушку без оружия в руках, темнокожий здоровяк с повязкой на одном глазу спрятал в кобуру пистолет и, ловко выудив откуда-то из-за пазухи зазубренный нож, вальяжно на-двинулся на жертву, улыбаясь щербатым ртом, ловко перекидывая лезвие из руки в руку и что-то приговаривая на незнакомом наречии.

– Снимите же его кто-нибудь, вашу мать!

Тарас перезаряжал «макаров»; Мигель вскинул «ублюдок», но оружие звонко дало осечку. Американцы, не слыша криков, дружно постреливали в суетившихся палубой выше пиратов. Безоружная Лера порядком струхнула; она попятилась, словно загипнотизированная глядя на маячивший перед глазами клинок. Опять она влезла черт знает во что! Спокойно, девочка, соберись. «Страх нужно подчинять, ломать, плевать на него, топтать, превращая из слабости в силу. Недостаток обращать в преимущество», – так все эти годы учил ее Батон.

– Да сваливай же оттуда, сейчас рванет! – в горячке заходился воевавший с костюмом Батон. – Мужики, чего ж вы...

Куда?! – мысленно огрызнулась девушка. До взрыва РГД-5 в нескольких метрах за ее спиной оставались доли секунды.

Мигель, наконец, саданул из «ублюдка», но с непривычки промазал.

Мир вокруг Леры словно замедлился. Мозг лихорадочно перебирал всевозможные пути спасения. Убийца приближался. Ну что, милый мой. Глянулась тебе, да, урод? Жаль, зубами да рожей не вышел. Продолжая отступать, девушка поравнялась с гремящей цепью катушкой, над которой уже поработал Батон, и заглянула за борт, проверяя, крепко ли застегнуты на запястьях перчатки.

Высоко.

– Лерка, берегись! – заревел где-то внизу охотник.

Воспользовавшись тем, что девушка отвернулась, рослый голо-ворез ринулся вперед и сделал обманный выпад ножом, рассекая им воздух по диагонали. Недолго думая, Лера сиганула за борт, подгоняемая бешеным адреналином, уцепилась за звено несущейся в воду цепи. Раненную в катакомбах руку даже через перчатку пронзила острые боль – с пореза сорвало корку.

В стремительном падении Лера оттолкнулась от борта «Дракона» ногами и, отпустив руки, перелетела на палубу «Грозного», сопровождаемая оглушительным взрывом. Последний стальной канат порвался и змейкой ушел под воду, выбросив с танкера оглушенного пирата.

Упала больно, перекатившись и сильно ударившись ребрами – плотная куртка не спасла. Батон в эжоскелете уже маячил у двери

рубки, поваров и Савельева тоже не было видно; бегущую Леру дожидались только подгонявшие ее криками американцы, Ворошилов и Мигель, для прикрытия наугад постреливавший из «ублюдка».

Внизу на мостице Тарас вовсю командовал отплытием. Заработавшие мощные двигатели «Грозного» все быстрее относили его прочь от ввязавшегося в драку гиганта-танкера.

Морское сражение подходило к концу. «Черный дракон» в коначном итоге пересилил налетчиков, заодно избавив воды Тихого океана от одного из многочисленных проклятий расползшейся по миру пиратской чумы.

Опомнившись, оборонявшие танкер во все бинокли и подзорные трубы высматривали сбежавший атомоход, шаря по воде лучами прожекторов. Но потушивший бортовые огни «Иван Грозный» уже скрылся в сумраке горизонта.

Глава 9

СОКРОВИЩА ПРЕДКОВ

Окончательно потеряв из виду танкер и горящую свечой тонущую пиратскую буровую, «Грозный» взял курс на Чили. Погони не было. Пока в оружейке Яков и Ворошилов, пачкаясь маслом, торопливо возились с ремнями экзоскелета, помогая высвободиться на чем свет стоит матерившемуся Батону, к снимавшей в своей каюте изодранные в клочья перчатки Лере заглянул Мигель.

- Ты очень смелая, – глядя на нее сияющими глазами, сказал он.
- Скорее – безбашенная. Знаешь, пойти на нож пирату не очень-то и хотелось.
- Ты могла погибнуть, – покачал головой Мигель.
- Но не погибла же. У меня лисья кровь и пара жизней про запас. Но я еще отребу нагоняев за свою выходку, будь спокоен, – слабо улыбнулась девушка и всмотрелась в лицо священника. – Батон все равно бы не успел. Зато теперь – свобода. Ты постриг бороду?
- Ну, я подумал, пора уже сделать поаккуратнее, в конце концов. Что, не нравится? Я с Чучундрой советовался.
- Он впервые в жизни ей подмигнул.
- Нравится, – заверила Лера, стягивая куртку. – Ты стал намного моложе.
- Ну, уже хоть что-то.

– Внимание всей команде, говорит капитан, – ожили динамики внутренней связи. – Немедленно собраться в кают-компании. Повторяю, всем немедленно собраться в кают-компании.

– Вот видишь. У нас не принято откладывать публичные казни, – вздохнула Лера, кидая «натовку» на койку.

Вопреки ожиданиям, ее не стали ругать.

– Ишь, пигалица, – смерив ее взглядом, только и сказал Тарас. Девушка по праву расценила это как пусты и скучную, но все-таки похвалу.

– Дура, – угрюмо бросил Батон.

Сейчас было не до рисовки и пикировок – Савельеву с каждой минутой становилось все хуже, да и повара, судя по кислым, стремительно бледнеющим рожам, от него не отставали.

На экстренное совещание собрались Тарас, Ворошилов, Макмиллан и Зэф (которым за неимением Савельева с грехом пополам переводила Тахома, чтобы те не теряли сути разговора), Яков и снявший шлем Линь в сопровождении Дана, – тот хмуро посмотрел на отведшую взгляд девушку. Рослый молчун ей не нравился и казался подозрительным. Забившийся в угол Батон исподлобья поглядывал на Леру и Мигеля. Раскомандированная по своим местам корейская команда тем временем управляла лодкой. Поваров и метеоролога после совещания решено было оставить в медблоке, предварительно спеленав ремнями и введя им двойную дозу обезболивающего со снотворным. Готовить теперь было некому, поэтому все обязанности на камбузе легли на Леру и Тахому.

Экипаж подлодки круглосуточно нес вахту в три смены по четырем часа. Каждая группа завтракала, обедала и ужинала (тем, что на скорую руку успевали приготовить и без того вымотанные женщины) отдельно, между собой практически не общаясь. Потом еще требовалось убрать столы и перемыть всю посуду. Но однообразная работа хоть как-то помогала девушке выкинуть из головы тревожные, гнетущие мысли.

– Но это еще не означает, что среди нас зараженных нет, – оглядел собравшихся, Тарас поборол сильнейшее желание почесать грудь, но пересилил рефлекс, дав самому себе слово не обращать на одолевавшую погань внимания и доплыть до противоядия во что бы то ни стало.

– Объясните уже, наконец, что здесь происходит, – требовательно заговорил вставший со своего места Линь. – Что было с теми людьми на палубе? Почему они истекали кровью?

– У нас на борту неизвестный вирус, – понимая, что дальнейшее молчание не имеет смысла, ответил Тарас и посмотрел на переводившего Якова. – Трое в тяжелом состоянии. С остальными пока не ясно...

– Как это – не ясно?

– Мы не знаем, каким именно образом распространяется зараза. Сейчас инфицирован может быть любой из присутствующих, если еще не все.

– Вы подвергли риску моих людей, – с негодованием повысил голос Линь.

– Вынужденная мера. Мы не могли говорить до поры. Иначе вы бы нас так там и оставили. Так что мы сейчас все в одной лодке, прости уж за каламбур. Противоядия от этой дряни все равно на борту нет.

– Это не оправдание! – не мог успокоиться Линь. – Это означает, что и я могу быть инфицирован! И все по вашей вине.

– Так точно, – просто ответил Тарас.

– Это безумие...

Лера вздрогнула, невольно коснувшись пальцев сидевшего рядом Мигеля. Они все могут быть уже заражены! И тогда... Все было на-прасно. Все по ее вине. Нет. Об этом не хотелось думать. Гнать в шею дикие мысли. Только не сейчас, когда в ее жизни вновь начал появляться хрупкий, еще не до конца осознанный, но все-таки смысл.

Тем временем Тарас как можно короче пересказал корейцу всю историю злоключений «Грозного» с момента прибытия в Антарктику.

– Безумие... В таком случае нам действительно нужно торопиться, – сказал вновь опустившийся на свое место Линь. – Под угрозой находятся не только наши жизни, но и задание, данное нам Императором.

– А вот тут можно поподробнее? – в свою очередь спросил Тарас. – Что там конкретно с Фарерами? Из-за чего нам теперь по дороге домой крюка давать прикажете? Без энергии «Грозного» Убежище в автономном режиме тоже недолго протянет. А у нас семьи там.

– Говори за себя, – хмуро буркнул Батон.

– Хранилище Судного Дня¹, или – проект «Ноев Ковчег».

Огромный спецхранилище на стодвадцатиметровой глубине, на высоте ста тридцати метров над уровнем моря в поселке Лонгийир, Шпицберген, в котором предками собран практически весь генофонд нашей планеты, существовавший до Катастрофы, – начал рассказывать Линь. Яков с готовностью переводил.

– А толку, – в своей пессимистичной манере махнул рукой Воронцов. – Может, там уже и нет ничего. Сто двадцать метров для боеголовки – не так уж и глубоко.

– Слышал я про это, – переплетая пальцы, проговорил Тарас, когда Линь замолчал. – Очередная утопия. Всего лишь фантазии да мечты. И почему вы уверены, что за все это время система жизнеобеспечения и охлаждающее оборудование не вышли из строя?

– Я же сказал, что зернохранилище расположено на сто тридцать метров выше уровня моря, – терпеливо повторил переводчик. – Все органические культуры специально обернуты для предохранения от влаги. В бункере не предусматривалось постоянных работников. Банк оборудован двойными дверями с противовзрывной защитой, сенсорами движения, двумя герметичными тамбурами и стенами из железобетона толщиной в метр.

– И вы думаете, что все это до сих пор работает?

– В таких условиях большинство семян останутся живы даже через тысячу лет благодаря автономной системе искусственного поддержания жизни и микроклимата. Там температура никогда не опускается ниже минус восемнадцати градусов.

– С ваших слов получается, что проще ввалиться в Форт-Нокс, – хмыкнул Макмиллан, покусывая палочку. – Это же целая крепость, вмуренная в материнскую породу. Как, по-вашему, мы туда попадем?

– Будем разбираться на месте, – туманно ответил Линь.

Притихшая Лера слушала, затаив дыхание и даже чуть приоткрыв рот. Хранилище, в котором осталась жизнь из прошлого! По

¹ Всемирный банк-семенохранилище создан в 2006 году под эгидой ООН для сохранения посадочного материала всех сельскохозяйственных растений, существующих в мире, на случай глобальных катастроф. Собственный отсек в этом банке растений получила каждая страна.

словам корейца выходило, что уничтоженный мир можно было вернуть. Трава, деревья, реки и озера. Чистое небо над головой! Девушка почувствовала, как под обтягивающей грудь тельняшкой бешено колотится сердце.

– Ну, вскроем мы этот семенной погреб, и что с того? – поддержал Тараса Ворошилов. – Куда сажать-то?

– Да это же величайшее сокровище! – воскликнул Мигель. – Как ему удалось уцелеть?

– Значит, удар выдержало. В специальное скальное основание вмурывано. Или не бомбили его, делов-то. Еще скажи, что это знак Божий, – буркнул, прикладываясь к кружке, Батон.

– А это он и есть, – с вызовом ответил пощелкивающий четками Мигель. – Разве вы не видите? Все по промыслу его.

– Ой, ну оставь. Для того и строили, чтобы выдержало. Сами закопали себе. И Боженька твой тут совершенно ни при чем. Плевать он на нас давно хотел. И перестань щелкать, голова и без того пухнет.

– Не говорите так!

– И дальше-то что? Кругом зараза одна. Или предлагаешь парни сколотить? – гнул свое Ворошилов.

– Но почему же! Вы сами прекрасно знаете, что на планете остались уголки, не тронутые радиацией. Можно создавать поселения с колонистами и фермами, сначала небольшие, а потом, со временем, развиваться, все больше тесня радиацию. Нам остается лишь вскрыть Хранилище и вернуть все назад, – Линь в воодушевлении треснул бронированный перчаткой по столу так, что зазвенели полупустые кружки. – Попробовать засеять планету заново! Животные, растения, пища, геномы различных рас! Просто доставьте нас туда, и мы все сделаем сами! Мы собственным примером покажем уцелевшим из России, что в мире еще остались очаги жизни, готовые сражаться за будущее человечества!

– Даже если это и правда, – откуда мы знаем, как поведут себя гены под воздействием радиации? – потеребил ус старпом. – А защита? Представляю, сколько там ее слоев, если убежище создавалось, чтобы пережить глобальную катастрофу. Это все равно, что молотком пытаться открыть Ящик Пандоры. Я понимаю, что вы снабдили нас всем необходимым, починили лодку, и мы вроде как

вам теперь что-то должны. Но и вы поймите, что сейчас первостепенная задача у всех нас – «Дигнидад».

– «Дигнидад» так «Дигнидад». Но мы должны попытаться, – снова встав и взяв шлем, Линь направился к выходу из каюты. – Это не просто призрачная надежда, это наш шанс. Я должен проверить своих людей и попробовать связаться с «Драконом». Господа.

– Как при такой строптивости он смог стать правой рукой Императора? – посмотрел ему вслед Тарас.

– Очень просто, – ответил Яков, и старпом уловил на его лице странную гамму сменявшихся чувств. Как будто в переводешике шла какая-то внутренняя борьба. – Его фамилия Су. Линь Им – сын Ким Има. Великий Император – его отец. Мой вам совет: будьте с ним очень осторожны. Ради достижения собственных целей он готов пойти на что угодно. Таких хранилищ было несколько по всему миру. Но Фарерское – одно из самых засекреченных. Император до войны не жалел денег на подобную информацию. У него были данные обо всех подобных сооружениях и комплексах.

– И?

– Он очень старался, чтобы эта информация не попала Линю в руки. Но, как водится, в кулаурах, видимо, произошла утечка.

– Почему? – Ворошилов придвинулся ближе.

– Линь Им своенравен, честолюбив и горяч, – ответил Яков, дуя на чай и осторожно отпивая из кружки. – К тому же еще достаточно молод даже по нынешним меркам. И не во всем разделяет взгляды родителя на утопическое восстановление планеты, хоть и старается не показывать виду. Каждый из них по-своему стремится к власти.

– А стремление к власти, – вздохнул Тарас, – неизменно влечет за собой...

– Войну, – с кивком тихо закончил за него переводчик.

* * *

«Судовой журнал.

Тихий океан. Акватория Чили. Южная Америка.

Время в пути – ...-ые сутки.

Столкновение с пиратской нефтяной буровой стало отличной возможностью оторваться от «Дракона». Судно основательно по-

трепало, но, судя по габаритам и громоподобному сигналу, который мы услышали, отойдя на достаточное расстояние, того самого, который мы поначалу принимали за рык морского животного, – танкеру удалось отбиться.

Информация, полученная от командира корейской команды Линь Има о Хранилище Судного Дня, просто невероятна. Но сил верить или что-то опровергать сейчас попросту нет ни у кого из нас. Переносить недуг все сложнее. Напряжение на пределе. Все подозрительны и в основном молчаливы. Господи! Помоги нам доплыть! Не оставь в последнем рывке, ведь не зря же мы...

Не зря же мы...

Господи. А что же будет, если там ничего нет. Только пепел и пустота. Как везде.

Прочтут ли это когда-нибудь...»

* * *

На следующее утро на горизонте, придавленном тучами, появился прикрытый рассветной дымкой далекий чилийский берег. Двигались осторожно, сбавив обороты, чтобы не дай бог не прозевать оставленные Ежи координаты.

– Есть, капитан, – наконец услышал дежуривший на мостике Тарас. – Это здесь. Кажется, приплыли.

– Стоп машина!

Не рискув подойти вплотную к берегу, смотрящий в бинокль Тарас приказал остановиться в полутора километрах от суши. Пока готовились спускать лодки, встал вопрос о транспортировке в лаборатории поваров и Савельева. Им первая помощь требовалась как можно скорее. В результате было решено переправить их на отдельной лодке, приготовив для этой цели носилки.

– Ну и как настрой, приятель? – расправляя выданный противогаз, попытался подбодрить явно нервничавшего Зэфа Макмиллан.

– Не знаю, бро. Не уверен, – пробубнил здоровяк. – Может, я тут это, пересижу, пока вы сплаваете?

– Не выйдет. Видишь, даже поваров с Савельевым с собой берут. Да не дрейфь ты, – он по-дружески хлопнул приятеля по плечу. –

Мы же вместе. Сколько лет мы с тобой не видели под ногами ничего, кроме снега и ледышек, а? Двадцать!

— Вот это-то меня и смущает, — продолжал сомневаться Мичиган. — Там-то все, как-никак, привычное было, знакомое. Какая она, новая земля?

— Есть только один способ это проверить, брат, — ответил техасец, спускаясь в лодку. — За мной! Шоу начинается!

Лера не очень хотелось оказаться с Батоном в одной упряжке, но делать было нечего. Чучундра в этот раз осталась на «Грозном» составлять компанию Тахоме, в последние дни просто прикованной к камбузу. Антидот девушка пообещала ей привезти, хотя и так было ясно, что после обнаружения «Дигнидада» обязательной вакцинации подвергнется весь состав субмаринь.

Пока Лера помогала Мигелю облачиться в непривычный мешковатый ОЗК¹ и торопливо заплела тонкую косу, которую, несколько раз обмотав вокруг головы, спрятала под шапкой, все остальные места в лодках были давно разобраны.

Держа одинаковую дистанцию, резиновые суденышки, вытянувшись гусеницей, неторопливо двинулись в сторону берега. Это напомнило Лере ее первую вылазку на Африканский берег. Тогда Паштет, Треска и Савельев тоже были с ними. Из-за ее глупости они, наплевав на осторожность, смело отправились вызволять заблудившуюся в джунглях девчонку из лап кровожадного туземного царька. Были они и сейчас. Только вот... Девушка обернулась назад, где в прицепленной посреди каравана «резинке» покачивались носилки с больными друзьями. Снотворное и болеутоляющие еще продолжали действовать. Но из приоткрытого рта метеоролога, криво сбегая по небритой щеке на дно лодки, продолжала сочиться буроватая жидкость.

— Ты на фига с «эргэдэ» на рожон полезла? — не оборачиваясь, буркнул сидевший впереди Батон. — Все мало приключений? На геройство опять потянуло. Сам бы управился.

— Я видела, — язвительно ответила ему в спину Лера.

— Ничего ты не видела. Везение долго спускать не будет.

— Не надо сейчас об этом, хорошо? — девушка украдкой принююхалась. Алкоголем от охотника не несло. Значит, проспался.

¹ Общевойсковой защитный комплект.

Но от этого Батон не стал менее злым и ершистым, а значит, опасным.

— А ты куда смотрел? — продолжал ворчать работавший веслом Батон, косо зыркнув на сидевшего рядом с Лерой Мигеля. — Тоже мне ухажер, ммать.

— Я вообще-то патроны хотел принести, — парировал гребущий с другого борта священник, которому выдали противогаз, химзу и даже кобуру со «Стечкиным» и двумя дополнительными магазинами в кожаных ременных футлярах. — И почему вы вечно на всех кидаетесь?

— Не твоего ума дело. Хм. Много бы ты нанес... Стрелять-то хоть умеешь, чудила?

— Доводилось, — уклончиво ответил священник. — Немного.

На самом деле чилиец стрелял всего несколько раз в жизни. Первый раз в армии. Второй во время памятной бойни десять лет назад, в две тысячи двадцать третьем, когда с мыса Горн через Королеву Мод мигрировали стаи мутировавших пингвинов, и ему пришлось присоединиться к обитателям О.А.К., дабы дать отпор не знающим пощады, прущим сплошной черной массой чудовищам. Сколько собак они тогда потеряли. Людей — еще больше. В той схватке жестоко погибли и родители Леры, чета Степановых. Не спасли. А вот как судьба свела...

— Держи! — крикнул тогда Макмиллан, перекидывая ему двустволку и кожаный патронташ со сверкнувшими в петлях пузатыми капсюлями двенадцатого калибра. — Ты же вроде в армии был? Не знаю, как у вас, священников, с кодексами, но сейчас лишний ствол не помешает, приятель! Этих тварей просто тьма-тьмущая, так что не жалей свинца!

Бой был горячим, и Мигель дрался вместе со всеми. Новый мир, новые правила. Человек во все времена бросал вызов природе, только теперь все было наоборот. Природа не вызывала, а старалась добить. И священник сражался. Защищая себя и помогая другим, в считанные секунды пропитав рясу кислым привкусом ружейного пороха. Снег стал алым от протапливавшей его горячей человеческой и звериной крови. Мигель до сих пор иногда чувствовал фантомный отклик удара приклада в плечо. И вот в его руках снова оказалось оружие. Пусть и не такая мощная, как немецкий двухзаряд-

ный «Merkel 40E», все-таки эта машинка тоже была призвана нести смерть.

– И в кого же? В пингвинов снежками кидался? – не переставая грести, фыркнул охотник. – Или сосульками?

Мигель вздрогнул и, начиная заводиться, открыл было рот, чтобы ответить на «чудицу» и прочие поддевки. С каждым разом этот задиристый мужик нравился ему все меньше и меньше. И как только Лера прожила с ним бок о бок столько лет?

– Прекратите оба, – одернула спорщиков девушка, поправляя ремень висевшего на спине «Бизона» со сложенным прикладом, к которому, сбирайясь, добавила лазерный целеуказатель. Сейчас только очередных перепалок ей не хватало. Сцепятся опять, чего доброго. Батону только лишний повод подкинь. Еще и «резинку» перевернут. Оказаться с полной экипировкой в воде – та еще перспектива.

Лера оглядела свое упакованное в мешковатую химзу тело, к которому под комбинезоном противно липла влажная от испарины тельняшка. В таком виде точно не поплаваешь. Делать этого она, разумеется, не умела, да и вода могла быть заражена. Хотя спрятанный в подсумке дозиметр до сих пор не подавал никаких признаков жизни.

– Так, номер два, разговорчики, – словно прочитав мысли Леры, окликнул из ведущей лодки Тарас. – Склонничать потом будете. А сейчас не время. Отряд, приготовиться! Сушить весла!

– Приготовиться! Сушить весла! Приготовиться! – эхом передалось назад по веренице связанных между собой лодок, и люди перестали грести, отдавшись на волю шумящих прибрежных волн.

Вздохнув, Лера проверила фильтры и, как и все, сняв шапку, натянула на голову воняющий резиной противогаз. Они снова сходили на берег. И здесь была уже не Антарктика.

* * *

Заброшенная территория «Виллы Бавария» встретила чужаков абсолютным безмолвием. Вытащив лодки на сушу, ощетинившийся стволами отряд стал медленно продвигаться по чужой террито-

рии в сторону ранчо «Лавадеро», ориентируясь по карте, которую держал идущий впереди Тарас. Носилки несли посередине, окружив их со всех сторон.

Идущий за Макмилланом Зэф больше смотрел под ноги. Круглые стекла непривычно обтянувшего череп противогаза, который ко всему был ему еще и мал, запотевали от каждого выдоха.

Могучего американца смущали хрустевшие под подошвами песок и прибрежная галька; скрип шагов заставлял настороженно прислушиваться к доносящимся снизу шорохам.

— Чего ты там все выисматриваешь? — обернулся на натужное сопение Зэфа Макмиллан.

— Не знаю, — прокряхтел тот в фильтр. — Неуютно мне тут.

— Да расслабься ты, — сбавив шаг и поравнявшись с другом, успокоил техасец. Надетая поверх противогаза неизменная шляпа придавала ему комично-своеобразный вид. — Сейчас все сделаем — и назад. Потерпи немного.

— Постараюсь.

В свободной руке Батона, несущего на плече истосковавшееся по вылазкам СВД, тихо шуршал дозиметр, стрелка которого плавно подрагивала на границе зеленой и оранжевой зоны. Пока фон был достаточно терпимым.

— Но если колонию основали в начале шестидесятых, спустя много лет после того, как окончилась война, — размышлял идущий рядом с Тарасом и Линем Яков, — то как они могли разрабатывать вирус, использовавшийся во Второй мировой?

— Скорее всего, секретные лаборатории, устроенные Аненербе, располагались здесь задолго до того, как была основана колония, — ответил Тарас, прислоняясь противогазом к противогазу Якова для лучшей слышимости. — Может, впоследствии это было своего рода прикрытие. Помните, что рассказывал Савельев, — на территории колонии «Дигнидад» с помощью немецких научных консультантов и спецслужб Рейха могли производить оружие.

— Все может быть, — неуверенно согласился Яков. — Но превратить целую Антарктиду в испытательный полигон... Какие же глобальные планы они лелеяли.

— Ну, Гитлер всегда был гигантоманом. Так, нам туда, чуть левее, ребята.

– Да, такое возможно, – подал голос Мигель. – Я имею в виду базы, построенные до колоний. Их тут было несколько.

– А тебе-то откуда знать? – хмыкнул под противогазом рассыпавший его комментарий Батон.

– Вообще-то это мой дом, – со сталью в голосе ответил чилиец. – И я знаю историю своей страны. Еще в этих краях существовала вилла Гrimальди. Она служила штаб-квартирой военной разведки, ее прозвали «бараками Терранова».

– Несмотря на весь внешний лоск, вилла Гrimальди стала одним из центров жестокости и насилия со стороны военной диктатуры, – поддержал Яков. – В ней находились специальные камеры пыток. Заключенным не позволяли стирать одежду или переодеваться, а мыться им разрешали только в строго определенное время, без каких-либо исключений. Плохая и скудная еда только усугубляла и без того ухудшающееся состояние пленных.

– Жесть, – пробормотала Лера.

Слышавшая разговор девушка по-новому взглянула на Мигеля. Она ведь совсем забыла! Священник сейчас находился у себя на родине. Интересно, какие чувства бушевали у него на душе? О чем тосковало сердце, видя кругом разрушение и пепел? Она притормозила, попытавшись заглянуть ему в глаза, но это было невозможно из-за противогазов.

А бредущий со всеми Мигель с тоской осознавал, что больше ни о чем не тоскует. Как он и говорил Лере, – в мире ничего больше не осталось. Теперь он увидел это собственными глазами. Разрушение, бренность, тлен. А призраки прошлого... Он понял, что отпустил их на волю давным-давно. Хранить эти осколки уже попросту не было смысла. С каждым годом они только все сильнее будут впиваться в душу и ранить сердце.

Бот оно, самое страшное наказание, Господи. Чистилище, которое без твоего суда и спроса мы создали сами для себя.

Это больше не его дом. Теперь это ничья земля.

За несколько часов, что шли к ранчу, путешественникам не встретилось ничего необычного. Это, с одной стороны, внушало спокойствие, а с другой – настораживало. Полуразвалившиеся строения, иссущенные деревья, расколотое трещинами дорожное полотно с давно стертой разметкой и редкими светофорами

и дорожными указателями, на которых уже невозможно было что-то прочесть. Тут и там – обглоданные ржавчиной покосившиеся оставы машин... Чужая земля. Непривычная и наверняка опасная.

«Если вокруг слишком тихо, жди беды», – отчеканила про себя еще одну заповедь выживальщика Лера, перетягивая на грудь «Бизон» и со щелчком приводя приклад в рабочее положение. Хотя сейчас их было на порядок больше, чем в Африке, да и экипировка лучше. Следуя за Батоном, Лера глядела по сторонам, вслушиваясь в свое просачивающееся сквозь фильтры дыхание, неприятным сипением отдававшееся в ушах.

Внезапно она почувствовала, как защекотало в горле, но чихать или кашлять в противогазе было то еще удовольствие. Что это с ней? Голову слегка муттило. Скорее всего, просто давно не надевала противогаз, вот и все. Сглотнув, Лера с усилием подавила подкативший горловой спазм.

Пустынная местность, жидкая лесополоса. Серое низкое небо. Все уныло, скучно, безжизненно. Единственное, что однажды привлекло внимание зоркого Батона, – цепочка странных многопалых следов, идущая наперерез их каравану в сторону уже невидимой за растительностью береговой линии. Лера тоже заметила отпечатки чьих-то ног. Они были необычны, словно шедший опирался на палку, или это вообще была третья нога.

Но отряд не останавливался, продолжая двигаться вперед по пустынным улицам мертвой портовой деревеньки, и времени на исследования у охотников не было.

Первые постройки поселения показались на горизонте около полудня. Кожа под нагретой резиной противогазов потела, чесалась и начинала нестерпимо зудеть. Еще через полчаса, снова сверившись с дозиметром, Батон сделал отмашку снимать.

Остановившийся на короткий привал отряд со вздохами облегчения потянул с измученных прелых лиц «слоников». С некоторых на песок сразу густо закапал пот. Несмотря на низко нависшие тучи, воздух был сырой и очень горячий. Ноздри разведчиков защекотал застоявшийся, терпкий аромат чужих земель.

Смотрели друг на друга, не особо задерживаясь на лицах, – каждому в напарнике мерещилось заражение или скрытый прогрес-

сирующий недуг. Все отмалчивались, словно в плену, поэтому невозможно было понять, кто уже инфицирован, а кто – еще нет, что только усиливало царившее среди людей напряжение.

– Пришли, – покусав мокрый ус, Тарас тыльной стороной перчатки вытер лоб и указал на полуобвалившуюся вывеску «Villa Bavierга» над покосившейся аркой, давно лишенной с обеих сторон ограждения.

– Ну что, все вместе? – спросил вставший рядом с ним Батон, пакуя противогаз в рюкзак. – Или разделимся?

– Вместе. Разбегаться смысла нет, – зашелестел записями Ежи Тарас и поморщился, ощущив новый укол в груди. – Тут сказано, что вход в подземные катакомбы, где располагаются лаборатории, находится где-то в доме, где жил руководитель колонии. Снаружи все мило и безобидно, а под землей закопан поганый гнойник.

– Что еще раз доказывает, что местным властям было чего скрывать, – вставил Яков.

– Только не от нас, – Батон проверил винтовку и посмотрел на носилки с больными. – Нужно торопиться, а то парням совсем хреново. Как бы тут дуба не дали. Еще неизвестно, сколько мы там под землей проплутаем.

– Интересно, здесь есть выжившие? – подал мысль из-под забрала Линь Им.

– Раньше тут обитало около пятисот человек, – сунул нос в запись Яков.

– Сомневаюсь, – сплюнул под ноги Батон и растер вязкий комок обитым металлом мыском ботинка. – Где им тут было укрыться в первое время после бомбажек? А если что-то и есть, то вряд ли оно ходит на двух ногах. Будьте начеку. Это касается всех.

Обернувшись, он выразительно посмотрел на Леру.

– Да тут я, тут, – буркнула та, натягивая мамин платок на нос и крепче стискивая «Бизон». Вдруг девушка зашлась кашлем, и на платке пропустило несколько расплзающихся рубиновых капель.

– Лера, ты чего? – забеспокоился Мигель, но подошедший Батон оттолкнул его. Спустив платок, он взял девушку за скулы и мягко повертел лицо, глядываясь в зрачки.

– Еще одна, – негромко пробормотал кто-то, но расслышали все.

— Я в порядке, — сквозь стиснутые пальцами в перчатках зубы с усилием проговорила девушка, почувствовав изучающий взгляд сквозь матовые гогглы Дана.

— Ни хера ты не в порядке, — окончив осмотр, подытожил Батон. — Зрачки гляди вон какие. Тарас, нужно торопиться.

— Да, выдвигаемся.

— Лера... — снова начал Мигель, но она его оборвала.

— Говорю, со мной все нормально, десна кровоточит, поцарапалась, — огрызнулась на священника девушка, шагая вперед. Но это была не десна. И нагрубила Лера не потому, что не хотела к себе лишнего внимания в такой неподходящий момент, когда они находились на чужой территории, да еще и на поверхности. А потому, что ей вдруг стало очень и очень страшно.

Когда и, главное, где она успела подцепить неведомую заразу? Неужели от кружки на камбузе? Но ведь она свою помыла, прежде чем пить. Хотя они все были одинаковые...

Снова перегруппировавшись, немного отдохнувший отряд двинулся на территорию ранчо. Поселение за прошедшие годы практически полностью было разрушено. Дожди, время, пришлые мародеры, — все оставило свой отпечаток на заброшенных, щерящихся пустыми глазницами окон бараках и частных домиках, унылых скелетах детских площадок и школ, парковках с истлевшими оставами автомобилей.

Нужный дом отыскали быстро: с другой стороны небольшой площади возвышался костел с криво просевшей крышей. Развалины напомнили Лере оставленный в Антарктике храм Мигеля. Только тот был в разы меньше и проще, не такой вычурный, — отчего сейчас казался еще более жалким. И еще вспомнились колыбельные мамы, которая приходила в церковь Святой Троицы молиться за нее.

В голове снова зазвучали строки из песенки про лисенка, только на этот раз Лера с удивлением отметила, что пелись они детским голосом и на другом языке. Кажется, на немецком.

Red Sun Ray, hinter den Wolken kaum sichtbar,
Hush-a-bye, mein Fuchs schlafen gehen.
Decken Sie die Nase Schwanz, wird der Wolf Nacht nicht erreichen,

In der Wiege liegen Sie ruhig sopish Auslauf.
Bye-bye, bye-bye¹...

То, что это именно песня про лисенка, Лера узнала только по мелодии...

А откуда она вообще знала мелодию, ведь она никогда не могла ее слышать раньше?

Отставшая от сгрудившегося возле дома отряда девушки рассеянно качнула «Бизоном», чуть не выронив его из рук, и помотала головой, отгоняя внезапный морок.

– Лерка, не отставай, – коротко поторопил наставник. – Мы заходим.

В двухэтажном доме, принадлежавшем когда-то главе колонии, на второй этаж которого попасть не удалось из-за истлевшей и обвалившейся лестницы, не оказалось ничего примечательного. Мусор, развалившаяся мебель, камин, в котором некоторое время назад, судя по сырым скorchившимся поленьям, пытались развести огонь, пустые банки из-под консервов, несколько пятен крови на сползавших, закручиваясь в рулоны, обоях. Несколько рваных дырок от пуль.

– Ничего не трогай! – приказал вооруженный дозиметром Батон, увидев, что Мигель подошел к покосившемуся стеллажу и разглядывает в луче фонаря корешки книг, на которых под слоем грязи и пыли читались названия на испанском и немецком.

Во всех источниках света, от люстр до ночников, были выкручены лампочки и обрезаны почти все провода. Из кухни кем-то или чем-то был выволочен газовый баллон, о чем говорил припорощенный слоем грязи и пыли длинный след, тянувшийся по разбухшему от сырости паркету в прихожую.

Все. От былого уюта и некоторого намека на роскошь не осталось и следа. В подсобке с начисто разграбленной котельной имел-

¹ Красный солнца луч едва виден из-за туч,
Баю-бай, мой лисенок, засыпай.
Носик хвостиком прикрой, не достанет волк ночной,
В колыбельке ты лежиши, тихо носиком сопиши.
Баю-бай, баю-бай...

ся погреб, но в нем не обнаружилось никаких потайных дверей, – только паутина и мох. Продолжая изучать участок, отряд снова вы-брался на улицу.

Заморосил мелкий дождь. Опасаясь воздействия кислотных паров, люди снова натянули на лица противогазы.

На заднем дворе располагался домик поменьше, явно рассчитанный на гостей. Пока остальные толпились на крыльце, решая, что делать дальше, а Тарас зашел в прихожую, чтобы лишний раз не мочить драгоценные карты, Батон отправился на разведку на задний двор.

– Координаты точно те, – водя пальцем по записям и сверяясь с компасом, Тарас посмотрел на Якова. – Именно в центре их пересечения и стоит этот дом. Ничего не понимаю.

– Ребята! – с заднего двора донесся голос Батона. – Идите сюда, я, кажется, что-то нашел!

Гостевой домик был полной фальшивкой из четырех стен, одна из которых была снесена напрочь; внутри же скрывалась вмурованная прямо в грунт титановая площадка диаметром метров пять с половиной и лестница, под углом ведущая вниз. Гермоствора была распахнута и частично испачкана копотью. Тут же лежало несколько деревянных пустых ящиков и несколько вскрытых армейских контейнеров, в которых тоже ничего не нашлось.

Сняв перчатку, Батон осторожно провел по двери кончиками пальцев и размял на подушечках черный порошок.

– Кто-то побывал здесь до нас, – рассматривая заполненные дождевой водой следы гусеничных траков, в нескольких местах пересекавшие двор, и полуразрушенное сооружение, похожее на блиндаж, сказал Батон. – Пластид. Люк взрывали. И не так уж давно. Судя по следам, с техникой у них проблем нет. Смотрите, тут словно кто-то оборонялся. Пытался, во всяком случае.

– Вот это новости. Но где тогда они все?

– Шут знает. Слыши, я вот чего тут подумал... – вытирая руки, понизил голос охотник.

– Чего?

– А не могли те хлопцы, что к нам в Балтийск тогда приплыли, несколько колбочек отсюда прихватить?

Тарас некоторое время молчал, устало поставив ногу на один из порожних ящиков.

– Давай не будем об этом думать, – наконец, мрачно ответил он. – Там вроде ситуация нормально разрешилась. А нам нужно найти антидот. Мы ведь еще не знаем, есть тут эти колбочки вообще или нет.

– Похоже, только Божья Длань была способна открыть эту дверь, – присвистнул Макмиллан, сунув в зубы палочку, которые в бесчисленном количестве хранились у него в стареньком портсигаре с оттиском «Harley Davidson».

– Или тонна С-4, – вынес вердикт Мичиган. – Взрывали с первого раза, вот здесь, видишь?

– Угу.

– Ты как? – спросил Мигель, подходя к стоявшей в сторонке Лере, которая, чувствуя приближавшийся новый приступ, судорожными движениями снимала с себя противогаз.

– Не очень, – честно призналась девушка, у которой порядочно болела голова от не желавшей отпускать песенки, накрепко поселившейся в голове.

In der Wiege liegen Sie ruhig sopish Auslauf.
Bye-bye, bye-bye...

И как Лера ни старалась собраться, неведомо откуда взявшейся морок упорно не желал отпускать.

– Потерпи.

– А что еще остается... Не волнуйся. Я выдержу, – ответила Лера и снова тяжело закашлялась, сплевывая на пол кровь.

– Ладно, спускаемся, – сняв противогаз и сменив автомат на пистолет, Тарас достал фонарь и первым пошел по ступенькам в недра заброшенной лаборатории.

Остальные, вытянувшись цепочкой, последовали за ним, осторожно поддерживая носилки с Паштетом, Савельевым и Треской.

Но держаться Лере оказалось не так-то просто. Чем глубже они спускались в подземные катакомбы, тем громче становилась музыка в ее голове, сбивая с толку, мешая сосредоточиться на деле. А как же остальные? Почему никто из шедших с ней мужчин не тер уши, не оглядывался нервно по сторонам, пытаясь вычислить источник назойливого звука? Неужели это слышала только она...

Видя состояние девушки, настороженный Мигель старался не упускать ее из виду. Подземное сооружение чилийской лаборатории заметно уступало размерами Двести одиннадцатой. Яков заметил, что скорее всего это лишь один из многочисленных комплексов, вмурованных в землю под территорией поселения. Было очевидно, что здесь успели как следует похозяйничать мародеры.

Оставалось только обшаривать помещением за помещением и надеяться, что их долгожданная сыворотка, от которой сейчас зависело столько жизней, благополучно окажется на своем месте.

Подземные катакомбы были утоплены в грунт на несколько этажей. Спускаясь по винтовой лестнице, люди подсвечивали ступени фонариками, хаотично разгонявшими подступающую со всех сторон тьму. Внизу колыбельная стала совсем нестерпимой, давящей, и Лера стиснула зубы, крепче сжимая «Бизон». Под челкой на лбу бусинками выступила испарина, тонкой ниточкой сбежавшая по щеке. Девушка утерла глаза, которые едко щипал пот, тыльной стороной перчатки.

Мигель с нараставшей тревогой следил за ней.

– Я в порядке, – упрямо буркнула Лера.

На втором этаже оказалось несколько просторных помещений с распахнутыми дверями; выбитое из них стекло хрустело под подошвами ботинок. Пробирки и колбы, микроскопы и морозильные камеры, прозекторские столы, центрифуги для смеси жидкостей, всевозможные инструменты и прочие атрибуты исследовательского учреждения, – начинка «Дигнидадского» отдела, разрабатывавшего «Троянца», мало чем отличалась от Двести одиннадцатой. Через несколько коридоров отряд уперся в приоткрытую гермодверь, на которой виднелись потускневшие от времени шипастые символы биологической угрозы.

– Кажется, пришли, – оглянулся идущий первым Батон.

– И тут уже кто-то побывал, – поводил из стороны в сторону фонариком Тарас.

– Хорошо же они тут все обшарили, – оценил Батон, прикрывая входящего внутрь старпома. – Сразу видна опытная рука.

Некоторое время изнутри доносились шаги и шорох. То и дело мелькала тусклая спица фонарика. Что-то с лязгом упало, послышалось короткое ругательство.

– Что видишь? – поинтересовался у темноты Батон, поднимая кончик ботинка и наблюдая, как в луче света от пола к подошве тягнется прозрачная нитка вязкой желеобразной субстанции. Ощущение было, словно наступил на жвачку. То ли тут *кто-то* что-то недавно пролил – охотник направил фонарь в потолок, – то ли, и второе предположение было куда хуже первого, это была *чья-то...* слюна. Батон настороженно огляделся и мысленно пересчитал топтавшихся рядом членов отряда. Все вроде на месте. Пока. Трогать подозрительную хрень он не решился даже в перчатке, чтобы лишний раз понапрасну не нервировать остальных. Посмотрим.

– Нашли, – через некоторое время послышался дрожащий от волнения голос Тараса. – Идите все сюда. Нашли! Они здесь! Даже контейнеры с теми колбами, что Лерка притащила на «Грозного». Старые контейнеры, которые были на нашей базе, несколько вскрытых, и еще несколько других, с иной маркировкой. Такие же, как на фотографиях! Похоже, это и есть антидот, ребята!

– Но почему их оставили те, кто был здесь до нас?

– Наверное, не смогли унести, – отозвался из темноты Тарас. – Или побоялись связываться, не зная точного применения. Или вообще в спешке сваливали. Тут вон все значками и предупреждениями облеплено. Главное, чтобы нам хватило. Сможешь подсобить с освещением? А ну, ребята, помогите-ка...

Но Лере было не до всеобщего веселья. Поотстав еще в коридоре, сейчас она двигалась назад, в обратную сторону, к лестничному пролету, дойдя до которого стала спускаться на следующий этаж, светя себе подствольным фонарем.

Баю-бай, мой лисенок, засыпай.

Носик хвостиком прикрой, не достанет волк ночной...

Она уже не понимала, слышит ли музыку на русском языке или на немецком. Ставшие ватными ноги сами несли ее куда-то вперед. Ну и пусть. Ну и ладно. Главное – поскорее выключить, заткнуть, заставить замолчать эту нестерпимую, вызывающую тошноту мелодию. И как можно скорее.

Попав на цокольный этаж лаборатории, плотно заваленный мусором, Лера, светя себе под ноги, стала пробираться на звук. Спер-

тый застоявшийся воздух, пахнущий грязью, плесенью, старостью и чем-то еще, с трудом проникал в сопротивлявшиеся легкие. С потолка неторопливо капало. Осталось совсем чуть-чуть, еще немногого, она знала это.

Неожиданно музыка оборвалась так же резко, как и началась, и тьма перед застывшей девушкой колыхнулась, приходя в движение. По ушам ударили звонкий стрекочущий звук, заставивший охотницу попятиться и чуть было не упасть на спину, обо что-то споткнувшись.

Вскинув «Бизон», переключенный в режим стрельбы очередями, девушка закричала и приникла к коллиматорному прицелу, нажимая на спуск, снова вместо сумеречного подвала видя перед собой австралийского капитана, навалившегося на Батона. Ожившее в руках оружие яркой вспышкой вернуло воспоминания.

– Не-е-ет!..

Грохочущие выстрелы, первые из которых ушли в молоко, стробоскопно осветили прилепившуюся к потолку многочисленными конечностями извивающуюся склизкую тварь, которая, пронзительно заверещав, потянула в сторону Леры разматывающиеся мохнатые ложножожки.

Этажом выше что-то неожиданно навалилось с потолка на истощенно заверещавшего Ворошилова.

– Аааа! Помогите!

Среагировавший быстрее всех Макмиллан несколькими выстрелами снял свисавшую с потолка на щупальцах зашипевшую извивающуюся тварь с раззявленным, почти человеческим ртом, в котором ворочался длинный пупырчатый язык.

В следующий миг сбившиеся спина к спине люди открыли беспорядочный огонь по внезапно показавшимся из щелей в полу и потолке склизким многоглазым чудовищам, передвигавшимся при помощи сокращающихся ложножожек. Атаковавшие твари были некрупными и больше всего походили на человеческую голову с вытянутым, обтянутым белесой кожей черепом и торчащими во все стороны гибкими ножками. Кореец Дан ловко орудовал выхваченным из-за спины мечом. Выронив свое оружие, Мичиган застонал и, вдруг зажмурившись, схватился за голову.

– Агrrх, черт...

— Лера! Где Лера? — огляделся огрызавшийся свинцом отряд, Мигель бросился обратно к лестнице. Потерявшей сознание Лере все-таки удалось завалить приманившего ее «менталиста» очередью, разнеся его тело в клочья.

— Лера! — спустившийся на крик и выстрелы Мигель подбежал к лежащей в куче мусора девушки и, проверив пульс, осторожно взял ее на руки.

Атака мутантов закончилась так же неожиданно, как и началась. Сделав последний выстрел, Батон опустил ствол винтовки и прислушался.

— Как ты, брат? — Макмиллан посмотрел на вспотевшего от напряжения Зэфа.

— Отпустило вроде бы, — хрипло ответил здоровяк и повертел головой, прислушиваясь к своим ощущениям. — Голова чуть не раскололась, как орех.

— Ментальная угроза. Думаю, нам не стоит здесь долго задерживаться, — меняя в СВД магазин, сказал Батон. — Уверен, это не все местные жители.

— Согласен, — кивнул Тарас. — Берем то, за чем пришли, и сваливаем.

Перетащив наружу контейнеры, вход в зловещие катакомбы звали или взрывами нескольких гранат.

* * *

«Судовой журнал.

Чили. Южная Америка. Колония “Дигнидад”.

Время в пути — ...-ые сутки.

И все-таки у нас получилось. Несмотря на призрачность надежды, антидот на чилийской базе действительно нашелся, и он действует! Слава Тебе, Господь Всемогущий! Все члены команды, включая тех, кто не проявлял явных признаков заражения, подверглись обязательной вакцинации. Особо тяжелые успешно идут на поправку, правда, не так быстро, как бы этого хотелось.

Метеорологу Евгению Савельеву пришлось перенести операцию ввиду большой потери крови и повреждения некоторых внутренних органов. Благо среди корейской команды нашлась пара квалифициро-

ванных врачей. Парню просто фантастически повезло, хоть он чуть и не ослеп и все-таки заработал частичный паралич левой руки. Пройдет или нет, неизвестно.

Также на материке нами были обнаружены следы человеческой деятельности (базу и лаборатории расконсервировали до нашего появления) и заброшенные строения военного предназначения, которые явно моложе построек колонии. Установить контакт с местными или кем-либо еще так и не удалось, несмотря на явные указания на чье-то присутствие. Может, это и к лучшему. Главное, что мы успели!

Действительно – хорошо то, что хорошо кончается. Правда, еще не для нас. По договоренности с корейскими членами команды взяли курс на Фарерские острова.

Команда заметно воспряла духом. Им теперь хоть к черту на рога.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лапшов».

* * *

Пришла в себя Лера уже на лодке. Первым желанием было снова стрелять, но «Бизона» в руках не оказалось. Жуткого врага тоже нигде не было видно... В голову словно налили свинца, предметы расплывались перед глазами бесформенными пятнами, но девушка все равно почувствовала, что лежит на койке. Или ее убили? Что за бред... Наверняка она в своей каюте. Тревожно прислушавшись, Лера с облегчением осознала, что песенка перестала звучать.

Над ней склонилось чье-то лицо, и, с усилием присмотревшись, Лера увидела улыбающегося Мигеля.

– Я убила ее?

– Да, – успокоил мужчина. – Ты в безопасности. Мы едва успели прибежать на выстрелы. Хитрая тварь. Почуяла тебя еще на поверхности. А ты не растерялась.

– Я видела, – девушка смолкла. Сухой тяжелый язык едва поворачивался во рту. – Видела...

– Что ты видела?

Продолжать не решилась.

Дядя Миша!

Рвущийся из груди крик. Палец, одервенело надавливающий на спусковой крючок... Бьющее по ушам эхо выстрела, заглушающее падение тела. Этот кошмар не закончится никогда.

– Ничего. А почему другие ничего не слышали?

– Видимо, твое сознание оказалось более доступным, мужики-то все были сосредоточены на поисках вируса. Вот ты и попалась на зов и пошла прямо в гнездо.

Опять чуть всех не подвела. Но укорять и винить себя в чем-то у Леры сейчас не было сил.

– Ясно. У нас получилось? – горячими потрескавшимися губами прошептала она.

– Да, получилось. Не разговаривай, тебе нужно отдохнуть.

– Это он? – она заметила в его руке шприц.

– Нет, антидот тебе уже ввели. А это просто снотворное. Сожми кулак. Вот так. Еще разок.

Выпростав из-под одеяла руку девушки, он сделал Лере укол в вену.

– А остальные? – поморщилась девушка. – А ты?

– С нами теперь тоже все будет в порядке, – успокоил Мигель. – Поспи.

– А база?

– Сожгли. Этим американцам только дай волю чего-нибудь повзрывать. Настоящие tough guy's¹, – улыбнулся священник, вытаскивая иглу и прикладывая ватку. – А этот чернокожий здоровяк вообще как медведь. Знаешь, что такое медведь?

– Медведя знаю, – с готовностью кивнула Лера, вспомнив одну из маленьких, аккуратно сложенных в старый альбом бумажек, хранившихся в комоде бабы Дины, где было изображено забавное белое существо, махавшее лапкой со льдиной. Картинка даже была подписана: «Мишка на севере». – Только Мичиган не похож.

– Отдыхай.

– Посиди со мной.

– Хорошо.

Сейчас ей меньше всего хотелось оставаться одной.

¹ Жесткие ребята (амер. сленг).

– Спой что-нибудь, – вспомнив колыбельные матери, неожиданно для себя попросила Лера. – Можешь?

– Что именно? – растерялся Мигель, вспоминая тексты из молитвослова, которые сейчас были явно не к месту. – Хотя... Вот послушай.

Отложив на стол шприц, который принялась обнюхивать Чу-чундра, Мигель взял руку Леры в свою и вдруг, прикрыв глаза, задумчиво тихо продекламировал:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

– Красиво. Что это?

– Александр Блок. Ваш великий поэт. Грустные немножко, но других я не помню. Не слишком-то подходит слушаю, да?

– Мне понравилось. Только холодно...

– Я тебя укрою. Спи.

Лера хотела еще что-то сказать, но сыворотка оказалась для нее слишком сильна, да и нервное истощение взяло свое. Не в силах бороться, через несколько минут девушка безвольно сомкнула отяжелевшие веки, размеренно задышав. Бережно вернув ее руку под одеяло, Мигель забрал шприц, выключил свет и, выходя, осторожно прикрыл за собой дверь каюты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЯЩИК ПАНДОРЫ

Сегодня первые семена помещены в хранилище. В течение ближайших суток здесь будут размещены еще триста тысяч образцов семян из многих стран мира. В ближайшие несколько лет их количество удвоится и в конце концов увеличится до четырех миллионов. Это позволит землянам в случае глобальной катастрофы (ядерной войны, эпидемии, наводнения) и гибели сельскохозяйственных культур оперативно восстановить их с помощью хранящихся здесь семян. Идеальные условия, в которых они находятся, способствуют сохранению их жизнеспособности. В нужный момент они будут готовы для высадки в грунт.

Премьер-министр Норвегии Енс Столтенберг, 2007 г.

Глава 1

ОХОТА НА ГРИНД¹

Это утро в конце осени выдалось сырьим и прохладным, звенящим от подступившей ночной сырости и прохлады. В воздухе отчетливо слышались первые нотки неотвратимо надвигавшейся зимы. Природа, как могла, продолжала следовать своему давно заседенному распорядку, меняя свой зеленый наряд на кроваво-золотой, а золотой – на пронзительно-белый; а белый же в свою очередь сменялся нежно-зеленым.

Мир продолжал преображаться, жизненные циклы на всех семнадцати обитаемых островах, как и прежде, привычно текли своим чередом. Вот только желающих полюбоваться на это костюмированное представление с каждым годом становилось все меньше и меньше. Да и циклы с каждым разом становились все опаснее и не-предсказуемее. Расползшаяся по отравленной планете радиация была неравным противником.

Во время войны Фареры подверглись не слишком массированному удару, так как на островах размещалась только база военно-морского флота Дании и РЛС² НАТО. Так что в конечном итоге

---

¹ Гринды – морские млекопитающие из семейства дельфиновых.

² Радиолокационная станция.

разрушения и уровень остаточной радиации можно было назвать минимальными. В результате ударов была разрушена только база, РЛС и энергетические коммуникации островов. И тогда на выручку отброшенным в каменный век выжившим вновь пришли огонь, символ незыблемости мира, и... пар.

Довольно скоро осознав, что в сложившейся ситуации помочь ждать неоткуда, островитяне сделали ставку на природные ресурсы, полностью посвятив себя выработке древесины и освоению простейших механических систем для поддержания огня и выработки пара, на котором теперь работало практически все. Даже несколько повозок и гусеничных тягачей, боронивших небольшие поля. Уголь стал универсальным топливом, ценившимся дороже золота и иногда даже воды.

За основные языки были приняты польский, датский, английский и немного – русский, в виду смешанности населения и значительного притока туристов на момент разразившейся летом две тысячи тринаццатого Катастрофы.

В этой частично не тронутой радиацией, удивительно красивой местности казалось невероятным, что там, за горизонтом, больше ничего нет и никогда уже не будет. Больше никогда. Вообще ничего. Ни радио, ни телевидения, ни открыток, ни писем, ни новых лиц. Вообще никакой связи. Да и с кем, если планета в одночасье превратилась в обезлюделвшую выжженную пустыню?

Бескрайняя, всепоглощающая Пустота.

Но постепенно людская боль сменилась тоской, а тоска со временем превратилась в привычку. Привычку, своюственную любому, наделенному если не зачатками разума, то хотя бы инстинктами существу, – стремлению выжить, существовать. Надо было двигаться дальше. И люди старались изо всех сил, заново налаживая отношения и хрупкий быт. Заново учась адаптироваться в новом непредсказуемом мире. Самыми почетными ремесленниками в новообразованном «Братстве пара» скандинавов стали дровосеки, механики и охотники, добывавшие мясо, поскольку в переменчивом фарерском климате и до войны-то плохо приживались злаковые и прочие растительные культуры, являвшиеся предметом импорта. А теперь ситуация приняла и вовсе плачевный оборот.

Поэтому основным источником пропитания для выживших служило мясо сухопутной дичи и хищников, а также рыбы и гринд – черных дельфинов.

Помимо сытного мяса, жир гринд также шел на еду и освещение. Кожу после войны, навсегда изменившей мир, использовали для изготовления веревок, ремней для паровых машин, а желудки – для рыболовных поплавков, крепящихся к сетям, и сигнальных буйков.

Конечно, не обошлось без мутаций, но люди со временем научились более-менее сосуществовать с представителями новой флоры и фауны и старались в одиночку не удаляться от поселений. Особенно в горы и леса.

На территории островов появилась четко организованная система охраняемых Заповедников, в которых силами выживших поддерживались драгоценные леса, идущие на вырубку под древесину для печей и уголь для паровых котлов. На места выкорчеванных деревьев немедленно помещались новые саженцы. Вскоре силами «Братства» удалось наладить постоянный сезонный древооборот, становившийся слабее в теплые времена года и набиравший силу во время заготовок перед суворой зимой.

Перемазанные глиной сапоги, шлепая по лужам, глубоко увязали в грязи. Мягкий голубоватый туман призрачно укутывал долину, по которой, размахивая руками и истошно крича, со стороны маяка бежал человек. На его плече висела холщовая сумка, под которой о бедро бился закрепленный на ремне противогаз.

Несколько раз споткнувшись, он чуть не упал в особенно широкую лужу и, с ругательствами вернувшись, подобрал слетевшую с головы шапку. Цепляясь за побеги красного вереска, вскарабкался по холму до крайнего дома поселения, в котором обитал старейшина, без лишних предисловий замолотил кулаком в массивную дубовую дверь.

– Просыпайтесь! Гринды! Гринды идут!

Не дожидаясь ответа, гонец из соседней деревушки, где в рассветной дымке уже виднелся разгоревшийся сигнальный костер, побежал по главной улочке поселения, оглашая спящие бревенчатые дома с разросшейся на крышах зеленью волнями:

– Гринды! Гринды идут! Рыбаки, готовьтесь! День ловли настал!

Добежав до пожарного колокола на маленькой центральной площади с каменным колодцем в центре, он зазвонил что есть мочи, дергая из стороны в сторону сырым от росы шнуром.

— Просыпайтесь!

Мужчины, зевая и потягиваясь, один за другим показывались на порогах своих домов, держа кто смотанные в бухту веревки, кто гарпуны, кто короткие топорики. Их провожали заспанные женщины и дети, которые издревле не принимали практического участия в охоте.

— Приведите моего пони и запалите костер, предупредите соседей, — распорядился показавшийся на пороге своего дома старейшина, накинув на плечи меховую накидку и засунув большие пальцы за край толстого ремня из дубленой кожи. Он посмотрел на светлеющее небо и шумно вдохнул утренний воздух расширявшиеся ноздрями. — Добрый будет день.

По его приказу несколько человек, вооружившись факелами, спешно направились к огромному кострищу, сложенному башней на пологом холме с другой стороны деревушки. Еще несколько мгновений, и в небо со снопом искр устремилось гудящее пламя.

Острова готовились к кровавому поединку с китами, и от селения к селению шествовал сигнальный огонь.

— Отец, возьми меня с собой в лодку.

Старейшина обернулся, встретился с полными холодной решимости голубыми глазами.

— Нет, Милен. Я же сказал, твое место на берегу, среди других женщин, — мужчина положил мозолистые ладони на хрупкие плечи дочери, босиком стоявшей в одной ночной сорочке на коврике из примятой овечьей шерсти.

— Я давно не маленькая и охочусь получше многих парней! — взгляд девушки стал жестче. — Ты же сам видел!

— Бить белку в глаз — совсем не то, что выходить в море. И не стой в таком виде, продует. Да еще босиком.

— Я хочу с тобой! — не сдавалась Милен.

— К тому же я запретил тебе одной заходить в горный лес за Чертов ручей. Или ты забыла?

— Папа, я охочусь только в Заповедниках...

— Ты прекрасно знаешь, что там могут быть *лешие*.

– Я не боюсь! И всегда развозжу огонь, а они на него не выходят.
 – Вся в отца. Но строптивость в нынешние времена – не самое лучшее качество. И ты не парень.

– Знаю, – опустила голову девушка. Милен так и не сказала родителям о том, что в одну из последних вылазок наблюдала в бинокль странных существ. Тогда появившаяся на горизонте туча, которую в начале она приняла за грозовую, в окулярах оказалась мельтешащим роем гигантских насекомых, походивших на саранчу, скрещенную с муравьем и размером не меньше их местных пони. Двигавшиеся на северо-запад вдоль островов, зловещие чудовища с хищными жвалами и сдвоенными крыльями, не нарушая строя, несли с собой огромную личинку с множеством маленьких ножек.

Наверное, королеву-матку, догадалась девушка, не раз видевшая таких в огромных пирамидаобразных лесных муравейниках. Опустив бинокль, Милен почувствовала озноб. Не хотела бы она встретиться с ними лицом к лицу. Тут и лук не поможет. Торопливо раскидав ботинком давно потухший костер, она подхватила свой старенький скейт-борд, найденный когда-то в одной из трухлявых заброшенных лачуг с другой стороны острова. Деку из клена приходилось периодически менять, некоторое время вымачивая для придания нужной формы, а скрипучий колесный механизм с подвеской чистить и смазывать китовым жиром, – зато каждый раз можно было делать новый рисунок, в зависимости от настроения хозяйки. Прыгнув на доску, девушка заторопилась по петляющей тропинке назад в деревню.

Но рот держала на замке. Нечего попусту пугать народ. Чем бы ни являлись загадочные существа – пролетели мимо, и ладно.

Расценив ее молчаливость по-своему, Турнотур чуть приподнял голову дочери за подбородок.

– Думаешь подстрелить гринду из лука, а, амазонка? – усмехнулся он в усы, убирая со лба девятнадцатилетней девчонки светлую прядку волос. Блочный трехкилограммовый лук для охоты, подаренный Милен на десятилетие, был предметом особенной гордости девушки. Она долго принаршивала и пристреливалась, прежде чем начать без промаха бить свою первую дичь, но со временем стала обращаться со смертоносной игрушкой не хуже любого мальчишки. – Хоть он и мощный, но, боюсь, делу это мало поможет. И никаких стрел не хватит. Видела, какая у этих дельфинов шкура?

С палец толщиной, а под ней еще жировая прослойка, вот такая. Тут и гарпун-то не всегда берет.

– Вот именно, знаю. Но если взять наконечники с...

– Слушай, что говорит отец, – вышедшая на крыльцо мать подала мужу крынку с козьим молоком. – Таков закон. Представляешь, что будет, если дочь старейшины первая его нарушит? Он и так на многие твои выходки закрывает глаза, верно, Турнотур?

– Угу.

Последний аргумент возымел должное действие, и девушка уступила, нахмурившись и надув хорошенъкие губки, которые по праздникам подкрашивала соком подсущенной чернорябины.

– Ты вместе с остальными будешь ждать на берегу и помогать разделывать мясо, – напившись и утерев усы, смилиостивился отец, поцеловал в лоб жену. – Я пошел.

– Осторожней, – она протянула сверток. – Здесь сыр, хлеб и немного зелени.

– В который раз, – капитулировав, буркнула Милен, недовольно скрестив на груди руки.

– Доброе утро, мастер Турнотур! – помахал рукой подходящий к дому рослый белокурый парень с едва обозначившейся бородкой, несущий на плече здоровенный зазубренный гарпун, с мотком веревки, обмотанным вокруг талии.

– И тебе доброе, Олаф! Готов как следует поохотиться? – поинтересовался старейшина, глядя по морде пони, которого подвел грум. Исландский верховой, сотни лет выращиваемый на Фарерах, после Катастрофы стал заметно выше прежних максимальных полутора метров и прибавил в весе, позволив ездить на себе взрослому мужчине.

– Еще бы! Да я хоть сотню китов уложу голыми руками, – без тени бахвальства бодро откликнулся паренек. – Здравствуйте, госпожа Ламбар.

– Здравствуй, Олаф, – женщина указала на его кожаную рубаху, поверх которой была надета куртка из овечьей шерсти. – Не легко оделся?

– Не продует. О, привет, Милен! Я уже аквафермы проверить успел, а вы все почивать изволите, Ваше Высочество. Отлично выглядишь.

Вспомнив про свой внешний вид, Милен покраснела и, спрятавшись за мать, по-детски показала насмешнику язык. Олаф с веселым смехом пошел вслед за пони, на которого успел залезть Турнотур.

— Разговор про лес еще не закончен, — он погрозил дочери пальцем.

— И чего этот болван вечно меня подкалывает! — огрызнулась Милен, плотно прикрывая дверь — с неба начинало накрапывать. — Наглый, самоуверенный... чурбан!

— Я в твоем возрасте была о мальчишках такого же мнения. Пока не встретила твоего отца. Да и война много чего изменила, — хлопотча по дому, увещевала мать. — Разве не видишь, что ты ему нравишься. К тому же тебе уже скоро замуж, а Олаф Ульгерссон хороший дровосек и рыбак, да и из приличной семьи. И веселый, что сейчас большая редкость. Мне он нравится.

— И слышать ничего не хочу, — тоном, не терпящим возражений, отрезала дочь.

— Ладно-ладно, — дипломатично закрыла тему мать. — Переодевайся и завтракать. Лепешки остынут, а скоро на берег идти, сегодня большая охота.

Милен наморщила нос, бросив взгляд на трудившуюся в углублении паровую печь, где на чугунной сковороде доходила скворчащая пресная лепешка из водянистого ячменя, приправленная щепоткой последней в этом сезоне зелени, и подавила рвущийся из груди вздох. Уютный женский быт, который ожидал и ее саму. Дом, сильный муж, дети... Ну не хотелось же. А может, это пока играл свое возраст. Может, еще пообвыкнется со временем, кто знает. Жаркий запах готовой еды приятно защекотал ноздри. Но вот воля отца... Опять ее не взяли с собой. А чем она хуже других? Милен слготнула подступившую к нёбу слюну. Несправедливо!

Девушка поднялась в свою комнату и, встав перед небольшим зеркалом, неспешно расчесала длинные красивые волосы, которые обычно собирала в косу, гребешком из высушенных игл морского ежа. Выгнувшись, стянула через голову ночную сорочку; бросив ее под ноги, приидирчиво оглядела свое голое тело в отражении и стала неспешно одеваться, натягивая на себя привычную мешковатую одежду. Ничего, когда-нибудь придет и ее время. У нее еще будет возможность показать себя.

Когда все мужчины и подростки, вошедшие в возраст, годный для охоты на гринд, собрались на берегу, по жесту Турнотура двое дюжих парней из его свиты подняли вождя на широкой крышке развалившейся бочки.

Возбужденная толпа перестала гомонить и приготовилась слушать мастера.

— Итак, друзья мои. Снова пришел тот день, которого мы все так ждали. Мир, который не помнят наши дети, исчез безвозвратно в неукротимом огне Рагнарёка, но природа по-прежнему на нашей стороне. Она дает нам, кров, тепло и еду. Мы научились заново возделывать землю, растить деревья и добывать драгоценный пар, ставший для нас источником жизни. Сегодня на острова снова пришли тучные стада гринд, и эта милость богов заслуживает новых жертвоприношений, которые не заставят себя ждать! — толпа охотников одобрительно зарокотала. — Сигнальные костры горят. На нас надеяются наши близкие и наши семьи. Так не ударим же в грязь лицом. Я вижу множество новых и молодых лиц. Ребята! Сегодня многие из вас впервые выйдут в море и станут закаленными в охоте мужчинами. Опытные, поддержите и наставьте их! Я буду среди вас! Как охотник, я поведу вас вперед! Запомните этот день! Удачной ловли. И пусть сегодня каждый добудет столько скиннов¹, сколько сможет унести с собой! Пускай эти священные воды снова вспенятся красным!

Речь старейшины была встречена бурными одобрительными криками, и потрясающего гарпуном Турнотура опустили на землю.

— В лодки!

Пытавшийся сохранить остатки цивилизованности, неумолимо дичающий и страдающий от голода человек, наплевав на «Овечью грамоту»², как сотни лет назад, снова выходил на тропу войны, чтобы терзать, убивать, насыщать свою плоть и плоть себе подобных. Чтобы, подчиняясь древнейшему из инстинктов, выжить, несмотря ни на что.

¹ 1 скинн соответствует 38 килограммам китового мяса, плюс 34 кг китового жира — всего 72 кг.

² Добыча китов в Норвегии регулировалась законом со Средних веков. «Овечья грамота» 1298 года включает особые правила, относящиеся к промыслу китовых.

– Вон они! Приближаются! – крик Олафа в первой лодке, где находился и старейшина, заставил всех крепче стиснуть свои орудия и приналечь на весла.

В нескольких лигах впереди от ближайшего острова соседи с криками, усиленными мегафонами, гнали стадо китов. Черные спины и плавники мелькали в пеняющихся водах Атлантики, быстро приближаясь.

Рассевшиеся по лодкам китобои умело маневрировали веслами, окружая приблизившихся гринд, которые, поддавшись панике, бросились было врассыпную, стараясь защитить детенышней. Суденышки располагались широким полукругом для последующего загона в сторону бухты или фьорда. Но атакованные животные не хотели сдаваться без боя.

Засвистели гарпуны, зажужжали разматываемые канаты, утлыесу-денышки заходили ходуном, и вода закищела могучими плавниками.

– Олаф, целься точнее, вон в того, крупного! Похоже, это во-жак! – проорал орошаемый брызгами Турнотур, когда перед их лодкой вздыбился трехметровый хвост с раздвоенным плавником на конце. – Осторожнее!

Качнувшись, задние плавники гринды с размаху пришлились ровно по центру соседней лодки; с треском брызнул фонтан ломаной древесины, закричали выброшенные за борт зазевавшиеся рыбаки. Сражение было в разгаре. Моросивший дождь с примесью первой снежной крошки усилился.

В воздухе запахло солью, потом и металлическим привкусом жирной китовьей крови, распалявшей охотничий азарт людей. Золотистые волосы Олафа обагрились красным. Адреналин, подобно окружавшим со всех сторон волнам, перекатывался через край. Зрелище морского сражения человека с природой было поистине эпическим.

К берегу уже спешили женщины и дети, вооруженные счетчиками Гейгера (мясо мигрирующей рыбы могло нести в себе дозу гамма-излучения), чтобы помочь первым возвращавшимся мужчинам свежевать выбрасываемые на берег туши.

И вскоре алый прибой, будоража нервы китобоев, запенился на гальке, словно кипучая кровь. Все смешалось. Крики рыбаков, предсмертные вопли выброшенных на берег животных, взмахи топоров и копий, в ключья разрывавших брызгавшую кровью плоть...

Ядерный Молох, словно пресытившийся гладиаторской экзотикой римский патриций, в своей смертельной усмешке снова столкнул человека и животное, обезоружив первого, дав ему в руки палку и камень и вновь уравняв шансы. Трещали кости, рвалось мясо, брызжа алой капелью, дружно работали пилы...

Этим утром добыча «Братства» превзошла самые смелые ожидания. Вытаскивавшие лодки на сушу охотники ликовали, обнимались и, сменив гарпуны на топоры и двуручные пилы, с новыми силами принимались за свежевание еще живой, бьющейся в агонии добычи. Для транспортировки огромной туши самца-вожака пришлось выделить один из гусеничных тягачей, который, с рычанием харкая паром из вмонтированного в корпус котла, сдавал задом, взрыхляя почву траками.

Несколько местных менестрелей, вооружившись инструментами из овечьих выменей, сделанных наподобие волынок, раздували щеки, стискивали зубами мундштуки вставленных в кожаные мешки трубок, выводя бравурно-задиристую мелодию «Охотники на берегу», подобающую событию.

– Добрый улов, – оценил Турнотур, ступая на прибрежную гальку и обнимая подошедших к нему жену и Милен. – Теперь этого хватит, чтобы перезимовать. Эгей! Тушите костры!

Но начинающийся день преподнес ликовавшим островитянам еще один сюрприз.

– Смотрите, там! – оторвавшись от разделки огромной туши потопившего лодку вожака, Олаф древком топора, с которого веером брызнула кровь, порывисто указал на горизонт. Туда, где в кроваво-красную гавань вплывало еще одно черное тело. – Что это?

Но это был не дельфин, а огромная спина подводного атомохода, над палубной надстройкой которого гордо реял такой же алый, как и пенящийся океан, российский Андреевский гюйс.

* * *

После злоключений в «Дигнидаде» поддерживаемая снотворным Лера несколько дней провела в беспамятстве. Верная Чучундра не отходила от больной ни на шаг, то засыпая у нее на груди, то устраивая себе гнездо в разметанных по подушке слипшихся от испариной волосах.

Стараясь не встречаться друг с другом, Батон и Мигель регулярно навещали девушку, пока она, наконец, окончательно не пришла в сознание. Один только вид друг друга по-прежнему вызывал у мужчин острую взаимную неприязнь. Каждый упорно не хотел признаваться себе в том, что виной всему была простая человеческая ревность, и пытался искать изъяны соперника.

Каждый втайне стремился первым оказаться рядом, когда Лера придет в себя. Хотя глубоко внутри, к своей обиде и разочарованию, Батон уже давным-давно понял, какой выбор сделала его по-допечная. Но извечная мужская упрямость и железобетонный максимализм упорно не желали сдаваться без боя.

Вопреки ожиданиям, первыми лицами, с которыми встретилась девушка, открыв, наконец, глаза, были хоть и осунувшиеся и бледные, но все так же привычно улыбающиеся рожи Паштета и Трески. В ноздри мягко прокрался восхитительный запах свежесваренного бульона из рыбных потрохов.

— С возвращением! — поприветствовал Треска, ставя на столик рядом с койкой дымящуюся тарелку, в которой неторопливо кружились желтые пятнышки жира. — А мы тут тебе выздоровительного, так сказать, принесли.

— Ага. Суп самое оно, — поддакнул так же улыбающийся Паштет. — В жидкости вся сила. Ешь.

— Спасибо, ребята. Как вы? — слабо спросила девушка.

— Да мы-то вроде ничего, — переглянулись напарники. — По-колбасило-поколбасило, да и отпустило. Савельичу хуже всего пришлось, но уже тоже ничего, бегает. А вот ты у нас заспалась чего-то.

— Тело затекло так, что не чувствую, — сделав попытку пошевелиться, слабо пожаловалась Лера.

— Еще бы. Столько дней пластом пролежать, — сказал Треска. — Мы на камбузе уже из рук вон выбились всех этих корейских огледов кормить. Без тебя да Тахомы-то теперь хрен управишься...

— Тахомы? А что с ней... — нахмурилась Лера, но в дверь каюты протиснулся Батон.

— Так, это что еще за посиделки? — он хмурым взглядом окинул поваров. — С пробуждением, Лерка! А вы чего тут? Ясно же было сказано — никаких посторонних.

— Мы не посторонние, — авторитетно цыкнул зубом Треска. — А коллеги по цеху, так сказать.

— Коллеги не коллеги, а ей покой нужен, брысь! Наговоритесь еще, — тоном, не терпящим возражений, распорядился Батон, указывая парочке на выход.

— Ладно-ладно, идем, не бухти, — примирительно поднял руки Паштет. — А ты поправляйся давай и супец трескай, пока не остыл.

— Спасибо, ребята.

— Как самочувствие? — справился охотник, закрывая за поварами дверь.

— Не очень.

— Поговорить хочешь? — Батон присел на стул возле столика.

— О чём? — пожала плечами девушка.

— Ну не знаю. Мы ведь чуть не погибли все, в конце концов.

— Не погибли же, — ответила Лера, чувствуя, как мышь тихонько обнюхивает кончики ее пальцев, торчащие из-под одеяла.

— А могли.

— Могли, — согласилась Лера, понимая, что ей не о чём разговаривать с наставником. Да и не хотелось, еще не хватало сил. Батон будто окончательно стал для нее кем-то чужим и далеким.

— Тут столько всего без тебя произошло, — сделал новую попытку он.

— Много?

— Да... всякого-разного.

— Справились?

— Да вроде. Не рада меня видеть? — с ноткой обиды спросил Батон.

— Почему, рада, — бесцветным голосом ответила девушка, смотря своими зелеными глазами куда-то сквозь него. — Спасибо, что навестил.

— Ясно, — хлопнув ладонями по коленям, Батон встал со стула. — Значит, разговора не выйдет. Не клеится.

Лера смотрела на него, продолжая молчать, чуть приоткрыв губы.

— Что в нем есть такого, чего нет у меня? — задержавшись в дверях, через плечо спросил Батон.

— Добро, — просто сказала Лера.

Батон, ничего не ответив, вышел, а девушка отвернулась к тарелке с супом, но так и не пошевелилась – кусок в горло не лез.

Еще через некоторое время к ней заглянул Мигель и, прикрыв за собой дверь, осторожно опустился на край койки.

– Привет.

– Привет, – с улыбкой откликнулась девушка, не в силах оторвать голову от подушки.

– Ну, ты как?

– Спать хочется.

– Понимаю. Тебя со снотворного не снимали, пока бредить не перестала, – объяснил священник. – Накопилось у тебя за последнее время нервов да переживаний, а «Дигнидад» так вообще стал последней каплей.

– И многое я в горячке наговорила? – со смесью тревоги и стыда спросила Лера.

– Да не очень, – уклончиво ответил Мигель, решив не рассказывать о бессонных ночных, проведенных у ее койки, когда обливавшаяся потом девушка кричала неразборчивые угрозы в адрес Батона и заплетающимися губами то и дело звала родителей.

– Где мы сейчас? – поинтересовалась она.

– Скоро будем у Фарерских островов.

– А где это? – название Лере ничего не сказало. Голова все еще словно была набита ватой.

– Далеко.

– Сколько мы проплыли?

– Прилично, – прищурившись, что-то прикинул Мигель. – Почти семь тысяч четыреста восемьдесят девять миль. С остановками.

Ничего себе расстояние! – мысленно ахнула девушка. Выходит, они обогнули почти половину земного шара, а она все это время бесчувственным бревном провалаась в постели. Блин и еще раз блин! Невезуха...

– Поешь, а то суп почти остыл уже. Паштет с Треской так старались, что чуть про общий обед не забыли.

– Пахнет вкусно, – принюхалась девушка.

– Вот и налетай, – он протянул ей ложку.

Когда Лера, наконец, взяла себя в руки, Мигель рассказал неторопливо принявшийся за суп девушке о последних приключениях

«Грозного». Как вернулись с «Виллы Бавария» и отплыли от чилийского берега, снова отправившись в путь, когда убедились, что сыворотка как следует подействовала на всех без исключения. Как Тарас и Линь Им до хрипоты спорили, куда им нужно плыть в первую очередь – в Пионерск или на острова.

Как при проходе вышедшего из берегов Панамского канала команда потревожила подводные гнезда сирен – гуманоидного вида полурыб-полулюдей – в шлюзовых камерах, чье чарующее волшебное пение стоило бы жизни всем мужикам на борту, если бы не Тахома, сумевшая вовремя их «отрезвить» и не дать лодке сойти с курса.

– Кстати о Тахоме... – немного замялся Мигель и помолчал, будто подыскивая слова.

– Что-то случилось? – положив ложку в тарелку с недоеденным бульоном, Лера обеспокоенно села на койке.

– Понимаешь. Она... она ушла.

– Как. Ушла, – заторможенно повторила девушка. – Не понимаю. Куда?

Чтобы дать команде немного оправиться после смертельного «концерта» сирен, «Грозный» сделал остановку у берегов Кубы, в заброшенном порту Гаваны. И тут Тахома как с цепи сорвалась. Все умоляла отпустить ее на берег, чтобы она смогла вернуться к своим – в разрушенную Америку, в хрупкой надежде отыскать там свою пропавшую когда-то дочь. Летчице было больно прощаться с лежавшей в беспамятстве Лерой, к которой она успела сильно приступить, да и оставлять девушку на камбузе с поварами, когда лишние руки были на вес золота, тоже было стыдно. Но упрямый зов крови упорно давил на свое. Истерзанное сердце Тахомы верило, что ее маленькая Кэрол еще жива.

Несмотря на все уговоры, женщина упорно собиралась в путь. В итоге Тарас, хоть и скрепя сердце, все-таки сдался и не стал препятствовать ей.

Не смог он уговорить даже взбалмошную парочку американцев Рэнди и Мичигана, не пожелавших отпускать женщину в опасное путешествие одну. К тому же, помимо прочего, и им хотелось посмотреть, что же стало с их родиной после войны. Поэтому, наскоро упаковав рюкзаки, Макмиллан, Зэф и Тахома отыскали в недрах лодки Тараса.

— Все-таки ваше решение крайнее? — оглядел основательно упакованную троицу, вздохнул он. — Куда вы теперь?

— Как-нибудь попробуем пробраться в Штаты. Спасибо за снарягу и то, что сделали для нас, — сказал Макмиллан, пожимая руку старпому. — Ехали мы у вас, как джет-сеттеры¹, хоть и не без приключений. Удачи вам в ваших странствиях. Конечно, интересно было бы взглянуть, что там стало с Россией, но, думаю, там немногим лучше, чем в остальных местах. Так что мы сойдем здесь. Дом — все-таки дом.

— Но как вы преодолеете Мексиканский залив? — привел последний довод Тарас. — Вряд ли в наши дни по нему ходят паромы.

— Да уж, ваша правда. Мы тут отрезаны, — согласился Зэф, озадаченно посмотрев на соседа.

— И наверняка американцы с нашей видухой, пересекающие мексиканскую границу в обратную сторону, представлят собой то еще зрелище, — саркастично усмехнулся Рэнди.

— Тогда уж подбросьте хотя бы до Майами, — подумав, глубоко-мысленно заключил Мичиган, поправляя за спиной набитый вещами и инструментом рюкзак. — А там мы уж как-нибудь своим ходом, по материку.

— Как скажете, дело ваше. А жаль. Уверен, нам бы еще пригодились твои умения механика. У тебя золотые руки, Зэф.

— Будет вам, капитан, — отмахнулся могучей ручищей явно польщенный здоровяк. — У вас теперь достаточно умелых людей. Справятся. — В порту Гаваны неожиданно появились и местные поселенцы из числа выживших: четырнадцатилетняя девочка Тарпия, и несколько ее спутниц, которые попросили взять их с собой и отвезти куда-нибудь в безопасное место в обмен на патроны, шкуры и вяленое мясо животных, смахивающих на кошачьих.

Недоверчиво оглядел лысые головы новой компании, смахивающей на воинственных амazonок, и обратив внимание на тот факт, что, несмотря на свой возраст, юная Тарпия, судя по всему, была беременна, Тарас решился их «подвезти» и позднее, снова избогодив Атлантику, высадил у берегов Исландии в Норвежском море. Достигнув Америки, полярники и летчица тепло попрощались с

¹ Jet-setter (англ.) — пассажир салона высшего класса.

остальной командой и, закинув карабины на плечи, ступили на когда-то родной, а теперь безжизненный и пустынnyй берег.

— Прощайте! — Макмиллан с Тахомой махали отходившей лодке, пока Зэф, взявшись с рюкзаком, подозрительно вслушивался в потрескивание жухлых пальмовых листьев над головой. Почекневшие стволы напоминали скрюченные обожженные спички.

— Доброго пути, капитан! — хоть его уже и не могли слышать, зычно гаркнул он, на всякий случай козырнув.

Отвернувшись от берега, Макмиллан посмотрел на тянущееся вдаль разбитое шоссе с сстулившимися по обе стороны фонарными столбами, присыпанное песком и пеплом. Налетевший порыв ветра растрепал высохший придорожный куст и, выдрав из него спутанный клок ржавых веток, играючи поволок поперек дороги.

— Дом, милый дом, — следя за ним, проговорил Макмиллан.

— Нам еще предстоит добраться туда, бро, — сказал Зэф, доставая из рюкзака карту Америки.

Переглянувшись, трое американцев неторопливо зашагали вперед, прочь от пирса, и вскоре их фигуры скрылись за горизонтом.

Поскольку Фареры теперь лежали как раз прямо по курсу на Пионерск, Тарас поддался на уговоры Линя и решил сделать еще одну остановку, чтобы разобраться с не дававшим покоя семенным Хранилищем.

— Да уж, многое я пропустила, — с грустью подытожила Лера, ставя пустую посуду на столик. Суп действительно придал ей сил, и девушка почувствовала себя намного лучше. Или на нее так действовало присутствие Мигеля? — Спасибо, вкусно. И не попрощалась ни с кем. Я буду скучать по Тахоме.

Она вздохнула и посмотрела на забравшуюся в тарелку мышь.

— Вот, она просила передать это тебе. На память.

С этими словами Мигель протянул Лере лейтенантскую куртку Тахомы с лейблами и потускневшими нашивками пилота BBC США. Девушка расправила ткань, чувствуя знакомый запах американки. Потом, задрав со своей стороны край одеяла, подняла на Мигеля выразительный взгляд.

— Извини?..

— Да, конечно, — священник с готовностью отвернулся. Лера, откинув покрывало и свесив голые ноги с койки, завозилась с джин-

сами с заплатами на ягодицах, застегивая молнию, а поверх нее — пряжку ремня с выбитым якорем.

— Можешь поворачиваться, — вдев руки в рукава, девушка натянула крутку Тахомы поверх тельняшки и повертелась перед Мигелем. — Ну как?

— Тебе идет.

— Большевата, — критично оценила Лера.

— Зато теплая, — урезонил Мигель. — Такие вещи для военных даже американцы на совесть делают. Вон, Катастрофу пережила.

— И пуговицы все на месте, — убедилась Лера, проверяя шестерку кругляшков, каждый из которых был пришит на четыре прочные нитки.

— Застегнись.

— Зачем? — подняла брови Лера, натягивая аккуратно заплатанные на пятках шерстяные носки.

— Ты же наверняка хочешь посмотреть, как мы будем подплывать к островам, — улыбнулся Мигель. — Да и свежий воздух тебе сейчас не помешает.

Вскарабкавшаяся по рукаву Леры Чучундра с готовностью нырнула в нагрудный карман летной куртки, всем своим видом одобряя предложение священника.

— Ну, что, идем? — вставая, он протянул девушке руку.

— Пошли.

Глава 2

БРАТСТВО ПАРА

Собравшаяся на палубе команда смотрела на приближавшиеся Фареры, вздымавшиеся к пасмурному небу острыми клыками гор, с заснеженных вершин которых в долины, к лугам, торфяникам и ве-ресковым пустошам, спускалась хвойная зелень. Острова, в большинстве своём из-за постоянных сильных ветров безлесные, после войны достаточно заросли. Берега были крутые, обрывистые, с многочисленными фьордами. Рельеф каждого из островов красовался высокими откосами и плато, разделенными глубокими ущельями.

Они столько успели повидать за время своих странствий, но вид нетронутой радиацией, первозданной природы все равно вызывал в душе заглянувших за горизонт людей трепет и благоговение.

Ежившаяся на налетавшем ветру Лера крепче куталась в куртку Тахомы, радуясь небольшой меховой оторочке из шерсти койота на воротнике, и со смесью удивления и опаски смотрела на пеняющийся по бокам лодки багровый океан.

- А почему вода красная? – поинтересовалась она.
- Водоросли цветут? – выдвинул предположение Паштет. – Или планктон?
- Кровь, – коротко ответил всматривающийся в линию берега Тарас. – Сегодня была охота.

– Тыфу, – сплюнул за борт Треска, принохиваясь к доносящемуся едкому запаху дыма. – Опять кровь. Мало нам ее было.

– Охота? – повернулась к старпому Лера.

– Киты, – опустив бинокль, Тарас указал на черные тушки, в изобилии покрывавшие уже различимую прибрежную гальку, и возвышавшееся над ними поселение, от которого в небо тянулись клубы синеватого дыма, струящегося из многочисленных каменных труб. – Стоп машина! Ближе подходить не будем!

– Есть стоп машина! – один из матросов скрылся за дверью рубки.

К полудню моросивший дождь прекратился, но команда не торопилась сходить на берег.

– Кто это такие, пап? – ударив носком ботинка по краю подпрыгнувшего скейтборда, на котором в этот раз были нарисованы витиеватые языки пламени, Милен ловко подхватила его рукой.

– Не знаю, – отозвался смотревший в бинокль Турнотур. – Я таких лодок никогда раньше не видел. Флаг похож на Российский, Андреевский, кажется, называется, но точно не скажу. В наше время можно что угодно на мачту повесить.

– Русские, здесь? Значит, на планете еще есть выжившие! – загорелись глаза Милен. – Может, они приплыли забрать всех нас?

– Куда забрать, дочка? Да и на лодку мы в любом случае все не поместимся. Или тебе здесь плохо живется?

– Да нет, почему же, – смутилась девушка, теребя истертое пластиковое колесико своей доски. – Просто...

– На палубе группа людей. И меня, если честно, очень волнует, что спустя столько лет им тут понадобилось.

– Что они делают?

– Хе, – не отрываясь от бинокля, хмыкнул старейшина. – Нас рассматривают.

Разумеется, работа по разделке китовых туш на некоторое время полностью прекратилась. Замерший в акватории острова атомоход полностью завладел вниманием местных жителей, смотревших в его сторону кто с тревогой, кто с любопытством.

Чтобы особенно не отсвечивать, до принятия окончательного решения обитатели «Грозного» вернулись обратно в каюты.

– Что это за остров? – Тарас, Линь Им, Яков и Савельев, о перенесенном недуге которого теперь напоминали только глубокие синяки под глазами да покрытые гематомами от уколов внутренние стороны локтей, склонились над картой в кают-компании.

– Похоже на Сувурой, – проводя по бумаге циркулем, сказал Савельев. – А Свальборг, то бишь Шпицберген, вот здесь.

– А почему бы нам сразу в Торсхавне не причалить? – нетерпеливо спросил Линь. – Так ведь быстрее обнаружить Хранилище?

– Думал об этом, – пощипал усы Тарас. – Но соваться на военном атомоходе в центральный порт чужого архипелага, не зная как следует обстановки... Нет. Я бы, прежде чем с фасада переть, сначала тут все разведал, – что да как. К тому же это демилитаризованная зона.

– Была, – напомнил Савельев.

– Поселение вроде промысловое, мирное, – Тарас снова склонился над картой. – Сами видели. Тем более у людей сегодня, похоже, отменный улов, так что, может, и на радушный прием стоит расчитывать. Агрессии с их стороны, по крайней мере, не наблюдается. Да и парламентеров не посылали. На берегу есть техника – значит, есть и какое-то топливо. Химза и противогазы отсутствуют, – земли не сильно зараженные.

– Как скажете, капитан, – убрав циркуль, Савельев свернул в рулон карту и засунул ее на полку к остальным.

Капитан. На борту (кроме команды, выделенной с танкера) Тараса так называли редко, и он до сих пор так и не свыкся с этим званием, полученным в ту памятную ночь, когда в сражении с морским чудовищем погиб Лобачев. Чтобы заслужить этот чин, требовалось годы службы, упорной работы, лишений, самовыдержки и дисциплины. Умение в критической ситуации стремительно принимать кардинальные решения, от которых зависели сотни жизней других, вверенных в подчинение людей.

А он... В глубине души он так и остался старшим помощником Тарасом Лапшовым. Ни больше, ни меньше. Свой человек на своем месте. Просто после гибели капитана кому-то нужно было взять на себя ответственность за командование судном. Тем более, что никто другой попросту не смог бы этого сделать. Да еще на такой машине, как «Грозный».

Поэтому взялся он. Как временно исполняющий обязанности. Хотя Тарасу не особо верилось, что со временем какой-нибудь новый капитан придет, чтобы сменить его на посту. По нынешним временам это было практически невозможно. Шансы взрастить новый полноценный кадр, технически образованный, дисциплинированный и знакомый с мореходным делом, были равны нулю.

Эх, бросил ты нас всех, Юрка. Доплыvем ли назад?

– Лодки на воду, – выходя из задумчивости, Тарас повернулся к дежурившему возле входа в кают-компанию матросу. – Отряду через двадцать минут собраться на летучку для получения указаний. Отправляемся через час.

– Есть лодки на воду! Есть собраться через двадцать минут! – скрываясь за дверью, с польским акцентом откликнулся тот.

Не обращая внимания на молча сидевших за столом Савельева, Линя и Якова, Тарас некоторое время смотрел ему вслед.

Чуть сдвинутая на затылок фуражка Лобачева жгла виски.

* * *

«Судовой журнал.

Гренландское море. Фарерские острова.

Время в пути – ...-ые сутки.

Итак, мы достигли Фарерских островов. Когда мы отправились в плавание? Сколько часов, суток, неделю назад? Даже не верится. После всего пережитого, листая назад страницы, кажется, что отсюда до дома рукой подать. И все-таки мы снова вынуждены отступить от курса.

На берегу ближайшего острова (по координатам – Сувурой) обнаружено обитаемое поселение. Судя по рыболовному промыслу и дыму из домовых труб, население цивилизованное, хотя издали, конечно, сложно судить. Заметили нас практически сразу, но никаких действий пока не предпринимают, занятые разделкой больших черных туш то ли тюленей, то ли детенышей китов (вода густо напитана кровью).

Фарерские острова расположены в северной части Атлантического океана между Исландией и Шетландскими островами. Общая площадь равна пятисот сорока квадратным милям, климат на

островах умеренный, с незначительными колебаниями температуры. Здесь нередки дожди и туманы, из-за сильных западных ветров и штормов на островах мало деревьев. Но видим мы совершенно другое.

Странно. В таких ситуациях местное начальство всегда высыпало парламентеров или, по крайней мере, общалось знаками или световыми сигналами. А тут – тишина. Неужели нас не боятся, – или это ловушка? Встреча с нефтяниками вынуждает идти на контакт с чужеземцами с максимальной осторожностью.

Флагами сигнализировали: “Я хочу установить связь с вами” и «Мое судно незараженное, прошу предоставить мне свободную практику». Никакого ответа или реакции, хотя, судя по наличию лодок и нескольких судов покрупнее, местные должны быть знакомы с морской грамотой. Спустя полчаса с берега пришел световой сигнал, расшифровать который мы в свою очередь не смогли. Видимо, верbalного общения не избежать.

Как правильно написал Юра где-то выше, чувствуем себя постыдными Колумбами. Заново открываем совершенно иной, а некогда привычный до тошноты мир. Будто космонавты на другой планете. Странное и одновременно завораживающее ощущение. А ведь многие выжившие, ютящиеся под землей и начисто отрезанные от остального мира, даже не подозревают, что вокруг них еще теплятся хоть и хилье, но все-таки очаги жизни. Люди могут сидеть под землей в нескольких сотнях метров друг от друга и думать, что умирают последними гомо сапиенс, в полном одиночестве. Грустно. И страшно жестоко. Но поделать ничего нельзя.

До сих пор не могу для себя окончательно решить, стала ли та автономка, совпавшая с Последним Днем, нашим проклятием – или чудесным спасением. Для чего нам была дана возможность все это пережить? Чтобы увидеть плоды рук своих? Кому-то помочь? Сделать ЧТО?

Не знаю. Продолжаем двигаться в сторону Пионерска, хоть и не с той скоростью, с какой хотелось бы. В последние дни вынужденные остановки пытались одна за другой. Встречи с новыми людьми, прощание со старыми. По пути на Фареры в Майами добровольно сошли американские полярники с “Новолазаревской” Рэнди Макмиллан и Зэф Мичиган, к которым присоединилась летчица BBC США

Дженнни Тахома, решившие попытать счастья и отыскать родных. Что ж, пусть им сопутствует удача. Еды и припасов им на какое-то время должно хватить.

Также у Исландских берегов высадили подобранных во время стоянки на Кубе группу странных молодых девушек во главе с некоей Тарпией, назвавшихся амазонками и попросивших отвезти их куда-нибудь прочь из Гаваны. Странная встреча. Чужеземки не проявляли агрессии, были измождены, вдобавок рассказали много интересного о своей нелегкой судьбе на Острове Свободы. В добрый путь, ибо все мы теперь скитальцы.

И вот – снова открытия. Готовимся сойти на новый берег. Что ожидает нас там? Увидим. Но все-таки хочется надеяться, что это – последняя остановка перед домом. Как они все там? Ждут ли?

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лаптев».

* * *

Лере было безумно интересно отправиться на сочавшийся зеленью каменистый берег и посмотреть на новое поселение, оказавшееся на их пути. Но вид багрового океана, смешанного с китовьей кровью, немного нервировал. Было в этом что-то отталкивающее, что-то от жуткихочных кошмаров, которые только недавно начали отпускать ее. Безысходность, разрушение, смерть и ни грамма надежды на лучшее. А может, кровь была всего лишь неотъемлемой частью мира? Въевшийся цвет новой, навсегда ставшей чужой для взрослых, а для нее – родной земли. Ведь ничего другого Лера не знала.

Может, и к лучшему, нередко думала она, когда сталкивалась с взглядами и выражениями лиц моряков, от которых сквозило тоской и болью. Не была ли она такой сама? Нет. Ее страдания были иного рода.

Наконец, пересилив себя, Лера забралась в лодку с Мигелем и Батоном, на всякий случай заняв место между мужчинами. Несмотря на то, что охотник в последнее время заметно выпустил пар и не особенно лез к священнику, Лера не сильно доверяла этому внезапному затишью, зная, что буря может последовать в любой момент.

А в перемирие так и вообще верилось с трудом. Сколько она была с ним знакома, Батон никогда не любил идти на попятную. Так что лучше пусть Мигель будет под ее присмотром.

Мышь на этот раз решила взять с собой, и теперь Чучундра привычно копошилась во внутреннем кармане надетой вместо «натовки» летной куртки Тахомы. Запах и тепло ткани напоминали девушке об ушедшей американке, придавая немного сил и вселяя спокойствие. К тому же Лере нравились многочисленные нашивки и шевроны, значения которых она не знала, разбросанные по всей куртке.

Привычно вытянувшись гусеницей, «резинки» запенили густые кровавые воды веслами. На берегу их уже ожидали. Рассмотрев в бинокль сгрудившихся у линии прибоя людей, вооруженных пиками, топорами и огнестрельным оружием, но не проявлявших видимой агрессии, стоявший на носу направляющей лодки Тарас поднял над головой кусок белой парусины, которую тут же закусал налетевший ветер. Другие способы наладить контакт не подействовали, и пришлось использовать самый примитивный и надежный из всех.

Человеческая масса заволновалась, и в ответ из толпы взметнулась рука с некогда белым фартуком, сейчас посеревшим и местами заляпанным рыбьей кровью. Несмотря на зловещую двусмысленность цветовой гаммы, импровизированное знамя можно было расценивать как мирный ответ.

Никто из местных не проронил ни слова, пока лодки торопливо вытаскивали на испачканную китовой требухой гальку, которую с шелестом лизали волны. Чуть отступив назад, островитяне следили за высадкой незваных гостей.

— Приветствую вас! Я — Тарас Лапшов, капитан атомохода «Иван Грозный» военно-морских сил России! А эти люди со мной, моя команда, — ступив на зашуршавшую под подошвой сапога алую гальку, старпом опустил руку с метавшимся в ней белым флагом. — Мы пришли с миром. Переведи.

Выбравшийся следом из лодки Яков встал рядом с моряком и, почесав через шапку голову, повторил сказанное Тарасом на английском, французском и немецком, продемонстрировав недюжинные навыки полиглotta. Дослушав, местные заметно расслабились,

но определить, кто из них какой язык понял, на глаз было невозможно.

— Могу я поговорить с тем, кто у вас здесь главный? — обводя взглядом собравшихся людей в овечьих куртках, поверх которых были надеты кольчуги, и металлических шлемах различной формы, задал новый вопрос Лапшов.

— Я главный, — с сильным акцентом ответил по-английски стоявший впереди всех рослый мужчина средних лет с бородой, заплетенной в длинные косы. Его голову венчал массивный поцарапанный шлем с закрученными барабанными рогами. — Меня зовут Вальгир Турнотур, я — старейшина «Братства пара». Это наша земля.

— Мы не претендуем на вашу землю, — в тон местному главе перевел слова Тараса Яков. — Братство пара?

— Да, так нас зовут русские. Хотя я вижу среди вас множество азиатских лиц. Если вы не захватчики, то тогда зачем приплыли сюда, на Сувурой, иноземцы? — спросил Турнотур.

— Мы кое-что ищем здесь, — уклончиво ответил Тарас, оглядев опустившую оружие команду. — Но разве вы не удивлены или не рады видеть нас?

— Удивлены, — согласился предводитель общин. — Вы — первые люди после Рагнарёка, которые приплыли к нам издалека, а не с соседних островов. Да еще на такой лодке. Вы можете с легкостью уничтожить нас, но заверяю, в случае угрозы мы примем бой, сражаясь до последнего человека.

— Если бы мы были настроены агрессивно, то не стали бы столько времени рассусоливать почем зря. Мы не захватчики, а путешественники, — Тарас быстро переглянулся с Савельевым и Линем. — На других островах тоже есть колонии?

— Да. Но немногочисленные. Самая большая находится в нашей столице — Торсхавне. Там располагается резиденция нашего верховного вождя и управителя Ульриха Семиброка. Что вы ищете здесь?

— Нечто ценное, — через Якова отозвался Линь. — Что скрыто в этих землях.

— Что в нынешних условиях может быть ценнее человеческой жизни или жизни близких? — заметил Вальгар. — Выходит, вы пришли с миром, но все-таки ради наживы. Вы пираты, странствующие мародеры?

— Нет. Но то, что мы ищем в здешних краях, поможет всем, — ответил Тарас. — Мы не преследуем личные цели, а пытаемся помочь остаткам уцелевших после войны.

Он указал на выброшенные на берег развороченные туши кито-видных дельфинов.

— Эти твари напали на вас?

— Зырь, чувак, знатно «викинги» живности натоптали, — Треска пырнул локтем в бок стоявшего рядом Паштета. — Интересно, чего это они так разодеты? Берсерки, блин.

— Мы б такого и за неделю не навялили, — с уважением к чужому труду откликнулся тот, шумно слюну. — Это же хренова туча мяса, да и куда ее девать?

— Явно уж не на наш камбуз, чувак, — Треска с интересом следил, как фыркающий паром монстр-тягач волочил за собой тушу самого большого дельфина, за которым стелился растекающийся кровавый след. — Похоже, эти хлопцы в ловле нам с тобой ого-го какую фору дадут. Интересно, на чем бегает этот козлик? Не на соляре же. Хотя черт его теперь знает...

— Похоже, что на пару. Смотри, вон котел огромный какой. И воняет, как от заводской печки, — отмахиваясь, прокашлялся Паштет, когда ветер потянул в его сторону чадящий дым из трубы в боку агрегата.

— Да уж, система-ниппель, — в привычно-ядовитой манере оценил Ворошилов.

— Зато пашет, чувак.

— Это не нападение, а лов. Сегодня большой День охоты на гринд, черных дельфинов. Мы запасаемся мясом на зиму. Каким же ветром вас к нам занесло? — неожиданно раздалось откуда-то с галерки стоявшей полукругом толпы. — Спустя-то столько годков?

— Кто это сказал? — мгновенно вскинулся Турнотур. — Кто осмелился без разрешения перебить старейшину? Выйди!

— Постойте, — мягко вклинился Яков, голос которого задрожал от волнения. — Здесь есть русские?

— Да, но немного, — ответили на родном русском наречии и добавили для бородатого здоровяка на английском: — Не серчай, Турнотур, спустя столько времени речь родную услышать... Откуда будете, земляки?

– Россия, Калининград, – ответил за Тараса Батон. Стоявшая между ним и Мигелем Лера, которая слушала разговор, кое-что улавливая благодаря урокам Тахомы, и оглядывала незнакомцев, внезапно столкнулась со взглядом молодой девушки, стоявшей за спиной бородача, назвавшегося старейшиной, и изучавшей ее с не-поддельным любопытством. В свою очередь Лера с интересом посмотрела на небольшую доску с колесиками, раскрашенную языками пламени, которую незнакомка придерживала одной рукой.

– Вот это уж денек так денек. Эвона вас куда забросило-то... – из толпы снова послышалась нестройная русская речь.

– Чего ты там возишься? – уловив движения девушки, буркнул на подопечную Батон.

– Ничего. Ей жарко.

Расстегнув карман куртки, Лера выпустила на волю Чучундру, которая, взбежав по незнакомому рукаву, привычно устроилась на плече хозяйки. Глаза светловолосой девушки расширились от удивления.

– Вы приплыли забрать нас? – внезапно, не удержавшись, выпалила она, не сводя завороженного взора с громадины стоящего на якоре «Грозного». – Много вы видели выживших в других краях?

– Помолчи, дочка, – осадил девушку Вальгар и посмотрел на громыхнувшее, заволоченное низкими тучами небо, проливавшееся на землю мелким дождем.

– Достаточно. Очаги жизни разбросаны повсюду. Человечество не окончательно истреблено, – ответил Яков.

– Что ж, – вслушиваясь в незнакомую речь, Турнотур поднял руку, призывая к молчанию, и задумчиво потеребил косы в бороде. – Такие истории не слышатся под ледяным ветром и на голодный желудок. Тем более, что, судя по вашим изможденным лицам, вам многое пришлось пережить. Сегодня у нас добрый улов, со-впавший с вашим прибытием, и пока неизвестно, чем это закончится для всех нас. Отдохните с дороги, а мы послушаем. Но оружие оставьте на своем судне. Мы не алчим крови.

– Но в таком случае вы останетесь при своем, – Тарас указал на гарпуны, топорики и ружья в руках стоявших за старейшиной людей. – А это не равная ситуация, разве не так?

– Это наша земля, – снова повторил Турнотур. – Нам и решать.

— Истинно так, — так же ответил Тарас. — Но для нас она чужая, и мы пришли с миром. А значит, кровь не прольется ни сегодня, ни завтра, но в случае угрозы мы должны дать отпор.

— Пока вы на моей земле, ничто не грозит вам опасностью.

— Наше оружие не причинит никому вреда, — твердо повторил Тарас. — Слово офицера.

— Что ж, путешественники. Я принимаю твое слово, странник, но не вздумай нарушить его, — немного подумав, наконец, кивнул Турнотур, не сводя глаз с Тараса, по щекам которого струились капли усилившегося дождя. — Добро пожаловать в «Братство пары»!

Он повернулся к собравшимся рыбакам и поднял над головой окровавленный гарпун.

— Сложите оружие, заканчивайте разделку мяса и подсчитывайте свои скинны! Негоже пришедших с миром на пороге держать. Сегодня день большой ловли и встреч!

— Праздновать! — эхом подхватила толпа.

* * *

Вечером дождь, ливший весь день, понемногу перестал, уступив место ветру, трепавшему сырую зелень на крышах домов. Деревня «Братства» гудела, словно потревоженный улей. По слухам прибытия диковинной подлодки местные жители решили устроить самый настоящий пир, что на острове делалось лишь по большим праздникам.

Само собой, команда «Ивана Грозного» была в центре внимания. Успевшие подгулять уже в течение дня, некоторые рыбаки из местных группами приходили на берег, чтобы поглязеть на громадину субмарины, стоявшую неподалеку и освещаемую в сумраке ночи яркими сигнальными фонарями.

В одном из многочисленных амбаров, предусмотренных под склады для припасов и сена, широким прямоугольником расставили сдвинутые друг к другу деревянные струганые столы, на которых незамедлительно стали появляться всевозможные кушанья.

Чего тут только не было! Преобладало, конечно, мясо гринд и домашнего скота — коз, свиней и овец. Копченые баараны ребра, всевозможные вырезки, шеи, разномастные сладкие и острые под-

ливки и зелень со своих огородов. Сушеные, свежие грибы и маринованные до полупрозрачности непонятные кореня — такого гастрономического изобилия команде «Грозного», сидевшей на более чем спартанском пайке, видеть еще не приходилось. Даже у самых выносливых немедленно заныли животы.

Среди прочего Лера рассмотрела плоское блюдо с горой запеченных лягушек, проткнутых палочками, чтобы удобнее было брать и есть земноводных, начиная с головы. Мысленно наказав себе не особенно вдаваться в эксперименты, девушка положила на свою тарелку умеренный кусок жаркого из белки, пару рольмопсов¹ из маринованной сельди, по ложечке всех видов грибов — профессиональный интерес обязывал — и немного овощей, добавив к ним кусок пресного (но еще теплого!) домашнего хлеба, который немедленно надкусила. Ммм, вкуснятина! Правда, после умеренного лодочного рациона нужно было быть осторожнее и не особо увлекаться, чтобы похалеть не готовый к таким резким приключениям желудок. Но после первого куска восхитительного жареного мяса Лера плонула на предосторожности и с аппетитом стала есть вместе со всеми, не забывая делиться крошками с дежурившей на коленях под столом Чучундрой.

Запивали еду из деревянных, перетянутых стальными кольцами кружек ягодными морсами и хмельной брагой на доморощенных злаковых, от кислого привкуса которой щипало язык.

Всю эту красоту и редкое по современным меркам изобилие освещало огромное количество факелов и расставленных по столам светильников. Очень быстро начались тосты. Тут и там то и дело вставал кто-нибудь из охотников или дровосеков, чтобы выпить за удачный лов, здоровье старейшины и новых гостей. С каждым новым глотком пир набирал обороты.

— Мясо-о, — блаженно принюхиваясь к головокружительным ароматам, мечтательно протянул Треска.

— Угу. Симфонь, — отложив очередную обглоданную косточку на блюдо, Паштет откинулся на табурете и похлопал себя по животу. — Вот и на нашей улице праздник.

¹ Такая закуска существует давно, а название ей придумали в XIX столетии благодаря моде на мопсов — «анфас» рулеты напоминают морды собак этой породы.

— Эй, а это что? — Треска жестом подозвал мужчину, несущего пузатое блюдо, до краев наполненное чем-то круглым и студенистым, и снаряженного висящим на ремне черпаком. — Ходь сюды.

— Ягоды, что ли? — предположил Паштет, поддевая вилкой один из подложенных на тарелку шариков.

— Это глаза овцы, — пояснил разносчик, оказавшийся тем говорливым русским с берега. — Большой деликатес.

— Глаза? — жалобно всхлипнул раньше времени проглотивший первую «ягоду» Паштет. — Свежие, что ли...

— Нет. Сначала необходимо вырезать и нанизать глаз на веревочку, после чего прокипятить в горячем источнике. Овца должна быть не убитой, а именно умершей своей смертью, — подкладывая яство застывшему Треске, стал охотно рассказывать разносчик. — Их нужно искать в местах, где температура окружающего воздуха не поднимается выше нуля. Глаза этих, например, обнаружили на равнине при температуре около минус шести.

— Ты нас температурами-то не страшай, — осадил рассказчика Паштет. — Мы зады и при минус сорока морозили. Про Антарктику слышал?

— Как не слышать. Слышал, конечно. Но тут половина стада как одна померла, а от чего, так и не распознали. Потом выяснили, что по калорийности и содержанию белка глаза намного превосходят мясо. А еще в них полно витаминов.

Из приоткрытого рта слушавшего Трески на стол вывалился недожеванный кусок хлеба.

— На здоровье! — пожелал мужчина, снова вешая черпак на ремень и двигаясь дальше вдоль стола.

Повара переглянулись.

— И как? — морщась от сострадания, протянул Треска, подцепляя хлебный мякиш со столовой доски.

— Как хрящик с холодным деръемом, — задумчиво подняв глаза к потолку, рассудил долговязый сосед. — Соли маловато.

— Ну ты, блин, гурман, чувак, — отодвигая плошку с глазами, захочотал Треска. — Смотри, чтоб тебе другой какой орган не принесли! А я пас. Лучше еще выпью. Эй, а где тут за добавкой ходят?

Закончив рассказ, Тарас задумчиво посмотрел, как в их сторону неторопливо движется чаша с овечьими глазами, от которой спеш-

но отказался Ворошилов, и, теребя ус, повернулся к сидевшему во главе стола Турнотуру. Тот уже покончил с первой сменой блюд и раскуривал длинную трубку из спиралью закрученного корня какого-то дерева.

— Да, удивительна ваша история, если то, что я услышал, действительно правда, — наконец сказал Турнотур, выпуская из ноздрей клубы ароматного дыма. — Значит, Хранилище Судного Дня...

— Да, здесь, на Свальборге, — Тарас посмотрел на Линя, неожиданно ощущив себя в шкуре Ежи, пришедшего с безумной идеей в чужое убежище¹. — Все именно так. У нас с собой все необходимые записи и документы.

— Мы знаем о нем. Они вам не понадобятся. Зачем оно вам?

— В нем собраны ДНК и замороженные образцы всех растений, овощей и других культур, ранее обретавшихся на нашей планете, — перевел Яков Линя, который вступил в разговор. — С их помощью можно попробовать заново засеять планету и очистить ее от радиации. Не будет больше голода и бедствий. Для этого они ведь и были оставлены.

— Мне это известно, — глядя на тлеющие в трубке угли, сказал Турнотур. — Но, к сожалению, нам не удалось его полностью вскрыть. Не хватает спецтехники. Да и не понятно, во благо ли мы стучимся в Ящик Пандоры?

— Вскрыть, — сидевший рядом с Лерой Мигель даже слегка привстал от волнения. — Вы сказали — вскрыть?

— Помолчи, — одернул его Батон.

— А вы думаете, что весь этот пир удался только собственными руками? — усмехнувшись, старейшина указал чубуком на ломящийся от еды стол. — Конечно же, нет. В нынешних-то условиях. Мы и так сводим концы с концами раз в сезон, когда приплывают гринды. Входной и шлюзовой отсек мы кое-как осилили и, расконсервировав, смогли достать несколько образцов деревьев и некоторые злаковые. А вот дальше углубляться побоялись, чтобы не нарушить автономную систему жизнеобеспечения, которая, судя по всему, продолжает работать. Там защита и очень толстые двери на электронных замках.

¹ См. «Метро 2033: Ледяной плен».

– Пробовали взрывать? – спросил Линь.

– Чем? – развел руками старейшина. – Взрывчатка, конечно, на островах имеется, но кому это поручить? Взрывом можно что-нибудь повредить или попросту перевести боезапас зря, так ничего и не добившись. Никто не хочет рисковать.

– Так вы хотите сказать, что все это приготовлено на основе семян из Хранилища? – Савельев по-другому оглядел разложенные на столе кушания.

– Разумеется. Большая часть. К примеру, вот этот хлеб. Образцы прекрасно сохранились, наши предки строили такие вещи на совесть.

– Только планету не сберегли, – мрачно вставил Тарас.

– Что верно, то верно, – вновь затягиваясь, согласился Вальгар. – Но война расставила все на свои места. Поэтому мы вернулись к культу дерева и пламени, как делали древние, чьи каменные идолы еще можно встретить в здешних горах. Так вы утверждаете, что сможете раскопорить Хранилище полностью?

– С нашими ресурсами это возможно, – с готовностью кивнул Линь.

– И что дальше?

– Начнем развоз ДНК по миру, – пожал плечами кореец. – Будем засевивать планету заново для блага всего человечества. Хватит уже ютиться по бункерам и гнить под землей! Вы-то вон вроде не плохо себе живете.

– Это потому, что нам меньше всего досталось, – вздохнул Турнотур. – Звучит, конечно, прекрасно, хоть и верится поначалу с трудом. Но для этого потребуется разрешение нашего верховного воождя и управителя Ульриха Семиброка. Думаю, он уже знает о вашем прибытии. Нужно плыть на Торсхавн.

– Мы так и думали, – кивнул Тарас, переглянувшись с Савельевым и Батоном, который, поглядывая на Мигеля и Леру, втихаря налегал на брагу.

– Если Ульрих не пожалует сам – сигнальные костры вновь запалены, значит, новость о вас и лодке уже обошла острова – на заре можно будет отправиться к нему на нашем катере. Я не могу решать такие вопросы один. Я – всего лишь старейшина своего поселения.

Сделав последнюю затяжку, Турнотур аккуратно выбил золу из трубки на специальное блюдечко, которое подала жена.

– Понимаем, – ответил Тарас. – Спасибо уже на том, что встретили не штыками со свинцом, а добрым столом. Да еще и выслушали. Кстати, а откуда у вас топливо для освещения и тягачей?

– Пар, – спустив рукава своей рубашки, которые закатывал, чтобы не испачкать мясом, которое ел руками, Вальгар сделал знак разносчикам. – Обычное жидкое топливо в большом дефиците и используется только в случае крайней нужды. Мы научились выращивать древесину в достаточных количествах, за что тоже спасибо Хранилищу, и превращать ее в уголь, а тот в свою очередь – в пар, который и стал главным источником движущей силы для всего, что вы тут увидите. Поэтому мы называемся «Братством пара».

– Невероятно, – сказал Савельев.

– Зато экологично. Ремесло дровосека и все, что связано с лесозаготовками, у нас в большом почете. Я тоже им был. Моя дочь в скором времени выйдет замуж за одного из них, – Турнотур искал глазами сидевшего за столом Олафа.

– Папа, – покраснела Милен.

Настало время второй смены блюд. Теперь это были пахучие мясные и травяные супы в небольших плошках с высокими краями.

– О, лабскаус¹, рекомендую, – довольно потер ладони Турнотур. – Старинное блюдо скандинавских моряков, вам будет интересно попробовать.

Проглотив первую ложку с душистым отваром, Лера зажмурилась и, проведя языком по губам, подумала, что даже в постъядерном мире есть рай на земле, и она готова остаться здесь навсегда.

– Ну, чего сидишь, – помусолив с зубах чубук нераскуренной трубки, Турнотур лукаво посмотрел на сидевшую рядом с матерью Милен, заметив, что она продолжает с интересом рассматривать трудившуюся над супом Леру. – Иди, познакомься.

Выгадав момент, когда Мигель отлучился из-за стола, Милен взяла небольшую тарелку с хлебными сухариками и направилась в сторону девушки.

¹ Лабскаус – говяжью солонину отваривают вместе с маринованной свеклой, маринованными огурцами, луком и сельдью и пропускают через мясорубку. Полученную массу тушат на свином сале, затем доводят до кипения в огуречном рассоле или бульоне.

— Вот, возьми, с ними вкуснее будет, — предложила она, садясь рядом с Лерой и ставя на стол тарелку. — Ты говоришь по-английски?

— Привет. Немного. Спасибо.

К ней подошли! Лера давно заметила среди взрослых симпатичную девушку примерно ее возраста, с длинными волосами, перетянутыми на лбу кожаной косичкой, и уже некоторое время с интересом наблюдала за ней. Как-никак, а с начала похода у нее не было возможности пообщаться со сверстницами. А тут еще и иностранка.

Вот и сгодились уроки Тахомы; теперь настало время применять полученные знания на практике. Оставалось только надеяться, что их будет достаточно. Стارаясь побороть смущение и взяв из тарелки несколько гренок, Лера бросила их в тарелку и размешала ложкой, давая тесту как следует размякнуть.

— У вас очень вкусно кормят.

— Знаю. На День Гринд всегда праздник. А тут еще и вы приплыли. Я Милен.

— А я Валерия. Или просто Лера.

Показавшаяся из-под стола Чучундра вскарабкалась на ее плечо и, усевшись на излюбленном месте, стала деловито чистить лапками мордочку.

— Что означает твое имя?

— Сильная, — вспомнив разговор с Мигелем, ответила Лера.

— А мое — просто «милая».

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— А мне двадцать три.

— Это твой зверек? — Милен улыбнулась, наблюдая за мышкой, и зачесала прядку светлых волос за ухо.

— Да.

— Как его зовут?

— Чучундра, — не в силах выговорить это слово на другом языке, Лера просто ответила по-русски и, подув на ложку с кусочком гренки, протянула ее зверьку, который, взяв угощение лапками, принялся деловито его поглощать. Сама же мысленно поблагодарила Тахому за хоть и немногие, но все-таки преподанные уроки. — Это она.

— Chuchundra, — попыталась повторить заковыристое слово Милен. — Смешная. Можно погладить?

— Конечно, не бойся. Она ручная. А ты говоришь по-русски?

— Немного, тут некоторые его знают. Включая меня.

— Значит, подружимся, — улыбнулась Лера. — У тебя смешное произношение. Только не обижайся.

— Знаю. У тебя тоже, по-английски если. Кто тебя научил?

— Знакомая американка с лодки, — с сожалением вздохнула Лера, вспомнив Тахому. — Сошла по пути.

Пока новая знакомая, что-то ласково щебечала, знакомилась со зверьком, от сытости благодушно разрешившим себя погладить, Лера настороженно поглядывала в сторону уверенно набиравшегося Батона, следя, чтобы тот ненароком не отправился за отошедшим Мигелем. В последние дни она много думала о нем. Об их беседах, о его заботе, пока Лера была прикована к койке. Было ли это... Чем? Ей еще трудно было определиться, но Лера понимала, что внутри начинает робким цветком распускаться что-то новое и доселе неизведенное. Или виной была местная брага, которую она решилась пригубить после сока?

— Ты дочка старейшины?

— Да, — кивнула Милен. — И худо-бедно обучалась нескольким языкам, положенным мне по статусу. Хоть и сватают за рыбака. Кушай, кушай, пока не остыло. Корейник лучше, когда горячий. А ты? Как попала на лодку? Я думала, в море выходят только мужчины.

— Долго рассказывать, — отодвинув пустую тарелку, Лера пожала плечами. — Я из подземного убежища в городе Пионерск. Это очень-очень далеко отсюда. А на борту оказалась случайно, — она улыбнулась. — Сбежала, чтобы замуж не идти. Как раз за сына старейшины.

— Понимаю, — Милен оглядела стол, перехватив озорной взгляд Олафа. — Меня тоже выдавать собираются, вон, за него. В наши времена все старшие решают. Только мне бежать-то некуда. Да и парень он ничего, если честно. Просто я еще сама с собой не разобралась.

— Успеется, — Лера не смогла как следует просклонять слово на английском и постаралась помочь себе жестом; на всякий случай повторила на русском: — Успеется. Понимаешь?

— Говори, как тебе удобнее, я знаю много слов. Успеть-то успеется. Жизнь вот только быстро идет. Я слышала вашу историю. Сколько же всего тебе довелось повидать! — с ноткой зависти добавила девушка.

— Поверь, многое из этого забыть хочется. Немало людей погибло за этот поход.

— Верю. Ты умеешь обращаться с оружием? На берегу видела.

— Да. До отплытия я была в учениках у охотника на мутантов. Вон у того, — Лера кивком головы указала на Батона, о чем-то не-громко спорившего с Ворошиловым. — Лови не лови, а наука все равно одна — выживать.

— И много ты их видела?

— По-всякому. На персональную галерею ночных кошмаров точно хватит. У вас разве такие не водятся?

— Водятся, но ведут себя посмирнее. Если их не трогать, то и тебя оставят в покое. И за Чертов ручей не ходить. Он в низине, за маяком. А я никогда еще не стреляла порохом, — с сожалением сказала Милен, но тут же с гордостью добавила: — Зато у меня есть лук, и я самая меткая среди девушек!

— Может, это и к лучшему, — с грустью ответила Лера. Ее начинало тревожить длительное отсутствие Мигеля. Она спросила, чтобы сменить тему: — А что это за деревяшка у тебя была, с колесиками?

— В смысле? — нахмурилась Милен, но почти сразу же засмеялась: — А, ты про скейт! Это чтобы кататься. Никогда не видела такой?

— Нет.

— Хочешь, могу научить, у меня уже здорово получается, — предложила Милен и, заметив приближавшегося разносчика посуды, забрала у Леры тарелку. — Так, давай сюда. Сейчас ягодный десерт подавать будут, пальчики оближешь.

— Похоже, контакт налажен, — заново набивая трубку и следя за новыми подругами, улыбнулся Турнотур. — Милен у нас знает подход к людям.

— Да и нашей хорошо, — согласился Тарас. — Черт знает, сколько не общалась с ровесницами. Все мужики одни.

— Я вот хотел об этом спросить, — немного замявшись, сказал Вальгар. — Вся команда сплошь из мужчин — и одна девушка на борту. К тому же молодая. Как вы с этим... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — справлялись?

— Ты на что это намекаешь? — мгновенно помрачнел Тарас, придержав под столом недобро зашевелившегося Батона. — Она как дочка нам всем.

— Прошу прощения, я ни в коем случае не хотел никого обидеть, — вынув из зубов трубку, чинно поклонился Турнотур. — Действительно, в иные времена другие и правила. Она ровесница моей дочери, поэтому я и спросил. Значит, ей присуща смелость и выдержка, а это качества настоящего воина! О, а вот и десерт.

Пиршество продолжалось, и скоро на смену еде пришли музыка и танцы. Посуда была убрана, а столы сдвинуты к стенам амбара. Снова взявшись за свои духовые инструменты, менестрели затянули незамысловатый лиричный мотив, написанный в год Катастрофы, — «Драконье золото».

К смелым лишь судьба благосклонна.
Сигурд победит врага.
Золота не счастье у дракона...
Вражеского рода дом
Безумствует в расправах,
На меня идет с мечом,
Исполненным отравы¹.

* * *

Мигель стоял на небольшой освещенной факелами опушке перед амбаром и, облокотившись о низкий заборчик, покрытый разросшимся мхом, смотрел на гавань с видневшимся вдали «Грозным» и усеянный потрохами берег, над которыми с клекотом пировали птицы, которые, как ему сказали, назывались кайры².

— Почему ты не с нами? — спросила Лера, осторожно подойдя к нему сзади. — Ужин уже закончился. Ты устал?

— Дело не в еде. Просто я отвык от такого скопления людей и шума, — не оборачиваясь, ответил Мигель, вслушиваясь в хор, под-

¹ «Драконье золото», MystTerra.

² Кайры — морские птицы, распространенные в северном полушарии.

певающий песне. – Да и Батон опять напивается, не хочу провоцировать драку. Может, зря я вообще поехал с вами.

– И что бы ты там делал один? Умирал?

– Я никому здесь не нужен. Я чужой среди вас.

– Нет, ты нужен, – взял за руку, девушка мягко повернула его к себе.

– Кому?

– Мне.

Мигель посмотрел на стоявшую перед ним Леру, глядящую на него снизу вверх.

– Почему ты не остался в Чили? – спросила она. – Там же твой дом. Американцы же сошли.

– Ты бы этого хотела?

– Нет, – возразила девушка и, потупив взор, едва слышно добавила: – Не знаю.

– Там пепел от моего дома. Мне нечего больше искать.

И неожиданно он негромко продекламировал:

И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
Не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растрапел страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
Заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выstellenить
твой уходящий шаг.¹

¹ Владимир Маяковский. «Лиличка! (вместо письма)».

– Опять стихи, – потянулась к нему Лера. – Сколько же ты их знаешь. Я бы хотела оставить свой след. Только не знаю, какой.

– А у меня ничего не осталось. Я все хотел сказать тебе, да никак не мог слова подобрать. Мой дом теперь в другом месте.

– Где же? – приближаясь, подтолкнула Лера.

– Здесь, – просто ответил священник, глядя ей прямо в глаза, и на его лице отразилась секундная внутренняя борьба. – Рядом с тобой. Я... я люблю тебя.

– Правда? – прошептала она.

И неожиданно, поддавшись нахлынувшему порыву, Лера чуть привстала и коснулась своими губами его обветренных губ, впервые в жизни целуя мужчину.

– Что ты делаешь?

– Не знаю... – повторила она. – Тебе не нравится?

Он так же неожиданно ответил ей, почувствовав на ее губах дурманяще-хмельной привкус браги. Или это просто всколыхнулось внутри давно забытое чувство от прикосновения к женскому телу? Лера задрожала, ощущив его ладони сначала на своих щеках, а потом и на талии.

Она снова жадно поцеловала его, ощущая, как тело наполняется жаром, взяла за руку и потянула в ночь за собой. Стоявший в тени крыльца амбара Батон молча наблюдал за ними, все сильнее сжимая в кулаке тихо скрипящую кружку, сочащуюся между пальцами пенящейся недопитой брагой.

Да что же это они делают... Что *она* делает. Толкнув дверь отведенной ей комнаты в гостевом домике, Лера снова жадно поцеловала Мигеля. Сейчас ей было на все плевать. Она давно поняла то чувство, которое все это время нарастало в ней, зрело, требуя разрядки. Она хотела этого мужчину. Естественно, животно, всеми клеточками своего женского существа. И она не намерена была больше терпеть.

Сбросив куртку, руки Мигеля, не слушаясь, нащупали ее груди под сползающей тельняшкой и коснулись твердых сосков. Лера раскрыла губы навстречу новому поцелую, и ее язычок скользнул ему в рот.

Краем затуманенного сознания Лера понимала, что тело ее уже не слушается, полностью отдаваясь *ему*. Все было так быстро. Так

прекрасно. Сейчас не хотелось ни о чем и ни о ком думать. Боль, смерть, пережитые лишения и невзгоды. Все было не важно. Сейчас были только упавшие на кровать Мигель и она.

Перевернувшись на спину, Лера судорожно задышала, ощущая, как в голове не остается ничего, кроме короткой вспышки боли и невиданной радости, которые ярко сменяли друг друга в кипящем сознании. Полубезумная, потерявшая голову, задыхалась она в объятиях захлестнувшей ее любовной борьбы. В конце концов, Мигель застонал, но Лера не выпустила его, только сильнее обхватив ногами, и прижалась, нежно шепча что-то на ухо, словно пьяная, едва не срывааясь на крик. Наконец она обмякла, не в силах более пошевелить ни единственным мускулом.

Они лежали рядом. Обычные мужчина и женщина, случайно встретившиеся на руинах уничтоженного мира. Словно последние оставшиеся люди на земле – Адам и Ева, вернувшиеся в сожженный дотла Рай.

– О, Господи, – одними губами пробормотал Мигель. – Что мы наделали.

Так вот как это происходит. Как же хорошо. Как волшебно. Чувствуя, как бешено колотится разгоряченное сердце, Лера нашла его руку и прижала к груди.

– Послушай... – начал было Мигель, отстраняясь.

– Не надо, – разворачиваясь, прошептала она, прижимая к его губам палец. – Испортишь.

Глава 3

ЗАГОВОР

Следующим утром сборы к отплытию в Торсхавн начались ни свет ни заря. Отправиться вместе с Турнотуром и его телохранителями решили Тарас, Батон, Линь, оставивший всех своих людей на «Грозном», и Яков.

Тарас предложил отправиться на «Грозном», но Турнотур сказал, что быстрее будет на местном катере; отлучившийся на судно Линь заверил, что его команда за всем присмотрит в отсутствие капитана.

– 우리의 부재에서 배에 눈을 유지합니다, – не зная, что Лера его слышит, сказал Линь Дану по-корейски, сделав неуловимый знак маячившему рядом Якову не переводить. – 신호를 받는 방법, 계획에 따라 행동한다.

– 수행됩니다¹, – негромко ответил телохранитель и посмотрел на поспешившую отвернуться девушку, которая все равно ничего не поняла. Голос у человека-скалы, впервые заговорившего в ее присутствии, был низкий и неприятно-скрипучий.

Мигель, Лера, Савельев, Ворошилов и повара остались на попечении жителей деревни. После неожиданно произошедшего объяс-

---

¹ – Присмотри за кораблем в наше отсутствие. Как получишь сигнал, действуй согласно плану.

– Будет сделано (кор.).

нения с девушкой священник с самого утра оставался в отведенной ему комнате. А размещенная в домиках для гостей неразлучная парочка так вообще не выказывала никакого желания участвовать в общих сборах. Расположившись на большом валуне, повара неторопливо закусывали холодным мясом, оставшимся со вчерашнего пиршества, наблюдали, как члены команды во главе с Вальгаром собираются у дощатого пирса, где уже дожидался большой паровой катер, вовсю чадивший трубой.

— А смотри, что у Птаха еще написано, — обгладывая косточку, Паштет ткнул пальцем в излюбленную тетрадь, которую держал на коленях (после того, как всем вкололи антидот и приступили к стерилизации одежды, ее все-таки удалось отстоять). — И избороздят море лодки дымнопарые... Прямо про нас!

— Опять ты за свое, чувак, — в привычной манере скривился Треска, вгрызаясь зубами в сочащийся жиром кусок. — У меня от его предсказаний несварение. Дай нормально пожрать.

— Не беспокойся, они быстро вернутся, — успокоила Леру стоявшая среди провожающих Милен.

— Я и не беспокоюсь, — заверила девушка. На самом деле она была даже рада, что дяди Миши какое-то время не будет рядом. В последнее время присутствие старого охотника все сильнее тяготило ее. Но где-то внутри неприятно покалывало чувство смутной тревоги. Может, не стоило им сейчас разделяться, тем более на чужой земле...

Мигеля среди провожающих не было. Священник с утра пропадал в своей комнате, и Лера не знала, что он думал по поводу того, что произошло между ними ночью. Наверное, молился по своему обыкновению или читал. Признаться, она и сама от себя не ожидала подобной решительности. Не безрассудство ли? Поздно, сделанного не воротишь. Стоя вместе со всеми, Лера была погружена в свои мысли. Им обоим нужно было подумать.

Действительно ли чувство, которое крепло в ней все сильнее, называлось любовью? А его признание? Или это пара глотков алкоголя вскружила ей голову? С другой стороны, чего стоило ожидать от ситуации, когда все они столько времени были заперты в тесных каморках подлодки, словно в консервной банке, ежеминутно маяча друг у друга перед глазами? Обычные мужчина и женщина из плоти и крови. Природа просто взяла свое.

Мигель аккуратно стриг бороду и собирали свои курчавые волосы в хвост. Лере так нравилось даже больше. Она тоже заметила, что стала проводить перед зеркалом чуть больше привычного времени, чтобы умыть лицо и как следует причесать свои волнистые локоны. Стоя со всеми на пирсе, девушка поймала себя на том, что улыбается непонятно чему.

— Будь осторожен, — помогая мужу надеть на плечи шубу из овчины, напутствовала Ламбар. — Передавай мой поклон Семиброку. И возвращайтесь с добрыми вестями.

— Обязательно, — Турнотур притянул ее к себе и поцеловал в лоб. — Ульрих рассудителен и мудр. К тому же мы везем с собой ко двору часть улова в знак уважения. Мы постараемся вернуться завтра до захода солнца. И не забывай про радиопередатчик в случае чего.

— Я помню. Не переживай.

— Эгей! Отправляемся!

С этими словами он первым стал подниматься по сходням на борт дожидавшегося катера. Провожающие махали, наблюдая, как корабль отчаливает от берега и разворачивается к выходу из гавани, чтобы пройти мимо «Грозного».

— Ну что, готова? — спросила Лера Милен.

— К чему?

— До возвращения взрослых еще уйма времени, я могу показать тебе окрестности, если хочешь. Ты когда-нибудь бывала в лесу?

— Бывала, — поежилась Лера, вспомнив, как, обезумев от страха, беспомощно болталась вниз головой, угодив в силки африканских охотников. — Джунгли называется.

— А что это? — не поняла незнакомое слово Милен.

— Лес, — просто ответила Лера. — *Тро-ти-чес-кий*, кажется. И еще в нем очень жарко и полно ловушек, а еще местных жителей, которые так и норовят съесть тебя.

— Ну, у нас здесь тепло только летом и весной, так что куртка тебе точно понадобится. А силки на белок только мои и местных охотников. Я их все знаю, да и есть нас никто не станет. Если хочешь, можем отправиться прямо сейчас, — Милен посмотрела на прояснившееся небо. — Погода сегодня вроде нормальная намечается. Да и Ромашку пора уже выгулять.

— Ромашку? — теперь пришла очередь удивляться Лере, наконец отвернувшейся от удалявшегося кораблика, как раз проходящего мимо «Грозного» и оставлявшего за собой разрываемый ветром дымный след.

— С ними все будет в порядке. Идем, — Милен поманила за собой новую подругу. — Я вас познакомлю. У тебя есть Чучундра, а у меня она. Ромашка — это такой цветок, зацветает у нас весной на полях. Легкий и красивый. Ей очень идет.

Провожающие стали расходиться. Вслед за Милен Лера сошла с пирса и, стараясь не отставать, двинулась за девушкой в сторону деревни. Миновав центральную площадь с колодцем и сигнальным колоколом, Милен повела новую знакомую за амбар, где на кануне был праздник, к хозяйственным постройкам поменьше. По внешнему виду бревенчатых сооружений и прислоненным к ним тележкам и инструменту сразу становилось ясно, что здесь содержали скот.

— Сейчас как раз время утренней кормежки, — объяснила Милен, снимая перекладину и отодвигая одну из тяжелых половинок скрипучих двустворчатых ворот. — Их уже должны были обойти. Да, и можешь ее спрятать пока, — девушка указала на сидевшую на плече Леры Чучундру. — Вдруг моя непоседа испугается.

Пока Милен отпирала, недовольная мышь перекочевала во внутренний карман летной куртки. Лица вошедшей следом Леры коснулся теплый воздух, пропитанный запахом застоявшегося сена, навоза и прелой шерсти. Запахом живого зверя. Помещение, в котором она оказалась, было конюшней, совмещенной с хлевом. Где-то в дальнем углу полуутемного помещения, блея, ворочались овцы, слышалось похрюкивание свиней.

Ромашкой оказалась милая гнедая лошадка. Подойдя к ней, Милен погладила животное по холке.

— Привет, ну как ты тут? Соскучилась? Сейчас-сейчас, погуляем.

Достав из сумки тряпицу, в которую был завернут кусок теплого хлеба, она отломила кусочек и протянула его Лере.

— Угости ее. Держи на руке, вот так. Не бойся.

Взяв еду, Лера протянула ее на ладони к морде лошади, которая мягко взяла ее одними губами, защекотав кожу девушки.

– Можешь погладить, она не укусит.
 – Забавная, – сказала Лера, наблюдая, как пони поглощает угощение и прядет ушами. Во внутреннем кармане зашебуршилась мышь, чувствуя присутствие другого животного.

– Видишь, ты ей понравилась, – подбодрила Милен, закрепляя на спине лошади седло. Ромашка тем временем с веселым ржанием чмокнула вздрогнувшую Леру в ухо, явно прося добавки. – Давай, садись.

– Куда, на нее? – сразу испугалась Лера. – Нет, ты чего. Я не умею.

Она действительно трусила карабкаться на спину этого животного, отдаленно напомнившего Лере буренку из Пионерска. Только у Ромашки не было вымени, готового выстрелить кислотой, а большие добрые глаза под челкой лучились любопытством. Уж лучше попробовать прокатиться на этой деревяшке с колесиками.

– Давай, давай, – подбодрила Милен и, взяв лошадку под уздцы, поманила Леру к себе. – Смелее. Держу пари, что ты никогда до этого верхом не каталась.

– Кого держишь? – не поняла Лера.

– Это выражение такое, – засмеялась Милен. – Типа – спорим?

– Нет, не каталась, – трусливо призналась Лера. – А это обязательно?

– Не бойся, я ведь рядом и придерживаю ее. Она ручная. Тебе понравится.

Переборов себя, Лера вдела ботинок в стремя и с помощью новой подруги запрыгнула в седло Ромашки, тут же вцепившись руками в луку.

– Вот так, – одобрила Милен и, приторочив к седлу пару дорожных сумок с провизией, вывела пони с сидевшей на ней Лерой во двор конюшни.

– Куда мы сейчас? – спросила Лера, покачиваясь и настороженно ощущая, как под ней размежено движутся упругие мускулы животного существа.

– Ты ведь охотница на мутантов, так? – ответила Милен, миновав ограду из струганого частокола, за которой потянулось небольшое поле, усаженное не до конца убранным тростником-су-

хостоем. Его ботве позавидовали бы чахлые саженцы картофеля с «Грозного». – А сейчас я покажу тебе, как сама охочусь. Тебе как, удобно?

– Да, все в порядке, – поспешила заверить Лера, глядя на уныло поникшее на шесте-крестовине огородное пугало в облезлом ватнике и противогазе с выбитыми (или выклеванными) стеклами, увенчанном соломенной шляпой.

– Урожай?

– Да. Остатки тех семян, что принесли из Хранилища. Хорошо приживаются. Не все дособирали еще. Сами выращиваем, сами едим. Удобно.

Вьющаяся тропинка тем временем уводила путницу все дальше и дальше в горный лес. Копыта лошадки размеренно приминали шуршащий покров из жухлых листьев.

– Вот было бы здорово, если бы вы помогли нам вскрыть его полностью, – сказала идущая впереди Ромашки Милен. – Уверена, там внутри еще много всего ценного лежит. Представляешь, образцы, собранные со всего света!

– Наверное, – согласилась Лера, пожимая плечами. – Я ничего в этом не понимаю. Сама узнала о нем лишь в пути. К тому же у нас кроме взрывчатки и оружия ничего другого с собой нет. Так что не понимаю, чем мы сможем реально помочь. Вы же как-то сумели открыть первые двери.

– Да, но там было не так сложно. По крайней мере, это то, что мне рассказывал отец. Детям не положено совать носы в такие серьезные дела.

– Да уж, с нами вечно секретничают, – понимающе улыбнулась Лера, глядя на свою спутницу, которая была ненамного младше ее. Она вспомнила саму себя в девятнадцать лет. Строптивую и непоседливую. Как же это было давно. – Но, может быть, наше оружие поможет.

– Оружие, – с завистью сказала Милен. – Наверное, у вас его целая куча.

– Достаточно. Есть даже большой многоствольный пулемет от вертолета, для которого сделан специальный железный костюм, чтобы его нести, представляешь?

– Здорово! А что такое вертолет?

- Такая специальная машина, чтобы передвигаться по небу.
- Как птицы?
- Что-то вроде.
- Ты такая классная, с тобой интересно, – сказала Милен и вздохнула. – Тебе повезло, ты наравне с мужчинами. А я вот мало чего знаю. Только про охоту да огороды. Про скот домашний. Деревенщина. Только и прочат, что семью да детей. Ну и что, что дочка старейшины. Не ставят ни во что. А я много чего умею, веришь?
- Конечно. Мне тоже с мужиками нелегко приходится. А ты живешь в условиях, о которых я и мои друзья у себя дома можем только мечтать, – возразила Лера. – Радуйся, что можешь вот так просто дышать и идти по поверхности.
- Разве вы не выходите на улицу? – удивилась Милен.
- Только с оружием, в противогазах и средствах спецзащиты. У нас в некоторых местах очень высокий радиационный фон и много мутаций.
- Это, наверное, жутко неудобно.
- Что поделать. Зато безопасно. Этому учат с пеленок.
- А как вы охотитесь на мутантов? Они у вас страшные?
- Всякие бывают. Есть большие и страшные, некоторые на расстоянии голову пудрят или прикидываются, а есть такие, которых можно запросто уложить из «макарова», если попасть, например, в глаз.
- Из кого? – приостановившись, Милен непонимающе посмотрела на собеседницу снизу вверх.
- Вот, – отогнув полу куртки, Лера вытащила из набедренной кобуры пистолет и, отщелкнув магазин, протянула рукояткой девушке. – Это пистолет Макарова, калибр девять миллиметров.
- Удобный, – Милен взвесила оружие на руке и вытянула руку, прикрыв один глаз.
- Всегда целься обоими глазами. У тебя постоянно должен быть полный обзор. Особенно если ты в маске или противогазе.
- Понятно. А тот ствол, который был у тебя за спиной, когда вы приплыли, – что это?
- Это называется «Бизон», – продолжала рассказывать Лера, когда Милен вернула пистолет и они возобновили прогулку. – Пи-

столет-пулемет с несколькими режимами стрельбы. Механизм намного серьезнее обычного, шнековый магазин на пятьдесят патронов. Механика, как в автомате Калашникова. И убойность в несколько раз выше.

– Вот бы попробовать. Выглядит круто.

– Патроны все наперечет. Круто-то круто, но не очень удобно.

Классические магазины проще использовать.

– Понимаю. Я стрелы тоже берегу.

– Но их ты можешь вытащить из тела, чтобы использовать еще раз. Или сделать новую, на худой конец. А с пулей такое не всегда удается проделать. Да я и не пробовала никогда.

– Да, с патронами дело другое, – согласилась Милен, выходя на небольшую опушку, переплетающиеся кроны деревьев над которой образовывали естественный шатер. – Все, пришли, слезай.

– Где мы?

– Это мое место, – привязывая Ромашку к стволу ближайшего дерева, объявила девушка. – Я тут тренируюсь.

Спрятавшись на землю, Лера огляделась; на одной из сосен висело круглое днище от бочки с нарисованными кругами мишени, сплошь испещренное вмятинами от наконечников стрел. Уставшая сидеть в кармане мышь запросилась наружу, и Лера расстегнула куртку, выпустив ее на плечо.

– Прихожу сюда, когда скучно, или перед охотой, – в руке Милен внезапно появился небольшой нож, который она, почти не целясь, ловко метнула в деревяшку, угодив точно в кружок посередине.

Вытачив из мишени лезвие и убрав в небольшие кожаные ножны, спрятанные на запястье под рукавом куртки, Милен прошла к другому концу поляны и вытащила из расколотого пополам высохшего ствола дерева небольшой сверток. Бережно положив его на землю, она развернула парусину и продемонстрировала Лере блочный лук.

– Я называю его Ярл, – с гордостью сказала Милен, проведя пальцами по хищно выгнутому плечу лука. – Отец подарил.

– Подходящий подарок для девушки, – Лера иронично выгнула бровь.

– В наших краях – да, – закинув за спину колчан, который лежал тут же в свертке, девушка наложила стрелу и, натянув тетиву, выстрелила по мишени, снова попав точно в цель.

– Могу попасть белке в глаз с двадцати ярдов, – похвасталась она. – Хочешь попробовать?

– Я же не умею, – развела руками Лера.

– Я тебе сейчас все покажу, иди сюда. Встань вот так, держи его прямо. Теперь накладывай стрелу на тетиву, придерживай за оперение. Крепче, – передав Лере лук, Милен стала кружиться вокруг нее, помогая принять нужную позу и показывая, как закрепить стрелу на «полочеке» и как правильно натянуть тетиву. Потревоженная Чучундра с недовольным писком сбежала в траву, стараясь держаться подальше от подозрительно косившейся Ромашки. – Теперь как следует прицелься и стреляй.

С первого раза, Лера, конечно, промазала, послав стрелу в кусты за мишенью.

– Ничего страшного, – подбодрила новую знакомую присевшая на пенек Милен. – Попробуй еще раз. Увереннее, лук тебя не укусит.

За стрельбой и разговорами девушки провели почти весь день. Милен научила новую подругу собирать и разбирать непростой механизм лука. Лера довольно быстро освоилась с ним и даже смогла самостоятельно забраться в седло Ромашки и сделать на ней кружок по поляне. После Милен поразила девушку, продемонстрировав стрельбу с седла.

На свежем воздухе у новых подруг быстро разыгрался аппетит, и наконец они сделали перерыв, закусив припасами, которые Милен захватила с собой из деревни.

– Удобное оружие, – оценила Лера, посмотрев на прислоненный к стволу лук.

– Главное, что самому можно стрелы сделать, если потеряешь или закончатся, – согласилась Милен, делая глоток из фляги. – Только наконечники выковать приходится. А кузнецы у нас есть.

– С таким и на мутанта не страшно идти.

– Кстати о них, – собирая остатки обеда в сумку, Милен загадочно посмотрела на Леру. – Хочешь, кое-что покажу?

– Что?

— Умеешь хранить секреты? Но для этого придется снова прогуляться — это на другой стороне острова. Попробуем успеть затемно, чтобы не встретить *леших*.

— А кто это?

— Никто не знает. Но они всегда появляются в лесах ночью и никогда не выходят на свет. Я видела пару раз. Высокие и черные, словно призраки. Приходят из чащоб острова. Не беспокойся, мы пойдем безопасной дорогой. А вот за Чертов ручей нам нельзя, там пропадали люди. Ну что, готова?

— Как скажешь, — пожав плечами, согласилась Лера. — Деваться-то мне все равно некуда, без тебя я в любом случае заблужусь. Так что веди.

Спрятав лук в старое дерево, в которое, как объяснила Милен, когда-то очень давно ударила молния, и отвязав Ромашку, девушки продолжили путь, углубившись в лесную чащу. После Антарктики Лера еще никогда не проводила на природе столько времени без защиты и респиратора. Вскоре от размеренной езды у нее опять начала кружиться голова.

— Потерпи немного, почти пришли, — заметив ее состояние, сказала Милен и помогла девушке спуститься на землю.

Был уже почти вечер, когда они вышли из леса на край горного обрыва. Тяжелые тучи, низкие, словно старавшиеся опуститься на плечи, были небрежно окрашены алыми мазками заходящего солнца. Вдали виднелось безбрежное море, а прямо под ногами, у самой кромки земли...

— Смотри, — тихо сказала Милен, указывая вниз. — Именно вечером их видно лучше всего.

У подножия холма, на котором они находились, располагалась естественная, выточеннная в камне ветрами и водой бухта, на дне которой размеренно двигалась и пульсировала огромная, испещренная венами и прожилками студенистая масса, подсвечивающая океан мягким голубоватым свечением.

— Медузы! — ахнула Лера, вспомнив величавых куполообразных гигантов, которых они наблюдали в Атлантике, по дороге на Антарктический материк. Так вот откуда они брались!

— Тебе они знакомы? — удивилась Милен, усаживаясь на краю пропасти.

— Да, мы видели несколько таких по дороге, — ответила последовавшая ее примеру Лера. — Перед тем, как на нас напало морское чудовище, которое ими питалось.

— Жалко. Я называю ее Горгона. Мать-праородительница. Местные охотники знают о ней, но не трогают, так как в пищу она не годится и не причиняет вреда рыбакам. Я часто прихожу сюда, когда мне грустно, — объяснила девушка. — Они успокаивают. И очень красивые.

— Правда.

— Они рождаются здесь, а потом уходят в море и больше не возвращаются. Я люблю смотреть, как они упливают. Всегда интересно, что каждая из них видит там далеко, за горизонтом.

Вода под ними заволновалась, и от большой студенистой массы отделилась одна поменьше, намного уступающая размерами тем, которых доводилось видеть Лере — видимо, детеныш. Она присоединилась к небольшой стайке паривших в водной невесомости особей. Гармония алого неба и подсвеченной голубоватой люминесценцией воды была поистине завораживающей. Еще большее впечатление создавал тот факт, что все происходило в полнейшей тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы и плеском далеких волн.

— Как красиво.

— Очень, — согласилась Милен, положив на коленки подбородок.

Так они и сидели, думая каждая о своем, пока наконец Милен не встала и не посмотрела на темнеющее небо, из нежно-розового становившееся кроваво-багровым.

— Нам пора, путь неблизкий, и нужно вернуться до темноты, чтобы не встретиться по дороге с лешими.

— Хорошо. Как скажешь. Спасибо, что показала мне их.

— Не за что.

Обратная дорога по уже виденным местам показалась Лере намного легче. Или тому виной была вечерняя сгущающаяся прохлада, или то обстоятельство, что тропинка почти все время вела под откос.

Вскоре они вышли из леса и стали спускаться в долину.

— Постой, — продолжая взглядываться вперед, Лера нагнулась и похлопала Ромашку по боку.

— Что случилось? — сбавила шаг ведущая пони за уздечку Милен. — Устала?

— Нет.

В виде долины и гавани что-то неуловимо изменилось, и это заставило натренированный взгляд Леры сразу же заметаться в поисках несоответствия. Что-то было не так. Пейзаж вроде бы оставался прежним: море, деревня, сизый дым из многочисленных труб, подлодка в бухте... И все-таки. Причину непонятной тревоги удалось определить практически сразу даже без бинокля.

Флаг.

Красно-синий гюйс на флагштоке «Грозного» был приспущен, а поверх него развевался новый — большой белый круг на голубом полотнище, с заточенным внутри черным драконом.

— Видишь флаги на лодке?

— Да. Что это значит? — поднеся ладонь козырьком к глазам, спросила Милен, не знакомая с морскими кодексами и понятиями.

— Это значит, что «Грозный» захвачен, — с нарастающей тревогой объяснила Лера, спрыгивая с пони на землю. — Быстрее! Нужно найти остальных.

* * *

Но обнаружить других членов команды, оставшихся в деревне, не получилось. Все двери в домах были заперты, а шторы, из-за которых на улицу полосками пробивался редкий свет, плотно прикрыты. На улице не было видно людей.

Оставив Ромашку в ее конюшне, Милен, от которой не отставала Лера, поспешила к себе домой.

— Мама, открой! Ты где, что случилось? — забарабанив в дверь своего дома, с тревогой закричала Милен. Лера все острее чувствовала мрачную опасность.

— Тс-с, тихо! — открывшая почти сразу мадам Ламбар втолкнула девушек в прихожую, в которой был выключен свет и только тускло отсвечивал накрытый платком настенный светильник. — Не надо шуметь!

— Что случилось, объясни наконец? — понижая голос вслед за матерью, продолжала допытываться Милен.

– Пока вас не было, с лодки приплывали люди, – мать Милен, кутаясь в шаль, стала нервно мерять прихожую шагами. – Все были вооружены. Они забрали оставшихся у нас членов вашей команды на борт «Грозного», пригрозив нам расправой, если будем вмешиваться, – хотя мы и не собирались, все-таки вы вместе приплыли.

– Как... расправой, – ощущая, как внутри все наливается пудовой тяжестью, а ноги становятся ватными и прирастают к полу, переспросила Лера, глядя на лодку вдалеке сквозь щель в задернутых оконных занавесках.

– Ими руководил человек с татуированным лицом и в черных очках.

– Дан, – сразу догадалась Лера.

– Он искал тебя. Они тут перевернули все вверх дном, но ночью соваться в лес не решились, – продолжала мадам Ламбар. От каждой новости кровь все сильнее отливалась от лица Леры. – Назавтра назначена вылазка туда, они думают, что ты специально убежала. Олаф хотел прийти.

Женщина посмотрела на дочь.

– Но я сказала ему, чтобы оставался дома. Все равно помоши никакой.

Сраженная внезапными новостями Лера медленно опустилась на табурет. Итак, на «Иване Грозном» бунт. Но с какой целью, воспользовавшись отсутствием Тараса, корейская команда (скорее уж – банда) решила захватить лодку? Лера вспомнила последний разговор Линя с Даном перед отплытием в Торсхавн. Всего несколько слов, сказанных на иностранном языке, чтобы никто не понял; видимо, в них-то и крылся смысл происходящего.

Зачем, зачем, зачем же... И самое главное – что теперь ей предпринять?! Страх за всех, но в первую очередь – за Мигеля, томившегося на борту лодки с прочими пленниками, захлестнул сердце Леры. Ее искал Дан. Наверняка ему требовались все члены команды, оставшиеся в деревне, чтобы шантажировать Тараса и остальных, когда они вернутся. К тому же она представляла для захватчиков опасность, так как могла, по их мнению, каким-то образом предупредить капитана о блокаде судна.

А уж ревнивую привязанность Батона к своей молодой преемнице нельзя было не заметить. Теперь она являлась для Дана сильным козырем. Вот только в какой игре? Или кореец специально решил заманить ее в ловушку, играя на ее отношении к Мигелю? Бред, подогреваемый нарастающим мандражом. Лера прикрыла глаза и неторопливо выдохнула. Никто, кроме Батона, не подозревал о ее за рождающемся чувстве к священнику.

Надо было действовать.

— Как давно они ушли? — спросила Лера мадам Ламбар.

— Примерно за час до вашего прихода, еще засветло. Погрузили вахших друзей на лодки и отплыли, а потом на «Грозном» поменялся флаг.

Отведенные для них комнаты обследовать было бессмысленно — личные вещи и оружие налетчики, конечно, тоже забрали с собой. Значит, у нее оставался только нож и «макаров» с одним магазином. Не вариант. К тому же действовать нужно было по возможности бесшумно, поскольку она была одна против почти тридцати вооруженных человек.

— Мне нужно попасть на корабль, — решительно сказала Лера.

— Но зачем? — удивились женщины. — А вдруг это ловушка?

— Разумеется, это ловушка, — кивнула Лера.

— Я с тобой.

— Нет, — почти в один голос ответили Лера и мадам Ламбар.

— Ты не нужна им. К тому же не знаешь лабиринтов «Грозного» так, как я. В одиночку у меня больше шансов все разузнать и, может, хоть кого-то спасти. Зачем подвергать вас лишней опасности? Мы и так доставили вам кучу проблем.

Хотя в душе Лера прекрасно знала, за кем в первую очередь туда пойдет. Мигель. Как бы сердце ни сжалось за судьбу остальных пленных, — Паштета и Трески, веселого Савельева и даже надоедливого зануды Ворошилова, который в сложившейся ситуации все-таки был своим, — все-таки Мигель. А если их мучают или пытают? С другой стороны, зачем — пленные члены команды не могли знать ничего более-менее ценного для налетчиков.

— Я пойду одна, — твердо повторила Лера. — А ты посторожишь Чучундру.

— Но как ты попадешь туда? — спросила девушка, принимая мышку из рук подруги.

– У тебя есть бинокль?

– Да, конечно, – сходив в свою комнату, Милен принесла прибор и протянула его Лере, которая, осторожно подойдя к окну, просунула окуляры за занавеску, осматривая подлодку.

Как она и предполагала, на палубе под лучом прожектора дежурил часовой, наверняка вооруженный. Удивительно только, что захватчики не выставили больше людей. Не хотели привлекать внимания? Или настолько уверены в своей победе, что не стали заморачиваться?

Расправляться с часовым при помощи пистолета не было никакого резона. На шум выстрела сразу же прибегут остальные, и ей не поздоровится. Снова всмотревшись, Лера с облегчением увидела серый штатный комбинезон моряка с танкера: уже хорошие новости. В том, что для осуществления отчаянного замысла придется прибегнуть к лодке, Лера ни секунды не сомневалась. Придется погрести одной. Попасть с воды в такую мишень и так будет непросто, а если бы вместо обычного моряка дежурил солдат в черной броне, шансы вообще бы равнялись нулю.

– Мне нужен какой-то способ бесшумно снять часового, – поставив бинокль на подоконник, Лера повернулась к молча ожидавшим за ее спиной женщинам. – Можешь одолжить свой лук?

– Но ты ведь только сегодня взяла его в руки, – удивилась Милен. – Уверена, что сможешь попасть? Да еще с лодки.

– Нет, – ответила Лера. – Но другого варианта нет. Стрелять из пистолета без глушителя нельзя.

– Ты убьешь его?

Лера думала об этом с того самого момента, как от матери Милен узнала дурные новости. Придется ли ей вновь убивать? Перед глазами снова мелькнул кровавый оскал бородатого капитана Вильсона. Если просто ранить, вахтенный поднимет крик, и все сбегутся. От выстрела даже на поражение эффект будет точно такой же. Что же делать...

– У меня есть снотворная мазь, – вдруг сказала Милен. – Она делается из определенных лесных ягод. Мы иногда используем ее, чтобы отлавливать и приручать диких пони. Если обмазать ею наконечник стрелы, не обязательно стрелять наповал. Действует мгновенно и на несколько часов.

— Это идея, — поразмыслив, одобрила Лера. Правда, это решало проблему только с человеком на палубе, — а что делать с остальными, которые могут повстречаться в недрах «Грозного»? Не всех же усыплять. К тому же тесные коридоры судна снижали эффективность оружия практически на сто процентов. Ладно, для начала нужно разобраться с часовым, там посмотрим. — Как быстро ты сможешь принести лук?

— Нет, ты не пойдешь, — категорически ответила мадам Ламбар. — Уже почти стемнело, ты прекрасно знаешь о леших.

— Не беспокойся, я поеду на Ромашке и возьму с собой фонарь с запасными факелами, — храбро заверила Милен. — Это не займет много времени.

— Может, не стоит рисковать, — сказала Лера, вспомнив о таинственной угрозе, наполнявшей Фарерские леса с приходом ночи. — У тебя нет дома запасного?

— Конечно же, нет, — виновато ответила девушка. — Откуда.

— А я говорила тебе, не храни его в лесу, — с укоризной сказала мать.

— Он занимает лишнее место, — упрямо ответила Милен, снова застегивая куртку и наматывая поверх шарф. — Мы должны помогать друг другу. Все в мире и случилось оттого, что всем стало на плевать на остальных. Я иду.

С этими словами она открыла дверь и, оглядев пустынный двор, бесшумно скрылась в сгущавшихся сумерках.

— Простите, я не хотела причинять беспокойство, — видя тревогу матери, ответила Лера. — Это все из-за нас.

— Упрямица, вся в отца, — покачала головой женщина. — И смеялай. Идем, я пока покормлю тебя. Силы тебе понадобятся. А потом надо попробовать связаться с Турнотуром.

Пока Милен отсутствовала, мадам Ламбар покормила Леру нехитрым ужином из сыра, картофеля с овощами и маринованной сельди. Есть совсем не хотелось, переживания за остальных на прочь отбивали аппетит, но Лера заставила себя все послушно проглотить, чтобы действительно подкрепиться и к тому же не обижать хозяйку. Закончив трапезу, Лера, чтобы отвлечься от начавшего затягиваться томительного ожидания, вызвалась сама вымыть посуду, но тут вернулась Милен.

— Ну как? — с тревогой спросила мать.

– Без приключений.

Положив на стол сверток с луком, она бросила на свободный стул куртку и, сбегав в свою комнату, принесла еще один колчан и продолговатую закрытую коробочку.

– Что это? – отложив посуду, Лера подсела к столу.

– Оптический прицел, – стала объяснять Милен, открывая коробку и прикрепляя к луку небольшой прибор, который лежал внутри. – Я им всего один раз пользовалась. Так тебе будет проще прицеливаться с лодки. Теперь стрелы.

Взяв оба колчана, она вывалила из них стрелы на стол и стала разбирать по кучкам, показывая каждую внимательно слушавшей Лере.

– Так, запоминай. Эти из карбона. Подарили вместе с луком. Композитные материалы, самые драгоценные, я ими никогда не стреляла с момента, как потеряла одну в одиннадцать, – Милен внимовато взглянула на мать. – Папа не должен знать, хорошо? Они прочнее стали и очень легкие. Не промахнешься.

– А эти?

– Эти – обычные, деревянные, которыми ты стреляла сегодня в лесу. Но, думаю, мазать снотворным лучше те, что полегче.

Она достала из кармана штанов небольшую баночку и поставила ее к остальному арсеналу, разложенному на столе.

– Вот снотворное, мажь непосредственно перед выстрелом, пока не начало густеть, иначе эффект будет слабее. Просто макаешь наконечник и несколько раз поворачиваешь, чтобы обмазалось со всех сторон.

– Поняла, – пряча снотворное в недра куртки, кивнула Лера.

– Точно уверена, что одна справишься? – Милен еще раз неуверенно посмотрела на девушку.

– Я попробую, – просто ответила та. – Нельзя же вот так сидеть и ждать, пока что-нибудь еще не случится.

– Тогда бери. Тебе все это пригодится.

– Ох, девочки, – в очередной раз горестно вздохнула мадам Лабмар.

– Ладно, мне пора, – встав из-за стола, Лера застегнула куртку Тахомы до подбородка, пряча под ней мамин платок, и, разложив по колчанам стрелы, закинула за спину лук. – Упавшие в Торсхавн должны вернуться завтра к вечеру. Если до этого момента от меня

не будет вестей, не высовывайтесь и не ищите, – это уже относилось к Милен. – Может, они придумают, что делать дальше.

– Надо попробовать вызвать Турнотура.

– Какая же я дура! – неожиданно выругалась чем-то осененная Милен, хлопнув ладонью себя по лбу.

– Дочка, ты чего?

– Ну, конечно же! Радиопередатчик отца! Он всегда берет его с собой на корабль, когда отлучается на несколько дней, – объяснила она и сияющими глазами посмотрела на Леру. – Как мы могли забыть?! Пока тебя не будет, мы попробуем связаться с ним и рассказать, что здесь случилось. Это заставит их поторопиться. Может, подождешь?

– Нет, не могу, – подойдя к двери, Лера обернулась напоследок и посмотрела на двух женщин, освещенных тусклыми бликами пылающего очага.

– Если я вернусь, то постучусь таким стуком, – Лера постучала по стенке. – Больше никому не открывайте. Спасибо за помощь, – сказала она и скрылась в сумраке ночи.

– Бедный ребенок, – тихо сказала мадам Ламбар. – Она не вернется.

– Вернется, – продолжая смотреть на дверь, твердо ответила Милен. – И, надеюсь, не одна.

– Как жаль, что твоего отца нет здесь сейчас, когда он так нужен. Хоть бы у них там все было хорошо.

– Не переживай, мама, – Милен мягко обняла кутавшуюся в шаль женщину за плечи и нежно поцеловала в щеку. – Я с тобой, а папа скоро вернется.

– Знаю. Иди поешь, а я попробую вызвать его.

– Не хочу есть, – взяв бинокль, Милен устроилась у окна.

Выйдя из тени домов, Лера осторожно пробиралась к берегу, пригибаясь за массивными тушами перевернутых вверх дном деревянных лодок. Под подошвами скрипела прибрежная галька. Ноздри щекотал йодистый аромат с привкусом соли, распространяющийся от смешанных с внутренностями водорослей.

Теперь было необходимо определиться, на чем плыть. Лодки местных рыбаков были тяжелы и требовали особой сноровистости

в управлении, но, на Лерино счастье, у пирса на волнах покачивалась одна из «резинок» с субмарины, на дне которой были оставлены весла.

Отлично.

Мягко спрыгнув во вместительную, рассчитанную на пятерых лодку и вставив весла в уключины, Лера отвязала суденышко и, мягко загребая, развернула его на воде. И вновь пригодились навыки дяди Миши, который вместе с Треской как-то раз учил ее пользоваться лодкой. Правда, тогда дело происходило в родных и надежных доках убежища, в стоячей воде и под пристальным вниманием взрослых, прививавших девушки основы гребной моторики. А тут оказалось другое дело.

Вода была совсем иная, то и дело норовившая сбить с курса или опять отнести к берегу. Ошибку допускать не следовало. Экзамен на выживание продолжался. Задачу Леры усложняло то обстоятельство, что никакого света включать было нельзя; оставалось лишь ориентироваться по сигнальным огням «Грозного».

Пока она выгребала из линии прибоя, сильно устали непривычные руки. Плохо. Вдобавок ко всему на воде было гораздо холоднее, чем на берегу. Изо рта девушки облачками вырывался теплый пар, который сносило ветром. Отложив на миг весла, Лера потуже натянула шапку и размяла одеревеневшие под перчатками пальцы. При прицеливании из лука они не должны были дрожать.

На мгновение она даже пожалела, что ввязалась во все это одна и не прихватила с собой более опытную Милен. Но быстро собралась с духом и сильнее налегла на весла, стараясь подвести лодку к борту «Грозного» с теневой стороны, не освещенной пятном прожектора. Она справится. Она, в конце концов, тоже опытная охотница.

Перестав грести, когда до машины «Грозного» осталось несколько десятков метров, Лера сложила весла, надеясь, что ее суденышко за это время не слишком снесет. При тусклом сиянии палочки ХИСа, которую положила на дно под брезент, достала карбоновую стрелу, поглядывая на спину часовного. Когда, зажав стрелу между колен, Лера собиралась уже открыть баночку со снотворной мазью, в мозгу неожиданно мелькнула новая мысль.

А как непонятное снадобье подействует на нее саму? Черт! Спросить у Милен она не догадалась. Лера помедлила. Что, если находящаяся внутри субстанция усыпит и ее саму? Тогда спящая в лодке девушка станет легкой добычей, сама придя на резиновом блюдце к захватчикам и вдобавок бездарно передав в руки противника драгоценный лук.

Что же делать? Респиратор она с собой не взяла, а ватно-марлевые повязки, которые они носили, пока на борту был введен карантин, остались на судне. В этот момент налетевший с моря ветерок стал плавно разворачивать лодку, и Лере пришлось, взяв весло, несколькими осторожными движениями вернуть ее обратно на место.

Милен в бинокль наблюдала за лодкой, пятнышком маячившей над водой, пока мадам Ламбар колдовала над миниатюрной УКВ-радиостанцией.

Часовой на палубе перехватил оружие и прошелся из стороны в сторону, разминая ноги, но в сторону Леры головы не повернул, и съежившаяся девушка облегченно вздохнула. Время стремительно уходило. От ощущения внезапной беспомощности она чуть не расплакалась.

Зажимать рот и нос не получится – для работы и стрельбы ей потребуются обе руки. Решение пришло внезапно. Отложив банку и расстегнув ворот крутки, Лера потянула на нос мамин платок и, свернув перед этим несколько раз, крепко связала в узел на затылке..

Это должно сработать. Снова взявшись за баночку, она открутила крышку и посмотрела на густую полупрозрачную жидкость. Запаха вроде бы не было. Нашарив на дне лодки упавшую стрелу, она осторожно макнула наконечник в жижу и несколько раз покрутила его, чтобы масса обволокла лезвие в несколько слоев. Только бы все сработало.

Покончив с этим, она взяла лук; встав на одно колено, наложила стрелу на тетиву и приникла к окуляру оптического прицела, выщеливая на палубе часового. Куда же лучше стрелять? В руку, туловище или ногу, чуть повыше голенища сапога? Да и не закричит ли он? Лера тряхнула головой, отгоняя вновь накатившие сомнения. Поздно. Оставалось надеяться на эффективность и быстроту

снотворного зелья. Выдохнув, как учила Милен, Лера крепче сжала рукоять и отвела тетиву.

Ну, родимый, не подведи.

Задержав дыхание на долю секунды, девушка выдохнула и сделала выстрел, целясь чуть выше левой лопатки мишени.

И промазала!

Пущенная стрела прошла над головой дозорного, чуть не задев шапку, и, мелькнув в луче прожектора, стремительно скрылась в тьме. Лера с ужасом вжалась в лодку. Часовой повернул голову, посмотрел на небо и стал оборачиваться в сторону девушки. Лодку уже достаточно близко подвело к борту «Грозного», и не заметить одинокую диверсантку было попросту невозможно.

Вот сейчас он ее увидит. Сейчас закричит...

– Давай же, – поторопила приникшая к биноклю Милен.

Ни теряя ни секунды, Лера наложила вторую стрелу, резким движением сунула наконечник в перевернувшуюся со скамейки банку и, вскинув оружие, выстрелила вновь.

Вторая стрела вошла в ногу часового чуть выше колена. Не сразу сообразив, что произошло, мужчина опустил голову, а когда увидел, что ранен, и уже собирался закричать, мешком повалился на палубу, выронив оружие.

Есть! У нее получилось! Но расслабляться и радоваться было еще очень рано. Начиналась самая напряженная и ответственная часть ее отчаянной операции. Положив лук и снова взявшись за весла, Лера подплыла к борту «Грозного», где возле спущенной металлической лестницы сгрудились остальные «резинки».

– Молодец, – увидев, как упал часовой, Милен опустила бинокль и посмотрела на мать, которая, вслушиваясь в радиопомехи, отрицательно покачала головой.

Привязав лодку, Лера снова закинула лук за спину и, плотнее накрыв брезентом продолжавший тускло светить ХИС, стала быстро подниматься по лестнице на боку «Грозного», стараясь поменьше греметь сапогами.

Часовой упал в темноту за освещенным прожектором кругом, что девушки было на руку – она не знала, была ли активирована система внешнего обзора лодки. Кое-как оттащив тело усыпленного корейца подальше в сумрак, Лера вытащила «макаров» и осто-

рожно подошла к закрытой двери, ведущей внутрь лодки. Из оружия стражника, вовремя вспомнив, выщелкнула магазин и ощупала комбинезон на наличие запасных. Стрелу выдергивать пока не стала, боясь, что тем самым ослабит действие сноторного. Заберет на обратном пути.

Взявшись за прохладный металл, она помедлила и мягко повернула запорный дверной механизм, незаметно проникнув внутрь «Грозного». Словно лисица, обнюхивающая вход своей норы, зная, что внутри притаились охотники. Но теперь она сама была охотницей. Охотницей на людей.

На первом спуске она никого не встретила. В коридорах горел тусклый приглушенный свет, было время ночной пересменки. Нужно определить, где содержат пленников, думала Лера, осторожно высовываясь из-за очередной переборки. Но для начала необходимо добраться до оружейки палубой ниже и забрать свой арсенал и глушители для «макарова» и «Бизона».

Хоть бы у Милен получилось выйти на связь с Турнотуром и остальными. Радио – это, конечно, большая удача! Но сколько времени займет обратный путь? И что за это время успеет произойти... Нет, надо действовать здесь и сейчас.

Выйдя на свет, она рысью перебежала коридор и вжалась в следующую переборку, когда впереди появился и сразу завернул за угол один из корейских «комбинезонов».

Осторожно спустившись за ним по лестнице, Лера немного выждала и направилась в противоположную сторону. Оружейка была не заперта, но изнутри лился свет.

Нехорошо.

Огляделась и убедившись, что в этой части коридора она одна, Лера вытащила нож и осторожно, стараясь не дышать, сунула кончик лезвия за краешек двери. В отражении металла показалась спина в сером комбинезоне. Дежурный, черт!

Убрав оружие в ножны, Лера стала обдумывать свое критическое положение. Стрелы были бесполезны, к тому же мазать острие зельем – только время терять, да и банка осталась в лодке. Убивать человека не хотелось. Особенно исподтишка.

Лера еще раз загнанно обернулась, вслушиваясь в размеренное гудение электричества. Ей казалось, что стук бешено колотящегося

сердца разносится во все стороны, гулко отражаясь от металла и напичканных повсюду приборов. Одна против всех. Помощи ждать неоткуда.

Решившись, она отстегнула кнопочку кобуры и потянула лизнувшую холодом стали рукоять пистолета. Словно наблюдая происходящее со стороны, она пружинисто вошла в помещение и, метнувшись к стоявшему спиной человеку, разглядывавшему расставленное на полках оружие, занесла руку с «макаровым».

Кореец успел обернуться на звук, и удар рукоятки пришелся ему точно между глаз. Не издав ни единого звука, противник, раскинув руки, стал заваливаться на стенд с автоматами, и Лера постаралась удержать его, чтобы смягчить звук падения, но вместо этого, увлекаемая массой, полетела на пол вслед за тяжелым мужчиной.

Некоторое время она лежала на нем, сжавшись комочком и прислушиваясь к отголоскам шума. Казалось, выпло не так уж громко. Нужно торопиться, она и так уже оставила достаточно следов. На лбу мелкими капельками выступила испарина. Осмотрев лицо дежурного, Лера убедилась, что не проломила ему череп, – но шишка разбухала приличная. Значит, проваляется долго.

Вскочив на ноги, она быстро нашла свой «Бизон», небрежно брошенный на один из ящиков, проверила магазин, прибавила к нему глушители – один большой и поменьше для пистолета – и осторожно выглянула в коридор. Оружие сильно прибавило весу, но Лере на это было плевать.

Никого. Все тот же спертый, кисло пахнущий воздух и размеренный гул электричества. Теперь на жилую палубу. Хоть бы они все были там.

По пути заглянула в медпункт, прихватила с собой походный комплект аптечки. Мало ли что.

На камбузе тоже было пусто, хотя Лера почему-то надеялась, что встретит тут резавшихся в домино Паштета и Треску. Раскрытая коробка сиротливо лежала на столе, рядом стояли две банки тушеники, которые тут же перекочевали в карманы куртки. Пусть будут, мало ли что. Хотя Лера и провела на борту много времени, она в очередной раз подивилась чудовищным размерам «Грозного», в котором вот так запросто могли потеряться почти тридцать человек.

«Ионы в чреве кита» – вспомнила она негромкий лепет блаженного Птаха. – «Нельзя плыть».

Эх, знал бы блаженный юродивый, насколько его слова оказались пророческими. Но надежда, пускай самая хрупкая и призрачная, заставляет человека срываться с места и гнаться за призрачной мечтой хоть на край света.

В тишине камбуза тихонько булькнул невидимый перегонный аппарат, в котором продолжала доходить поварская бражка.

Привычный звук бродящего пойла, которое Лера ненавидела всей душой, сейчас наполнил сердце щемящей тоской. Лера оглядела помещение со сковородками, плитами, посудой... Словно вернулась в родимый дом, безжалостно оскверненный ворами. В какой-то степени так и было. Из коридора послышались чьи-то шаги, и Лера отступила в тень, сжимая «Бизон». Нельзя задерживаться, ее и так скоро найдут.

Покинув камбуз, она перебежками двинулась к жилым отсекам, к каютам, в которых раньше обитали ее друзья. Хоть бы они все были там.

Каюта, занимаемая Мигелем, располагалась чуть дальше по коридору от ее собственной. К себе она заходить не стала, только, поддавшись непонятному чувству, на мгновение прислонилась ухом к двери. Надеясь услышать, что...

Неожиданно ей показалось, что дверь вот-вот откроется, и из комнатки, напевая под нос, выйдет она сама с тазиком белья, а на плече будет дежурить верная Чучундра. Словно они снова куда-то плывут, и ничего плохого не приключилось. От этой мысли Лера почувствовала дрожь.

Дверь каюты Мигеля была заперта снаружи. Забросив ремень «Бизона» на плечо, девушка повозилась с засовом и вошла в комнатку. Священник лежал на койке лицом к стене и даже не обернулся на звук.

– Я вам уже сказал, что ничего не знаю, – буркнул он, поджимая ноги, словно ожидая удара. – Проваливайте.

Замершая на пороге Лера почувствовала, как ее сердце сжимается от жалости. Неужели их все-таки пытали и били?

– Это я, – тихо сказала она.

Мигель несколько мгновений оставался неподвижным, а потом удивленно, словно ему послышалось, повернул голову, щурясь в сторону девушки.

– Ты, – заторможенно, словно увидев галлюцинацию или привидение, проговорил он, а потом порывисто вскочил и горячо обнял Леру. – Ты, ты, ты. Это ты!

– Тсс, да, это я, – закрывая его радостный возглас поцелуем, улыбнулась Лера, нежно гладя его по вы ющимся волосам. – Я пришла за тобой, мой хороший.

– Но как... – отпрянул от нее Мигель, все еще не в силах осознать происходящее. – Как ты оказалась на лодке? Вы же были в лесу с той девушкой. Батон и старейшина уже вернулись?

– Нет. Долго рассказывать, не здесь и не сейчас, – оборвала его Лера, снова овладевая собой. – Нам нужно быстрее уходить отсюда, у меня снаружи лодка. Где остальные?

– Савельев в соседней каюте, а повара и Ворошилов в каютах-компаниях, сейчас там основной сбор.

– Значит, туда так просто не сунешься, – оценила ситуацию Лера.

– Нас привели сюда с полчаса назад. Все спрашивают о наших планах касательно Хранилища, и куда подевалась ты.

– Тебя били?

– Нет. Хотя Ворошилов уже успел отхватить от их главного за свой несговорчивый норов. И еще, насколько я понял, у них приказ не трогать местных. Они им не нужны.

– Мне кажется, у них собственные планы относительно склада семян, и за всем этим стоит Линь, а может, и сам Император. Я с самого побега от танкера не могла поверить, что нам дали так просто от них уйти, – нахмурилась девушка. – Значит, Треску, Паштета и Ворошилова сейчас не спасти. Тогда берем Савельева и уходим как можно быстрее, пока меня не нашли.

– Но почему ты пришла за мной? – накидывая куртку, спросил Мигель.

– Потому что я люблю тебя. Вот, держи, – она протянула ему «Бизон». – Но никакой стрельбы, пока мы не окажемся снаружи, понял?

– Хорошо, – охотно согласился священник, которому очень не хотелось стрелять в людей. Но тяжелое оружие в руках все равно придавало уверенности.

Вызволив из соседнего помещения обрадовавшегося Савельева, которого вооружили «макаровым», беглецы осторожно, короткими перебежками поднялись по лестницам к выходу на палубу.

Усыпленный зельем Милен часовой так и не пришел в себя, распластавшись в той же позе. Выдернув из его ноги отравленную стрелу, Лера заложила ее в колчан и сделала знак спутникам спускаться в лодку.

— А как же остальные? — спросил Савельев, пока Мигель первым карабкался вниз по лестнице.

— Сейчас мы ничем не можем им помочь, — с сожалением ответила Лера. — Иначе сами угодим в ловушку. Доберемся до берега и подумаем, как им помочь. Может быть, Милен уже удалось связаться с Батоном и остальными уплывшими в столицу.

Втроем гребли уже намного быстрее. Лера все это время не отводила взора от «Грозного», каждую секунду ожидая появления на палубе мечущихся людей. Но пока все было спокойно. Каюты, в которых были заключены Савельев и Мигель, заново заперли, и оставалась надежда, что оглушенных корейцев в оружейке и на палубе найдут не скоро, и беглецы успеют скрыться.

Но только сейчас работавшая веслом Лера с ужасом подумала о новой проблеме, встававшей на пути. Сбежать-то они сбежали, но куда им деваться на берегу? Земля, на которой они находились, была островом, а далеко уплыть на углой лодочонке от громадины атомохода не представлялось никакой возможности. Получается, они так и так находились в ловушке, и ее отчаянная вылазка подарила им всего лишь несколько часов бессмысленной форы.

Нет уж. За выигранное время, сколько бы его у них ни было, нужно обязательно придумать какой-то новый план. Хорошо хоть корейские диверсанты не причинят вреда местным жителям, если только те не ответят агрессией.

— Возвращается, — Милен снова приникла к биноклю, подкручивая кольцо выбора кратности. — С ней еще двое.

— Слава богам, — с облегчением вздохнула мадам Ламбар.

Когда лодка зарылась носом в прибрежную гальку, беглецы прыгали за борт и оттащили ее в тень сложенных в рядок рыбакских шконок.

— Быстрее, за мной, — сказала Лера и двинулась к дому Милен.

Простучав условленный сигнал, она стала ждать; с другой стороны двери щелкали многочисленные засовы.

— Я знала, что у тебя получится! — бросилась обнимать подругу Милен, едва та переступила порог прихожей. — Классно ты сняла часового!

— Но первый раз промазала, — ответила Лера и протянула девушке баночку. — Извини за стрелу. Вот, спасибо, пригодилось.

— Оставь себе.

— Что случилось? — взглянув на ее поникшее лицо, насторожилась Лера.

— Твоя мышка сбежала, — виновато ответила Милен, едва сдерживая слезы. — Я честно приглядывала за ней. Но она как-то выскользнула. Может, тебя искать пошла. — И наивно добавила: — А мыши умеют плавать?

— Не умеют.

Час от часу нелегче. Теперь и верной Чучундры рядом нет. И что взбрело в ее маленькую головку? Не признав незнакомой обстановки, отважный зверек отправился на поиски пропавшей хозяйки. Не нужно было ее оставлять...

— Не тревожься, найдется, — попыталась Лера успокоить девушку, хотя на душе стало еще мрачнее. Ну когда же закончатся все эти напасти, сыпавшиеся одна за другой, словно из рога изобилия?

— Итак, какой у нас план? — поинтересовался вошедший последним Савельев, плотно прикрыв дверь.

— Почему не получилось вызволить остальных? — спросила мадам Ламбар.

— Они были под присмотром, — ответил Мигель. — Нам просто повезло.

— Что скажешь? — Савельев вопросительно посмотрел на Леру и, поморщившись, попытался пошевелить пальцами левой руки.

— Что делать дальше, я не знаю, — растерянно опустила глаза девушка.

— То есть как?

— Мы же на острове. Некуда бежать.

— Так какого рожна ты нас спасать полезла? Сейчас они еще больше взбеленятся, — с досадой повысил голос метеоролог, запустив пальцы в волосы.

— Пожалуйста, не повышай на нее голос, — попросил Мигель. — Ты бы хотел так и сидеть на лодке в качестве пленника?

— А тут-то чем лучше? — возразил Савельев. — Сейчас нас хватят-ся, приплывут и утащат обратно, вдобавок еще отпинают за попытку бегства.

— Уже, — мрачно откликнулась дежурившая у окна Милен.

В окуляры бинокля было видно, как на палубу «Грозного» один за другим, резко жестикулируя в сторону берега, высыпали люди; часового подняли, пытаясь привести в чувство.

— Скоро они будут здесь.

— Ну вот, все по новой, — простонал Савельев, кладя на стол бесполезный пистолет.

— Вы можете спрятаться в погребе Турнотура, — неожиданно предложила мадам Ламбар. — А им я могу сказать, что вы побежали в лес.

— Это еще что? — спросил Мигель.

— Секретное убежище отца на случай нападений, вас там точно не найдут, даже если все глаза высмотрят, — поддержала идею матери Милен. — Вот только там стены толстые, сигнал от радиостанции может не пройти.

— Здесь ее нельзя оставлять, — покачала головой Лера. — Дома наверняка будут обыскивать, и ее найдут.

— Верно.

— Вы спрячетесь, а я пойду в лес с рацией и попытаюсь выйти на связь, — решительно сказала девушка.

— Я с тобой, — тут же вызвался Мигель.

— Нет. Я пойду одна. Ты не умеешь сражаться, в случае чего будешь только мешать.

— Но кто будет защищать тебя?

Лера не стала отвечать на этот вопрос. И так все было понятно.

— Я охотница, Мигель. А ты — священник.

— Это безумие, — заметила мадам Ламбар и сурохо посмотрела на дочь. — Даже не думай. Ты не пойдешь.

— Это наш шанс, — ответила Лера, снова надевая лук и проверяя затвор «Бизона».

— Я принесу факелы, — засуетилась Милен, пока Лера упаковывала радиостанцию в свой рюкзак, заодно переложив в него тушенку с «Грозного».

– Поторопись, – сказал посмотревший в окно Савельев, – они уже приближаются.

– Идемте, я покажу вам убежище, – пригласила мадам Ламбар.

– С вами точно все будет в порядке? – обеспокоенно спросил Мигель.

– Разумеется. Я – жена старейшины «Братства», – горделиво выпрямилась женщина. – Вся община вступится за меня, если что. Гораздо больше подозрений вызовет мое отсутствие.

– Будь осторожна, прошу, – подойдя к Лере, Мигель нежно поцеловал ее.

– Как всегда, – попыталась улыбнуться девушка, хотя внутри смертельно боялась неизвестности, которую таил в себе загадочный Фарерский лес.

Когда первые лодки с корейцами выносило прибоем на берег, Лера была уже за линией частокола, возле шелестевшего метелками тростника, который сторожило пугало.

– Погоди! – окликнула подбежавшая сзади Милен.

– Да?

– Они уже в деревне. Вот, возьми еще ткани для факелов, немного воды и запасное огниво, мало ли что. И еще веревку, пригодится, – торопливо инструктировала девушка. – Запомни, что бы ты ни увидела и ни услышала, не гаси свет. Даже если устанешь и захочешь спать. *Лешие* никогда не подойдут, если ты с огнем. На земле неnochуй, поняла? Воду бери только в тех источниках, что текут со склона гор, не в стоячих.

– Да, – кивнула Лера. – Поняла.

Посмотрев на нее, Милен приблизилась и крепко обняла девушку.

– Держись, лиса.

– Постараюсь.

– Свяжись с ними, ты справишься.

– Хорошо.

Милен еще некоторое время стояла возле пугала, вслушиваясь в шелест тростника, и смотрела вслед удаляющейся Лере. А потом со всех ног припустила обратно в деревню.

* * *

— Говорил я тебе, раньше надо было валить, — проворчал налегавший на весло Треска. — Тут кто-то из наших шороху навел, не иначе.

Воспользовавшись суматохой, возникшей в результате неожиданного исчезновения Савельева и Мигеля, повара не упустили случая дать деру с «Грозного», отвесив хлесткую коллективную зуботычину оставленному на часах корейцу.

— Ага, — парировал с другого бока лодки Паштет. — Свалишь тут. Мне надоело, что на меня все время то кричат, то гонят на камбуз. Пленные не пленные, а жрать-то все хотят, как собаки.

— Да уж, чувак, запирать кока на собственном камбузе — большая ошибка, хе! — довольно осклабился Треска, отчего повязанные под его небритым подбородком уши шапки широко разошлись в стороны. — Моя идея.

— И куда мы теперь?

— Да хоть к черту на рога, — откликнулся Треска. — Ща догребем и разберемся. Главное, наших найти. О, зыры! Чё это там на берегу серенькое такое белеется?

— На тягач похоже, которым дельфинов вытаскивали, — приглядевшись, ответил Паштет.

— Тогда рулим туда, чувак. А то, видать, застоялась-то машинка.

Подхваченные прибоем повара дружнее налегли на весла, забирая в сторону от лодок высадившихся на берег корейцев.

* * *

Оказавшись возле первых стволов, между которыми таинственно мерцали какие-то грибы на кособоких ножках, Лера замешкалась. Высокие, незнакомые деревья с раскидистыми ветвями поднимались над головой, а между стволами в иссиня-черноватой мгле уже, казалось, мелькали чьи-то зловещие тени, от которых руки сами тянулись к оружию. Под подошвами скрипел плотный ковер из сухих отмерших веток. Ноздрей мягко касался влажный аромат гниющей листвы.

Девушка вздохнула, поправляя лук. И снова она одна. Одна против всех. Вопреки целому миру, которому уже давно на нее плевать. Экзамен продолжался.

Носков Лериных сапог мягко коснулись первые щупальца поднимающегося из недр леса тумана.

– Вперед, Степанова, – твердо сказала сама себе девушка. – Ты сможешь.

Зайдя за деревья и удалившись на достаточное расстояние от кромки леса, Лера оглянулась. Деревни уже не было видно, а впереди ждала сырая, полная неведомых опасностей ночь.

С помощью огнива запалив первый факел, Лера дала пламени как следует разгореться и смело ступила в сумеречную чащу.

ГЛАВА 4

ОХОТА НА ЛИСИЦУ

Попетляв по тропинке и решив, наконец, что уже достаточно удалилась от деревни, Лера позволила себе короткую передышку. Пройдя еще немного, она вышла на поляну, где всего несколько часов – а казалось, целую вечность назад – Милен учила ее стрелять из лука. В ночных сумерках красные круги на мишени казались матово-черными.

Скинув рюкзак на траву, Лера пристроила факел в расколе старого дерева и, усевшись под импровизированным светильником на пень, достала из сумки радиостанцию. Настало время попробовать выйти на связь.

Раскладывая антенну, Лера задумалась, на каком языке делать запрос, русском или английском. Второй передатчик находился у отца Милен, и логичнее было говорить на иностранном. Но с Турнотуром и Батоном оставались Яков и Линь, которых Лера автоматически записала в предатели, и карты теперь могли быть разыграны как угодно.

И, тем не менее, нужно было рискнуть.

– «Братство пара» вызывает старейшину и команду «Ивана Грозного», – нажав кнопку связи, негромко позвала Лера. – Повторяю, «Братство пара» вызывает старейшину и команду «Ивана Грозного». Ответьте! Дядя Миша, кто-нибудь! Это Лера.

Отпустив тангету, Лера стала ждать, всматриваясь в мерцающие пятнышки светлячков. Тишина. Царящее вокруг безмолвие было таким абсолютным, что девушка на мгновение усомнилась, что прибор вообще работает. Она проверила выставленную частоту – все, как сказала Милен.

– «Братство пара» вызывает старейшину и команду «Ивана Грозного», как слышите меня...

Никакого ответа.

Всматриваясь в окружающий ее ночной лес, наполнившийся парными танцами светлячков, Лера все вопрошала и вопрошала упорно отмалчивающийся радиоэфир, пока наконец не устала. Почему они молчат? Наверняка что-то случилось.

Переживания ушедшего дня тяжелой ношей легли на плечи. После короткого ужина в доме Милен есть не хотелось. Убрав радиостанцию в рюкзак, Лера поежилась и посмотрела на потрескивающий факел над головой, освещавший место привала подрагивающим на траве неровным кругом.

«Что бы ты ни увидела и ни услышала, не гаси свет. Даже если устанешь и захочешь спать», – вспомнила она завет Милен и вдруг снова прислушалась, поняв, что именно заставляло ее тревожиться последние несколько минут.

Ночной лес молчал.

Словно затаившись, чуя опасность. Не было обычных звуков, присущих лесу при свете дня. Шорохов, скрипов дерева, шебуршения лесных обитателей или трелей птиц. Ничего. Только светлячки с каждой минутой, казалось, мерцали все ближе и ближе.

Тревога усилилась.

Лешие.

Осознание обожгло нутро ледяным холодом.

Это были не светящиеся насекомые, а глаза вышедших на охоту лесных хищников.

Все это время ее окружали, беря в кольцо. На свет действительно не выходили, но зрелище от этого было не менее зловещим. Словно между деревьями оживала сама тьма. Двигались неведомые существа совершенно бесшумно, не производя никаких звуков и не давая себя разглядеть, в то время как добыча, коей Лера потенциально сейчас являлась, постоянно оставалась на свету.

Так вот вы какие, Духи леса.

Вместе со страхом пришло острое ощущение одиночества. Батон, столько лет служивший ей опорой, несмотря на ее новое к нему отношение, сейчас был нужен как никогда, но находился далеко отсюда. Чуча сбежала, видимо, испугавшись, что ее передали новой хозяйке. А Мигель...

Мигель.

Оставалось надеяться, что он в безопасности вместе с Савельевым в убежище Турнотура, и корейцы отчалили на лодку несолено хлебавши. Но разозлились небось. Хоть бы этот громила Дан держал себя в руках и не слетал с катушек. А то начнет еще махать своей наточенной железякой, которую носил на спине.

Вот опять она думает о других. А кто бы помог ей самой?

Одна. Снова совсем одна. И не на кого положиться, кроме себя самой. Хотя она давно уже к этому привыкла.

Убрав радиостанцию в рюкзак и встав с пия, Лера задрала голову, подыскивая подходящее дерево для ночлега, стараясь при этом следить за *лешими* и не выходить за пределы освещенного пространства.

Высматрив на одной из сосновых крон более-менее подходящую толстую ветку, на вид способную выдержать ее вес и достаточно удаленную от остальных, чтобы не устроить пожара, Лера стала думать, как бы поднять наверх свои пожитки и, главное, – огонь.

На выручку неожиданно пришел лук. Привязав к оперению стрелы конец веревки, Лера с третьей попытки перекинула ее через нужную ветку. Затем, воспользовавшись блочной системой оружия, соорудила нечто подобное миниатюрной подъемной системы.

Теперь рюкзак, а главное – еще несколько запаленных факелов можно было спокойно поднять на дерево. Карабкаться с горящей палкой за спиной Лере даже в голову не пришло.

Оказавшись наверху и вобрав веревку, на конце которой болтался лук, девушка сначала закрепила вокруг себя факелы (благо к ночи ветер совсем утих), а уж после постаралась сама устроиться максимально удобно. Для страховки привязала себя за талию к стволу дерева, о который облокотилась спиной.

Теперь порядок. Снова распаковав радиостанцию, Лера проверила частоту и вдавила тангету.

– «Братство пара» вызывает старейшину и команду «Ивана Грозного», как слышите меня...

Никакого ответа.

– Да где же вы все, – обреченно пробормотала девушка, выключая прибор.

Сомкнуть глаз она так и не смогла до самого утра. То и дело вздрагивала и прислушивалась, каждый раз проверяя лежащий на коленях «Бизон». Девушка чувствовала, что на поляне у подножия дерева что-то происходило. Чернильная тьма всего в нескольких метрах от нее действительно была живой. В снопах искр, которыми то и дело фыркали горящие вокруг факелы, Лере мерещились чьи-то глаза. Силуэты, движения, метаморфозы... Или это просто чудилось от усталости и недосыпа?

Кем или чем были эти загадочные существа? Откуда они пришли? Были ли они порождениями радиации, мутантами, – или просто вновь народившимися обитателями нового мира? А может, это были неупокоенные души умерших, желавшие своими безумными плясками свести остатки выживших с ума? Отчаянно клевавшая носом девушка размышила всю ночь, страшась хоть на мгновение погрузиться в сладкую пучину манящего сна и не выпуская из рук оружие.

* * *

Леру подняло резко оборвавшееся конское ржание. Открыв глаза, девушка некоторое время подслеповато моргала, пытаясь сориентироваться и вспомнить, где находится. Было уже светло. Факелы давно потухли и успели отсыреть. Сквозь покачивающиеся ветки над головой рваными пятнами пробивалось тусклое серое небо.

Лера все-таки не выдержала и заснула! И была на поверхности!.. Ее схватили *леши*! Но первый ужас спросонья быстро сменился холодным напряжением. В памяти мгновенно воскресились события прошедших дня и ночи.

Одна против всех. Интересно, ее продолжали искать? Сейчас утро; при свете дня корейцы спокойно войдут в лес, не боясь ночной нечисти.

Размяв онемевшие пальцы, Лера сняла перчатки и проверила узел на животе. Страховка держала. Девушка по-прежнему была надежно привязана к стволу приютившей ее сосны. Сильно ныли ноги и затекшая за ночь спина.

Убедившись, что находится в безопасности, Лера снова прислушалась, словно выбравшийся из норки зверек, настороженно понюхала напоенный ароматом хвои сырой утренний воздух. Но пробудившийся от чуткого сна подозрительный и, как даже ей показалось, жалобный звук не повторился.

Что же это было? В ее неспокойной, полной бессвязных обрывков и хаотичных образов полудреме не было никаких лошадей.

Пошевелившись и развязав узел, прижимавший ее к дереву, Лера убрала веревку в рюкзак и, еще раз убедившись, что на поляне безопасно, стала осторожно спускаться вниз. Сложив рюкзак и оружие у пенька, уселась на него и проткнула ножом банку тушеники. Съела половину мяса, осторожно подцепляя его кончиком лезвия. Сытость и короткий сон придали девушке сил.

Начинало понемногу накрапывать. Покончив с завтраком и запив его водой из бутыли, Лера убрала банку обратно в рюкзак и хотела взять радиостанцию, как неожиданно услышала что-то еще.

На этот раз это было не ржание, а хруст, смешивающийся с каким-то странным стрекотанием и пощелкиванием. И источник звука, казалось, был совсем рядом. Оставив рюкзак и удобнее перехватив «Бизон», Лера осторожно двинулась через кусты. А вдруг корейские лазутчики с «Грозного» прочесывают лес! Тогда выгоднее использовать лук, чтобы выстрелами не выдать своего местоположения преследователям.

Хруст тем временем становился все громче. Сбавив шаг, Лера осторожно отодвинула низкие сосновые ветки и замерла, чувствуя, как от ужаса ноги прирастают к мшистой земле. Уж лучше бы она напоролась на корейских солдат...

На небольшой, забрызганной кровью и внутренностями лужайке перед ней на боку лежал мертвый пони. Значит, ржание ей не померещилось. А вот существо, издававшее странные звуки...

Над истерзанной тушей лошади, положив на нее четыре хитиновые лапы, нависло чудовищных размеров нечто, напоминающее

муравья или саранчу с большими шевелящимися крыльями. Лера видела похожих в учебнике по биологии. Но радиация или другие неведомые силы превратили насекомых из книжки в один чудовищный гибрид, муранчу, которая огромными щелкающими жвалами ломала ребра своей добыче.

Первой мыслью девушки было немедленно бежать, и как можно дальше. Но любопытство и охотничья выучка заставили ее задержаться и понаблюдать. Лера еще никогда не видела подобных мутантов, особенно – летающих. Откуда он сюда прилетел? И, самое главное, один ли он здесь или всего лишь отбился от устроившейся неподалеку стаи?

Ощущив мурашки, Лера испуганно огляделась.

Чувство самосохранения отчаянно вопило, что нужно давать деру, и как можно скорее, но Лера медлила, наблюдая за кровавым пиршеством. Бежать обратно на поляну, пока чудовище поглощено поеданием пони и не слышит ее! Да есть ли у твари уши? Скорее всего, нет.

Понимая, что уже и так достаточно задержалась, Лера повернулась и наступила на громко хрустнувший под ботинком вересковый куст. Чавканье на поляне прекратилось.

Черт! Лера замерла, прислушиваясь к звукам позади себя, и, обернувшись, увидела, как сползшее с туши насекомое повернуло отвратительную голову, с которой лохмотьями свисало мясо, в ее направлении.

Вот теперь она действительно попала в переплет. Как тварь за секла ее – по движению, телепатией, ультразвуком? Скорее всего, шум. Дурацкий, обычный шум. Лера бросилась бежать.

Черная юркая бестия, зловеще шурша надкрылками, бросилась вслед за девушкой. Стремительно несясь через лес, Лера слышала за спиной хищное щелканье жвал и размеренный цокот суставчатых хитиновых лап, поддерживавших над землей огромное ворсистое тело.

Оторваться, спрятаться, не споткнуться! Куда?! Мысли метались в голове в такт рвущемуся из груди дыханию. Чуть выше по тропинке от поляны Милен начиналась каменистая местность; плюнув на брошенные рюкзак с луком, Лера со всех ног устремилась туда, то и дело огибая деревья, превратившиеся теперь в препятствия. Укрыться среди камней, там было множество пещер!

Многоногая тварь не отставала. Наоборот, она стремительно сокращала расстояние, периодически раскрывая крылья и с гудением перелетая на несколько метров вперед. Лера начала выбиваться из сил, когда впереди замаячил изогнутый горный разлом, возле которого было разбросано множество валунов.

Спасение! Лера юркнула между каменными выступами в проход, узкий настолько, что в него едва мог притиснуться человек, и, поцарапавшись так, что из щеки потекла кровь, ввалилась в небольшую пещерку шириной в несколько метров. Загнанно повернулась к входу, где тут же показалась уродливая голова муравья. Однако насекомое не смогло притиснуться внутрь.

– Да пошла ты прочь, гадина! – яростно крикнула Лера и ткнула ботинком в безжизненные фасетчатые глаза.

Разъяренное насекомое, мотнув одутловатой башкой, сделало еще одну попытку атаковать, но камень выдержал натиск острых как бритва хелицер¹.

Тут только Лера сообразила, что в горячке погони так и не выпустила из рук оружия. Переведя «Бизон» в режим стрельбы очередями, она сунула ствол прямо в отвратительную раззявшую пасть.

– Выкуси!

Загрохотали выстрелы, тварь отчаянно заверещала, конвульсивно стиснув дергающийся ствол жвалами, и ее башка взорвалась кучей склизких ошметков. Высадив в муранчу весь магазин, Лера некоторое время сидела, с отвращением наблюдая, как в предсмертной агонии продолжают шевелиться многочисленные конечности насекомого-переростка.

– Поделом, – стаскивая шапку, устало пробормотала Лера и положила рядом уже бесполезный «Бизон».

Хотелось расплакаться или наорать на кого-нибудь, но она по-прежнему была одна. Когда же это все закончится? Судя по всему – уже никогда. Проклятый новый мир не желал давать перешьшки.

К середине дня морось превратилась в полноценный ливень. Запоздало спохватившись и укутавшись как только можно, Лера выскочила из своего укрытия, поборов отвращение, перебралась через

¹ Ротовые придатки пауков.

развороченную тушу муранчи и зашлепала по разраставшимся лужам, собирая в подобранный на поляне рюкзак сосновые ветки.

Вернувшись в пещеру, Лера разложила на каменном полу хворост и, снова прижавшись к стене, стала ждать, когда он подсохнет, вслушиваясь в шум разошедшегося дождя. Однажды ей показалось, что она слышит человеческие голоса.

Факелы закончились, и Лера все отчетливей понимала, что сегодня ей придется ночевать на земле. А значит, для костра нужно было много сухого топлива.

К вечеру дождь перестал, и Лера, наконец, решилась выбираться из пещеры. Нужно было устраиваться на ночлег. К тому же оставаться рядом с отвратительно воняющей тушей было опасно – в скором времени она могла привлечь внимание лакомых до легкой добычи ночных хищников.

* * *

– «Братство пара» вызывает старейшину и команду «Ивана Грозного». Ответьте же, черт! Дядя Миша, кто-нибудь! Где вы все! Это Лера, ау! Вы уже вернулись?

Радиоэфир продолжал молчать.

Огонь занялся. На ладони правой руки между большим и указательным пальцами от трения закровоточила мозоль. Но, закусив губу, Лера продолжала упорно работать, отгоняя боль. Мышцы одеревенели от монотонных движений, морская соль, принесенная с берега ветром, воском оседала на натруженных пальцах, то и дело сбивая ритм движений. Деревья над головой зашелестели, и огонек в костре опасно качнулся.

– Не смей, – откинув палочку и склонившись над разложенным кострищем, Лера бережно сложила ладони в разорванных шерстяных перчатках без пальцев лодочкой, запищая хрупко зачинающаяся в веточках пламя, и подула, осторожно подкладывая трут в задымившийся вереск, который весь день старалась высушить в рюкзаке. – Не смей, слышишь... – шепча, словно молитву, уговаривала она. – Пожалуйста. Только не затухай.

Над ней шумел ночной лес. Пахучий, нелюдимый, сырой после дождя, который почти полдня пришлось пережидать в пещере. Не-

знакомый. Чужой. Полный таинственных звуков и смертельной опасности. Лера не боялась разводить огонь, так как от берега, где была видна пришвартованная лодка, костер закрывал широкий выступ мшистой скалы. *А лешие*, как она подметила, действительно не любили открыто выходить на огонь.

Уставшей девушке очень хотелось согреться и поесть. А еще сильнее хотелось спать, – но в ночном лесу, полном хищников, это было самоубийством.

Наконец, разгоревшиеся прутья весело затрещали. Лера придвигнулась ближе, поджав ноги, и, стирая остатки солидола с последней банки тушеники, посмотрела на чернеющую далеко внизу машину «Грозного». Как они там? Что стало с остальными членами команды? Как там Мигель, дядя Миша, Паштет, Треска, Савельев?

Мигель.

При воспоминании о священнике у девушки остро засосало под ложечкой. Было ли это изменой Азату и его памяти? Но с погибшим мичманом-оружейником у нее ничего и не завязалось. А значит, и не о чем горевать. Не случилось.

Испытав новые ощущения с взрослым мужчиной, неопытная Лера до сих пор отчаянно пыталась разобраться в своих чувствах.

Когда ее пытался изнасиловать Василь, она была на грани обморока от брезгливого ощущения чужих прикосновений. От неправильности, злобы, отчаяния. Но с Мигелем все было по-другому. Она сама позволила, поддавшись какому-то животному, неведомому порыву. Лера вспомнила свои ощущения. Она призналась ему в любви, совершила для него немыслимое. А он ответил взаимностью.

Что бы сказал ее наставник? От этой мысли у девушки по спине пробежали мурашки. Она знала, что одинокий охотник не раздумывая убил бы Мигеля. Поэтому – молчать, ни слова. Пока. Да и, в конце концов, плевать она на него хотела.

А что чувствует сам Мигель? Да и любовь ли это? Может, всего лишь яркая вспышка, коротким электрическим импульсом скользнувшая по телу. Инстинкт. Нет. Теперь она уже была уверена, что нет.

Приправленные страхом и напряжением, мысли и чувства путались, мешая сосредоточиться и разложить все по полкам.

Господи, как же это все сложно. Лере сейчас как никогда хотелось выговориться, спросить совета, но Тахомы уже не было с ними, а Батон плыл на катере в столицу Фарер вместе с руководством деревни.

Лера подняла голову и посмотрела на далекие звезды, видные сквозь покачивающуюся листву. Она должна придумать способ спасти всех из лап корейских диверсантов.

Но юная охотница была одна. Милен под надзором матери в деревне «Братства Пара», Чучундра сбежала. У нее практически не оставалось еды. Патроны в «Бизоне» кончились после злополучной встречи с гигантским летающим муравьем, а на нож и блочный лук, с которым Лера только-только научилась обращаться, полагаться было нельзя. Да и запас стрел крохотный.

Девушка чуть не расплакалась, но от невеселых мыслей вовремя отвлек требовательно заурчавший живот. Поставив в огонь банку, Лера стала слушать, как щелкают, выпрямляясь под воздействием внутреннего давления, волнообразные круги на крышке.

После третьего щелчка она палочкой выудила разогретые консервы из углей и дала им немного остыть.

Открыв ножом банку и вдохнув теплый запах пайка, от которого сразу закружилась голова и заныли скулы, Лера поняла, до чего же проголодалась. Вода к этому времени уже должна была очиститься – пока девушка возилась с огнем и консервами, наверняка прошло не положенных полчаса, а намного больше. Милен рассказывала, что на островах еще кое-где оставались чистые источники, которые находили верные пони, и Лера даже пила из одного такого, доверившись опыту проводницы, но сейчас не решилась рисковать, оказавшись в незнакомом месте. Поэтому, набрав бутылку в одном из небольших водопадов и промочив при этом ноги, она бросила в нее щепотку марганцовки из походной аптечки, дожидаясь пока вода не станет бледно-розовой.

По урокам Батона Лера знала, что это очень ненадежная очистка жидкости, – но без нее она умрет. Осторожность в новом мире была залогом выживания.

Дядя Миша. Без его наставлений, в одиночку Лера не протянула бы на поверхности и десяти минут. А ситуация с каждым днем из экстремальной все стремительнее превращалась в бедственную.

Одинокий человечек, жавшийся к огню на кочке земли посреди океана, сдавал экзамен на выживание.

Всхлипнув, девушка принялась за еду. Приговорив, почти не глотая, сразу половину порции горячего мяса, Лера облизнула пальцы. А ведь это последняя банка пайка, и ее бы стоило поберечь.

Сытость, приятным теплом растекшись по телу, на некоторое время выгнала из головы невеселые мысли. Как все-таки мало человеку нужно для счастья. Кровь, еда и тепло. Хотя кровом в нынешней ситуации Лере служили лишь кроны деревьев и небо над головой.

В итоге усталость с голодом взяли свое, и Лера не выдержала, решила доесть. Будь что будет. В конце концов, станет охотиться без спецоборудования, с ножом и луком, как это делали древние люди, о которых она читала в какой-то книжке совсем маленькой. Еще в теплом и уютном Убежище. Давным-давно. В другой жизни.

Сжав теплую банку ладонями, Лера снова посмотрела на небо. Интересно, как там деда, Юрика, ее несостоявшийся горе-жених Витька Боровиков, девчонки с грибной фермы? Другие выжившие... Думает ли о ней хоть кто-то? Баба Дина наверняка нет-нет да и всплакнет украдкой, вспоминая, как меряла на свою равную непоседливую девчонку традиционно переходящее из рук в руки свадебное платье. Не случилось. Ну и пусть. Прошлого не вернуть.

Девушка вздохнула и убрала за ухо выбившуюся из-под шапки огненно-рыжую прядку волос.

Видели бы они ее сейчас. Осунувшуюся, измотанную, окровавленную. Лера ощущала себя первобытным человеком, одиноким, голодным, полагающимся только на свой лук, чтобы достать пропитание. Одна против чужого огромного мира.

Каждый раз при таких мыслях внутри Леры начинало шевелиться что-то злое и нехорошее. Как! Как можно было довести человечество до таких невероятных вершин, даже до звезд, а потом разом превратить все в пепел. Убить целую планету. Как Бог, живущий на небе, мог такое допустить?

Боль и бессильная злоба клокотали внутри нее. Ведь только сейчас Лера в полной мере начинала осознавать, какая удивительная

возможность ей выпала. Пока разбросанные осколки человечества ютились под землей, она путешествовала по бескрайним просторам Чистилища, в которое превратилась Земля. Выучила неродной язык, увидела стольких разных людей и существ, первые из которых упорно цеплялись за жизнь, а вторые на них охотились.

Но хотела ли она это видеть?

Теперь-то зачем. Ведь ничего поделать нельзя, победы уже не будет. Двуногие цари царей сами похоронили себя навеки, и мир изменился до неузнаваемости. Его уже не спасти. Да и незачем. Для чего? Чтобы все повторилось сначала? Самый страшный хищник низверг сам себя, но даже после такого страшного удара не изменил привычкам. Люди по-прежнему были все те же. Несущие боль. Страх. Гнев. Разрушение.

Смерть.

Так говорил Мигель. Из-за этого уходил в запои Батон.

— Мамочка, что же мы все наделали, — Лера потрогала под расстегнутой курткой платок, несколько раз обернулся вокруг шеи. Все, что осталось. Родной, едва уловимый запах придавал ей хоть немного уверенности. Только осколки прошлого и жуткое настоящее. Будущего уже не будет.

У них у всех. У всего разбитого на бесформенные осколки человечества. Мира. А самая жестокая обида заключалась в том, что Лера родилась, когда все еще было хорошо, но просто не могла помнить об этом.

Доев остатки пайка, который запила водой из бутылки, девушка вытерла подступившие слезы, завернула пустую банку в тряпицу и убрала ее обратно в рюкзак — еще пригодится. В критических условиях любая мелочь могла на что-нибудь сойти. Хорошо еще, что веревка и медикаменты, взятые с лодки, были в порядке.

Возясь с сумкой, Лера внезапно прислушалась.

Где-то невдалеке, в чаще, что-то двигалось. Шелестели раздвигаемые ветки, зловеще потрескивал покров из сырых сучьев. До Леры долетел странный, непонятный звук, похожий то ли на бульканье, то ли на рычание готовящегося к нападению хищника.

Новая фауна не желала давать передышки.

По производимому шуму девушка сразу поняла, что приближавшееся к огню существо передвигалось не на двух конечностях.

И еще оно было большим. А при таком раскладе Лера автоматически превращалась из охотника в жертву. Сейчас она меньше всего была готова к схватке, измотанная утомительным днем и разморенная горячим ужином, чувствующая, как начинают упрямо слипаться глаза.

Черт!

В темноте между стволами красными угольками сверкнули четыре яркие точки. Паучьи глаза! Или это – поднимающиеся от костра искры?

Мгновенно напрягшись, Лера потянулась за «Бизоном» и тихо выругалась, вспомнив, что он пуст. Что ж, у нее оставался лук.

Звук повторился снова, и уже гораздо ближе. Что бы там ни было, ничего хорошего оно не сулило. Как же ее учудили с подветренной стороны? Хотя от новых народившихся тварей можно всего ожидать. Ультразвук, телепатия, нюх и черт знает что еще. Если это *леший*, на костер он все равно не выйдет. А если еще один муравей...

На Леру снова навалился страх. Но она тут же вспомнила слова дяди Миши о том, что даже в мире, целиком вывернутом наизнанку, ни одна опасность не страшна так, как одиночество. Чтобы выжить, человеку нужен еще кто-то.

Но ведь она сейчас одна, разве не так?

— Хватит нюни распускать, — одернула себя девушка. — Соберись, дура.

— Да, она одна. Но свободна и способна действовать. Она выживет. Не для того столько перенесла, чтобы сдаться на полпути к дому и умереть на далеком острове посреди Атлантики.

Лера вытащила из лежащего рядом с рюкзаком колчана стрелу и, наложив ее на тетиву, затаилась, повернувшись в ту сторону, откуда доносился звук.

Между стволов двигалась большая темная масса. Она быстро приближалась, рыча, круша и отодвигая попадавшиеся деревья, ломая брызгавшие мошкой кусты на своем пути. С недовольными «квиррррррр!» разлетались устроившиеся на ночлег кулик-сороки.

Да что же это такое? Вспомнив африканского носорога, которого с трудом повалил авиационный пулемет Азата, Лера почувствовала

ла, как напрягается каждый мускул. Что стрела против такой бронированной машины, чем бы она ни была? Но навыки и инстинкт самосохранения брали свое. Она была готова бить точно в глаз.

В этот момент огромная темная туша с ревом вылетела на полянку, и Лера, изо всех сил натянув тетиву, выстрелила.

Стрела угодила точно в одну из фар-проекторов в алюминиевой сетке-оплётке, напрочь разбив ее, и выкатившийся на полянку гусеничный тягач «Братства», фыркнув, остановился.

Спрятавшаяся за валуном Лера наложила новую стрелу и подготовилась стрелять. Тягач из деревни! Как же она не подумала, что корейцы могут использовать для ее поимки технику местных селян. В кабине произошло какое-то движение – выходят! – и Лера перенацелилась на ближайшую дверь.

Но вместо корейцев на скрипнувший вереск грузно ступил Треска, следом за которым последовал Паштет с лихо нахлобученным на макушку танковым шлемом.

– Лерка? – приглядевшись, первым ахнул толстяк. – Вот это новости.

– Вы?!

– Вот тебе и встретились, тудыть твою растудыть! А мы уж кумекали: кто это по нам стрелять тут удумал? Ты чего тут делаешь?

– Прячусь. Как вам удалось сбежать? – отбросив лук, Лера горячо обняла поваров.

– Это отдельная история, – с напускной небрежностью отмахнулся Треска, хотя ему до смерти хотелось поведать об их приключении и показать девчонке, что и с поваров толку немало.

– А ты чего это тут, трапезничать удумал? – принюхался Паштет и посмотрел в сторону костра. – Хорошее mestечко нашла, ничего не скажешь.

– Я уже все съела, – виновато ответила девушка.

– А у нас с собой, – как в анекдоте откликнулся Треска и потащил с заднего сиденья тягача небольшой тугу набитый рюкзак. – Сейчас раскидаем.

– Так как вы сбежали? – снова поинтересовалась Лера, когда они распаковали вяленое мясо и расселись вокруг костра.

– Да рассказывать-то особо нечего, – снова беря небрежный тон, начал Треска. – Когда весь этот кипиш по твою честь начался, нас

на камбузе заперли. Ну я-то сразу скумекал, что деру надо давать. Запирать кока на его собственном камбузе, ха! Дверь открыли, пока суть да дело, лодку свистнули – и на берег. Там тягачок-малышок паровой и заприметили, ну, сняли часовых, – Лера удивленно подняла брови, но перебивать не стала, улыбнувшись уголками губ. – Газанули по берегу в сторону леса, а потом заметили твой костер. Ну, вот так и оказались здесь. Лихо, короче.

О том, что они банально заблудились, а до этого почти день под дождем с матюками пытались вытащить тягач из болота, в которое по недосмотру зарулил Треска, что с угоном им попросту сказочно повезло и никаких часовых, конечно же, не было, повар решил не рассказывать. История получилась складная, если откинуть тот факт, что они почти сутки пропадали неизвестно где.

– А утром выстрелы слышали, – вставил Паштет, когда Треска закончил со своей историей и стал снова грызть мясо.

– Это была я, – и Лера рассказала поварам о своих дневных иочных приключениях в лесу и неожиданной встрече с муранчой.

– Надо же, – ахнул Паштет, видевший за свою жизнь не очень много мутантов и вообще предпочитавший с ними не водиться. – Целый огромный муравей! Тебе скоро с Батоном о них книгу писать можно будет.

– Знаешь, мне такие встречи особой радости не доставляют, – заверила его Лера. – К тому же теперь я без патронов.

– Главное, живая. Ну и везучая ты, Лиса Патрикеевна, – усмехнулся Паштет.

– Почему вы всегда называете меня Патрикеевой? – не поняла Лера.

– Потому, что Патрикей в старину был известным литовским князем, славящимся своей хитростью и пронырливостью. Прямо как ты, – объяснил повар. – Да еще и рыжая. Вот Лиса Патрикеевна, обманывающая глупого волка, и стала популярна в русских сказках.

– Волк только на этот раз с зубами попался, – парировала девушка. – Хрен обманешь.

– Не дрейфь, забодаем, – шмыгнув носом, Паштет взял новый кусок мяса и добавил: – Надеюсь.

– Мута сама завалила, хе. Кремень, а не девка, Батонова школа видна, – уважительно цыкнул зубом Треска. Ему даже стало немножко завидно: по всему выходило, что на долю смелой девушки выпали куда более интересные и опасные приключения, чем у них с Паштетом. – А где твой Ромео?

– Кто? – не поняла Лера.

– Мигель, говорю, чего не с тобой, – доступнее озвучил вопрос Треска, сообразив, что девушка вряд ли знакома с творениями английского классика. – Думаешь, о ваших шурах-мурах не знает никто?

– Он прячется в деревне вместе с Савельевым. И у нас не... шуры-муры. Какое тебе дело вообще.

– О, молчу-молчу. Женька, выходит, тоже деру дал. Молодца метеоролог.

– Моими стараниями, – вздохнула Лера и посмотрела на прислоненный к камню лук Милен. Интересно, как она там...

– А вот тут можно поподробней.

Лера рассказала о своем плане и тайной вылазке на «Грозный».

– Ты была на лодке и не спасла нас?! – с обидой набычился Треска.

– К вам в тот момент было не подобраться, если бы я сунулась, меня бы тоже поймали, и толку?

– Да уж, – пожал плечами Паштет и потер фингал под глазом. – И на кой черт мы им вообще понадобились.

– Выходит, там теперь один Ворошилыч остался, – подсчитал Треска и внезапно захохотал. – Вот пусть за всех и терпит теперь, козлятина.

– Перестань, – одернула его Лера. – Мы же одна команда.

– Да ну, мне его рожа хуже тухлой редьки. Нытик, тьфу!

– И чего нам теперь делать? – долговязый повар через огонь посмотрел на сидящих напротив друзей.

– Я пыталась связаться с дядей Мишой по радио, – Лера указала на свой рюкзак. Треска вытащил радиостанцию и, повернув в руках, присвистнул.

– Ого.

– Это для связи со старейшиной. Но пока ничего не выходит. Эфир молчит. С ними что-то случилось.

– Думаешь?

– Уверена. Иначе они бы давно ответили.

Зажав тангтету, Треска приблизил к лицу микрофон:

– «Иван Грозный» вызывает Батона. Повторяю, «Иван Грозный» вызывает Батона. Как слышите меня, прием?

Эфир какое-то время по-прежнему молчал, а потом неожиданно захлебнулся помехами, сквозь которые стали просачиваться какие-то неразборчивые звуки.

– Получилось! Что-то пробивается...

Троица, боясь вдохнуть, сгрудилась вокруг радиостанции.

– «Иван Грозный» вызывает Батона, – осторожно повторил Треска, нажав кнопку так плавно, будто от этого зависело качество связи.

Снова искажения эфира.

– Может, чего подкрутить, – протянул руку к прибору Паштет, но Лера хлопнула его по ладони.

– Не трогай.

– Нет, не выходит, – разочарованно констатировал Треска, сделав еще одну бесплодную попытку. – Действительно параша какая-то. Может, не добивает просто?

– С ними что-то случилось, а мы даже не знаем, где этот Торс-хавн или как его там, – вздохнула Лера.

– Если они туда вообще доплыли, – мрачно сказал Треска.

– Можно на карте посмотреть, – выдвинул предложение Паштет.

– Карты на лодке! – почти хором раздраженно отрезали кок и девушка.

– Или в деревне, – упрямо стоял на своем Паштет. – Там тоже могут быть, они же между островами плавают. Жаль только, что нас так мало.

– Ну, кое-кто, похоже, решил снова пополнить наши ряды, – внезапно сказал Треска.

– Ты о чем? – не поняла Лера.

– А вон, – Треска ткнул пальцем в сторону тягача, на разбитой стрелой фаре которого сидела...

– Чучундра! – радостно воскликнула Лера и поманила зверька к себе. – Чученька, иди ко мне. Иди, мышенька. Ц-ц-ц!

Спустившись по гусенице и подбежав к хозяйствке, зверек привычно устроился у девушки на плече.

– Где ты пропадала, а? Думала, что я отдала тебя Милен, глупенькая. Ну конечно же нет!

– Ну, хоть мышара нашлась, уже какая-то радость. Ты чего? – прищурился Треска, заметив, как стремительно меняется лицо Паштета, смотрящего в сторону моря.

– Лодка, – прохрипел тот, от волнения подавившись куском недожеванного мяса. – Глядите, она уплывает!

Глава 5

ДИВЕРСИЯ

Треска гнал тягач через лес, не жалея ни двигателя, ни подвески, ни кустов и мелких деревьев, попадавшихся под лязгающие траки, взрывавшие вересковый ковер.

— Я и не знал, что ты умеешь так водить! — пропищал со своего места колдывающийся на нескончаемых кочках и выбоинах Паштет.

— А я и не умею! — проревел вцепившийся в руль Треска, закладывая очередной лихой вираж в недрах чащи. — Держитесь!

С места рванулись так быстро, что даже не потушили костер. Плевать!

Покидав еду и радиостанцию в рюкзаки, троица беглецов запрыгнула в рванувшуюся с места машину. Подскакивая на сиденья рядом со сражавшимся с управлением Треской, Лера смотрела на несущийся навстречу лес, освещаемый стелящимся пятном от одной уцелевшей фары.

В боковое окно между деревьями было видно бухту и массивное тело атомохода. «Грозный» действительно двигался! Но не в сторону открытого моря, а дальше, в глубь островного архипелага.

Что это могло означать? Первой мыслью Леры было, что вернулся дядя Миша вместе со старейшиной, и они сразу же решили отплывать в Торсхавн к Хранилищу Судного Дня. Чушь! Они бы не

отправились без нее и остальных членов команды. К тому же как бы они попали на борт, если судно захвачено?

Второе предположение было больше похоже на реальность. Они каким-то образом получили распоряжение или сигнал от Линя, о котором тот, по всей видимости, специально на другом языке говорил Дану на причале перед отплытием катера, и, наплевав на разбежавшихся членов команды, принялись за его выполнение. Выходит, у предводителя корейцев тоже нашелся собственный передатчик. Лера почему-то была уверена, что Дан, будучи всего лишь телохранителем, не стал бы самостоятельно принимать подобные решения.

Господи, да когда уже закончатся все эти сюрпризы!

Пронесясь по главной площади деревни и чуть не своротив по пути колодец с сигнальным колоколом, тягач затормозил у дома Милен, которая, привлеченная шумом, уже ждала их в компании Савельева, Мигеля и мадам Ламбар.

– Что происходит? – крикнула Лера, спрыгивая из кабины на землю, едва Треска остановил машину.

– Они уплывают! – ответил сбежавший по ступеням Мигель. – Как ты?

– Жива, – откликнулась девушка, давая бегло себя поцеловать.

– Я знала, ты справишься, – улыбнулась подошедшая Милен. – Что было в лесу? Ты видела их?

– Да. Но давай об этом позже, хорошо? Мне не удалось выйти на связь с твоим отцом и нашим капитаном.

– Корабль уходит в глубь архипелага, – указал на «Грозного» Савельев. – Но какого черта?

– Они обыскивали дома?

– Не сильно, – сказала Лере мадам Ламбар. – Как я и говорила, известие о том, что все вы сбежали в лес, не вызвало у них особого желания продолжать поиски. Хотя жители порядком напуганы.

– Могу представить. Нам нужно плыть следом. Нельзя оставлять лодку, – Лера в отчаянии смотрела на движущуюся мимо громадину «Грозного».

– У отца Олафа свой рыболовецкий катер, – сказала Милен и решительно посмотрела на мать. – Как будущей невесте они не посмеют мне отказать. Но на этот раз я поплыну с тобой.

— Спасибо, держи, он действительно мне пригодился, — Лера передала девушке лук, и та, проверив тетиву, закинула его за спину. — Ну что, готовы?

Она оглядела собравшихся вокруг четырех мужчин. Те кивнули.

— Нам бы стволы какие, — словно в школе, поднял руку Паштет. — А то без оружия лезть как-то. Мы хоть и повара...

— А кусаться умеем, — с кивком подытожил Треска.

— Будут, — кивнула Милен.

— Тогда веди, — поторопила Лера.

— Следуйте за мной, — сказала Милен и повернулась к матери. — Я должна пойти с ними в этот раз. Там отец.

— Понимаю, — ответила женщина. — Береги себя.

— Постараюсь, — Милен обняла ее. — Но это не только ради него. Но и всех нас.

— Вернись с ним.

— Обещаю. Идемте.

Все побежали через петлявшие улочки к домику, расположенному ближе всех к воде, возле которого сушились сети.

— Вы хоть понимаете, что нам нужны пушки? — пыхтел Треска. — Огромные ружья, мать их так. Иначе как вы предлагаете взять штурмом целую лодку?

— Мы не будем штурмовать, — на бегу откликнулась Лера. — Нас слишком мало.

— Тогда что?

— Хитрость, — ответила за нее Милен. — Поплыvем следом. Островов всего семнадцать, они не смогут далеко уйти.

Старого рыбака действительно не пришлось уговаривать дважды. Узнав, кто к нему обращается, мужчина почел за честь помочь дочери старейшины и сопровождавшей ее компании. Вызвавшийся управлять катером Олаф раздал поварам, Мигелю и Савельеву имевшееся в сарае оружие, — хоть и кустарного производства, оно могло быть пущено в дело.

— Годится, — подытожил Треска, разламывая самопальныy револьвер и оглядывая капсюли патронов в барабане.

— Тогда не будем терять времени, — ответил Олаф. — Мне потребуется один человек, чтобы подбрасывать уголь.

— Я могу, — вызвался Мигель.

– Отлично! Тогда все на борт!

Всего через несколько минут раскочегаренный с помощью священника катер уже отчаливал от пристани.

– Держись на расстоянии и не включай свет! Он все равно не возьмет крейсерскую, пока находится в акватории, – заглянув в кабину, на всякий случай попросила Лера, хотя сама прекрасно понимала, что с оснащением «Грозного» заметить их можно будет даже в кромешной тьме и с другой стороны острова.

– Хорошо, – отозвался стоявший за штурвалом Олаф.

Маленькое суденышко с отрядом из семи человек и мыши на борту, оставляя за собой стелящийся над водой шлейф сносимого ветром дыма и гудя раскаленным паровым котлом, устремилось в погоню за удалявшейся субмариной.

* * *

«Иван Грозный» держал курс на Свальборг. Это стало понятно, когда через несколько часов Олаф сверился с картами Фарерских островов.

– Они плывут к Хранилищу, – сказал он в очередной раз заглянувшей в кабину Лере.

Ближе к утру с неба посыпалась мелкая морось, перемешанная со снежной крошкой. Осень готовилась покинуть эти земли, передав эстафету зиме. Стоявшая на палубе Лера снова видела снег. Солнечный ветер лизал холодом легкие, заставляя девушку плотнее кутаться в куртку Тахомы. Во внутреннем кармане от непогоды пряталась Чучундра. Да, жаль, что более утепленная «натовка» осталась на «Грозном», который они преследовали.

– А ветер-то переменился, – шмыгнул носом стоявший рядом с Лерой Треска, потуже затягивая под подбородком ушанку. – С Атлантики потянуло.

– Эй, кто-нибудь, смените меня, а то я уже рук не чувствую, – из машинного отделения показалось раскрасневшееся лицо Мигеля с налипшими на лоб волосами.

– Иди, помоги святоше, – толкнул локтем маявшегося тут же без дела Паштета Треска.

– А чего это сразу я? – удивился тот.

— Сам же только что ныл, что замерз, — ворчливо ответил толстяк. — Вот и дуй, поддай-ка. Заодно погреешься. Там, глядишь, и приплывем уже.

— Что думаешь? — спросил Мигель, опираясь о борт рядом с Лерой.

— Думаю, нас всех ждут чертовски большие неприятности, — ворчливо ответил за нее Треска.

— Олаф — хороший моряк, — заверила кока Милен. — Он справится.

— Меня волнует не то, как мы доплынем, — вздохнул Треска. — А что нас будет ожидать по прибытии.

Идущий на приличном расстоянии впереди «Грозный» стал менять курс.

— Что они делают? — спросила Лера, поднося бинокль к глазам.

— Поворачивают, — определил Мигель и, перегнувшись через перила, прокричал в машинный отсек: — Эй, Паштет, прибавь-ка!

Еще через какое-то время из-за лесистого склона ближайшего острова показался новый берег.

— Смотрите, — указала на него Милен. — Свальборг! Хранилище там.

Оказавшись в акватории острова, «Грозный» сбавил ход и вскоре совсем остановился.

— Пока они выгружаются, обойдем их с другой стороны! — предложил из кабины Олаф. — Я знаю там одну неприметную бухту.

На какое-то время Лере пришлось выпустить подлодку из вида, — ее скрыл разделивший «Грозного» и кораблик массив острова, который они огибали. За то время, что они будут в слепой зоне, на судне успеют спустить лодки и, может, даже добраться до берега. Хотя здесь у преследователей появлялся шанс сократить расстояние: ведь лодки пойдут к берегу на веслах, в то время как они продолжат идти на пару.

Размыслия таким образом, Лера посмотрела на поднявшегося из кочегарной Паштета, которого с ворчанием полез подменять Треска.

— Фух, парилка, — констатировал повар, с наслаждением представляя раскрасневшееся лицо морскому ветру. — Долго еще?

— Почти приплыли, — ответила Милен, глядя на проплывавший мимо скалистый берег, покрытый сосновым лесом.

Обойдя остров, катер взял прямой курс на Свальборг, черной громадиной возвышающейся на фоне лилового неба.

— Смотрите! Вон оно, Хранилище, — через некоторое время Милен указала куда-то на тушу острова. В бинокль Лера смогла рассмотреть высокий прямоугольный массив, освещенный пляшущими пятнышками света — факелами, выпирающий прямо из тела скалы. — Похоже, там уже кто-то есть!

Снежная морось перестала, но по позвоночнику девушки все равно колко пробежали мурашки. Вот оно, Хранилище, оставленное им предками. Рукотворная пещера, в которой хранились удивительные сокровища из *того*, давно ушедшего мира! Сокровища, способные возродить планету заново. Вернуть прежний мир, которого она никогда не видела. И вот уже совсем скоро она сможет посмотреть на них своими глазами, а может, даже пограть! Мрачное настроение вернула громадина «Грозного», чернеющая чуть в стороне. От тела лодки в сторону берега уже успела вытянуться вереница подрагивающих огоньков — на остров высаживался десант.

Олаф сбавил обороты двигателя, и корабль замедлил ход, готовясь причаливать. Капитан некоторое время сосредоточенно крутил штурвал, правя в бухту, чтобы спрятать в ней катер.

Пока Олаф с помощью Мигеля и Трески привязывал корабль к небольшому дощатому причалу, остальные сходили на берег и проверяли оружие. Патронов в «Бизоне» не было, поэтому Лера пересчитала их в магазине «макарова» и, ссыпав в ладонь, снова сунула его в кобуру. Пригревшуюся в кармане мышь пришлось выпустить на плечо, чтобы не стесняла движения. И там и там — девятимиллиметровые калибры, но несоответствие магазина пистолета шнековому подствольному магазину «Бизона» под патрон 9×18 отняло у Леры некоторое время на ручную перезарядку. Милен с интересом следила за манипуляциями подруги, которая привычно колдовала с оружием, положив его себе на колени. Конечно, в режиме стрельбы очередями патронов хватит лишь на короткий плевок, но все равно это было уже кое-что.

Милен закинула на плечо лук и стрелы, а остальные разобрали самопальное оружие, которое удалось раздобыть в деревне перед отплытием.

— Готовы?

— Да вроде, — отозвался за всех Савельев.

— Готовы, — кивнула Лера, раскладывая приклад и накидывая ремень «Бизона» через голову.

— Тогда за мной, — скомандовала Милен, увлекая за собой группу по вьющейся вверх тропинке.

У входа в Хранилище уже действительно были люди. Спрятавшиеся на склоне Лера, Мигель, Олаф с Милен, повара и Савельев различили в свете многочисленных факелов, воткнутых на длинных палках перед входом в Семенной склад, Батона, Тараса, Турнотура, Линя и Якова. Рядом со старейшиной «Братства пара» возвышался еще один рослый мужчина в длинной шубе, в окружении небольшой свиты, — судя по всему, это и был тот самый Ульрих Семиброк, руководитель Торсхавна.

Но как они оказались здесь? При виде наставника сердце Леры забилось чаще: все было в порядке. Но почему не было радиосвязи, думала девушка, всматриваясь в незнакомые лица рядом со старым охотником. Батон и Тарас были явно ошеломлены неожиданным появлением «Грозного» и громко разговаривали с Линем и Яковом, явно требуя разъяснений.

Загадка, да и только. Лера хотела было выбраться из укрытия, чтобы подойти к ним, но ее вовремя остановила Милен.

— Ты чего, — схватила она ее за рукав. — Забыла о заговоре на лодке? Они же наверняка заложники.

— Только явно пока этого не знают, — пробормотал Савельев за левым плечом девушки.

— Смотрите, — указал в сторону берега Треска. По склону горы к Хранилищу уже поднимался высадившийся отряд с «Грозного». — Остальные пришкандыбали. И Ворошилыч с ними. Живой, значит.

Да, теперь действительно все были в сборе. К тому же прибывшая с субмариной группа во главе с Даном несла с собой несколько больших и явно тяжелых контейнеров непонятного назначения. Телохранитель облачился в экзоскелет Азата, помогавший ему нести самый большой ящик. Увидев вооруженных корейцев, охранники Ульриха напряглись.

— Господа, сложите ваше оружие, — требовательно поднял руку Линь. — Не надо ничего усложнять.

— Что все это означает? — раздраженно поинтересовался Ульрих, ловя вопросительные взгляды своей свиты.

– Теперь все находится под нашим контролем.

– С какой такой стати? Вы гости на этой земле. Я что, в заложниках? Я верховный правитель всех островов, вам это не сойдет с рук!

– Называйте это как хотите. Как и договаривались, мы открываем Хранилище, делаем то, что нам нужно, а остальное достанется вам. Просто не мешайте – и все останутся целы и невредимы. Все равно вам нечего противопоставить нашему вооружению, и любое восстание будет подавлено на корню, хоть нас и меньше. Тем более у вас нет никакой возможности связаться с вашими людьми на других островах. Кстати, подводная лодка также переходит под наше командование.

– По какому такому праву? – проскрежетал Тарас.

– По праву сильного.

– Ух и надоели мне фокусы твоей девчонки, – поставив у входа в Хранилище контейнер, прошипел Дан, нависая над Батоном и приставляя к его горлу лезвие своего меча.

Яков перевел.

– Странно, что ты вообще еще жив, – с издевкой ответил Батон зарычавшему в ответ корейцу. – А одежку-то чего без разрешения примерил? Жмет, поди.

– Лера, что ты делаешь? – испуганно зашипела Милен.

Встав на одно колено, Лера уперла приклад в плечо и приникла к коллиматорному прицелу, ища красной точкой голову Линя.

– Или вы отпускаете их, или я стреляю в Линя!

На пандусе перед входом в Хранилище Судного Дня возникло замешательство. Облизнув пересохшие губы, Яков перевел.

– Стреляй! Давай же, отважное дитя! Смелее! – громко крикнул Линь Им, на лице которого не дрогнул ни один мускул. – И чего ты этим добьешься? Куда они, по-твоему, пойдут? Погибну я, войдут остальные.

– Пусть рискнут! – над Лерой поднялась Милен, пружинисто натягивая тетиву лука. Следом за ней из-за края холма показались остальные члены команды, держа наготове оружие.

– О-о-о, да тут целое воинство, – с напускной уважительностью кивнул Линь. – Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не

сражаясь¹. Вы прекрасно видите ситуацию. Спускайтесь, или ваши друзья умрут.

Лера медлила, изо всех сил стараясь придумать какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Отчаянно пытаясь найти в себе силы стрелять, она по наивности думала, что если обезвредить главного, сдадутся все остальные. Но Линь Им оказался ей явно не по зубам. Как же ей не хватало опыта...

— Ну же! — поторопил кореец. — Или спускайтесь, или стреляйте! Я считаю. Раз...

И Лера, переглянувшись с колебавшейся Милен, подчинилась. С отравляющей сознание покорностью опустив оружие, она стала спускаться по склону холма, и за ней последовали остальные.

— Самая лучшая война — разбить замыслы противника, — с улыбкой сказал Лере Линь, пока она с презрением смотрела на Дана, перчаткой экзоскелета отобравшего у нее «Бизон». — На следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости², — вздохнул Линь Им и, сняв перчатку, постучал ей по бедру. — Так или иначе, сейчас все решится. Давайте вскрывать его.

Первые шлюзовые гермоворота, выходящие на плато, открывались легко, поскольку Хранилище уже было частично расконсервировано. За ними укрепленные стены главного тоннеля уводили глубоко под землю, во мрак.

— По легенде, каждой стране была отведена своя ячейка, — сказал Яков, сверяясь со своими записями, пока корейская группа вооружалась фонарями и снова отрывала принесенные с «Грозного» контейнеры от земли. — Нужно осмотреть их все.

— Сначала разберемся со своей, а потом займемся остальными, — ответил Линь. — Пошли, нас ожидают сокровища предков!

— Что в контейнерах? — поинтересовался Батон.

— Взрывчатка, — подмигнул кореец, указывая на самый большой, из которого его люди извлекали продолговатые серебристые цилиндры. — Это на случай, если наша пещера Али-Бабы захочет выкинуть пару нежданных сюрпризов.

¹ Сунь-Цзы. «Искусство войны».

² Там же.

– И не забудьте про нашу долю, – вслед удалявшемуся Линю не слишком уверенно выкрикнул Семиброк.

Старейшины и воссоединенный отряд «Грозного» остались под присмотром нескольких корейцев и Дана, который продолжал воинственно поигрывать мечом.

Не обращая на него внимания, Лера с замиранием сердца следила, как корейцы один за другим исчезают в тоннеле, превращаясь в мельтешащие пятнышки света от своих фонарей. Они продвигались вперед в абсолютной темноте, и через некоторое время фонари высветили по правую руку несколько вынырнувших из сумрака помещений.

– Пандус административного комплекса, – по бумагам определил Яков. – Дальше будет проход к трем главным хранилищам.

– Отлично, – оценил Линь. – Теперь нужно включить свет и активировать технику. Где располагаются энергоблоки?

Остававшиеся снаружи Лера, Батон и остальные видели, как изнутри главного коридора, тесня тьму и увеличиваясь с каждой секцией, приближаются освещаемые участки прохода. Спящее много лет Хранилище пробудилось, чтобы выполнить для человечества свою последнюю миссию.

– Система поддержания жизнеобеспечения продолжает работать, – сверившись с показаниями на нескольких идущих рябью мониторах, включившихся один за другим, ответил Яков. – Просто погружена в режим консервации.

– Так разбудите ее.

– Отец, да что же вы стоите? – вдруг в отчаянии выкрикнула Милен, как-то вдруг резко повзрослев. – Они же разворовывают вашу землю. Это *наше* Хранилище. Сделайте же что-нибудь.

– А что мы можем, дочка? – вздохнул Турнотур, переглядываясь с виновато отводящим глаза Семиброком. – Без их технологий мы бы все равно не заполучили остальных семян. А так хоть какой-то толк. Да и сопротивление... Ты же слышала, что он сказал.

– Да уж, наделали вы дел, ничего не скажешь, – сказал Ворошилов.

– Заткнись, – огрызнулась Лера.

– Еще слово, и я вырежу вам обоим языки, – по-корейски прорычал Дан, надвигаясь на Милен. – Заткнитесь!

– Только попробуй, – ничего не понимая, но прекрасно чувствуя интонацию и намерение телохранителя, Лера решитель-

но выступила вперед, прикрываясь выставленными кулаками побоищами.

Увидев эту троицу, Дан, нагруженный экзоскелетом, сначала недоуменно замер, а потом раскатисто захохотал, опустив руку с мечом.

— Лисица и двое бобрят, прямо как в басне, — веселился здоровяк. — Да я сдеру с тебя кожу голыми руками, глупый ты ребенок! Ты будешь сама умолять, чтобы я свернул тебе шею и прекратил мучения...

— У него только меч, — рявкнул Треска.

— Давайте! — неожиданно крикнул Паштет, и все трое, включая рванувшего Савельева, повалили экзоскелет с растерявшимся Даном, чей палец в толстой перчатке не пролез в кольцо с пусковым крючком «Бизона». — Дядя Миша, помогите!

Мгновенно среагировавший охотник ударил локтем ближайшего корейского автоматчика по лицу и, выбив у того из рук оружие, нацелил его на остальных охранников. Тарас справился со своим конвоиром и перекинул пистолет Турнотуру.

— Стоять! Лерка, ты как? Эй! Берегись!

Он вдруг увидел, как над головой Леры взметнулась рука в тяжелой перчатке, сжимающая сверкнувший в свете факелов меч. Вскинув автомат, Батон выстрелил короткой очередью, и Дан, заорав, выронил оружие из простреленной руки.

— Дядя Миша!

— Держись, дочка! — крикнул Батон.

— Сейчас мы его, — кряхтел Треска среди сцепившейся на пандусе кучи-мала, стараясь дотянуться до коробки энергоблока на спине брыкавшегося под натиском нападавших Дана. — Руки ему подержите, вот так. Сейчас, чувачок, заклиним тебя малеха! Паштет, за ногами следи...

— Лягается тварь, уф. Да уймись ты... Там на задней панели, чувак!

— Да помню я...

Много раз принимавшие участие в снаряжении Азата, а потом и некоторых других бойцов Убежища на вылазки Паштет и Треска досконально изучили устройство сложной боевой машины и теперь знали ее, как свои пять пальцев.

— Нашел! — пропыхтел Треска и, рванув из ножен на запястье ножик, ловко перерезал один из рифленых шлангов, брызнувший ему в лицо густой буроватой жижей. — Тыфу ты, мать твою за ногу...

Экзоскелет мгновенно перестал двигаться, и заключенный в него Дан оказался словно запертым в подогнанной по размерам клетке. Повара, девушка и Савельев с облегченными стенами сползли с могучего механизма на пандус.

– Да, Василий Иваныч, – перекатившись на спину, пробормотал Треска, размазывая по лицу вязкую массу натекшей жидкости, циркулирующей в гидравлической системе. – Зря ты Хоттабыча на хрен послал!

Проникшая между креплениями Чучундра забралась к грязно ругавшемуся по-корейски Дану на подбородок и, воинственно пискнув, укусила вскрикнувшего громилу в нос.

– Чего, – уселся в сторонке по-турецки Паштет, потирая голову под танковым шлемом. – Забодали?

– Ну что, а? Выкусил, вражина! – осклабился Треска и, спутнув Чучундру, сунул под нос поверженному Дану мясистую фигу. – А нна тебе, чувак! Нечего бычить на российский флот! Я тебя такими щами-лещами сейчас накормлю, родная мать не узнает! Ха!

– Да оставьте вы его, – прохрипел державшийся за грудь Савельев. – Лежит ведь уже.

– Лера, ты как? – подскочил к вставшей с четверенек девушке Мигель. Та зашлась удушливым кашлем. – Сильно ударились?

– Что... с остальными...

– Порядок.

– Почему вы не выходили на связь? – спросила Лера у Батона, когда карауливших их корейцев разоружили и поставили лицом к стенке.

– Хотели доложиться, как в Торсхавн приедем, – ответил Батон. – Но потом не заладилось чего-то. Поначалу думали, что радиус слишком большой, до вас не дотягивает, а потом выяснилось, что радиостанция сломана.

– Я не проверил ее перед отплытием, – сказал Турнотур, обнимая подбежавшую к нему Милен. – Но очень скоро выяснилось, что это было дело рук Линя. Он предложил всем прокатиться сюда и осмотреть Хранилище для составления плана операции, но выяснилось, что мы шли в ловушку.

– Ты лучше скажи, какого рожна тут делает «Грозный»? – вклинился в разговор Тарас. – И почему над нашим гюйсом – флаг «Дракона»?

— Когда вы уплыли, на лодке случился бунт, — стала рассказывать Лера. — Судя по всему, у Линя оказался свой собственный передатчик, с помощью которого он связался с лодкой и предупредил Дана с остальными. Всех оставшихся согнали на «Грозного», а я убежала и пыталась выйти с вами на связь, чтобы предупредить...

— Линь специально воспользовался вашей отлучкой в Торсхавн, чтобы взять командование над лодкой и перебросить ее сюда, — сказал Треска.

— Так что же он все-таки задумал? — спросил Савельев.

— Есть только один способ это выяснить, — ответил Батон, проверяя свое оружие и глядя на вход в Хранилище. — Идемте.

Оставив Милен, Олафа и Савельева караулить Дана и остальных корейцев, отряд направился внутрь Хранилища. Прямое расположение коридора, лишенного каких-либо ответвлений до самого пандуса с административным комплексом, делало возможность застать врага врасплох нереальной. Их заметили еще на подходе. Принесенные контейнеры были разложены на полу, и корейцы бережно складывали в них емкости и колбы с драгоценными семенами и растительными культурами, которые уже выносили из вскрытых отсеков Хранилища.

— Ни с места! — издали скомандовал Тарас. — Всем оставаться на своих местах!

— И что вы собираетесь делать? — поинтересовался вышедший из комплекса Линь. — Тут все заминировано, детонатор у меня. Выстрелите — и мы все останемся погребенными в этой горе. Поэтому не мешайте и дайте нам закончить.

Он указал на контейнер, стоявший чуть в стороне.

— Это ваша доля, Семиброк, как и договаривались.

Понимая, что ничего не может сделать, Батон опустил оружие и бессильно сжал хрустнувшие кулаки. Корейцы продолжали работать, деловито опустошая Хранилище. Пройдя вперед, Лера осторожно заглянула за шлюзовую камеру во внутренние помещения с длинными, пронумерованными крупными цифрами стеллажами. Контейнеры, колбы, банки всевозможных цветов и размеров, и на всех пояснительные таблички с приложенными номерами.

Лера сняла перчатку и украдкой благоговейно потрогала один, самый маленький, на котором была сделана надпись на неизвест-

ном ей языке. Вот оно. Наследие мира, который они разрушили. Послание самим себе в чудовищный хаос, которой им не было суждено увидеть. Последняя попытка помочь начать все заново. Интересно, а где здесь российский сектор? Но найти его она не успела. Работы были закончены, и Линь отдал команду сворачиваться. Когда все выбрались обратно на пандус, снова начался снег.

— И что теперь? — спросил Тарас, смотря на Дана, которому оставшиеся снаружи корейцы с грехом пополам помогли высвободиться из экзоскелета. Лера первая заметила, что рядом с Савельевым и Олафом нет Милен. На ее немой вопрос метеоролог ответил едва заметным мотком головы — мол, тихо.

— Теперь мы все погрузим на корабль и отправимся в дальнейший путь, — просто констатировал Линь, продолжая держать в руке детонатор.

— Я не отдам вам «Грозный», — твердо ответил Тарас.

— Тогда я взорву Хранилище, — Линь поднял руку с детонатором над головой, чтобы все видели.

В следующую секунду руку чуть ниже запястья почти навылет пронзила стрела с пестрым оперением. Вскрикнув от боли, Линь выронил детонатор и огляделся в поисках стрелка. Милен юркнула обратно за камень и принялась накладывать на тетиву лука новую стрелу.

Воспользовавшись моментом, Батон и остальные открыли по корейцам огонь. Завязалась перестрелка. Воздух наполнился криками и едким запахом пороха. Команда «Грозного» рассредоточилась за камнями, в то время как корейцы отступили за раскрытые двери Хранилища. Телохранители сгрудились вокруг Семиброка, заслоняя его. Взявшись за древко стрелы, Линь с криком переломил ее пополам и, вытащив из раны наконечник, отшвырнула кровавый обломок в сторону.

В общей неразберихе Лера упала на четвереньки за экзоскелетом и попыталась добраться до лежавшего в снегу детонатора, как вдруг кто-то дернул ее за капюшон и поставил на ноги. Хватка была такой сильной, что даже под курткой на шее девушки, сдавливая горло, натужно затрещал материнский платок.

— Лера! — испуганно ахнул борющийся с по-бабы махавшим кулаками Яковом Мигель.

Ее развернули, и девушка увидела перекошенное лицо Дана, сунувшего ей под ребра свой меч, пропоровший куртку Тахомы.

— Сейчас я разберусь с тобой, рыжая тварь... — приблизившись почти вплотную, так что в матовом покрытии гогглов Лера увидела свое сдвоенное испуганное лицо, прошипел Дан и дернулся, когда из его кадыка, забрызгав девушку кровью, с противным хрустом высунулось остро заточенное древко стрелы. Он запрокинул голову, и изо рта с бульканьем вытолкнуло черную, растекавшуюся по татуированным щекам кровь. Кореец мешком осел на землю, грузно заваливаясь на бок, и в этот момент пандус содрогнулся от мощного взрыва, раздавшегося глубоко в недрах горы. Все, кто находился на площадке, не удержавшись, повалились на землю. В мятущихся клубах дыма и пепла, рвущегося из шлюзовых дверей, Линь торжественно держал в простреленной руке подобранный детонатор. Его взгляд был горделиво-безумен.

— Остановитесь! Все! Все кончено!

— Вот именно! — перекрывая его крик, громогласно воскликнул Семиброк и стукнул своим посохом по пандусу. Его телохранители, в дыму навалившиеся на Линя, скрутили корейцу руки, больно врезав под дых. — Сложить оружие! Довольно! Вы пришли с кровью на руках и разорили нашу землю! Тебя будут судить как преступника по законам «Братства пара»! Свяжите его. Остальные, назад!

Видя, что ситуация кардинально изменилась и перевес больше не на их стороне, корейские диверсанты замерли, опустив оружие, не зная, что предпринять дальше. Гидре отрубили голову.

— Что же вы наделали, — простонала выбравшаяся из своего укрытия Милен, по щекам которой побежали слезы. — Вы же... вы же все уничтожили, все сожгли... Там же еще оставалось больше половины! А ДНК людей, животных?!

— ДНК? — вскинулся как громом пораженный Батон.

— Что мы наделали? — пытаясь вырваться, обвиняющее указал на нее скрюченным пальцем Линь. — Нет, это что вы наделали! Давным-давно Корея стала всего лишь разменной монетой в споре держав. Император, будучи совсем ребенком, был разлучен со своей семьей. Его родители остались в Северной Корее. На воспитание будущего императора взяли родственники. Но остальному миру было на это плевать.

Все, затаив дыхание, слушали неожиданный монолог Линя, казалось, не замечавшего боли в простреленной руке. Оставшийся, как и все, под прицелом Яков переводил.

Лера не верила своим ушам. Обман! Чудовищный по своей кошмарности и расчетливости, все это время – один сплошной обман. Их попросту использовали, чтобы добраться сюда!

Линь тем временем продолжал. Никому не было дела до трагедии корейского народа, который искусственно был разделен на два враждующих лагеря. Это все были происки США, России, европейцев. А когда забрезжила надежда на воссоединение корейского народа – случилась Последняя Война, которая похоронила все мечты корейцев по обе стороны границы. Император полагал, что многие просто не хотели объединения Кореи. Он хотел восстановить единый и неделимый корейский народ...

– Все использовали Корею, все относились к нам в лучшем случае снисходительно! Все зло в мире от белых людей! – все больше расходился Линь. Его глаза сверкали, а лицо исказила гримаса ненависти и гнева, к которым мешалось презрение. – Вы – белые люди, вымрете! Вы уже вымираете! Вы бессистемны и хаотичны, и поэтому вы – зло! С каждым годом вас все меньше и меньше. Мы знаем это, так как успели побывать во многих местах. Тогда как мы, сплотившись вокруг Императора, повышаем нашу численность. А ваша лодка – это истинное чудо! Зачем мы взорвали Хранилище? Нас интересовали не семена, а образцы генофонда – здоровых белых людей практически не осталось, все в той или иной степени уже пострадали от радиации. Вы не сможете восстановиться без этого запаса. К тому же у вас для этого не существует спецтехники и средств. Мы же растим и физически, и нравственно здоровых детей. Благо всего человечества!

– Но какое же это благо! Это же геноцид, – скжав кулаки, сквозь зубы проревел едва сдерживающий себя Тарас. – Истребление! Ты сумасшедший!

– Пусть будет так, – согласился Линь и, брыкнувшись в хватке дюжих ребят Семиброка, поморщившись, вытащил из ладони остатки деревянной стрелы, выпущенной Милен. – Но не в ваших силах что-либо изменить. Ни словами, ни оружием. Смерть моего телохранителя на вашей совести, но он справился со своей задачей.

Я все равно добился своего. Видите, опять пролилась кровь с обеих сторон, и снова по вашей, а не нашей вине! Хранилище уничтожено. Мы знаем, что есть и другие, и рано или поздно, со мной или без меня, мои братья найдут их, чтобы так же стереть с лица земли!

— Для чего же тогда дальше сражаться, — крикнула Лера, пытаясь ветошью утереть с белого как снег лица алую кровь Дана, — если мы сами продолжаем снова и снова все разрушать? А как же слова Императора о воссоединении уцелевших людей?

— Воссоединение — да, для создания новой, единой могущественной расы, — перевел Яков, на которого речь корейца произвела сильное впечатление. Многое из сказанного он тоже, вероятно, слышал впервые. — Отец слишком идеалистичен и стар. Он — пережиток ушедшего прошлого. В нынешние времена любые благие намерения нужно подкреплять решительностью и силой, иначе они будут обречены. Уверен, он бы понял меня.

— Ты пошел против воли Ким Им Су, — покачав головой, сказал Яков. — Такие проступки по кодексу караются смертью.

— Оглядись, мы же теперь в плену. Рано или поздно я все равно бы занял его место, — запальчиво заявил Линь. — Уничтожение Хранилища не идет вразрез с нашей миссией, ибо все, что нужно было нам, мы из него извлекли. Отец бы понял меня.

— Теперь ваши жизни во власти старейшин «Братства», — заключил Семиброк, когда Линя и Якова связали. — Вас и ваших людей будут судить за диверсию по законам Фарер.

— Плевать, — сплюнул в снег разъяренный кореец. — Тогда я встречу свою судьбу.

— Но вы же сами говорили, что это — шанс все вернуть для человечества, — не сдавалась Лера.

— Да. Шанс для нас, но не для вас, — со сталью в голосе отрезал Линь. — Это естественный отбор. Мы все равно сильнее...

В этот момент воздух огласился низким трубным звуком, гулким эхом прокатившимся по заснеженным шапкам гор. Все обернулись на его источник.

К Фарерскому архипелагу подходил «Черный дракон».

ЭПИЛОГ

Что бы я рассказала человеку, жившему в прошлом, которого никогда не видела?

О моей собственной жизни.

В мире, которого больше нет...

Надежда сейчас – единственное, что делает нас людьми.

Иначе для чего тогда жить...

Ведь правда?

Надежда. Казалось бы, всего одно слово, а сколько в нем таилось радости, трепета и в то же время – горя и разочарования. Одно маленькое слово, способное воскрешать или заставлять сердце обливаться кровью.

Надежды больше не было.

Светало. «Черный дракон», развернувшись, плавно причаливал к «Грозному», закрывая его своей исполинской тенью. На берегу у лодок суетились люди. Несколько человек несли положенное в парусину бездыханное тело Дана; его выпростанная из носилок рука безвольно волочилась по снегу, оставляя за собой кровавую полосу.

Но Лера, ни на кого не обращая внимания, сскутившись, сидела на камне, зажав между ног «Бизон» и прижавшись лбом к холодному прикладу. Мыши притихла во внутреннем кармане куртки.

Пытавшегося поддержать Мигеля она попросила уйти. О Батоне, о чем-то толковавшем в стороне с Тарасом и Савельевым, даже не думала. На пандусе у входа в схрон в окружении телохранителей Семиброка стоял связанный Линь. Корейская команда под присмотром вооруженных Паштета и Трески сутилась над телами убитых и раненых.

Ни с кем не хотелось разговаривать. Ничего не хотелось. Голова пылала так, словно в нее насыпали раскаленного угля. Все снова оказалось напрасно. Предательство, ложь, неожиданная диверсия.

Напрасно.

Сверху медленно падали кружащиеся снежные хлопья, перемешанные с комками серого, как небо, пепла, продолжавшего вылетать из истерзанного взрывом Хранилища Судного Дня.

Наверное, так и умирают надежды. В холода и абсолютной, равнодушной ко всему тишине.

— Как ты? — спросила подошедшая Милен, державшая в руке лук.
— Не знаю, — покачала головой Лера и, оторвавшись от созерцания своих испачканных грязью ботинок, подняла голову, посмотрев на девушку. — Ничего не знаю.

Она помолчала.

— Ты спасла мне жизнь.
— Я впервые убила человека, — голос Милен дрогнул.
— Я тебя понимаю, поверь, — Лера с сочувствием посмотрела на подругу. — Тоже через это прошла. Со временем отпустит. Хотя по-настоящему кровь не уйдет никогда.

— Что теперь будет?
— Всего лишь затишье, — ответила Лера, чувствуя, как на нее, сковывая сердце, наваливается чудовищная усталость. Сколько еще ей предстоит бороться. Ради чего. — Будет буря.

— Нам придется расстаться?
— Да. Твое место здесь. А мне надо плыть дальше.
— С ними? — Милен указала перчаткой на громадину танкера, драконью морду которого лизали первые лучи тусклого солнца, восходящего над горизонтом.

— С ними или без них. Может, получится обменять Линя на лодку. Но нам нужно добраться в Пионерск. К родным. Это был наш последний поход. Погоня за надеждой.

– Но все уничтожили. Разграбили наш дом, – Милен снова чуть не плакала, ее била мелкая дрожь.

– Не все, – Лера сунула руку в карман куртки и осторожно вытащила из нее небольшой контейнер, который украдкой подобрала в Хранилище Судного Дня. – К тому же с вами поделились, как-никак.

– Что это? – с любопытством спросила Милен, присаживаясь рядом.

– Чем бы оно ни было, – это осколок того мира, который мы утратили навсегда, – вертя на ладони контейнер, ответила Лера. – А значит – чудо. И однажды оно обязательно произойдет.

– Ты в это веришь? – Милен посмотрела на подругу.

– Да, – твердо ответила девушка. – Я верю.

Отвернувшись от пылающего Хранилища Судного Дня, Лера приложила ладонь козырьком к глазам и, щурясь, посмотрела на бескрайнее далекое море. Ее по-прежнему упрямо манила за горизонт извилистая, полная опасностей и лишений дорога.

Дорога домой.

Санкт-Петербург, 2014

Думаю, представляться уже не имеет смысла, поэтому сразу к делу.

Я всегда с большой опаской отношусь к продолжениям. Или, как больше люблю говорить, на языке кино – сиквелам. «Двойки» и «тройки» в названиях привычных и полюбившихся вещей очень часто смущают, а не радуют, и очень редко у кинокартины или литературного произведения может появиться достойное развитие истории. Хороших примеров и там и там по пальцам пересчитать. Как любит говаривать один мой знакомый продюсер: «Важно из сиквела не сделать каквел».

Другое дело – когда замысел изначально имеет структуру, которую можно безболезненно «длить». В случае с «Ледяным пленом» так и вышло. Уже будучи на середине, я стал обдумывать возможные «пути отступления» для своих героев, размышлять, какие еще могли с ними случиться приключения, куда бы они могли попасть.

Я перебрал почти 16(!) вариантов финала, а когда все дописал и показал редактору, наш бессменный флагман Вячеслав Бакулин

сказал: «Неее, друже, а плыви-ка ты обратно, только другим путем». В версии, которую предлагал я, все погибали, но главный и, пожалуй, самый важный элемент проекта – это надежда. Герои должны пытаться спасти мир, должны стремиться вернуться домой. Конечно, атомная подлодка в мире «Метро» – это крутое ноу-хау. Столько открывается возможностей.

Когда «Плен» подписали в печать, я на эмоциях набросал первые две главы «Последнего похода», и тут пролетавшая мимо фея слазила все к чертям – книга стала по-настоящему заколдованной. Ибо, сколько бы я ни начинал снова ее писать, обязательно что-нибудь случалось или отвлекало меня. Проект встал на три года, превратившись в, как я его шутливо окрестил, «плавучий долгострой».

Не пошло. Скорее всего, мне нужно было просто взять тайм-аут, отдохнуть от героев.

И я решил отложить до поры. За этот период у меня вышло несколько рассказов, семь романов, шесть из которых – в фантастическом цикле «Хронос», написанном в соавторстве с Никитой Авериным. А где-то с год назад я сдул пыль с синопсиса «Похода» и понял – вот сейчас я хочу писать дальше. Вот теперь мне снова интересно.

Несмотря на то, что это – прямое продолжение приключений Леры и ее друзей, получилась другая книга. Она более взрослая, более психологическая, иногда жестокая. В ней много экшена, постыльдерных легенд и даже чуть-чуть... стимпанка. Появилась непростая и для меня как автора, и для героини любовная линия. Это история о жертвенности, о том, как девушки становятся женщиной, наступая на горло собственному страху и боли. История о дружбе и о людях, снова и снова бросающих вызов молоху ядерной войны.

И вот мой почти юбилейный девятый роман, наконец, закончен, и каким он получился, судить уже читателям. Мне же в свою очередь после некоторого тайм-аута предстоит взяться за окончание истории и постараться-таки вернуть Леру и ее друзей в родной Пионерск.

Какой будет третья книга, я пока не знаю. Я всегда стараюсь, чтобы истории, которые я рассказываю, были разными, даже если они пишутся в одном жанре и в рамках одного мира-сэттинга, такого, как «Вселенная Метро 2033». Знаю, что будет интересно, что будет

еще больше приключений и новых неизведанных локаций. Карту мира 2033-го года продолжу расширять.

Также я хочу поблагодарить всех тех людей, благодаря которым это приключение состоялось. Никиту Аверина, Ольгу Швецову и Андрея Гребенщикова – за бета-ридинг, советы и внимательность, Руслана Мельникова – за содействие, Илью Яцкевича, а также команду картографов – за великолепное оформление, Вячеслава Бакулина – за руководство, и еще многих-многих других, принимавших участие в работе над книгой. Всех, кто помогал мне, консультировал в России и за границей, да и просто был рядом и поддерживал добрым словом. Спасибо вам всем!

Читайте книги и до встречи в новых мирах!

Игорь Вардунас

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	11
--------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЗМОЛВНАЯ ЗАПАДНЯ

Глава 1. ПЕПЕЛ	15
Глава 2. ПИСЬМА С НЕБА	42
Глава 3. 2013	62
Глава 4. ЗОВ КРОВИ	95
Глава 5. ЧЕРНЫЙ ДРАКОН	127
Глава 6. НОВАЯ УГРОЗА	154
Глава 7. СНОВА В ПУТЬ	169
Глава 8. «ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР»	189
Глава 9. СОКРОВИЩА ПРЕДКОВ	210

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯЩИК ПАНДОРЫ

Глава 1. ОХОТА НА ГРИНД	237
Глава 2. БРАТСТВО ПАРА	254
Глава 3. ЗАГОВОР	277
Глава 4. ОХОТА НА ЛИСИЦУ	308
Глава 5. ДИВЕРСИЯ	326
Эпилог	343
<i>От автора .....</i>	346

Литературно-художественное издание

Игорь Владимирович Вардунас
МЕТРО 2033: ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД
Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель проекта *В. Бакулин*
Технический редактор *Г. Этманова*
Компьютерная верстка *Е. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талараптарды қабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz
Өнімнің жаралық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

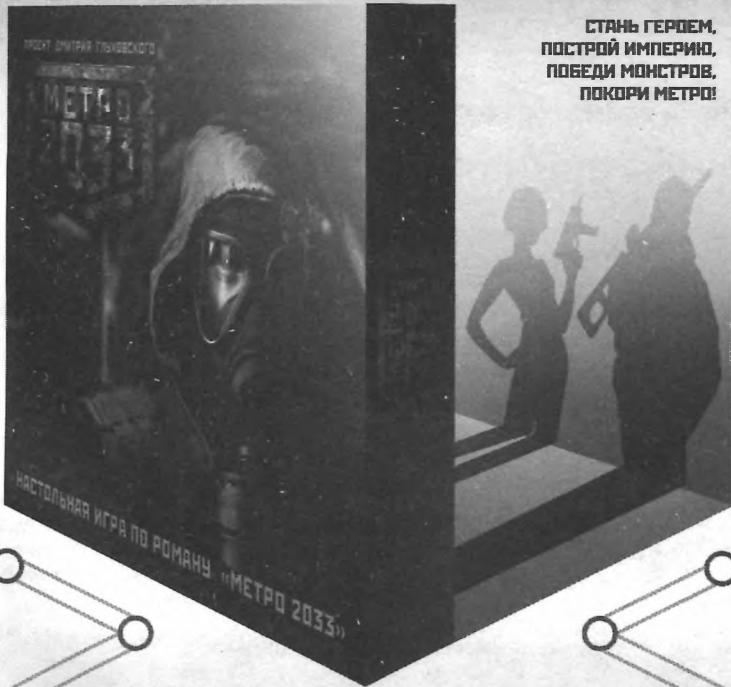
Подписано в печать 20.01.2015. Формат 70x90/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,67.
Тираж 70 000 экз. (1-й завод 1-8000 экз.). Заказ № 413

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-088818-4

9 785170 888184

НАСТОЛЬНАЯ ИГРА ПО РОМАНУ "МЕТРО 2033"!

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

СТРАТЕГИЯ И RPG ОДНОВРЕМЕННО

АРТЕМ, ХАНТЕР, САША И ЕЩЕ ТРОЕ УНИКАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ

MUST-HAVE ДЛЯ ВСЕХ ФАНАТОВ КНИГИ!

ПРЕДЗАКАЗ ИГРЫ НА САЙТЕ: WWW.METRO2033.RU

**ИССЛЕДУЙ ВСЕЛЕННУЮ
В СОЦИАЛЬНОЙ ИГРЕ
ВКонтакте!**

**Более 4-х миллионов игроков!
www.vk.com/metro2033**

Майские победители
еженедельного
конкурса Вконтакте:

**Владимир Lv
Дмитрий Баринов
Станислав Шахин
Алексей Фирсов**

Поздравляем!

**Играй также в других соцсетях:
www.odnoklassniki.ru/game/metro2033
www.my.mail.ru/apps/689836**

**KRAM
BAM
BOO!**

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая громкая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Этот роман вдохновил целую плеяду новых писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, выходят за пределы Московского метро. Теперь сражения за будущее человечества будут вестись повсюду!

««Ледяной плен» — роман, который хотел написать я сам. Игорь Вардунас, конечно, сделал все совершенно по-своему, но я не жалею: книга удалась на славу, а в Лерку Степанову вполне можно влюбиться. Не говоря уж про мышь! И вот, через три с лишним года, «Иван Грозный» отправляется в свой последний поход. Мне уже интересно. А вам? »»

Дмитрий Глуховский

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА МКАДОМ?..

- ОБЪЕДИНЕННАЯ АНТАРКТИЧЕСКАЯ КОЛЛАКЦИЯ («О.А.К.») ПИРАТЫ
- ФАШИСТЫ • БАЗА «211»
- ГАЙКИ
- «БРАТСТВО ПАРА»
- ЗАБРОШЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
- БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА
- МЕНТАЛЬНАЯ УГРОЗА
- АТОМОХОД «ИВАН ГРОЗНЫЙ»
- ТАНКЕР-КРЕПОСТЬ «ЧЕРНЫЙ ДРАКОН»
- МЕСТО КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ «ЛЬВА ПОЛИКАРПОВА»

